
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**LINGUISTICS & POLYGLOT
STUDIES**
VOLUME 11, No.4 (2025)

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО**
ТОМ 11, №4 (2025)

Издательство
«МГИМО-Университет»
2025

LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES / ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

The journal *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* is an international peer-reviewed journal publishing research in linguistics, polyglottery and related fields.

The aims of the journal are:

- promoting international scholarly communication and discussion of ideas and findings in the field of linguistics, cross-cultural communication, translation studies, literature studies, methodology of foreign language teaching and related disciplines;
- developing an international platform for publication of research papers and conference proceedings in the field of polyglottery;
- publishing results of original interdisciplinary research.

The *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* focuses primarily on the following themes: linguistics, cross-cultural communication, sociolinguistics, cognitive linguistics, translation studies, pragmatics, discourse analysis, literature and culture studies, polyglottery and innovative methods of foreign language learning/teaching. It also publishes book and thesis reviews, literature overviews and conference reports.

Indexed / abstracted in RSCI, RSL, CROssRef, EBSCO Academic Research, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Library of Congress, WorldCat, Lens.org., Mendeley.

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Japanese, Arabic and Hindi.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Address: 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

MGIMO University

Tel.: +7 495 225-3857

Email: philnauki@inno.mgimo.ru

Web site: philnauki.mgimo.ru

Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО, Volume 11, No.4. (Editor-in-chief V. Iovenko). – Moscow: MGIMO-University, 2025. – 180 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО / LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

Журнал *Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies* является международным журналом с двойным слепым рецензированием, публикующим научные статьи в области лингвистики, полиглотики и связанных с ними дисциплин.

Основные цели журнала:

- освещение результатов исследований и обмен опытом, идеями и научными открытиями в области лингвистики, литературоведения и межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, методики обучения иностранным языкам и смежных с ними дисциплин;
- создание международной платформы для публикации научных исследований и материалов конференций в области изучения теории полиглотики и практики ее применения;
- публикация результатов оригинальных исследований междисциплинарного характера.

Основные рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация, социолингвистика и когнитивная лингвистика, переводоведение, прагматика и дискурсивный анализ, литературоведение и лингвокультурология, полиглотия, инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков, рецензии и научные обзоры.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ:

группы специальностей:

- 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология;
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования;
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования;
- 5.9.2. Литературы народов мира;
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), elibrary, РГБ, CrossRef, EBSCO Academic Search, Ulrich's Periodicals Directory (Cambridge Information Group); Google Scholar, Library of Congress, World Cat, Lens.org, Соционет, Mendeley.

Периодичность: четыре номера в год.

Языки: русский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, китайский, японский, арабский и хинди.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

Публикация статей в журнале осуществляется бесплатно.

Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, МГИМО МИД России

Тел.: +7 (495) 225-38-57

E-mail: philnauki@inno.mgimo.ru

Интернет-сайт: philnauki.mgimo.ru

Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies: Журнал. Том 11. №4. / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2025. – 180 с.

Научное издание

Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies. Том 11. №4.

Выпускающий редактор: Е.А. Крашенинникова

Корректурa: Т.А. Ивушкина, Г.А. Казаков

Компьютерная верстка и дизайн: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 23.12.2025 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 22,5. Тираж 500 экз. 1-й завод 40 экз. Заказ № 2809.

Отпечатано в производственном отделе Издательского дома МГИМО.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

mgimo.ru/id; id@inno.mgimo.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Valery A. Iovenko, Doctor of Philology, Professor, Professor at the Spanish Language Department, MGIMO University, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergei V. Evteev, Candidate of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO-University, Russia

ACADEMIC EDITOR

Tatiana A. Ivushkina, Doctor of Philology, Professor, Chair of English Department №3, MGIMO University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Grigory A. Kazakov, Candidate of Philology, PhD, Associate Professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

ISSUING EDITOR

Elena A. Krashenninnikova, Expert of the Directorate of Language Training, MGIMO University, Russia

Alexey N. Aleksakhin, Doctor of Philology, Professor at Department of Chinese, Vietnamese, Lao and Thai, MGIMO University, Russia

Pavel V. Balditsin, Doctor of Philology, Head of the Department of Medialinguistics, Moscow State University, Russia

Olga S. Chesnokova, Doctor of Philology, professor at Foreign Languages Department, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia, Russia

Elena L. Gladkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Indo-Iranian and African languages, MGIMO University, Russia

Ekaterina E. Golubkova, Doctor of Philology, Professor at the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University, Russia

Tatiana M. Gurevich, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Philology, Professor at the Department of Japanese, Korean and Indonesian Languages, MGIMO University, Russia

Nikolai V. Ivanov, Doctor of Philology, Professor, Head of Romance Languages, MGIMO University, Russia

Kitabayashi Hikaru, PhD, Professor Emeritus of Daito Bunka University, Japan

Marina P. Kizima, Doctor of Philology, Professor at Department of World Literature and Culture, MGIMO University, Russia

Lidiya P. Kostikova, Doctor of Pedagogy, Ryazan State University, Russia

Natalia V. Loseva, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor at Department of French, MGIMO University, Russia

Natalia N. Nizhneva, Doctor of Pedagogy, Belarusian State University, Belarus

Evgenia V. Ponomarenko, Doctor of Philology, Professor, Professor at English Department №5, MGIMO University, Russia

Elena M. Pozdniakova, Doctor of Philology, Professor, Professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

Maria M. Repenkova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of Asia and Africa, Moscow State University, Russia

Nabati Shahram, Doctor of Philology, Head of the Russian Language Department at Gilan University, Islamic Republic of Iran

Andrei V. Shtanov, Candidate of Philology, Head of Near and Middle East Languages Department, MGIMO University, Russia

Elvira L. Shubina, Doctor of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO University, Russia

Lyudmila Smirnova, PhD, Professor of Education, Mount Saint Mary College in Newburgh, USA

Svetlana G. Ter-Minasova, Doctor of Philology, President of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University, Russia

Elena Y. Varlamova, Doctor of Pedagogy, Moscow Aviation Institute, Russia

Elena V. Voevoda, Doctor of Pedagogy, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Elena B. Yastrebova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, professor at English Department №1, MGIMO University, Russia

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Иовенко Валерий Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Евтеев Сергей Валентинович – к.филол. н., доцент, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ивушкина Татьяна Александровна – д.филол. н., проф., заведующий кафедрой английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Казаков Григорий Александрович – к.филол.н., PhD, доцент кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Крашенинникова Елена Андреевна – эксперт Управления языковой подготовки МГИМО МИД России

Алексахин Алексей Николаевич – д.филол.н., профессор, проф. кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Балдицын Павел Вячеславович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Варламова Елена Юрьевна – д.пед.н., доцент, проф. кафедры И-12 «Лингвистика и переводоведение» МАИ, (Россия, Москва)

Воевода Елена Владимировна – д.пед. н., профессор, профессор кафедры педагогической культуры и управления в образовании, профессор кафедры английского языка №2 МГИМО МИД России, (Россия, Москва)

Гладкова Елена Львовна – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Гуревич Татьяна Михайловна – д.культурологии, к.филол.н., доцент, проф. кафедры японского, корейского и индонезийского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Иванов Николай Викторович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Кизима Марина Прокофьевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Китабаяси Хикару – PhD, заслуженный профессор Университета Дайто-Бунка, (Япония, Токио)

Костикова Лидия Петровна – д.пед.н., профессор кафедры иностранных языков института истории, философии и политических наук РГУ им. С.А. Есенина, (Россия, Рязань)

Лосева Наталья Владимировна – к.филол.наук, доцент, проф. кафедры французского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Набати Шахрам – д.филол.н., заведующий кафедрой русского языка Гилянского университета (ИРИ, Решт)

Нишнева Наталья Николаевна – академик Международной академии наук педагогического образования, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, д.пед.н., профессор кафедры английского языкознания БГУ (Белоруссия, Минск)

Позднякова Елена Михайловна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Пономаренко Евгения Витальевна – д. филол. н., профессор, профессор кафедры английского языка №5 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Репенкова Мария Михайловна – д.филол.н., доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Смирнова Людмила – PhD, профессор педагогики, колледж Маунт-Сент-Мэри (США, Нью-Йорк)

Тер-Минасова Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова

Чеснокова Ольга Станиславовна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, Москва)

Штанов Андрей Владимирович – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Шубина Эльвира Леонидовна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Ястребова Елена Борисовна – к.пед.н., доцент, проф. кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Linguistic Means of Expressing Stereotypes About France and the French (Based on Pierre Daninos' Collection "Le Jacassin")	8
<i>Kseniia A. Dikareva</i>	
The Conflictogenicity Index of Media Discourse in the Context of the National Communicative Style: Evidence from Mexican and American Mass Media	22
<i>Natalia V. Karpovskaya, Irina Ig. Davtians</i>	
Features of CSR Discourse: a Linguistic Analysis of English-Language Textual Data	38
<i>Elena V. Komarova</i>	
The Spanish Folk Tradition as a Reflection of National Multicultural Identity	51
<i>Iuliia L. Obolenskaia, Anna V. Bakanova</i>	
Discursive Portrait of the President of Argentina Javier Milei	65
<i>Andrei A. Tereshchuk</i>	
Some Fluctuations of the Linguistic Norm in Modern Italian	78
<i>Tatiana R. Titova</i>	
Image of a Cog: Preliminary Analysis of the Mechanism Metaphor Through the Conceptual Integration Theory	94
<i>Marat D. Urazaev</i>	

TRANSLATION STUDIES

Strategies for Teaching Video Game Localization in Translator Training	107
<i>Anastasiia A. Korchuganova, Irina B. Koteniatkina</i>	
Simultaneous Interpretation of Lexical Expressive Means in Modern Social and Political Discourse	126
<i>Kristina V. Rakova</i>	

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENCE APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Studying Russian as a Foreign Language with the Help of the Linguistic Corpus of Russian Folk Songs	141
<i>Khalida N. Galimova, Mariia B. Kazachkova</i>	
National Methodological Schools of Foreign Language Instruction: The Case of Teaching Japanese as a Foreign Language	161
<i>Irina A. Mazaieva, Quoc Duy Linh Vu</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Языковые средства выражения автостереотипов о Франции и французах (на материале сборника Пьера Даниноса «Le Jacassin»)	8
<i>Дикарева К.А.</i>	
Индекс конфликтности медиадискурса в контексте национального коммуникативного стиля (на материале мексиканских и американских СМИ)	22
<i>Карповская Н.В., Давтянц И.И.</i>	
Особенности дискурса корпоративной социальной ответственности: лингвистический анализ англоязычных текстовых данных	38
<i>Комарова Е.В.</i>	
Испанская фольклорная традиция как отражение национальной поликультурной идентичности	51
<i>Оболенская Ю.Л., А.В. Баканова А.В.</i>	
Дискурсивный портрет президента Аргентины Хавьера Милея	65
<i>Терещук А.А.</i>	
Некоторые колебания языковой нормы в современном итальянском языке	78
<i>Титова Т.Р.</i>	
Образ винтика: предварительный анализ метафоры механизма через призму теории концептуальной интеграции	94
<i>Уразаев М.Д.</i>	

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Стратегии обучения локализации видеоигр при подготовке переводчиков	107
<i>Корчуганова А.А., Котеняткина И.Б.</i>	
Синхронный перевод лексических средств выразительности в современном общественно-политическом дискурсе	126
<i>Ракова К.В.</i>	

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Изучение русского языка как иностранного с помощью лингвистического корпуса русских народных песен	141
<i>Казачкова М.Б., Галимова Х.Н.</i>	
Национальные методические школы обучения иностранным языкам (на примере обучения японскому языку как иностранному)	161
<i>Мазаева И.А., Ву Куок Зуи Линь</i>	

Linguistic Means of Expressing Stereotypes About France and the French (Based on Pierre Daninos' Collection "Le Jacassin")

Kseniia A. Dikareva

Lomonosov Moscow State University,
GSP-1, Leninskie Gory, build 1-51, Moscow 119991, Russia

Abstract. This article focuses on autostereotypes about France and the French, as well as their linguistic expression in French. Autostereotypes are presented as a type of mental stereotype and understood as representations of France and the French that are widespread within the linguistic community. The concept of stereotype in modern linguistics has many interpretations. The article offers an overview of different approaches to the investigation of stereotypes in sections of linguistics such as semantics, ethnolinguistics, sociolinguistics, culture studies, and psycholinguistics, and clarifies the distinction between language and mental stereotyping. While the former is understood as a linguistic unit that is stable and idiomatic, the latter is a set of associations that are consistently attributed to lexical units. The collection *Le Jacassin*, a humorous work by a writer and journalist Pierre Daninos, was chosen as the material, as it reflects the main prejudices and clichés prevalent in France in the 1950s and early 1960s. The sections of the collection are diverse in form: fictitious dialogue, maximally saturated with stereotypes; dictionaries of general and political vocabulary; practical advice to the reader, presented in the form of detailed lists. In the proposed material, 45 passages containing elements of autostereotype were selected, on the basis of which three substantive sides are highlighted: self-portrait of the country and its inhabitants, «we–they» opposition, as well as domestic elements and lifestyle. All these elements are united by the motive of comparing the past and the present, as a rule not in favor of the latter. The article provides a detailed analysis of linguistic means at various linguistic levels (morphological, lexical, syntactic, pragmatic). These tools include the author's active use of attributional constructs, including adjective definitions, metaphors, precedent names and quotations, as well as antonyms, synonyms and logical connectors. An important feature of stereotypical statements turned out to be extreme hyperbolization and generalization, achieved through the use of indefinite pronouns, adverbs, negative constructs and restrictive phrases.

Keywords: French, mental stereotypes, linguistic stereotypes, autostereotype, linguistic expression of a stereotype, stereotypization, Pierre Daninos, semantics, sociolinguistics, ethnolinguistics, linguoculturology

For citation: Dikareva K.A. (2025). Linguistic Means of Expressing Stereotypes About France and the French (Based on Pierre Daninos' Collection "Le Jacassin"), *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(4), pp. 8–21. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-8-21>

Языковые средства выражения автостереотипов о Франции и французах (на материале сборника Пьера Даниноса «Le Jacassin»)

К.А. Дикарева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, стр. 51,
1-й учебный корпус гуманитарных факультетов

Аннотация. Настоящая статья посвящена автостереотипам о Франции и французах, а также способам их языкового выражения во французском языке. Автостереотип представлен как один из видов ментальных стереотипов и понимается как представления о Франции и французах, распространённые внутри языкового коллектива носителей языка. Понятие стереотипа в современном языкознании имеет множество трактовок. В статье предлагается обзор различных подходов к исследованию стереотипов в таких разделах лингвистики, как семантика, этнолингвистика, социоллингвистика, лингвокультурология, психоллингвистика, а также уточняется различие между языковым и ментальным стереотипом. Если под первым понимается языковая единица, обладающая устойчивостью и идиоматичностью, то под вторым – совокупность ассоциаций, устойчиво приписываемая лексическим единицам. В качестве материала исследования нами был выбран сборник «Le Jacassin» – юмористическое произведение писателя и журналиста Пьера Даниноса, в котором отражены основные предубеждения и клише, распространённые во Франции в 1950-х – начале 1960-х гг. Разделы сборника разнообразны по форме: вымышленный диалог, максимально насыщенный стереотипами; словари общей и политической лексики; практические советы читателю, представленные в виде подробных списков. В предложенном материале были отобраны 45 отрывков, содержащих элементы автостереотипа, на основе чего выделены три его содержательные стороны: автопортрет страны и её жителей, оппозиция «мы – они», а также бытовые элементы и образ жизни. Все эти элементы объединены мотивом сравнения прошлого и современности, как правило, не в пользу последней. В статье приводится подробный анализ языковых средств различных языковых уровней (морфологический, лексический, синтаксический, прагматический). В числе этих средств можно назвать активно используемые автором атрибутивные конструкции, в том числе адъективные определения, метафоры, прецедентные имена и цитаты, а также антонимы, синонимы и логические коннекторы. Важной особенностью стереотипных высказываний оказалась предельная гиперболизация и генерализация, достигаемая за счёт употребления неопределённых местоимений, наречий, отрицательных конструкций и ограничительных оборотов.

Ключевые слова: французский язык, ментальные стереотипы, языковые стереотипы, автостереотип, языковое выражение стереотипа, стереотипизация, Пьер Данинос, семантика, социоллингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология

Для цитирования: Дикарева К.А. (2025). Языковые средства выражения автостереотипов о Франции и французах (на материале сборника Пьера Даниноса «Le Jacassin»). *Филологические науки в МГИМО*. 11(4), С. 8–21. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-8-21>

1. Введение

В современной лингвистике понятие «стереотип» амбивалентно. С одной стороны, говорят о стереотипных высказываниях – это единицы языка, которые регулярно воспроизводятся носителями. С другой стороны, под стереотипом имеют в виду устойчивую обобщённую идею, разделяемую всеми представителями языкового коллектива или, по крайней мере, общеизвестную. Проблемой стереотипов (в различном понимании) занимаются как отечественные, так и зарубежные лингвисты.

На наш взгляд, речь идёт о двух разных явлениях: языковых и ментальных стереотипах¹, которые следует разделять. На это также указывает, например, французская исследовательница Ш. Шапира [30].

Как известно, языковой знак состоит из двух составляющих сторон: означающего и означаемого. При этом каждая из них имеет тенденцию к стереотипизации – своего рода «застыванию» («figement») и функционированию в таком «застывшем» состоянии.

В случае, когда стереотипизации подвергается языковая единица, будь то лексема или словосочетание, мы имеем дело с языковым стереотипом. Между элементами языкового стереотипа могут существовать особые семантические отношения, которые в рамках нашего исследования именуются идиоматичностью. Другие исследователи, например, В.Г. Гак, говорят в этой связи о семантической сопряжённости, а французский исследователь Ж.-П. Конфэ о семантико-когнитивном единстве (*compacité sémantico-cognitive*). Как правило, такого рода языковые единицы изучаются фразеологией, но в действительности это явление выходит широко за её рамки. На наш взгляд, можно выделить следующие виды такого стереотипа: *идиомы, клише, коллокации, речевые стереотипы, цитаты и коннотативные стереотипы* [6], [7].

Однако прослеживается и обратный процесс, когда стереотипизации оказывается подвержена другая составляющая языкового знака, а именно означаемое, что может воплощаться при помощи разных языковых средств. В этом случае следует говорить о ментальных стереотипах.

Цель настоящей статьи – проанализировать на материале сборника П. Даниноса «Le Jacassin» языковые средства, с помощью которых выражается автостереотип о Франции и французах. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- рассмотреть различные лингвистические подходы к исследованию ментальных стереотипов (семантический, этнолингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический);
- представить материал и методологию исследования;
- проанализировать материал исследования и систематизированно представить языковые средства, с помощью которых вербализуются некоторые содержательные стороны французского автостереотипа, а именно типичная характеристика Франции, оппозиция «мы – они», образ жизни французов.

Актуальность работы обусловлена недостаточной разработанностью теории стереотипа, что влечёт за собой частое смешение таких понятий, как языковой, ментальный и речевой стереотип. Кроме того, творчество французского писателя и журналиста Пьера Даниноса, чьё произведение «Le Jacassin» послужило материалом для нашего исследователя, недостаточно изучено как в отечественной, так и в зарубежной традиции.

¹ Проблемы стереотипов обсуждались на конференции «Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии», проведённой Институтом славяноведения Российской академии наук в 1995 году, в оргкомитет которой входили такие учёные, как Татьяна Михайловна Николаева, Анна Феликсовна Литвина, Ирина Александровна Седакова. Как видно из названия, речевые и ментальные стереотипы понимаются как два разных вида стереотипа. [Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: тезисы конференции. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. 160 с.]

Лингвистические подходы к исследованию ментальных стереотипов

Обратимся к истории понятия «стереотип». Изначально этот термин был введен в лингвистику американским логиком и философом Хилари Патнэмом. Патнэм радикально разделяет лексическое значение слова и его референтное значение. Лексическое значение определяется синтаксическими и семантическими правилами языка, они составляют инвариант значения (интенционал). Интенционал и экстенционал слова не связаны напрямую, и последний зависит от языковой среды, в которой существует и взаимодействует говорящий [29], [16]. В центре теории Х. Патнэма – слова, обозначающие биологические виды, природные вещества, физические величины, а конвенциональные представления, связанные с ними, называются стереотипами. Такие представления могут быть точными не для всех представителей вида, а для наиболее типичного (полосатая шкура тигра, жёлтый цвет лимона и т.д.). Тот факт, что какое-то свойство присуще стереотипу, связанному со словом X, не означает, что оно истинно и что все представители вида им обладают, тем более что набор свойств может меняться или модифицироваться, поэтому необходимо учитывать, что список стереотипов, связанных с определённым денотатом, неограничен. В процессе речевой деятельности говорящий излагает стереотипы как некую конвенциональную идею, мнение или точку зрения языкового коллектива, при этом он никогда не мыслит себя автором такой идеи, но простым пользователем. Такое понимание стереотипа во многом сближается с тем, что в риторике называется «общим местом» [26].

Некоторые аспекты философии Х. Патнэма нашли своё отражение в теориях стереотипа Б. Фрадена [27] и Ж.-К. Анскомбра [23], [24]. Их теории можно свести к трём основным пунктам:

1. Стереотип рассматривается не как часть лексического значения, но прежде всего, как один из видов значения. Таким образом, он противопоставляется научному и энциклопедическому определению, которое заключается в аналитическом связывании значения со словом, опираясь на конечное число свойств, построенных на основе опыта и знаний членов языкового коллектива.
2. Семантическая репрезентация слова – это не совокупность ограниченного числа признаков, а открытая последовательность свойств, составляющих стереотип.
3. Эта последовательность представляет собой не отдельные языковые элементы, но целые высказывания. Иными словами, у каждого говорящего есть более или менее длинный список слов, к которым он, скорее всего, сможет привести определённые семантические характеристики, стереотипы, и в совокупности всё это составляет семантическое значение [26].

Помимо семантики, стереотипы также изучаются в этнолингвистике, социолингвистике, лингвокультурологии, а также психолингвистике. В контексте этнолингвистики прежде всего выделяются исследования польского лингвиста Е. Бартминьского, у которого стереотип становится ключевым понятием при работе над «Словарём народных стереотипов и символов» и мыслится как инструмент, позволяющий «воспроизвести культурно-языковой портрет описываемого объекта и показать, как видит этот объект типичный представитель данной культуры» [1, с. 47].

В контексте социолингвистики стереотипы понимаются как шаблоны, регулирующие поведение человека и имеющие различную природу. Так, этнические, возрастные и гендерные стереотипы – это шаблонные представления, приписываемые носителям [3], [11], [13], [18]. С другой стороны, подвергаются стереотипизации и некоторые социальные феномены и ситуации, например, в различных лингвокультурах распространены стереотипы, связанные с разными представлениями о провинциалах и столичных жителях [10]. Как подчёркивает Л.П. Крысин, первоначальная задача такого изучения – выделить лингвистический аспект и сосредоточиться на языковом выражении стереотипов [14].

Стереотипы также широко исследуются в контексте лингвокультурологии. А. Вежбицкая не говорит напрямую о проблеме стереотипов, однако исследовательница разрабатывает подход, который заключается в выделении определённых смысловых тем, свойственных культуре, и в соотношении этих тем с их языковым выражением [2]. На наш взгляд, ментальные стереотипы как раз представляют собой совокупность таких важных для культуры тем. В.В. Красных вписывает

стереотипы в систему ментефактов, которые характеризуют всякую лингвокультуру [12]. Согласно такому подходу, стереотипы – это представления, которые определяют принадлежность индивида к той или иной социальной группе, и, следовательно, существенно влияют на языковое сознание.

Кроме того, лингвокультурология пытается уточнить, какую роль стереотипы играют в межкультурном общении [9]. Лингвокультурологическая оптика предполагает, что ментальные стереотипы – это определённые установки или привычные реакции, принимающие как языковую, так и неязыковую форму, присущие отдельной лингвокультуре и характеризующие языковую личность. Если такие стереотипы являются доминирующими, они характеризуют языковой коллектив, а в определённых ситуациях и всю лингвокультурную общность [8].

В частности, российская исследовательница А.В. Головачева говорит о существовании в картине мира стереотипных отношений, а сама картина мира трактуется как «комплекс знаний о мире, обустройстве макрокосма и микрокосма, представляющий собой систему концептов-«стереотипов» предметов, действий и ситуаций которую можно считать в определённой степени универсальной для человеческого менталитета в целом» [4, с. 3]. Согласно такому подходу, именно наличие стереотипных сценариев-фреймов обуславливает способы референции единиц языка, что, в свою очередь, определяет функционирование различных грамматических категорий (например, неопределённость или посессивность). Психолингвистический аспект этнических и социальных стереотипов часто исследуется посредством ассоциативного эксперимента, например, в работах таких исследователей, как В.А. Рыжков и Н.В. Уфимцева [20], [21].

Зачастую психолингвистический и лингвокультурологический подходы пересекаются. Так, Н.В. Уфимцева говорит о важности культурных стереотипов в межкультурном общении. Под культурными стереотипами понимаются способы восприятия, которые накапливаются в виде репертуара структурированных контекстов (схем, фреймов), их усвоение носителем культуры происходит в ходе социализации, а выявление системы таких стереотипов возможно при помощи ассоциативного эксперимента [21]. Таким образом, в психолингвистике стереотип может исследоваться с позиций языкового сознания по отношению к определённой социальной группе в зависимости от внешних условий (национальность, пол, возраст профессия, социальное положение), а также как отражение отношения носителей языка к внеязыковой действительности [15], [22].

Учитывая все перечисленные подходы к изучению стереотипов, в рамках нашего исследования под **ментальным стереотипом** понимается **совокупность свойств, устойчиво ассоциирующихся с языковой единицей в данном социокультурном контексте для данного языкового коллектива.**

2. Материалы и методология

В настоящей статье мы рассмотрим языковые проявления ментальных стереотипов на материале сборника «Le Jacassin»².

«Le Jacassin» — юмористическое произведение Пьера Даниноса, вышедшее в 1962 году. Оно представляет собой пастиш на «Лексикон прописных истин» Гюстава Флобера. В предисловии к сборнику П. Данинос пишет: «Известно, что давняя, но так и не осуществлённая мечта Флобера – написать книгу, где можно было бы найти в алфавитном порядке все возможные темы, всё, что нужно сказать в обществе, чтобы выглядеть порядочным человеком, и составленную таким образом, чтобы читатель не знал, дурят его или нет»³. Данинос говорит о том, что в данной книге он осмелился стать исполнителем завещания Флобера, но по отношению к своей эпохе, и предпринимает попытку собрать наиболее яркие речевые формулы и распространённые общественные идеи, характерные для Франции 1950-х – начала 1960-х гг.

² Daninos, P. Le Jacassin : nouveau traité des idées recues, folies bourgeoises et automatisme / P. Daninos. Paris : Hachette, 1962. 280 p.

³ Там же: с. 7

Книга разделена на несколько тематических разделов: *De certaines particularités du langage courant; Du vocabulaire politique; Des diverses idées reçues ou à recevoir: Folies bourgeoises ou automatismes; De l'histoire et de la géographie; De quelques confusions courantes; Si l'on vous dit ... n'y croyez pas*. В виде словаря автор представляет читателю лексемы, типичные для речи его современников, в словарных дефинициях приводит наиболее частые контексты и воспроизводимые фразы с ними, юмористически обыгрывает их употребление. Таким «словарным» разделам предшествует небольшой рассказ «Le déjeuner de Saumur», вдохновлённый, по словам самого автора, воспоминаниями из детства: в нём отражены различные стереотипы, которые звучали в его семейном кругу.

Выбор материала мотивирован тем, что на страницах книги П. Даниноса сосуществуют как языковые, так и ментальные стереотипы. Например, в определении «Mule – Partage avec le Breton la palme de l'entêtement», с одной стороны, обыгрывается устойчивое сравнение *têtu comme une mule*, которое мы отнесём к языковым стереотипам, а с другой – ментальный стереотип, подразумевающий, что жители Бретани отличаются особым упрямством.

Как правило, ментальные стереотипы создаются внутри одной социальной группы и направлены на другую. В самом общем виде этнические стереотипы представляют собой обобщённые представления о моральном, интеллектуальном, культурном и физическом облике представителей того или иного этноса. Они отражают оценку стереотипных речеповеденческих моделей, свойственных как другим этническим группам, так и собственной [5].

При этом внутри социальной группы может возникнуть ряд предубеждений, направленный на её же представителей. В зависимости от направленности стереотипа различают гетеростереотипы и автостереотипы. Очевидно, что при сравнении этносов (когда речь идёт о гетеростереотипе), эталонным признаётся система ценностей собственного этноса, происходит возвышение собственной этноидентичности [8].

Возникает закономерный вопрос, что является эталоном при оценке своей культуры. В этой связи, нам представляется интересным рассмотреть, какие содержательные элементы входят во французский автостереотип и какими языковыми средствами они выражаются. Для этого мы провели дискурсивный анализ 45 отобранных методом сплошной выборки отрывков из сборника «Le Jacassin», содержащих различные элементы автостереотипа.

3. Результаты исследования

Проанализировав текст книги «Le Jacassin», мы отобрали 45 отрывков, в которых так или иначе отражены автостереотипы: распространённые внутри французского общества представления о Франции и французах. Мы выделили три группы автостереотипов: общая характеристика Франции, оппозиция «мы – они», образ жизни французов.

3.1. Общая характеристика Франции

Первая содержательная сторона французского автостереотипа, который можно выделить на материале книги «Le Jacassin», – **характеристики**, приписываемые Франции, своеобразный портрет страны. Рассмотрим следующий отрывок, который представлен в начале сборника в разделе «Le Déjeuner de Saumur»:

Au milieu de **ce monde hostile et venimeux** était la France, **la France éternelle**, avec ses grands citoyens du tableau d'honneur: *Duguesclin, Bayard, Richelieu, Colbert, Pasteur, Clemenceau, Foch, Poincaré*; **la France galante, hexagonale et chevaleresque, la France-femme exploitée, spoliée, meurtrie, la France saignante, prostrée dans son albe robe déchirée**, et à laquelle la botte d'un uhlan imposait l'odieux traité de Francfort, la France **roulée par Lloyd George**, la France **tendant son cœur au monde** et le monde prêt à le lacérer.

В данном отрывке стереотип выражается, главным образом, посредством атрибутивных сочетаний, с помощью которых изображается образ нетленной Франции (*la France éternelle*), окружённой враждебным и ядовитым миром (*ce monde hostile et venimeux*). Этот образ подкрепляется упоминанием прецедентных имён, автор перечисляет исторические фигуры, непосредственно благодаря деятельности которых Франция и стала «нетленной».

Кроме того, за Францией закреплены эпитеты *galante* и *chevaleresque*, что отсылает к стереотипу об особом, утончённом и учтивом отношении к женщине, но этот образ тут же опровергается с помощью адъективированных определений: *la France-femme exploitée, spoliée, meurtrie*.

Возвращаясь к теме положения страны на международной политической арене, автор прибегает к использованию метафор: **la France saignante, prostrée dans son albe robe déchirée**, et à laquelle la botte d'un uhlan imposait **l'odieux traité de Francfort** [...] **la France tendant son cœur au monde et le monde prêt à le lacérer**.

В подобном тоне страна описана и в разделе «Du vocabulaire politique»:

France. – Toujours **grande, affaiblie certes, mais forte de son droit, fidèle à ses engagements, jamais demanderesse, encore moins quémandeuse**. N'attaque pas la première, ne fait *que se défendre* quand elle y est contrainte et ce, non seulement pour elle-même, mais pour la liberté du monde.

К уже перечисленным атрибутивным сочетаниям добавляются также **la France grande, affaiblie, forte de son droit, fidèle à ses engagements**, для усиления гиперболизации автор прибегает к использованию антонимов (*attaquer/se défendre*), а также коннекторов (*certes, mais*), наречий (*jamais, encore moins*), ограничительного оборота *ne...que*.

Париж считается главным городом Франции как внутри страны, так и за её пределами. Представления и предубеждения, связанные с ним, являются важной частью автостереотипа. Рассмотрим, как этот город определён в разделе «Vocabulaire général»:

Paris. — Paris sera toujours Paris. Paris n'est plus Paris. Quand on a vécu à Paris, on ne peut plus vivre ailleurs. On ne peut plus vivre à Paris. Paris vaut bien une messe. Paris ne vaut rien. Rien ne vaut Paris. Paris n'est pas la France. La France sans Paris ne serait plus la France.

Представленный текст представляет собой несколько высказываний и содержит большое количество имплицатур, то есть некоторые элементы фразы лишь указывают на то, что подразумевается автором, а не сообщают напрямую [28]. Так, употребление лексемы *Париж* вызывает целый круг ассоциаций, стереотипов, который известен всем и не требует дополнительного пояснения.

Интересно, что первые две фразы прямо противоположны по значению: *Paris sera toujours Paris. Paris n'est plus Paris*⁴. Если в первом случае утверждается, что Париж – это город, который навсегда сохранит свои отличительные характеристики, то, согласно второму, он утратил все эти характеристики и отныне не похож на себя.

Рассмотрим следующую последовательность фраз: *Paris vaut bien une messe. Paris ne vaut rien. Rien ne vaut Paris*. Первое предложение – известная цитата Генриха IV Наваррского. В рамках нашего исследования, цитаты относятся к языковым стереотипам, и действительно, эта фраза может быть произнесена в другом контексте, когда речь идёт о компромиссе, который может привести к существенной выгоде. Однако, как нам представляется, в данном контексте употребление цитаты является выражением стереотипа о ценности Парижа, его высокого статуса, что подтверждается двумя последующими предложениями, которые деконструируют исходное высказывание. По такому принципу построена вся дефиниция.

Кроме того, возникает оппозиция «Париж – Франция»: *Paris n'est pas la France. La France sans Paris ne serait plus la France*. С одной стороны, безусловно Париж – это главный город Франции, как по мнению иностранцев и туристов, так и по мнению её жителей. С другой стороны, есть существенный разрыв между Парижем и остальной Францией, которую зачастую пейоративно называют «провинцией»⁵.

⁴ В этой связи, можно вспомнить удачное выражение И.С. Тургенева «обратное общее место», герой Тургенева Евгений Базаров определяет его следующим образом: «[...] сказать, например, что просвещение полезно, это общее место; а сказать, что просвещение вредно, это противоположное общее место. Оно как будто щеголеватее, а в сущности одно и то же» [Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 12-ти томах. Т. 3: Накануне; Отцы и дети. М.: Издательство «Художественная литература», 1976. С. 264.]

⁵ Тема неравенства между Парижем и «Провинцией» вызывает оживлённую дискуссию и в современном французском обществе. Например, в 2025 году вышла книга журналиста Франсиса Броше «*Quand le parisianisme écrase la France*», где он анализирует чувство превосходства парижан над жителями провинции и усиливающиеся социальное неравенство между ними. [Brochet, Francis. *Quand le parisianisme écrase la France*. Paris: Editions de l'Aube, 2025. 248 p.]

Отметим, что мотив временных изменений к худшему, связанных как с Парижем (*On ne peut plus vivre à Paris*), так и со всей Францией (*Il n'y avait plus rien. Ni hommes ni femmes. Même pas des demi-mondaines; Avec leurs nouveaux tissus. Ça, rien ne vaut les tissus d'avant-guerre.... Tous ces trucs synthétiques.*) постоянно встречается в отобранном нами материале, что выражается через отрицательные конструкции.

Как уже упоминалось, автостереотип может проявляться через употребление прецедентных имён. Так, в пассаже о французской литературе П. Данинос упоминает наиболее крупных писателей первой половины XX века, но с негативными характеристиками: Proust était compliqué, Gide érotique, Colette libidineuse, Cocteau farceur, Mauriac malsain.

И вновь возникает мотив временных изменений, автор делает неутешительный вывод: **D'une façon générale, tous les bons auteurs étaient morts depuis longtemps.** Il n'y avait **plus** d'Anatole France, il n'y avait **plus** de Flaubert, il n'y avait plus de Maupassant, il n'y avait **plus** de George Sand. Même Theuriet, on avait beau dire: **c'était tout de même du français.**

Писатели, которых можно отнести к «хорошим», уже умерли, а творчество современных литераторов не может сравниться с ними. Как и в предыдущих случаях, это высказывание генерализовано за счёт употребления коннекторов (*d'une façon générale*) и прилагательного *tout* (*tous les auteurs*). Сравнение прошлого и современности происходит в пользу первого: фамилии писателей XX и XIX веков употребляются как антонимы. Примечательно упоминание Андре Терье – писателя второго ряда, который, тем не менее, представляется более «французским», чем, например, Марсель Пруст или Андре Жид.

Последнее, наиболее полное описание Франции встречается в разделе «Géographie. Géosociologie fondamentale»:

France. – a) Tout homme a deux patries, la sienne et puis la France; b) Nous sommes le dépotoir de la racaille cosmopolite (**salétranger**). — **Le tempérament (cartésien)** du Français s'accommode parfaitement de ces deux idées auxquelles il fait prendre l'air tour à tour suivant son humeur, prouvant ainsi qu'il est à l'image même de ce pays de la mesure, de l'équilibre et du **bon sens** : il ne veut de mal à personne, et **sa bonne foi** est continuellement abusée. À noter que la place d'**ennemi** héréditaire, successivement occupée par **l'Angleterre et par l'Allemagne**, est actuellement vacante. — La **richesse** de ce pays, comme sa générosité, est inépuisable malgré le gâchis (**pauvre France!**). Tient toujours le flambeau de la civilisation : sans la France, **nation la plus spirituelle du monde**, le monde ne serait plus le monde. Ce qui sous-entend que l'on pourrait supprimer l'Albanie, la Bulgarie, la Nouvelle-Zélande, la plus grande partie de l'Océanie, l'Islande et plusieurs républiques sud-américaines sans que le visage de l'univers en fût réellement altéré.

Первая часть определения отсылает к известной фразе Томаса Джефферсона, которую он произнёс, будучи послом в Париже: «У каждого человека есть две Родины – его собственная и Франция». Во второй части вновь поднимается тема взаимоотношений Франции с остальным миром, и здесь привлекает внимание метафора (Nous sommes le dépotoir de la racaille cosmopolite), а также слитное написание сочетания *sale étranger* (**salétranger**), подчёркивающее его стереотипный характер. Здесь также можно отметить такие атрибутивные сочетания, как *le tempérament cartésien du Français*, *le bon sens*, *sa bonne foi*, *nation la plus spirituelle du monde*.

3.2. Оппозиция «мы – они»

Важной особенностью автостереотипа является формирование образа «другого» и постоянное сопоставление с ним. Как отмечает Т.М. Николаева, человеческие реактивные структуры во многом подобны фонологическим оппозициям и могут быть описаны в тех же терминах [17]. Кроме того, для выражения ментальных стереотипов характерны генерализация и гиперболизация. Так в реплике из «Le déjeuner de Saumur» **Les Français trouvent tout les premiers, mais ce sont les autres qui exploitent** противопоставление строится на употреблении существительного *les Français* и неопределённых местоимений *tout* и *les autres*.

Если зачастую те, кому Франция противопоставляется, оказываются обезличены (*les autres, ils, on*), то в следующих определениях:

- Allégations. – Toujours mensongères. **La France** n'en fait aucune. **Ses ennemis** ne cessent d'en faire de fausses;
- Appétit. – De la **France** : bon. Des **dictateurs** : insatiable.

«Другие» получают пейоративное лексическое выражение: *ennemis, dictateurs*.

В целом, всё, что можно назвать «французским», получает крайне положительную оценку, а все «нефранцузское», напротив, отрицательную: Français. – Précédé de bien: n'importe quoi de **généreux, voltairien ou galant**. Précédé de pas : n'importe quoi de **moche**.

Однако иногда автор отступает от генерализации и называет конкретные страны для сравнения, как в дефиниции «Hospitalité. – «**Les Français**, il faut bien le dire, n'ont **aucune notion de l'hospitalité**. Ma femme et moi qui étions **en Grèce** cet été... » Explor.: citer celle des Esquimaux» гостеприимство французов сравнивается с гостеприимством греков, но в пользу последних.

В этой связи интересны следующие примеры:

- **French** cancan. – Déclencheur automatique de frou-frou. « C'était le bon temps! »
- **Furia**. – Qualité bien **francese**.

В автостереотип входят не только представления французов о самих себе, но и представления о том, как они выглядят в глазах других народов. Вербально это выражается через использование заимствований, в данном случае из английского языка (*French*) и итальянского (*furia francese*). Отметим, что последнее сочетание фразеологизировано и может употребляться в качестве устойчивого.

Рассуждая о структуре ментальных стереотипов, Т.М. Николаева указывает на то, что «развитие языка и человеческой ментальности рассматривается нами в эволюционном плане, а в связи с данной темой – как движение от дуальной модели к градуальной» [17, с. 123]. Выше мы отмечали, что оппозиция «мы – они» сосредоточена на отношениях Франции с остальным миром, и, в первую очередь, с другими странами Европы, однако при дальнейшем анализе выяснилось, что образ «les autres» оказывается более сложным, поскольку здесь подразумеваются также и бывшие французские колонии (отметим, что момент написания и публикации книги совпадает с периодом ослабления французского влияния в странах Африки и Азии), как, например, в одном из отрывков из «Le déjeuner de Saumur» :

- **Pauvre France!**
- Foutue à la porte de partout!
- **L'Indochine.**
- **Le Maroc...**
- **L'Algérie.**

В этом отношении интересен следующий отрывок из того же диалога:

- En attendant **nous** les avons bien perdues, nos colonies!
- Ah! **nos** colonies!
- C'est bien fini, ce temps-là...
- Et dire que tout ce qu'il y a de bien là-bas c'est à la France qu'**on** le doit.
- C'est à la France qu'**on** le doit, uniquement à la France.

Как мы видим, здесь оппозиция выражается через противопоставление личных местоимений *pous* и *on* (в значении «они»).

При этом, образ «мы» также оказывается неоднороден в географическом и социальном отношении. Так, в начале «Le Déjeuner de Saumur» при описании французов, жителей различных регионов и представителей разных социальных классов, Пьер Данинос прибегает к различным атрибутивным сочетаниям, тем самым подчёркивая многообразие, существующее внутри страны: La France aux Bretons têtus, aux Corses vindicatifs, aux Alsaciens cabochards, aux Marseillais galéjeurs, aux Basques retors, aux Normands avarés, aux Lyonnais renfermés, aux Bordelais snobs, aux Parisiens badauds, aux Auvergnats fouchtra, aux politiciens pourris, aux prostituées honte pour l'étranger, aux instituteurs communistes, aux avocats véreux, aux financiers requins, aux fonctionnaires j'menfichistes, à la jeunesse dévoyée, aux commerçants voleurs, aux magistrats corrompus, aux ouvriers haineux, aux patrons égoïstes, au fisc insatiable, aux hôpitaux scandaleux, aux peintres bohèmes, aux médecins charlatans.

В разделе «De diverses idées reçues ou à recevoir. Folies bourgeoises et automatismes» автор также прибегает к генерализированным описаниям, в данном случае с местоимением *tous*, и здесь французы получают характеристику *tous frivoles, se foutent de tous*, парижане *tous gouailleurs, futiles* (в примере выше они получили характеристику *badauds*), а жители Марселя сохранили за собой эпитет *tous galéjeurs*, что означает «человек, часто рассказывающий смешные, но неправдоподобные истории». Выбор прилагательного неслучаен: подчёркивая некоторую обособленность жителей Марселя, автор прибегает к использованию диалектизма провансальского происхождения.

Положение Франции, связанное, с одной стороны, с оппозицией иностранцам, а с другой – со сложным внутренним устройством, находит своё отражение во фразе: *la France dont tout le malheur, en somme, venait de ce que, déjà exploitée par l'étranger, elle était habitée par des Français*. Здесь также присутствует гиперболизация (*tout le malheur*), но, кроме того, две части высказывания построены подобным образом с помощью пассивного залога. Такой синтаксический параллелизм подчёркивает амбивалентность этого аспекта автостереотипа. Стоит отметить, что различные исследования, основанные на современных франкоязычных материалах в постколониальном контексте, подтверждают сложное устройство этой стороны стереотипа, исследователи отмечают его «гибридный характер» [19].

Своеобразным синтезом описанной оппозиции предстаёт толкование: *Touristes. – Nom donné par les voyageurs français aux autres voyageurs français et étrangers*. Как мы видим, местные жители одинаково воспринимают туристами как иностранцев, так и других французов, посетивших их город.

3.3. Образ жизни

Третья содержательная сторона французского автостереотипа, которую мы выделили, – это бытовые элементы и образ жизни, общее представление о привычном поведении её жителей. В большей степени эта сторона стереотипа отражена на лексическом уровне.

Например, автор иронически описывает правила поведения своего современника.

Il fallait:

- Être en règle
- Se méfier des courants d'air
- Être un homme [...]
- Avoir fait son service militaire
- Vérifier son addition [...]
- Voter [...]
- Aller à la messe
- Avoir le respect du drapeau
- Surveiller son foie.

Il ne fallait pas :

- Montrer du doigt
- Prendre le wagon de tête
- Téléphoner pendant un orage [...]
- Se fier à la Méditerranée
- Abuser des bonnes choses [...]
- Fumer à jeun (ou dans la rue si l'on était une dame)
- Prendre le wagon de queue.

Обратим внимание на способ организации такого текста: говоря об этой стороне автостереотипа, автор часто приводит списки со множественными перечислениями. В частности, помимо приведённого выше, мы видим список лексем, которые употребляются с прилагательным «petit»: *air de fête, bistrot, cognac, femme, folie, plats, vie pèpère, vin du pays*. С помощью подобных списков автор очерчивает круг лексем, которые характеризуют «французский» образ жизни. С другой стороны, в «Le Jacassin» отражаются не только бытовые и культурные особенности, но и языковые. Ещё III. Балли обращал внимание на то, что французскому языку свойственно стремление

к идиоматичности, а в сознании говорящего слова существуют в составе ассоциаций и сочетаний [25]. Многие существительные, как правило, употребляются в составе синтагмы вместе с десемантизированными элементами, как в данном случае *petit*. Так, приведённые автором сочетания фигурируют в «Dictionnaire des combinaisons de mots»: *petit air, petite(s) attention(s), petit effet, petite folie, petite somme, petit trou, etc.*⁶.

Мы находим также список существительных, употребляющихся с прилагательным *gros*, например, *baiser, brasseur d'affaires, industriel du Nord, mangeur* и т.д. Несмотря на то, что прилагательные *gros* и *petit* – антонимы, в данном контексте они оказываются десемантизированы и выполняют одинаковую функцию, выражая эмоциональное отношение говорящего к описываемым предметам. Синтагмы, приведённые в этом списке, также отмечены в словаре как устойчивые: *gros moyens, gros baiser, gros trou, etc.*

Кроме того, вслед за этими списками автор помещает третий под заголовком «Gens, bêtes et choses dont les Français prétendent qu'il n'y a rien de tel», здесь собраны предметы и понятия, важные для условного парижского буржуа, которые употребляются с прилагательным *bon*: *pain, bain, femme d'intérieur, pipe, secrétaire, sieste, santé, etc.* Таким образом автор дополняет деталями, наиболее ценными французами, описание французского образа жизни.

4. Обсуждение результатов

Итак, на материале книги Пьера Даниноса «Le Jacassin» мы выделили основные содержательные черты французского автостереотипа конца 50-х – начала 60-х годов: оппозиция «мы – они», автопортрет страны и её жителей, а также бытовые элементы и образ жизни. Сквозной характеристикой автостереотипа оказалось сравнение прошлого и современности, как правило, не в пользу последней.

Эти элементы стереотипа находят своё отражение на всех языковых уровнях. Демонстрируя, какой страна предстаёт в глазах её жителей, автор прибегает к использованию атрибутивных конструкций, в том числе адъективных определений, метафор, прецедентных имён и цитат, а также антонимов, синонимов и логических коннекторов. Это выражается и на прагматическом уровне за счёт употребления имплицатур и тавтологий. Французский автостереотип построен по принципу оппозиции, и эта оппозиция развивается от бинарной к градуальной: с одной стороны, Франция и французы противопоставлены всему миру, с другой – оппозиция существует и внутри страны, где Париж сталкивается с остальными регионами. Стереотипные высказывания, связанные с этим аспектом, как правило, максимально генерализированы и гиперболизированы. Этот эффект достигается с помощью употребления неопределённых местоимений, наречий, отрицательных конструкций и ограничительных оборотов. В автостереотип входят не только представления носителей культуры о самих себе, но и то, как их видят другие, что выражается через употребление заимствований. Аспект автостереотипа, связанный с бытовыми особенностями, в большей степени представлен на лексическом уровне: определённые лексические единицы составляют представление о «французском» образе жизни.

Итак, материал нашего исследования позволил выделить основные черты французского автостереотипа, характерные для языкового сообщества конца 1950-х – начала 60-х годов. В качестве перспективы исследования, как нам представляется, было бы интересно рассмотреть их устойчивость в диахронии, изучив процесс эволюции автостереотипа о Франции и французах до наших дней на основе серии интервью с носителями языка.

© К.А. Дикарева, 2025

⁶ Dictionnaire des combinaisons de mots. Paris: Dictionnaire LE ROBERT, 2007. 1011 p.

Список литературы

1. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартминьский. М.: Индрик, 2005. 527 с.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. М.: Русские словари, 1996. 411 с.
3. Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации: коллективная монография / А.А. Анков, И.Т. Вепрева, М.В. Гаранович [и др.]; науч. ред. А. В. Кирилина, М. В. Гаранович; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 400 с.
4. Головачева А.В. Стереотипные ментальные структуры и лингвистика текста / А.В. Головачева. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. 154 с.
5. Данилова Ю.Ю. Автостереотипы носителей русской этнокультуры как способ самоидентификации / Ю.Ю. Данилова, Л.Б. Бубекова // Филология и культура. 2022. № 1 (67). С. 59–68.
6. Дикарева К.А. Проблема определения языкового стереотипа и его основные виды (на материале сборника Пьера Даниноса «Le Jacassin») / К. А. Дикарева // Вопросы современной лингвистики. 2025. №4. С. 103–113.
7. Дикарева К.А. Стереотипы-коллокации во французском языке (на материале сборника П. Даниноса «Le Jacassin») / Дикарева К. А. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 96–103.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. М.: Гнозис, 2004. 389 с.
9. Кашапова Р.В. Стереотип как ассоциативное словесное представление о языковой картине мира /Р.В. Кашапова, Э.Д. Марданшина // Концептуальные пути развития гуманитарных и социальных наук: сборник материалов XV-ой международной очно-заочной научно-практической конференции, Москва, 25 января 2023 года. Том 2. М.: Научно-издательский центр “Империя”, 2023. С. 46–49.
10. Китайгородская М.В. Формирование новых стереотипов социального поведения в посттоталитарном обществе (на материале митингов) / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: тезисы конференции. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 52–54.
11. Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов / И. М. Кобозева // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 1995. № 3. С. 102–117.
12. Красных В.В. Грамматика лингвокультуры: система координат, система таксонов, система ментефактов / В.В. Красных // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. СПб: МИРС, 2008. С. 333–344.
13. Крейдлин Г.Е. Стереотипы возраста / Г.Е. Крейдлин // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: тезисы конференции. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 52–54.
14. Крысин Л.П. Очерки по социолнгвистике / Л.П. Крысин. М.: ФЛИНТА, 2021. 360 с.
15. Кушнарева А.В. Отражение стереотипов в языковом сознании и паремической картине мира / А.В. Кушнарева // Русский лингвистический бюллетень. 2022. № 3(31). DOI 10.18454/RULB.2022.31.25.
16. Макеева Л.Б. Философия Х. Патнэма / Л.Б. Макеева. М.: ИФ РАН, 1996. 190 с.
17. Николаева Т.М. Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолнгвистическая дистрибуция / Т.М. Николаева // Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. С. 112–131.
18. Плунгян В.А. С чисто русской аккуратностью... (К вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке) / В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина // Московский лингвистический журнал. 1996. Т. 2. С. 340–351.
19. Разумеева Ж.Э. Особенности формирования и языковой репрезентации гибридного стереотипа /Ж.Э. Разумеева // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты: Коллективная монография. Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2024. С. 111–114.
20. Рыжков В.А. Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определённой национально-культурной общности / Рыжков В.А. // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. С. 4–16.
21. Уфимцева Н.В. Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии / Н.В. Уфимцева // Филология и культура. 2012. № 2(28). С. 129–132.
22. Цатурян, М. М. Языковая реализация гендерных стереотипов / Цатурян М. М., Цатурян М. А. // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 108–112.
23. Anscombre J.-C. Le rôle du lexique dans la théorie des stéréotypes / J.-C. Anscombre // Langages. 2001. № 142. P. 57–76.
24. Anscombre J.-C. Dénomination, sens et référence dans une théorie des stéréotypes nominaux / J.-C. Anscombre // Cahiers de praxématique. 2001. № 36. P. 43–72.
25. Bally Ch. Traité de stylistique française / Ch. Bally. Paris : Heidelberg, 1921. 331 p.
26. Beliakov V. Les métaphores et les stéréotypes nominaux / V. Beliakov // Voix du monde slave. Chroniques slaves. 2007. P. 203–212.
27. Fradin B. Anaphorisation et stéréotypes nominaux / B. Fradin // Lingua. 1984. Vol. 64. P. 325–369.
28. Horn L. The Handbook of Pragmatics / L. Horn, G. Ward. Oxford: Blackwell Publishing, 2004. 864 p.
29. Putnam H. Mind, Language and Reality / H. Putnam. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. 457 p.
30. Schapira Ch. Les stéréotypes en français / Ch. Schapira. Paris : Ophrys, 1999. 128 p.

References

1. Bartmin'skiĭ, E. *Iazykovoĭ obraz mira: ocherki po étnolingvistike* [The linguistic worldview: essays on ethnolinguistics]. Moscow: Indrik, 2005. 527 p.
2. Vezhbitskaia, A. *Iazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari, 1996. 411 p.
3. *Gendernye aspekty iazyka, soznaniia i kommunikatsii: kollektivnaia monografiia* [Gender Aspects of Language, Consciousness, and Communication: A Collective Monograph] / A. A. Ankov, I. T. Vepreva, M. V. Garanovich [et al.]; ed. by A. V. Kirilina, M. V. Garanovich; Perm State National Research University. Moscow: Izdatel'skiĭ Dom Iask, 2022. 400 p.
4. Golovacheva, A.V. *Stereotipnye mental'nye struktury i lingvistika teksta* [Stereotypical mental structures and text linguistics]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2000. 154 p.
5. Danilova, Iu. Iu. *Avtostereotipy nositelei russkoĭ étnokul'tury kak sposob samoidentifikatsii* [Auto-stereotypes of representatives of Russian ethno-culture as a way of self-identification] / Iu. Iu. Danilova, L. B. Bubekova, *Filologiya i kul'tura*. 2022. No. 1 (67). Pp. 59–68.
6. Dikareva, K.A. Problema opredeleniia iazykovogo stereotipa i ego osnovnye vidy (na materiale sbornika P'era Daninosa «Le Jacassin») [The problem of defining a linguistic stereotype and its main types (based on the collection by Pierre Daninos «Le Jacassin»)]. *Voprosy sovremennoi lingvistiki*. 2025. No. 4. Pp. 103–113.
7. Dikareva, K.A. Stereotipy-kollokatsii vo frantsuzskom iazyke (na materiale sbornika P. Daninosa «Le Jacassin») [Stereotyped collocations in French language (based on P. Daninos' collection «Le Jacassin»)]. *Lomonosov Philology Journal. Series 9, Filologiya*. 2025. No. 5. Pp. 96–103.
8. Karasik, V.I. *Iazykovoĭ krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow: GNOZIS, 2004. 389 p.
9. Kashapova, R.V. Stereotip kak assotsiativnoe slovesnoe predstavlenie o iazykovoĭ kartine mira [Stereotype as an associative verbal representation of the linguistic worldview] / R.V. Kashapova, È.D. Mardanshina. *Kontseptual'nye puti razvitiia gumanitarnykh i sotsial'nykh nauk : sbornik materialov XV-oĭ mezhdunarodnoi ochno-zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Moscow, 25 ianvaria 2023 goda. Vol. 2. Moscow: Nauchno-izdatel'skiĭ tsentr "Imperiia", 2023. Pp. 46–49.
10. Kitaigorodskaja, M.V. Formirovanie novykh stereotipov sotsial'nogo povedeniia v posttotalitarnom obshchestve (na materiale mitingov) [The Formation of New Stereotypes of Social Behavior in a Post-Totalitarian Society (Based on Rally Materials)] / M.V. Kitaigorodskaja, N.N. Rozanova // Rechevye i mental'nye stereotipy v sinkhronii i diakhronii: tezisy konferentsii. Moscow: In-t slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1995. Pp. 52–54.
11. Kobozeva, I.M. Nemets, anglichanin, frantsuz i russkii: vyivlenie stereotipov natsional'nykh kharakterov cherez analiz konnotatsii étonimov [The German, the Englishman, the Frenchman, and the Russian: Identifying Stereotypes of National Characters Through the Analysis of Ethnonym Connotations]. *Lomonosov Philology Journal. Ser. 9, Filologiya*. 1995. No. 3. Pp. 102–117.
12. Krasnykh, V.V. Grammatika lingvokul'tury: sistema koordinat, sistema taksonov, sistema mentefaktov [Grammar of linguistic culture: coordinate system, taxon system, mentefact system]. *Russkii iazyk i kul'tura v formirovanii edinogo sotsiokul'turnogo prostranstva Rossii*. Saint Petersburg: MIRS, 2008. Pp. 333–344.
13. Kreĭdlin, G.E. Stereotipy vozrasta [Age Stereotypes]. *Rechevye i mental'nye stereotipy v sinkhronii i diakhronii: tezisy konferentsii*. Moscow: In-t slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1995. Pp. 52–54.
14. Krysin, L.P. *Ocherki po sotsiolingvistike* [Essays on Sociolinguistics]. Moscow: FLINTA, 2021. 360 p.
15. Kushnareva, A.V. Otrazhenie stereotipov v iazykovom soznanii i paremicheskoi kartine mira [The reflection of stereotypes in linguistic consciousness and the paremiological picture of the world]. *Russkii lingvisticheskii biulleten'*. 2022. No. 3(31). DOI 10.18454/RULB.2022.31.25.
16. Makeeva, L.B. *Filosofia Kh. Patnema* [The Philosophy of H. Putnam]. Moscow: IF RAN, 1996. 190 p.
17. Nikolaeva, T.M. Rechevye, kommunikativnye i mental'nye stereotipy: sotsiolingvisticheskaia distributsiia [Speech, communicative, and mental stereotypes: sociolinguistic distribution]. *Iazyk kak sredstvo transliatsii kul'tury*. Moscow: Nauka, 2000. Pp. 112–131.
18. Plungian, V.A. S chisto russkoĭ akkuratnost'iu... (K voprosu ob otrazhenii nekotorykh stereotipov v iazyke) [With a Purely Russian Accuracy... (On the Reflection of Some Stereotypes in Language)] / V. A. Plungian, E. V. Rakhilina. *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*. 1996. Vol. 2. Pp. 340–351.
19. Razumeeva, Zh.È. *Osobennosti formirovaniia i iazykovoĭ reprezentatsii gibridnogo stereotipa* [Peculiarities of the formation and linguistic representation of a hybrid stereotype]. Kollektivnaia monografiia. Nizhegorodskii gosuniversitet im. N.I. Lobachevskogo: Natsional'nyi issledovatel'skiĭ Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo, 2024. p. 111–114.
20. Ryzhkov, V.A. Osobennosti stereotipizatsii, neobkhodimo soprovozhdaushchei sotsializatsiiu individa v ramkakh opredelennoi natsional'no-kul'turnoi obshchnosti [Peculiarities of stereotyping, necessarily accompanying the socialization of an individual within a certain national-cultural community]. *Iazykovoie soznanie: stereotipy i tvorchestvo*. Moscow: Institut iazykoznanii AN SSSR, 1988. p. 4–16.
21. Ufimtseva, N.V. Étnicheskii iazyk v usloviakh kul'turnoi i iazykovoĭ polifonii [Ethnic language in the conditions of cultural and linguistic polyphony]. *Filologiya i kul'tura*. 2012. No. 2(28). p. 129–132.
22. Tsaturian, M.M. Iazykovaia realizatsiia gendernykh stereotipov [Linguistic realization of gender stereotypes] / M.M. Tsaturian, M.A. Tsaturian. *Gumanitarnye issledovaniia*. 2023. No. 3 (87). Pp. 108–112.
23. Anscombre, J.-C. Le rôle du lexique dans la théorie des stéréotypes. *Langages*. 2001. № 142. pp. 57–76.
24. Anscombre, J.-C. Dénomination, sens et référence dans une théorie des stéréotypes nominaux. *Cahiers de praxématique*. 2001. № 36. pp. 43–72.
25. Bally, Ch. *Traité de stylistique française* / Ch. Bally. Heidelberg, 1921.

26. Beliakov, V. Les métaphores et les stéréotypes nominaux. *Voix du monde slave. Chroniques slaves*. 2007. p. 203–212.
27. Fradin, B. Anaphorisation et stéréotypes nominaux. *Lingua*. 1984. Vol. 64. p. 325–369.
28. Horn, L., Ward G. *The Handbook of Pragmatics*. Blackwell Publishing, 2004.
29. Putnam, H. *Mind, Language and Reality*. Cambridge University Press, 1975.
30. Schapira, Ch. *Les stéréotypes en français*. Ophrys, 1999.

Сведения об авторах:

Дикарева Ксения Андреевна – аспирант кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: фразеология французского языка, лексикология, семантика.

ORCID ID:0009-0004-2916-2406

E-mail: xeniadikareva@gmail.com

About the author:

Kseniia A. Dikareva is PhD Student, Department of French Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: French phraseology, lexicology, and semantics.

ORCID ID: 0009-0004-2916-2406

E-mail: xeniadikareva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

* * *

The Conflictogenicity Index of Media Discourse in the Context of the National Communicative Style: Evidence from Mexican and American Mass Media

Natalia V. Karpovskaya, Irina Ig. Davtians

Southern Federal University,
105/42, B. Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russia

Abstract. The escalation of socio-economic and geopolitical tensions is heightening the potential for conflict not only in intercultural but also in monocultural communication. Within this context, the media plays a significant role in shaping public sentiment and fostering situations conducive to conflict. This study aims to define the Conflictogenicity Index of Media Discourse (CIMD), examine its correlation with national communicative styles, and analyse the specific realisation of Lexical Pragmatic Markers of Conflictogenicity (LPMCs) in contemporary Mexican and American media. A particular focus is placed on devising a methodology for calculating the CIMD and trialing it through the analysis of empirical data. The analysis draws on a corpus of 680 online publications from 2021 to 2025, sourced from outlets including *La Jornada*, *Excelsior*, *El Milenio*, *Fox News*, *The New York Times*, *The New York Post*, etc. These publications address the migration crisis – an issue of common concern to both Mexico and the United States – thereby framing the investigation of conflictogenicity within an “Us vs. Them” dynamic. The findings confirm that norms of national communicative style govern the selection, frequency, density, and permissible strength of negative evaluation in LPMCs. This study also reveals that both the perceived intensity of a conflictogenic marker and the overall CIMD are subject to cross-cultural variation. To illustrate, articles deemed highly conflictogenic within Mexican linguoculture may be rated as medium or even low on the CIMD scale compared to American media. Ultimately, the research demonstrates that LPMCs, as key indicators of conflictogenicity in discourse, not only signal underlying social tensions but also help to pinpoint the society’s most pressing issues.

Keywords: Conflictogenicity Index of Media Discourse (CIMD), media discourse, national communicative style, Lexical Pragmatic Markers of Conflictogenicity (LPMCs), conflictogenic discourse, “Us vs. Them” dichotomy

For citation: Karpovskaya N.V., Davtians I.Ig. (2025). The Conflictogenicity Index of Media Discourse in the Context of the National Communicative Style: Evidence from Mexican and American Mass Media, *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(4), pp. 22–37. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-22-37>

Индекс конфликтности медиадискурса в контексте национального коммуникативного стиля (на материале мексиканских и американских СМИ)

Н.В. Карповская, И. И. Давтянц

Южный федеральный университет,
344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

Аннотация. Обострение социально-экономических и геополитических процессов приводит к росту конфликтности не только в условиях межкультурной, но и монокультурной коммуникации. Между тем на формирование общественных настроений и развитие конфликтных ситуаций значительное влияние оказывают СМИ. Цель настоящей работы заключается в определении *индекса конфликтности медиадискурса (ИКд)*, исследовании его *взаимосвязи с национальным коммуникативным стилем*, а также раскрытии специфики реализации *лексических прагматических маркеров конфликтности (ЛПМК)* в современных мексиканских и американских СМИ. Отдельное внимание уделяется разработке методики расчёта ИКд и её апробации при анализе фактологического материала. Для достижения поставленной цели было проанализировано 680 онлайн публикаций за 2021 – 2025 годы (La Jornada, Excelsior, El Milenio, Fox News, The New York Times, The New York Post и др.), освещающих общую для Мексики и США проблему миграционного кризиса, что позволило подойти к проблеме конфликтности в контексте проблематики «свой – чужой». Результаты, полученные в ходе исследования, доказывают значение норм национального коммуникативного стиля для выбора ЛПМК, частотности и плотности их функционирования, а также допустимой степени выраженности в них негативного признака или оценки. Было выявлено, что степень выраженности конфликтного признака ЛПМК, как и индекс конфликтности дискурса, в разных культурах могут оцениваться по-разному. Так, статьи с высоким для мексиканской лингвокультуры индексом конфликтности, оказываются в разряде публикаций, характеризующихся средним (или даже низким) ИКд по сравнению с американскими СМИ. В то же время, как показывает проведённое исследование, ЛПМК, относящиеся к ключевым показателям конфликтности дискурса, не только сигнализируют о социальной напряжённости в обществе, но и позволяют выявить его наиболее острые проблемы.

Ключевые слова: индекс конфликтности, медиадискурс, национальный коммуникативный стиль, лексические прагматические маркеры конфликтности (ЛПМК), конфликтный дискурс, оппозиция «свой – чужой»

Для цитирования: Карповская Н.В., Давтянц И.И. (2025). Индекс конфликтности медиадискурса в контексте национального коммуникативного стиля (на материале мексиканских и американских СМИ). *Филологические науки в МГИМО*. 11(4), С. 22–37. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-22-37>

Введение

Конфликтогенный потенциал текстов современных средств массовой информации представляет собой важный объект изучения в социально-гуманитарных науках, что объясняется как центральной ролью массмедиа в конструировании общественного мнения, так и их влиянием на рост социальной напряжённости и рискогенности. Радикализация и «негативные когнитивные искажения» [3, с. 92] характерные для многих информационных ресурсов, нередко проявляются в демонстрации и продвижении отрицательного отношения к определённой социальной группе, стимулируя развитие различных, в том числе межэтнических и межнациональных конфликтов.

В настоящее время, в период значительных геополитических перемен, особую важность и актуальность приобретает выявление особенностей конфликтного типа взаимодействия в отдельных лингвокультурах. Данная проблематика находит отражение в работах многих отечественных и зарубежных учёных (В.С. Третьякова [33], Н.В. Муравьева [26], К. Орте Сосиас [42], Н.А. Беловус [4], А. Бланко Салгейро [37], Н.В. Осколкова [28], А.Е. Босов [5], Дж. Кастаньеда Рохас [38], И.В. Микулина [25], З.Р. Мамсурова [22], Т.В. Ларионова [21], Н.Н. Кошкарлова [18], Д.Р. Гилязова [7], М.Ю. Никитин [27] и др.). В то же время, сложная международная ситуация, возникшая в различных регионах мира из-за активной миграции населения, диктует необходимость проведения дальнейших исследований конфликтогенности миграционных процессов. В частности, раскрытие специфики языковой объективации образа «чужого» в контексте миграционной проблематики и национального коммуникативного стиля способствует изучению конфликтогенных факторов межкультурного взаимодействия и разработке эффективных стратегий и методов их преодоления, а применение междисциплинарного и лингвопрагматического подходов при анализе фактологического материала позволяет подойти к раскрытию негативных настроений социума и определению его наиболее острых проблем.

Одним из центральных вопросов настоящего исследования является выявление взаимосвязи между индексом конфликтогенности медиадискурса, национальным коммуникативным стилем и актуализацией когнитивно-прагматического потенциала ЛПМК, а также разработка методики расчёта ИК_д и проведение её апробации. В связи с чем предстоит решить ряд задач: рассмотреть различные подходы к понятиям конфликтогенный дискурс и национальный коммуникативный стиль; определить основные характеристики лексических прагматических маркеров конфликтогенности (ЛПМК) и их роль в формировании конфликтогенного дискурса; выявить специфику актуализации когнитивно-прагматического потенциала ЛПМК в мексиканской и американской лингвокультурах; разработать методику определения индекса конфликтогенности высказывания.

Материалы и методология

Теоретической основой для данной работы послужили исследования как в области определения средств диагностики конфликтогенного дискурса (А.П. Костяев [17], О.В. Крамкова [19], Е.Н. Басовская [2], М. Вильямс [46], П.А. Маракулина [23], Л.А. Махина [24], И.В. Глухова [9], Ю.В. Яковлева [36], О.П. Семенец [32], Дж. Папкунова [43] и др.), так и в сфере изучения национального коммуникативного стиля и речевых стратегий (С. Рамос [45], О. Пас [44], О.С. Иссерс [13], Л.В. Куликова [20], И.В. Певнева [30], А.А. Иванова [12], К. Фуэнтес [40], О.С. Чеснокова [35], И.В. Гусева [10] и др.).

Эмпирическую базу исследования составили 680 статей за 2021 – 2025 годы, посвящённые проблеме миграции, из ведущих онлайн-изданий Мексики и США (La Jornada, Excélsior, El Milenio, Fox News, The New York Times, The New York Post и др.). Отбор материала проводился методом сплошной выборки.

В основе методологии лежит комплексный подход, включающий лингвопрагматический и семантико-когнитивный анализ, а также сравнительно-сопоставительный, описательно-аналитический и статистический методы с элементами формализации.

Важнейшим инструментом работы стала авторская методика, позволившая количественно оценить индекс конфликтности медиадискурса в Мексике и США.

Конфликтотенный дискурс

Понятие конфликтотенности многоаспектно и имеет различные трактовки в современной науке. Тем не менее, как отечественные, так и зарубежные исследователи независимо от области научных изысканий сходятся во мнении, что крайней степенью проявления конфликтотенности является конфликт, нередко обретающий форму *конфликтотной коммуникации*, когда, согласно Л.Н. Цой, происходит «столкновение интересов, потребностей, ценностей и взглядов», которые «репрезентируются в речевой коммуникации и представляют собой нелинейный, естественно развивающийся процесс» [34].

При обращении к проблеме конфликтотенности нередко используется и понятие «дискурс», акцентирующее внимание на необходимости анализа не только языковых аспектов текста, но и «различных экстралингвистических факторов ... обуславливающих соответствующее речевое действие» [11, с. 9], влияющее на возможность возникновения и развития конфликта. Среди наиболее значимых признаков конфликтотенного дискурса чаще всего отмечаются такие, как:

- *использование лингвопрагматического инструментария категории конфликтотенности* (инвективная лексика; слова с негативной коннотацией; категоричные выражения; эмоционально-оценочная лексика и др.);
- *обращение к стилистическим приёмам и выразительным средствам языка* (ирония, сарказм; гиперболизация и поляризация; восклицания, риторические вопросы и др.);
- *применение средств дискурсивного воздействия* (выражение отрицательного отношения к собеседнику, третьим лицам или ситуации; нарушение общепринятых норм вежливого общения; реализация конфронтационных речевых стратегий и тактик: императивность, провокации, угрозы, оскорбления, деление на «своих» и «чужих» и др.; манипулятивные приёмы: использование субъективных негативных оценок; апелляция к эмоциям, а не к рациональным аргументам; упрощение и искажение образа оппонента и др.) [В.С. Третьякова [33], К. Орте Сосиас [42], Карповская [15], Давтянц [11], Н.В. Муравьева [26] и др.].

Такой тип дискурса способен провоцировать возникновение и обострение конфликтов, вызывать отрицательные эмоции у участников коммуникации, а также стимулировать ответные вербальные и невербальные действия со стороны адресата.

Конфликтотенность, как отмечают многие исследователи, является отличительной особенностью современного медиадискурса, проявляясь в способности СМИ влиять на развитие конфликта посредством превращения в полноценных участников, со-конструкторов, со-организаторов, и даже подстрекателей конфликта [6, с. 6]. Одной из наиболее частотных стратегий, к которым прибегают современные журналисты, становится *стратегия дискредитации*, характеризующаяся разнообразными коммуникативными ходами: оскорбления (прямые и косвенные), навешивание ярлыков, насмешки, обвинения и др. [13, с. 285]. Стоит подчеркнуть, что успешность обращения к данной стратегии не зависит от присутствия оскорбляемого лица, так как прагматический эффект достигается за счёт воздействия на адресата-наблюдателя. Тактика оскорбления, используемая в рамках стратегии дискредитации, нередко сочетается с тактикой положительной самопрезентации, что соответствует принципам «идеологического квадрата» Т.А. ван Дейка [39, с. 44].

Ключевую роль в реализации конфронтационных стратегий и тактик играют лексические прагматические маркеры конфликтотенности (ЛПМК), под которыми в настоящей работе понимаются «прагмемы с отрицательной эмоционально-оценочной коннотацией», направленные «на актуализацию в речи субъективной оценки адресанта через выражение агрессивности, воинственности, враждебности и нетерпимости», обладающие «высоким когнитивно-прагматическим потенциалом, реализация которого способствует возникновению и развитию конфликтных ситуаций» [11, с. 6].

Влияние ЛПМК на формировании индекса конфликтности публикаций в СМИ

Если подходить к конфликтности как к некому признаку, качеству высказывания / текста / дискурса, то возникает вопрос о степени выраженности этого признака, его интенсивности. В настоящее время к вопросу об определении степени конфликтности дискурса обращаются многие исследователи. Так, учёные из Словакии затрагивают проблему установления таких критериев, которые позволят сделать процесс отнесения того или иного текста к типу hate speech более объективным. В качестве индикаторов авторами рассматриваются: языковой сексизм, разжигание расовой, культурной, религиозной нетерпимости, пропаганда терроризма, призывы к сегрегации и насилию, негативные стереотипы и двусмысленные высказывания, прозвища, личные нападки, насмешки и оскорбления, ирония, сарказм, запугивание и враждебность, вульгаризмы, неоднозначные хэштеги, отрицание исторических событий и др. [43].

Исходя из положения о том, что конфликтность – это качественная сторона речи, представляется логичным трактовать индекс конфликтности как количественную характеристику качества, его количественную оценку. При этом главную роль в формировании *индекса конфликтности* и определении степени его выраженности будут играть средства выражения лингвопрагматической категории конфликтности, сущность которой заключается в актуализации негативных субъективных оценок и негативного отношения говорящего к адресату / третьему лицу / группе людей / ситуации в рамках осознанного или неосознанного применения им коммуникативно-речевой тактики, приводящей к конфликту или провоцирующей его развитие [11, с. 9]. Несмотря на то, что формальный аппарат данной категории охватывает разноуровневые языковые средства, в понимании В. С. Третьяковой и ряда других авторов, наиболее ярко «национальные особенности восприятия такой действительности, как конфликт» проявляются на грамматическом и лексическом уровнях языка [33, с. 145], [31].

Одну из констант конфликтного дискурса, как было отмечено ранее, представляют ЛПМК, которые наряду с созданием конфликтной ситуации, активно участвуют в передаче отрицательного отношения говорящего к оппоненту, ситуации или объекту речи. Будучи маркерами речевого конфликта, ЛПМК близки таким носителям конфликтных смыслов, как: *дискурсивные маркеры вербальной агрессии* [17], *tension indicators* [46], *лексические маркеры речевого конфликта* [23], *речевые сигналы враждебности* [24], *hate speech indicators* [43], *лингвоконфликтогены* [32] и др. Однако ЛПМК отличаются от других единиц своей регулярной повторяемостью в конфликтном дискурсе той или иной группы людей (этноса), что способствует раскрытию актуальных проблем определённого социума. Будучи этноспецифичными, ЛПМК «в полной мере реализуют свой когнитивно-прагматический потенциал лишь в определённом культурном сообществе» [11, с. 12].

С целью определения средств диагностики конфликтного дискурса и индекса конфликтной напряжённости высказывания логично обратиться к методике, в основе которой будут лежать дискурсивный и когнитивно-прагматический подходы, направленные, как на выявление ЛПМК, так и на оценивание их количественных и качественных характеристик, передающих степень воздействия на реципиента и потенциальную опасность для коммуникации.

Методика дискурсивного анализа позволяет: проанализировать стратегии коммуникативного взаимодействия *адресанта и адресата*; исследовать их *интерперсональную сферу*, то есть форму общения, мотивы, цели, ценности и т.д.; раскрыть *психологические особенности и эмоциональное состояние коммуникантов*, исходя из эмоционально-оценочной окраски ЛПМК, коннотаций и имплицитных смыслов, стиля, тональности, модальности и т.д.; рассмотреть *контекстуальную сферу*, охватывающую ситуацию и условия общения, национальную специфику, предполагаемые фоновые знания и др.; изучить *механизмы и инструменты конструирования конфликтного дискурса*, влияющие на индекс его конфликтности, в том числе частотность и плотность ЛПМК, а также особенности актуализации их когнитивно-прагматического потенциала.

Вместе с тем применение когнитивно-прагматического подхода способствует выявлению и объяснению различий в восприятии конфликтных ситуаций представителями разных культур и пониманию конфликтности как результата столкновения ментальных моделей коммуникантов. Индекс конфликтности высказывания при этом представляется результатом взаимодействия языковых структур и когнитивных моделей адресанта и реципиента.

При разработке методики расчёта *индекса конфликтности дискурса (ИК_д)* представляется также целесообразным определиться с критериями его оценки. Не подлежит сомнению тот факт, что критерии оценки должны быть ориентированы на характеристики конфликтного дискурса: лексические, стилистические, дискурсивные и прагматические, которые находят своё выражение, прежде всего, в использовании ЛПМК, играющих основную роль в формировании *индекса конфликтности высказывания*.

Опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод о том, что формула расчёта ИК_д должна учитывать следующие параметры ЛПМК в тексте: количественные (частотность, плотность) и качественные (когнитивно-прагматический потенциал, степень выраженности конфликтного признака). При этом следует признать, что в части, касающейся определения уровня конфликтности ЛПМК, немалую роль играет субъективный фактор. Дело в том, что в композиционном плане категория конфликтности, к средствам выражения которой относятся данные маркеры, представляет собой трёхчастную структуру с центральным членом, характеризующим понятие нормы, и двумя противочленами, указывающими на большую/меньшую выраженность (проявленность) признака (ср. с категорией интенсивности см. [16]).

В отрицательном сегменте конфликтности (-1, -2, -3) находятся смягчающие (или примирающие) маркеры. К ним можно отнести, например, использование косвенного обвинения вместо прямого. В то время, как в положительной зоне располагаются те ЛПМК, которые способствуют эскалации конфликта (+1, +2, +3). Деление на шкале конфликтности зависит от многих психологических, логических и этнических факторов, отражая субъективное восприятие степени выраженности данного признака. Ординарное же (центральный член) представляет собой коллективно-субъективное восприятие нейтрального, точку отсчёта. Конфликтность языковой единицы мы ощущаем только благодаря тому, что бессознательно сопоставляем её как с центральным, нейтральным членом этой шкалы, так и с другими ЛПМК, более или менее способными воздействовать на наши чувства.

В целом, расчёт ИК_д можно представить следующей формулой интегрального показателя:

$\text{ИК}_d = \frac{(\text{Инт}_1 * \text{Чт}_1 * \text{Пл}_1 * \text{КПП}_1) + (\text{Инт}_2 * \text{Чт}_2 * \text{Пл}_2 * \text{КПП}_2) + (\text{Инт}_n * \text{Чт}_n * \text{Пл}_n * \text{КПП}_n)}{\text{К}_{\text{СЛ}}} \times 1000$
<p>Или:</p> $\text{ИК}_d = \frac{\sum (\text{Инт}_i * \text{Чт}_i * \text{Пл}_i * \text{КПП}_i)^{(n)}}{\text{К}_{\text{СЛ}}} \times 1000$

Условные обозначения параметров маркера:

1. **Инт₁** – интенсивность 1 ЛПМК, от -3 до +3 (степень выраженности конфликтности: +1 - негативные коннотации, +2 - экспрессивная лексика с негативной оценкой, +3 - обценная лексика).
2. **Чт₁** – частотность 1 ЛПМК (сколько раз маркер используется в тексте).
3. **Пл₁** – коэффициент плотности 1 ЛПМК (концентрация в рамках одного высказывания / текста – в процентах).
4. **КПП₁** – когнитивно-прагматический потенциал 1 ЛПМК, от 1 до 5 баллов (под *когнитивно-прагматическим потенциалом* (КПП) нами понимается «возможность актуализации в речи наряду с категориальными значениями, присущими языковым единицам как элементам языковой системы и языковой картины мира, тех имплицатур, которые могут проявиться

при взаимодействии языка с речевой средой и способствовать не только формированию того или иного восприятия, осмысления, познания действительности, но и достижению определённого прагматического эффекта» [14, с. 499].

5. **К_{сл}** – количество слов в тексте.

6. **Подстрочный знак** – цифра, обозначающая принадлежность параметра конкретному ЛПМК.

Действия:

1) **Числитель:** сумма произведений всех характеристик каждого ЛПМК в тексте.

2) **Знаменатель:** количество слов в тексте.

3) **Масштабирование** для исключения дробных значений (*1000).

Пример расчёта:

– Текст: 500 слов, 2 ЛПМК.

– Маркер 1: $Инт_1 = 3$; $ЧТ_1 = 3$; $Пл_1 = 0,6\%$; $КПП_1 = 5 \rightarrow 3 \cdot 3 \cdot 0,6 \cdot 5 = 27$

– Маркер 2: $Инт_2 = 2$; $ЧТ_2 = 4$; $Пл_2 = 0,8\%$; $КПП_2 = 3 \rightarrow 2 \cdot 4 \cdot 0,8 \cdot 3 = 19,2$

– Сумма: $27 + 19,2 = 46,2$

– **Индекс:** $(46,2 : 500) \cdot 1000 = 92,4$

ИК_д составляет 92,4 условных балла (по шкале *1000), что соответствует умеренному уровню конфликтности (в диапазоне 50-150 баллов).

Таким образом, *количественный анализ при определении ИК_д* подразумевает подсчёт частотности ЛПМК (общее количество маркеров в тексте); определение их плотности, исходя из формулы: (количество использования маркера / общее количество слов) * 1000; а также оценку градуируемости (степени выраженности конфликтности: слабая / умеренная / сильная). В то же время *качественный анализ* направлен на контекстуальное и психолингвистическое оценивание, определение уровня воздействия на реципиента, выявление скрытых смыслов и национальной специфики, то есть на те параметры, которые тесно связаны с национальным коммуникативным стилем, определяющим особенности конфликтного типа взаимодействия в социуме, тип допустимых к использованию лингвоконфликтогенов и их плотность.

Интерпретация результата:

– **ИК_д < 50** → низкий уровень конфликтности (прагматика интерпретации: текст публикации не провоцирует значимый конфликт);

– **50 < ИК_д < 150** → умеренный уровень конфликтности (прагматика интерпретации: поляризованный, но контролируемый дискурс);

– **ИК_д > 150** → высокий уровень конфликтности (прагматика интерпретации: агрессивная риторика, явная эскалация, открытый конфликт).

Следует подчеркнуть, что параметры градации ИК_д (низкий, умеренный, высокий) отражают компромисс между логикой математической модели, данными проведённого анализа и прозрачностью интерпретации, имеют гибкие границы и зависят не только от конкретных задач исследования (например, при проведении анализа юридического или художественного дискурса), но и от норм национального коммуникативного стиля, и от принципов конфликтного / неконфликтного коммуникативного поведения в той или иной культуре.

Конфликтное взаимодействие в свете проявления национального коммуникативного стиля

Речеповеденческие модели коммуникации, как кооперативной, так и конфликтной, в понимании современных авторов, детерминированы, с одной стороны «личностной парадигмой, с другой – особенностями национально-культурного пространства» [18, с. 5], которое получило название национального коммуникативного стиля. Данное понятие используется для обозначения устойчивой совокупности «коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтэкстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка» [20, с. 182]. При всей значимости индивидуально-личностных особенностей

коммуникантов, национальные модели речевого поведения, имеющиеся в когнитивной базе лингвокультурной общности, обуславливают восприятие и оценку языковых единиц в том или ином контексте, предопределяя, тем самым, прагматический эффект высказывания и индекс его конфликтности.

Так, если обратиться к мексиканским СМИ, становится очевидным, что их отличает довольно низкий индекс конфликтности, в первую очередь, при языковой объективации образа «чужого». Подобная тенденция, направленная на внешнее соблюдение высокой степени учтивости, возникла не случайно, а под влиянием целого ряда социальных и исторических факторов, среди них и колониальное прошлое, и экономически более развитый сосед, и социальное неравенство, и др. (см. работы: С. Рамоса [45], О. Паса [44], О. С. Чесноковой [35], К. Фуэнтеса [40], И. В. Гусевой [10], И. Р. Абкадыровой [1], А. В. Гладощук [8] и др.). Консерватизм мексиканского общества, чинопочитание, желание через вежливое поведение избежать противостояния, дистанцирование от власти и преклонение перед более развитыми культурами во многом объясняют сдержанность и относительную неконфликтность мексиканских СМИ.

Однако в медиапространстве Мексики встречаются и публикации с высоким ИК_д. Как правило, в них находят отражение те социальные проблемы, которые волнуют мексиканцев больше всего. Проанализируем, с использованием предложенной выше методики определения ИК_д, статью «*Mexicanos 'estallan' contra extranjeros porque salsas de taquerías ya no pican: "para gringos".*»¹ («Мексиканцы 'выходят из себя' из-за иностранцев, потому что соусы в такерияс² больше не острые: "они для гринго".»³), в которой говорится о проблеме джентрификации и активной миграции жителей США в Мексику. Статья была опубликована на сайте издания El Milenio в 2024 году:

	Инт	Чт	Пл %	КПП
Gentrificación	1	7	1,46	3
las salsas no pican	1	10	2	3
un descontento*, inconformidad se preocuparon, un problema	1	5	1	1
pedían un alto, acusa, queja	1	4	0,8	1
la llegada de extranjeros	1	3	0,6	3
el país se adapta a los turistas, adaptado a los salarios, nos tenemos que adaptar,	1	4	0,8	3
muchos no pagan impuestos presuntamente	1	1	0,2	3
objetivo de no afectar el paladar de los extranjeros.	2	1	0,2	4
en nuestro país	1	2	0,4	3
aumento de costos en viviendas	1	1	0,2	3
siendo víctima	2	1	0,2	2
tenemos que hacer algo!!!	2	1	0,2	3
culpa	2	1	0,2	4
se presenta una nueva afectación que pareciera increíble	2	1	0,2	3
gringo	2	2	0,4	4
cabrón	2	1	0,2	2

*В целях упрощения процесса подсчётов ЛПМК с совпадающими характеристиками внесены в одну строку. При определении частотности и плотности их реализации данные суммировались.

ИК_д=137: 479 (количество слов в статье)*1000=286 баллов

Столь высокий индекс конфликтности характерен менее чем для 15% проанализированных статей мексиканских СМИ, что свидетельствует о важности и актуальности проблемы джентрификации для жителей страны. Сравним несколько фрагментов статьи (орфография и пунктуация постов, упомянутых в ней, сохранена):

¹ <https://www.milenio.com/virales/mexicanos-enojados-porque-salsas-ya-no-pican-culpan-a-extranjeros>

² В Мексике taquería – это культовое место дешёвой, вкусной уличной еды: небольшое кафе, киоск или уличная палатка, где готовят и продают тако, традиционные мексиканские лепешки с начинкой.

³ Здесь и далее перевод авторов.

«*La gentrificación ha sido un descontento que muchos mexicanos exponen día con día, pues acusan que la llegada de extranjeros en busca de establecerse en nuestro país empieza a ser un problema al generar aumento de costos en viviendas.*» – «Джентрификация вызывает недовольство, которое многие мексиканцы выражают изо дня в день, обвиняя иностранцев, приезжающих с намерением обосноваться в нашей стране, в том, что их наплыв уже становится проблемой, так как приводит к росту цен на жильё.»

«*En la Ciudad de México está pasando un efecto de gentrificación cabrón que las salsas ya no pican. De hecho, les he dicho a los taqueros '¿Es para gringos verdad? ¿Tienes algo que pique?' ..., dijo Villar.*» – «В Мехико проклятая джентрификация сейчас приводит к тому, что соусы уже больше не острые. По правде сказать, я так и спрашиваю продавцов тако: "Это для грингос, да? А у тебя есть что-нибудь поострее?"... – сказал Вильяр.»

«*Estoy siendo víctima de la gentrificación en los tacos 'El Califa'...*» – «Я чувствую себя жертвой джентрификации в «Эль Калифа» – эти тако...».

Примечательно, что нейтральное, по сути, слово *gentrificación* (возможно, даже имеющее отдельные положительные коннотации) обладает высоким КПП именно в мексиканском социально-экономическом контексте, так как из-за джентрификации, которая влечёт за собой рост цен на недвижимость, мексиканцы вынуждены покидать свои дома, уступая их обеспеченным гражданам США. В текстах мексиканских СМИ, относящихся к информационному полю миграции, более 18% ЛПМК приходится как раз на описание негативных последствий от данного обновления и изменения облика городов.

Усилению ИКД публикации способствовало обращение автора статьи к соцсетям и цитирование постов и комментариев пользователей, что позволило поднять его до очень высокого уровня на шкале конфликтности мексиканского публицистического стиля, для которого не характерно использование некоторых ЛПМК, в частности, *gringos*, так как данная лексическая единица относится к разговорному стилю и может вносить в высказывание значительное количество негативных импликаций.

Следует отметить, что в начале статьи реализуются ЛПМК с низкой степенью проявленности конфликтности (*descontento* – недовольство, *acusar* – обвинять, *problema* – проблема и др.). Однако постепенно напряжение нарастает, для чего автор обращается к таким ЛПМК, как: *cabrón* (ругательство, в предложенном переводе – проклятая), *gringos* (так мексиканцы называют светлокожих англоговорящих людей, чаще всего граждан США), *víctima* (жертва) и др. В финале статьи читателю предлагается следующий пост из социальных сетей: «*Están cambiando nuestro querido México, tenemos que hacer algo!!!!!!*» – «Они меняют нашу любимую Мексику, мы должны что-то сделать!!!!!!» Местоимение *nuestro* (наш) обладает в данном контексте высоким КПП, так как несёт в себе скрытую отсылку не только к колониальному опыту мексиканцев и интервенции американцев в прошлом, но и к нынешней ситуации, когда американцы «выселяют» мексиканцев из их домов, требуют от них знания английского языка в Мексике и ведут себя как настоящие захватчики (см. [11, с. 18]).

Если для мексиканского варианта испанского языка присуще стремление к сдержанности, то американский английский, по словам Р.Д. Льюиса, отличается «жёсткой» прямоотой и своеобразной «грубоватостью», а также постоянной склонностью к преувеличениям и сенсациям [41, с. 184]. В то же время, в коллективной монографии отечественных учёных «Очерк американского коммуникативного поведения» упоминаются и такие доминантные черты американского коммуникативного поведения, как внешняя эмоциональность, открытая демонстрация негативных чувств, шумность, агрессивная самопрезентация [29].

Обратимся к статье «*Small Texas police department says influx of migrants 'overwhelming'.*»⁴ («Небольшое полицейское управление в Техасе называет наплыв мигрантов 'сokрушительным'»), опубликованной на сайте медиаресурса Fox News в 2021 году. Статья посвящена проблеме

⁴ <https://www.foxnews.com/media/la-joya-texas-police-border-crisis-overwhelming>

беспрецедентно стремительного увеличения на границе с Мексикой числа нелегальных мигрантов, которые надеются попасть в США.

	Инт	Чт	Пл %	КПП
migrant surge, influx	1	5	1,4	5
«overwhelming», UNSUSTAINABLE	2	5	1,4	4
shocked, demands, called on, to act, ignore	2	5	1,4	3
national security crisis, BORDER CRISIS	2	7	2	5
our first line of defense, we're going to lose	3	2	0,6	5
We can't continue like this	2	6	1,75	5

ИК_д = 431:341*1000=1263

Как следует из приведённых данных, ИК_д данной статьи больше, чем в 4 раза превышает ИК_д мексиканской публикации (286), а интенсивность практически всех ЛПМК больше единицы, ср.:

«... try to deal with what is on this border a **humanitarian** as well as a **national security crisis**...» – «... пытаются справиться с проблемой, которая на этой границе является и гуманитарным кризисом, и угрозой национальной безопасности...»

«**GOP DEMANDS BIDEN ADMINISTRATION ACT AFTER MAYORKAS CALLS BORDER CRISIS 'UNSUSTAINABLE'**.» – «Республиканская партия требует от администрации Байдена принять меры после того, как Майоркас назвал кризис на границе «неприемлемым.»

«... the **current border situation "cannot continue."** ... the federal government's system **was not designed to handle such an influx of migrants** as the U.S. has seen in recent months and he was «very well» aware that the sector recently came **close to "breaking"**...» – «... текущая ситуация на границе 'не может продолжаться' ... федеральная система управления не была рассчитана на тот наплыв мигрантов, с которым США столкнулись в последние месяцы, и он [Майоркас] был 'очень хорошо' осведомлён о том, что этот сектор недавно оказался на грани 'коллапса'...».

«**We can't continue like this, our people in the field can't continue and our system isn't built for it.**» – «Мы не можем продолжать в том же духе, наши сотрудники на местах не могут так работать, да и вся наша система не предназначена для этого.»

Обращает на себя внимание и тот факт, что некоторые слова напечатаны заглавными буквами, что ещё больше увеличивает их КПП. Наплыв иммигрантов сравнивается автором с террористической угрозой. В статье присутствуют призывы к решительным действиям, а идея о том, что так больше продолжаться не может, повторяется 6 раз, способствуя усилению негативного эмоционального фона.

Подводя итог вышеизложенному и опираясь на анализ фактологического материала, можно с уверенностью утверждать, что ЛПМК, характерные для того или иного национального коммуникативного стиля, являются ключевым компонентом медиадискурса, во многом определяющим индекс его конфликтогенной напряженности.

Результаты исследования

Результаты рассмотрения американских и мексиканских СМИ за 2021 – 2025 гг. позволяют прийти к заключению о том, что определяющее влияние на вариативность индекса конфликтогенности медийных текстов оказывают частотность, плотность и градуируемость ЛПМК, реализация которых, в свою очередь, обусловлена особенностями национального коммуникативного стиля.

При освещении миграционного кризиса на границе между Мексикой и США, причиной которого стали миграционные потоки в обе стороны, ИК_д англоязычных американских (и прежде всего прореспубликанских) публикаций чрезвычайно высок: от 600+ условных баллов по шкале *1000 (80% статей). Тогда как в мексиканских СМИ лишь 15% рассмотренных публикаций имели ИК_д 250-300 ед. Важно отметить, что реализуемые в мексиканской прессе ЛПМК отличались низкой степенью выраженности конфликтогенного признака и КПП, не способствующим созданию

эффекта коммуникативного давления, что, скорее всего, связано с тенденцией мексиканского коммуникативного стиля к учтивости. Этой же тенденцией, по всей вероятности, объясняется и стремление авторов публикаций в СМИ к имплицитной актуализации конфликтного потенциала ЛПМК, ср.:

«...**los solicitantes de asilo** estaban expuestos a **graves peligros** mientras esperaban en México...⁵» – «...просители убежища, подвергались серьёзной опасности, пока ожидали решения в Мексике...»

«...**más de 72 mil personas regresadas a México...** [el Protocolo 'Quédate en México'] las colocó como **carne de cañón de secuestros, extorsiones, abusos de autoridad, violaciones de derechos, condiciones precarias de vida, y la muerte...**⁶» – «... свыше 72 тысяч человек, отправленных обратно в Мексику... [по программе «Оставайся в Мексике»] стали беззащитными жертвами похищений, вымогательств, произвола властей, нарушений прав человека, нищеты и смерти...».

Для того, чтобы избежать прямого обвинения США в их действиях по отношению к мигрантам, в СМИ Мексики вместо ЛПМК, напрямую осуждающих действия США, нередко используются маркеры, фокусирующиеся на последствиях этих действий.

Заключение

Важнейшая роль, которую играют СМИ в возникновении и развитии конфликтных ситуаций в современном мире, стимулирует интерес исследователей к изучению репрезентации конфликтного типа взаимодействия в медиадискурсе. Сочетая в себе общие для многих естественных языков черты (например, следование речевым стратегиям и тактикам конфликтного типа, несоблюдение норм вежливого поведения, принятых в обществе и др.), конфликтный дискурс, тем не менее, обладает определённой национальной спецификой, которая находит своё выражение, помимо прочего, и в актуализации ЛПМК, которые по своей сути являются сигналами враждебности и реализуются в определённых социально значимых контекстах. При этом частотность, плотность и выраженность заложенного в них негативного признака определяются речеповеденческими, когнитивными и ментальными моделями конкретной лингвокультуры. Национальный коммуникативный стиль, детерминируя основные параметры конфликтного типа взаимодействия коммуникантов, играет решающую роль не только в формировании индекса конфликтности медиадискурса, но и в его восприятии представителями соответствующего социума.

© Н.В. Карповская, И.И. Давтянц, 2025

Список литературы

1. Абкадырова И.Р. Слова-реалии и их роль в процессе актуализации и моделирования мексиканского национального коммуникативного стиля (на материале современной прозы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Р. Абкадырова. Воронеж, 2017. 22 с.
2. Басовская Е.Н. Речевые тактики ответа на критику в советской прессе / Е. Н. Басовская // Конфликт в языке и коммуникации: сборник статей / Российский государственный гуманитарный университет, Институт лингвистики; составитель и ответственный редактор Л. Л. Федорова. М., 2011. С. 44–54.
3. Белинская Е.П. Пространство социальных сетей как фактор радикализации конфликта в виртуальном взаимодействии / Е.П. Белинская, С.Н. Илюхина // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2018. № 4(14). С. 81–95.
4. Белоус П.А. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст / П.А. Белоус, Н.В. Осколкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 4–2. С. 96–107.
5. Босов А.Е. Функционирование терминов в отечественных лингвистических и юридических текстах второй половины XX – начала XXI века в свете данных дискурсивного анализа: автореф. дис. ... канд. фил. наук / А.Е. Босов; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2009. 26 с.

⁵ <https://www.jornada.com.mx/notas/2021/09/04/politica/juez-federal-falla-a-favor-de-los-solicitantes-de-asilo-en-eu/>

⁶ <https://www.jornada.com.mx/notas/2021/08/13/sociedad/mexico-complice-de-violacion-a-dh-de-migrantes-acusan-organizaciones/>

6. Вартанова Е.Л. Медиа и конфликты: исследование взаимовлияния в актуальном академическом дискурсе / Е. Л. Вартанова, Д. В. Дунас, А. А. Гладкова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 4. С. 3–32.
7. Гилязова Д. Р. Исследование конфликтного потенциала медийного текста: (на материале текстов масс-медиа и Интернет-текстов): дис. ... канд. фил. наук / Д. Р. Гилязова. Башкирский государственный университет. Уфа, 2022. 197 с.
8. Гладощук А. В. “Мексиканские маски”: введение в “лабиринт одиночества” О. Паса / А. В. Гладощук // Литература двух Америк. 2018. № 4. С. 114–147.
9. Глухова И. В. Лексико-семантические способы выражения речевой агрессии (на материале англоязычных печатных СМИ) / И. В. Глухова // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12(408). С. 62–70.
10. Гусева И.В. Национально-обусловленная лексика как культурообразующий фактор формирования мексиканской языковой личности: автореф. дис. ... канд. фил. наук / И. В. Гусева. М., 2013. 23 с.
11. Давтянц И.И. Лексические прагматические маркеры конфликтности в контексте оппозиции «свой – чужой» (на материале мексиканских и американских испаноязычных СМИ и социальных медиа): автореф. дис. ... канд. фил. наук / И. И. Давтянц. М., 2024. 25 с.
12. Иванова А.А. Особенности реализации национального коммуникативного стиля в высказываниях о мечте (на материале британского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. фил. наук / А. А. Иванова. Челябинск, 2012. 21 с.
13. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О. С. Иссерс. Омск: ОГУ, 1999. 285 с.
14. Карповская, Н.В. Когнитивно-прагматический потенциал интенсификатов в свете процесса метафоризации (переводческий аспект проблемы) / Н. В. Карповская // Древняя и Новая Романия. СПбГУ, 2015. № 16. С. 497–506.
15. Карповская Н. В. О конфликтном дискурсе, лексических маркерах конфликтности и их когнитивно-прагматическом потенциале / Н.В. Карповская, И.Р. Абкадырова, И.И. Давтянц // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. 2022. № 1(2). С. 14–25.
16. Карповская Н.В. Прагматический потенциал языковых единиц в свете детерминации переводческих решений (на материале испанского языка) / Н.В. Карповская. 3-е издание. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2017. 208 с.
17. Костяев А.П. Дискурсивные маркеры вербальной агрессии в профессиональной коммуникации [Электронный ресурс] / А.П. Костяев // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2010. № 2 (19). С. 101–109. - URL: http://www.tverlingua.ru/archive/019/9_19.pdf. (дата доступа: 06.09.2025).
18. Кошкарлова Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы дискурса в межкультурном политическом пространстве: монография / Н.Н. Кошкарлова. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2021. 360 с.
19. Крамкова О.В. Языковые и прагматические факторы конфликтности / О.В. Крамкова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 332–335.
20. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме / Л.В. Куликова. Краснояр. гос. пед. Ун-т им. В. П. Астафьева. Монография. Красноярск, 2006. 392 с.
21. Ларионова Т.В. Механизм преобразования дискурсивного пространства вследствие речевого конфликта / Т. В. Ларионова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 3. С. 220–225.
22. Мамсурова З.Р. Конфликт как когнитивно-коммуникативное пространство / З.Р. Мамсурова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 28(739). С. 98–103.
23. Маракулина П.А. Языковые маркеры конфликтности / П.А. Маракулина [Электронный ресурс] // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 10: в 2 ч. Ч. 1. Минск, 2016. С. 317–321. – URL: <https://elibrary.bsu.by/bitstream/123456789/154201/1/П.А.Маракулина%20Языковые%20маркеры%20конфликтности.pdf>. (дата доступа: 08.09.2025).
24. Махина Л.А. Вербальные и невербальные средства выражения коммуникативно-прагматической категории “враждебность” в конфликтных текстах (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. фил. наук / Л. А. Махина. Санкт-Петербург, 2017. 22 с.
25. Микулина И. В. Конфликтные тексты СМИ в судебной практике Белгородской области: типологический, лингвоправовой и профессионально-этический аспекты: автореф. дис. ... канд. фил. наук / И. В. Микулина. Воронеж, 2011. 23 с.
26. Муравьева Н. В. Язык конфликта / Н. В. Муравьева. М.: Термика, 2004. 214 с.
27. Никитин М. Ю. Лингвосомиотические особенности конфликтного массмедийного дискурса: автореф. дис. ... канд. фил. наук / М. Ю. Никитин. М., 2023. 22 с.
28. Осколкова Н.В. Конфликтный текст и языковая личность / Н.В. Осколкова // Записки Горного института. 2008. Т. 175. С. 35–36.
29. Очерк американского коммуникативного поведения: коллективная монография / Науч. ред. И.А. Стернин, М.А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2001. 206 с.
30. Певнева И.В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультуры: автореф. дис. ... канд. фил. наук / И. В. Певнева. Кемерово, 2008. 22 с.
31. Режук З.В. К вопросу о конфликтном потенциале жаргонной лексики в современном медиадискурсе [Электронный ресурс] / З.В. Режук, О. В. Ширяева-Ширинг // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14, № 1. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54074775_93622109.pdf (дата доступа: 08.09.2025).
32. Семенец О.П. Типы лингвистических конфликтов и их роль в речевых и психологических конфликтах / О. П. Семенец // Сибирский филологический форум. 2021. № 3(15). С. 15–32.

33. Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи / В. С. Третьякова // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 27. С. 143–152.
34. Цой Л.Н. Конфликтологическая компетенция в коммуникации: теория и практика [Электронный ресурс] / Л.Н. Цой // Сборник статей по материалам международной научной конференции 9-11 июля 2015 г. «Наука о коммуникации как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов». М.: НИУ ВШЭ, 2015. С.126–128. – URL: <https://conflictmanagement.ru/konfliktologicheskaya-kompetentsiya-v-kommunikatsii-teoriya-i-praktika/#:~:text=Конфликтная%20коммуникация%20-%20это%20столкновение%20интересов,с собой%20нелинейный%20С%20естественно%20развивающийся%20процесс> (дата доступа: 06.09.2025).
35. Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: Языковая картина мира / О. С. Чеснокова. М.: Ленанд, 2021. 240 с.
36. Яковлева Ю.В. Речевая агрессия в полемических материалах советских литературно-художественных изданий 1917 – 1932 гг.: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Ю. В. Яковлева. М., 2016. 22 с.
37. Blanco Salgueiro A. Cómo hacer cosas malas con palabras: Actos ilocucionarios hostiles y los fundamentos de la teoría de los actos de habla / A. Blanco Salguero // Crítica, Revista Hispanoamericana de Filosofía. 2008. Vol. 40. № 118. Pp. 3–27.
38. Castañeda Rojas G. La violencia verbal en el aula: análisis del macroacto de amenaza. Enunciación / G. Castañeda Rojas // Enunciación. Bogotá, Colombia, 2010. № 16(1). Pp. 58–69.
39. Dijk T. A. van. Ideology and Discourse: A Multidisciplinary Introduction [Электронный ресурс] / T. A. van Dijk. – URL: <https://discourses.org/wp-content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-2003-Ideology-and-discourse.pdf>) (дата доступа: 06.09.2025).
40. Fuentes C. El Espejo Enterrado [Электронный ресурс] / C. Fuentes. 2013. – URL: <https://fliphtml5.com/ualp/gwtz/basic> (дата доступа: 08.08.2025).
41. Lewis R. D. When cultures collide: leading across cultures / R. D. Lewis. Boston - London: Nicholas Brealey International, 2006. 3rd ed. 625 p.
42. Orte Socías C. El abuso verbal / C. Orte Socías // FMC Formación Médica Continuada en Atención Primaria. 2006. № 13(10). P. 574–586.
43. Papcunova J. Perception of hate speech by the public and experts: Insights into predictors of perceived hate speech toward migrants [Электронный ресурс] / J. Papcunova, M. Martončík, D. Fedakova, M. Kentoš, M. Adamkovič // Complex & Intelligent Systems. Springer, 2021. – URL: https://www.researchgate.net/publication/361628616_Perception_of_hate_speech_by_the_public_and_experts_Insights_into_predictors_of_perceived_hate_speech_toward_migrants (дата доступа: 08.08.2025).
44. Paz O. El laberinto de la soledad / O. Paz. Madrid, 1998. P.89. – URL: <https://www.suneo.mx/literatura/subidas/Octavio%20Paz%20El%20Laberinto%20de%20la%20Soledad.pdf> (дата доступа: 08.08.2025).
45. Ramos S. El perfil del hombre y la cultura en México [Электронный ресурс] / S. Ramos. Madrid, España: Espasa Calpe, S.A., 1951. P. 145. – URL: <https://filosofiamexicana.org/wp-content/uploads/2012/11/ramos-samuel-el-perfil-del-hombre-y-la-cultura-en-mc3a9xico.pdf> (дата доступа: 07.08.2025).
46. Williams M. Policing cyber-neighbourhoods: Tension monitoring and social media networks / M. Williams // Policing and Society. 2013. 23(4). P. 461–481.

References

1. Abkadyrova, I.R. *Slova-reali i ikh rol' v protsesse aktualizatsii i modelirovaniia meksikanskogo natsional'nogo kommunikativnogo stilia (na materiale sovremennoi prozy): avtoref. kand. ... filol. nauk* [Culture-Specific Words and Their Role in the Actualization and Modeling of the Mexican National Communicative Style (Based on Modern Prose)]. Abstract of PhD dissertation] / I.R. Abkadyrova. Voronezh, 2017. 22 p.
2. Basovskaia, E.N. *Rechevyie taktiki otveta na kritiku v sovetskoj presse* [Speech Tactics of Responding to Criticism in the Soviet Press] / E.N. Basovskaia, *Konflikt v iazyke i kommunikatsii: sbornik statei* [Conflict in Language and Communication: Collection of Articles] / Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, Institut lingvistiki; sostavitel' i otvetstvennyi redaktor L.L. Fedorova. M., 2011. P. 44–54.
3. Belinskaia, E.P. *Prostranstvo sotsial'nykh setei kak faktor radikalizatsii konflikta v virtual'nom vzaimodeistvii* [Social Media Space as a Factor of Conflict Radicalization in Virtual Interaction] / E.P. Belinskaia, S.N. Iliukhina, *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogy. Education*. 2018. No. 4(14). P. 81–95.
4. Belous, P.A. *Konfliktnyi diskurs vs konfliktnyi tekst* [Conflict Discourse vs. Conflict Text] / P.A. Belous, N.V. Oskolkova, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism]. 2007. No. 4–2. P. 96–107.
5. Bosov, A.E. *Funktsionirovanie terminov v otechestvennykh lingvisticheskikh i iuridicheskikh tekstakh vtoroi poloviny XX – nachala XXI veka v svete dannykh diskursivnogo analiza: avtoref. kand. ... fil. nauk* [Functioning of Terms in Russian Linguistic and Legal Texts of the Second Half of the 20th – Early 21st Century in the Light of Discourse Analysis Data: Abstract of PhD dissertation] / A.E. Bosov. Nizhegor. gos. un-t im. N.I. Lobachevskogo. Nizhnii Novgorod, 2009. 26 p.
6. Vartanova, E.L. *Media i konflikty: issledovanie vzaimovliianiia v aktual'nom akademicheskome diskurse* [Media and Conflicts: A Study of Mutual Influence in Current Academic Discourse] / E.L. Vartanova, D.V. Dunas, A.A. Gladkova, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Moscow University Journalism Bulletin]. 2021. No. 4. P. 3–32.
7. Giliyazova, D.R. *Issledovanie konfliktogenogo potentsiala mediinogo teksta: (na materiale tekstov mass-media i Internet-tekstov): kand. ... filol. nauk* [A Study of the Conflictogenic Potential of Media Text: (Based on Mass Media and Internet Texts): PhD dissertation] / D.R. Giliyazova. Bashkirskii gosudarstvennyi universitet. Ufa, 2022. 197 p.

8. Gladoshchuk, A.V. "Meksikanskije maski": vvedenie v "labirint odinochestva" O. Pasa ["Mexican Masks": An Introduction to O. Paz's "Labyrinth of Solitude"] / A.V. Gladoshchuk, *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Two Americas]. 2018. No. 4. Pp. 114–147.
9. Glukhova, I.V. Leksiko-semanticheskie sposoby vyrazheniia rechevoi agressii (na materiale angloiazychnykh pechatnykh SMI) [Lexical and Semantic Means of Expressing Verbal Aggression (Based on English-Language Print Media)] / I.V. Glukhova, *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2017. No. 12(408). P. 62–70.
10. Guseva, I.V. *Natsional'no-obuslovlennaja leksika kak kul'turobrazuiushchii faktor formirovaniia meksikanskoi iazykovoi lichnosti: avtoref. kand. ... filol. nauk* [Nationally Determined Vocabulary as a Cultural Factor in the Formation of the Mexican Linguistic Personality: Abstract of PhD dissertation] / I.V. Guseva. M., 2013. 23 p.
11. Davtians, I.I. *Leksicheskie pragmaticheskie markery konfliktogenosti v kontekste oppozitsii «svoi – chuzhoi» (na materiale meksikanskikh i amerikanskikh ispanoiazychnykh SMI i sotsial'nykh media): avtoref. kand. ... filol. nauk* [Lexical Pragmatic Markers of Conflictogenicity in the Context of the "Us vs. Them" Opposition (Based on Mexican and American Spanish-Language Media and Social Media): Abstract of PhD dissertation] / I.I. Davtians. M., 2024. 25 p.
12. Ivanova, A.A. *Osobennosti realizatsii natsional'nogo kommunikativnogo stilja v vyskazyvaniiah o mechte (na materiale britanskogo varianta anglijskogo iazyka): avtoref. kand. ... filol. nauk* [Features of the Realization of the National Communicative Style in Statements about Dreams (Based on the British English): Abstract of PhD dissertation] / A.A. Ivanova. Cheliabinsk, 2012. 21 p.
13. Issers, O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi: monografiia* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech: monograph] / O.S. Issers. Omsk: OGU, 1999. 285 p.
14. Karpovskaya, N.V. Kognitivno-pragmaticheskii potentsial intensivnikov v svete protsessa metaforizatsii (perevodcheskii aspekt problemy) [The Cognitive-Pragmatic Potential of Intensifiers in the Light of the Process of Metaphorization (Aspects of Translation)] / N.V. Karpovskaia, *Drevniaia i Novaia Romaniia* [Ancient and New Romania]. SPbGU, 2015. No. 16. P. 497–506.
15. Karpovskaya, N.V. O konfliktnom diskurse, leksicheskikh markerakh konfliktogenosti i ikh kognitivno-pragmaticheskom potentsiale [On Conflict Discourse, Lexical Markers of Conflictogenicity and Their Cognitive-Pragmatic Potential] / N.V. Karpovskaia, I.R. Abkadyrova, I.I. Davtians // *Biulleten' gumanitarnykh issledovanii v mezhdistsiplinarnom nauchnom prostranstve* [Bulletin of Humanitarian Research in Interdisciplinary Scientific Area]. 2022. No. 1(2). P. 14–25.
16. Karpovskaya, N.V. *Pragmaticheskii potentsial iazykovykh edinits v svete determinatsii perevodcheskikh reshenii (na materiale ispanskogo iazyka)* [Pragmatic Potential of Linguistic Units in the Light of Determining Translation Decisions (Based on the Spanish Language)] / N.V. Karpovskaya. 3rd ed. Rostov-na-Donu: Iuzhnyi federal'nyi universitet, 2017. 208 p.
17. Kostyaev, A.P. Diskursivnye markery verbal'noi agressii v professional'noi kommunikatsii [Discursive Markers of Verbal Aggression in Professional Communication] / A.P. Kostyaev, *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal]. 2010. No. 2 (19). P. 101–109, www.tverlingua.ru/archive/019/9_19.pdf (accessed: 06.09.2025).
18. Koshkarova, N.N. *Konfliktnyi i kooperativnyi tipy diskursa v mezhkul'turnom politicheskom prostranstve: monografiia* [Conflict and Cooperative Types of Discourse in Intercultural Political Space: monograph] / N.N. Koshkarova. Cheliabinsk: Biblioteka A. Millera, 2021. 360 p.
19. Kramkova, O.V. Iazykovye i pragmaticheskie faktory konfliktogenosti [Linguistic and Pragmatic Factors of Conflictogenicity] / O.V. Kramkova, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod]. 2011. No. 6–2. P. 332–335.
20. Kulikova, L.V. *Kommunikativnyi stil' v mezhkul'turnoi paradigme* [Communicative Style in the Intercultural Paradigm] / L.V. Kulikova. Krasnoiar. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva. – Monograph. Krasnoiar. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva, 2006. 392 p.
21. Larionova, T.V. Mekhanizm preobrazovaniia diskursivnogo prostranstva vsledstvie rechevogo konflikta [The Mechanism of Discursive Space Transformation as a Result of Speech Conflict] / T.V. Larionova, *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 220–225.
22. Mamsurova, Z.R. Konflikt kak kognitivno-kommunikativnoe prostranstvo [Conflict as a Cognitive and Communicative Space] / Z.R. Mamsurova, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Moscow State Linguistic University Bulletin]. 2015. No. 28(739). P. 98–103.
23. Marakulina, P.A. Iazykovye markery konfliktnosti [Linguistic Markers of Conflict] / P.A. Marakulina, *Karpovskie nauchnye chteniia: sb. nauch. st.* [Karpov Scientific Readings: Collection of Scientific Articles]. Issue 10: in 2 parts. Part 1. Minsk, 2016. P. 317–321, <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/154201/1/P.A.Marakulina%20Iazykovye%20markery%20konfliktnosti.pdf> (accessed: 08.09.2025).
24. Makhina, L.A. *Verbal'nye i neverbal'nye sredstva vyrazheniia kommunikativno-pragmaticheskoi kategorii "vrazhdebnost" v konfliktogennykh tekstakh (na materiale sovremennogo nemeckogo iazyka): avtoref. kand. ... filol. nauk* [Verbal and Non-Verbal Means of Expressing the Communicative-Pragmatic Category of "Hostility" in Conflictogenic Texts (Based on Modern German): Abstract of PhD dissertation] / L.A. Makhina. Sankt-Peterburg, 2017. 22 p.
25. Mikulina, I.V. *Konfliktogennye teksty SMI v sudebnoi praktike Belgorodskoi oblasti: tipologicheskii, lingvopravovai i professional'no-eticheskii aspekty: avtoref. kand. ... filol. nauk* [Conflictogenic Media Texts in the Judicial Practice of the Belgorod Region: Typological, Linguistic-Legal and Professional-Ethical Aspects: Abstract of PhD dissertation] / I.V. Mikulina. Voronezh, 2011. 23 p.
26. Murav'eva, N.V. *Iazyk konflikta* [The Language of Conflict] / N.V. Murav'eva. M.: Termika, 2004. 214 p.
27. Nikitin, M.Iu. *Lingvosemioticheskie osobennosti konfliktogenogo massmediinogo diskursa: avtoref. kand. ... filol. nauk* [Linguo-Semiotic Features of Conflictogenic Mass Media Discourse: Abstract of PhD dissertation] / M.Iu. Nikitin. M., 2023. 22 p.
28. Oskolkova, N.V. Konfliktnyi tekst i iazykovaiia lichnost' [Conflict Text and Linguistic Personality] / N.V. Oskolkova, *Zapiski Gornogo instituta* [Journal of the Mining Institute]. 2008. Vol. 175. P. 35–36.

29. *Oчерk amerikanskogo kommunikativnogo povedeniia: kollektivnaia monografiia* [An Outline of American Communicative Behavior: A Collective Monograph] / Nauch. red. I.A. Sternin, M.A. Sternina. Voronezh: Istoki, 2001. 206 p.
30. Pevneva, I.V. *Kommunikativnye strategii i taktiki v konfliktnykh situatsiakh obshcheniia obyknodno-bytovogo i professional'nogo pedagogicheskogo diskursov russkoi i amerikanskoi lingvokul'tur*: avtoref. kand. ... filol. nauk [Communicative Strategies and Tactics in Conflict Situations of Everyday and Professional Pedagogical Discourses of Russian and American Linguocultures: Abstract of PhD dissertation] / I.V. Pevneva. Kemerovo, 2008. 22 p.
31. Rezhuk, Z.V. K voprosu o konfliktogennom potentsiale zhargonnoi leksiki v sovremennom mediadiskurse [On the Issue of the Conflictogenic Potential of Jargon Vocabulary in Modern Media Discourse] / Z.V. Rezhuk, O.V. Shiriaeva-Shiring, *Mir nauki. Sotsiologiia, filologiia, kul'turologiia* [World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies]. 2023. Vol. 14, No. 1, www.elibrary.ru/download/elibrary_54074775_93622109.pdf (accessed: 08.09.2025).
32. Semenets, O.P. Tipy lingvisticheskikh konfliktogenov i ikh rol' v rechevykh i psikhologicheskikh konfliktakh [Types of Linguistic Conflictogens and Their Role in Speech and Psychological Conflicts] / O.P. Semenets, *Sibirskii filologicheskii forum* [Siberian Philological Forum]. 2021. No. 3(15). P. 15–32.
33. Tre'iakova, V.S. Konflikt kak fenomen iazyka i rechi [Conflict as a Phenomenon of Language and Speech] / V.S. Tre'iakova, *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia of the Ural State University]. 2003. No. 27. P. 143–152.
34. Tsoi L.N. Konfliktologicheskai kompetentsiia v kommunikatsii: teoriia i praktika [Conflictological Competence in Communication: Theory and Practice] / L.N. Tsoi, *Sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 9-11 iulia 2015 g. «Nauka o kommunikatsii kak distsiplina i oblast' znaniia v sovremennom mire: dialog podkhodov»* [Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference July 9-11, 2015 "Communication Science as a Discipline and Field of Knowledge in the Modern World: A Dialogue of Approaches"]. M.: NIU VShE, 2015. P. 126–128, <https://conflict-management.ru/konfliktologicheskaya-kompetentsiya-v-kommunikatsii-teoriya-i-praktika/#:~:text=Konfliktnaia%20kommunikatsiia%20-%20eto%20stolknovenie%20interesov,soboi%20nelinneyi%2C%20estestvenno%20razvivaiushchiisia%20protsess> (accessed: 06.09.2025).
35. Chesnokova, O.S. *Ispanskii iazyk Meksiki: Iazykovaiia kartina mira* [The Spanish Language of Mexico: The Linguistic World-view] / O.S. Chesnokova. M.: Lenand, 2021. 240 p.
36. Iakovleva, Iu.V. *Rechevaia agressiia v polemicheskikh materialakh sovetskikh literaturno-khudozhestvennykh izdaniia 1917 – 1932 gg.*: avtoref. kand. ... filol. nauk [Verbal Aggression in Polemical Materials of Soviet Literary and Artistic Publications of 1917-1932: Abstract of PhD dissertation] / Iu.V. Iakovleva. M., 2016. 22 p.
37. Blanco Salgueiro A. Cómo hacer cosas malas con palabras: Actos ilocucionarios hostiles y los fundamentos de la teoría de los actos de habla / A. Blanco Salguero, *Crítica, Revista Hispanoamericana de Filosofía*. 2008. Vol. 40. № 118. P. 3–27.
38. Castañeda Rojas G. La violencia verbal en el aula: análisis del macroacto de amenaza. *Enunciación* / Castañeda Rojas, G. Enunciación. Bogotá, Colombia, 2010. № 16(1). P. 58–69.
39. Dijk T. A. van. Ideology and Discourse: A Multidisciplinary Introduction / T. A. van Dijk, discourses.org/wp-content/uploads/2022/07/Teun-A.-van-Dijk-2003-Ideology-and-discourse.pdf (accessed: 06.09.2025).
40. Fuentes C. *El Espejo Enterrado* / C. Fuentes. 2013, <https://fliphtml5.com/ualp/gwtz/basic> (accessed: 08.08.2025).
41. Lewis R. D. *When cultures collide: leading across cultures* / R. D. Lewis. Boston - London: Nicholas Brealey International, 2006. 3rd ed. 625 p.
42. Orte Socías C. El abuso verbal / C. Orte Socías, *FMC Formación Médica Continuada en Atención Primaria*. 2006. № 13(10). P. 574–586.
43. Papcunova, J. Perception of hate speech by the public and experts: Insights into predictors of perceived hate speech toward migrants / Papcunova, Jana & Martončík, Marcel & Fedakova, Denisa & Kentoš, Michal & Adamkovič, Matúš, *Complex & Intelligent Systems*. Springer, 2021, www.researchgate.net/publication/361628616-Perception_of_hate_speech_by_the_public_and_experts_Insights_into_predictors_of_perceived_hate_speech_toward_migrants (accessed: 08.08.2025).
44. Paz O. El laberinto de la soledad / O. Paz. Madrid, 1998. P.89, www.suneo.mx/literatura/subidas/Octavio%20Paz%20El%20Laberinto%20de%20la%20Soledad.pdf (accessed: 08.08.2025).
45. Ramos S. El perfil del hombre y la cultura en México / S. Ramos. - Madrid, España: Espasa Calpe, S.A., 1951. P. 145, filosofiamexicana.org/wp-content/uploads/2012/11/ramos-samuel-el-perfil-del-hombre-y-la-cultura-en-mc3a9xico.pdf (accessed: 07.08.2025).
46. Williams, M. Policing cyber-neighbourhoods: Tension monitoring and social media networks / M. Williams, *Policing and Society*, 2013. 23(4). P. 461–481.

Сведения об авторах:

Карповская Наталья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации МИМДО ЮФУ, директор Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований ЮФУ (Россия, Ростов-на-Дону). Сфера научных и профессиональных интересов: кросскультурная прагматика, проблемы перевода и межкультурной коммуникации, категория интенсивности атрибутивного признака, когнитивно-прагматический потенциал языковых единиц.

E-mail: nkarpovskaya@sfedu.ru

Scopus Author ID: 57211663641

ORCID: 0000-0001-9862-3692

Давтянц Ирина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований ЮФУ (Россия, Ростов-на-Дону). Сфера научных и профессиональных интересов: этнопсихоллингвистика, межкультурная коммуникация, лингвоконфликтотенность, теория и практика перевода.

E-mail: iidavtians@sfedu.ru

ORCID: 0000-0003-3877-1612

About the authors:

Natalia V. Karpovskaya, Ph.D in Philology, is Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Translation and Intercultural Communication of the INED, SFedU; Head of the International Institute of Interdisciplinary Education and Ibero-American Studies, SFedU (Rostov-on-Don, Russia). Research and professional interests: cross-cultural pragmatics, translation and intercultural communication studies, the category of intensity of an attributive feature, cognitive-pragmatic potential of words.

E-mail: nkarpovskaya@sfedu.ru

Scopus Author ID: 57211663641

ORCID: 0000-0001-9862-3692

Irina Ig. Davtians, Ph.D in Philology, is Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Translation and Intercultural Communication of the International Institute of Interdisciplinary Education and Ibero-American Studies, SFedU (Rostov-on-Don, Russia). Research and professional interests: ethnoppsycholinguistics, intercultural communication, linguistic conflictogenicity, theory and practice of translation.

E-mail: iidavtians@sfedu.ru

ORCID: 0000-0003-3877-1612

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that they have no conflict of interest.

* * *

Features of CSR discourse: a linguistic analysis of English-language textual data

Elena V. Komarova

MGIMO UNIVERSITY,
76, prospect Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the findings of the study of the genre and rhetorical structure of corporate social responsibility (CSR) discourse, based on the Barclays Sustainability and Corporate Responsibility Report 2024. The research is conducted using a combination of move analysis method based on the Swales-Bhatia model and the Yu & Bondi typology with K. Hyland's model of metadiscourse. The aim of the study is to identify the universal and culture-specific strategies employed by the corporation to legitimize its activities and construct its identity.

As a result of the analysis, a typical rhetorical sequence of Barclays' CSR discourse was reconstructed, including five key moves: presenting corporate identity and values, presenting achievements, appealing to international norms and standards, mentioning stakeholders and partnerships, and declaring future strategies and commitments. Quantitative analysis revealed the dominance of moves related to presenting results (30%) and declaring future strategies (30%). A comparison with the cross-cultural study by Yu & Bondi revealed both common genre conventions (an emphasis on performance and standards) and the specificity of Barclays' English-language discourse, characterized by a rationalized style, a focus on quantitative indicators, and a minimization of narrative and missionary strategies compared to Chinese and Italian traditions.

Metadiscourse analysis confirmed that Barclays employs a complex of interactive (transitions, frame markers, evidentials) and interactional (hedges, boosters, attitude markers) resources to structure the text, express the author's stance, and engage the reader. It is concluded that the CSR report serves a triple function: reporting, legitimation, and strategic representation, shaping the corporation's image as a responsible participant in the global sustainable development agenda.

This work contributes to the study of the generic functioning of CSR discourse and the corporate rhetoric of sustainable development. The obtained data allow the CSR report genre to be interpreted as a hybrid formation combining features of reporting and public rhetoric. The identified strategies can be used in practice for the critical analysis of corporate messages, for preparing more effective reports, and as a model for comparative studies aimed at identifying cultural and institutional variability in the global discourse of sustainable development.

Keywords: CSR-discourse, genre analysis, rhetorical moves, discourse strategies, corporate communication, sustainable development, Barclays

For citation: Komarova E.V. (2025). Features of CSR discourse: a linguistic analysis of English-language textual data, *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(4), pp. 38–50. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-38-50>

Особенности дискурса корпоративной социальной ответственности: лингвистический анализ англоязычных текстовых данных

Е. В. Комарова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье представлены результаты исследования жанровой и риторической структуры дискурса корпоративной социальной ответственности (КСО) на материале отчета Barclays Sustainability and Corporate Responsibility Report 2024. Исследование проводится в интегративной перспективе, сочетая метод анализа риторических ходов (move analysis) по модели Суэйлс-Бхатия и типологии Ю и Бонди с анализом метадискурса по модели К. Хайланда. Цель работы – выявление универсальных и культурно-специфических стратегий, используемых корпорацией для легитимации своей деятельности и конструирования идентичности. В результате анализа была реконструирована типовая риторическая последовательность КСО-дискурса Barclays, включающая пять ключевых ходов: позиционирование корпоративной идентичности и ценностей, демонстрация достижений, апелляция к международным нормативам и стандартам, упоминание заинтересованных сторон и партнёрств, декларация будущих стратегий и обязательств. Количественный анализ показал доминирование ходов, связанных с демонстрацией результатов (30%) и декларацией будущих стратегий (30%). Проведённое сопоставление с кросс-культурным исследованием Ю и Бонди выявило как общность жанровых конвенций (акцент на результативность и стандарты), так и специфику англоязычного дискурса Barclays, для которого характерны рационализированный стиль, ориентация на количественные показатели и минимизация нарративных и миссионерских стратегий по сравнению с китайской и итальянской традициями.

Анализ метадискурса подтвердил, что Barclays использует комплекс интерактивных (связки, рамочные маркеры, эвиденциальные ссылки) и интеракционных (хеджи, бустеры, маркеры отношения) ресурсов для структурирования текста, выражения авторской позиции и вовлечения читателя. Делается вывод о том, что КСО-отчёт выполняет тройную функцию: отчётности, легитимации и стратегической репрезентации, формируя образ корпорации как ответственного участника глобальной повестки устойчивого развития. Работа вносит вклад в изучение жанрового функционирования КСО-дискурса и корпоративной риторики устойчивого развития. Полученные данные позволяют интерпретировать жанр КСО-отчёта как гибридного образования, сочетающего черты отчётности и публичной риторики. Выявленные стратегии могут быть использованы на практике для критического анализа корпоративных сообщений, подготовки более эффективных отчётов, а также в качестве модели для сравнительных исследований с целью выявления культурной и институциональной вариативности в глобальном дискурсе устойчивого развития.

Ключевые слова: дискурс КСО, жанровый анализ, риторические ходы, дискурсивные стратегии, деловая коммуникация, устойчивое развитие, Barclays

Для цитирования: Комарова Е.В. (2025). Особенности дискурса корпоративной социальной ответственности: лингвистический анализ англоязычных текстовых данных. *Филологические науки в МГИМО*. 11(4), С. 38–50. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-38-50>

1. Введение

В последние десятилетия корпоративная социальная ответственность (КСО) стала неотъемлемой частью глобального бизнес-дискурса, выходя далеко за рамки традиционных экономических задач и охватывая социальные, экологические и этические аспекты деятельности компаний. Активное внедрение практик КСО, усиление требований к прозрачности и подотчётности, а также растущее внимание со стороны инвесторов, потребителей и общественности обусловили интенсивное развитие научных исследований в этой области, в том числе и в англоязычном академическом пространстве.

Анализ англоязычных публикаций по КСО демонстрирует как быстрое количественное расширение тематического поля, так и усложнение методологического инструментария: от ранних нормативно-этических подходов до современных междисциплинарных исследований, сочетающих элементы экономики, социологии, критической дискурсивной аналитики и прикладной лингвистики. Особый интерес представляют тексты, в которых КСО рассматривается не только как управленческая практика, но и как риторическая стратегия, формирующая публичный образ компании и способствующая институционализации определённых социальных норм.

В последние десятилетия бизнес-сообщество активно использует дискурс корпоративной социальной ответственности (КСО) как инструмент коммуникации со стейкхолдерами, особенно в форме ежегодных отчётов. Эти отчёты позволяют организациям формировать позитивный образ внутри бизнес-сообщества и способствуют преодолению информационного разрыва между соответствующими сторонами путём сосредоточения внимания на дискурсивных аспектах [10]. Дискурс КСО способствует снижению негативных последствий, повышению уровня осведомлённости заинтересованных сторон об организации, ослаблению конкурентного давления и улучшению корпоративного имиджа [20].

Одна из самых известных трактовок социальной ответственности бизнеса была дана Кэрролом, который отмечал, что необходимо учитывать четыре категории деятельности: экономическую, правовую, этическую и дискреционную (добровольную) [8], каждая из которых играет важную роль и не является ни исключающей, ни дополняющей другие. Основной обязанностью бизнеса остаётся экономическая, то есть обязанность производить товары и услуги, которые востребованы обществом, и продавать их с прибылью. Все другие виды ответственности основываются на этой. Общество в свою очередь ожидает, что бизнес будет действовать в рамках установленных законов и нормативов. Законодательство определяет «игровые правила», в пределах которых компания должна реализовывать свою экономическую миссию. Понятие этической ответственности выходит за рамки требований закона. Это поведение, которого общество ожидает, даже если оно не прописано юридически. Этические нормы сложны для интерпретации и часто обсуждаются, но они важны. Наконец, дискреционная (добровольная) ответственность включает в себя добровольные действия, которые не обязательны ни по закону, ни по этике, например, благотворительность, помощь безработным, программы по уходу за детьми сотрудников.

Важно отметить, что данные ожидания общество предъявляет к организациям в конкретный исторический момент. Проблемы и вопросы, к которым применяются эти четыре категории, постоянно меняются в зависимости от времени, индустрии и внешнего давления. Например, отношение к проблемам охраны окружающей среды, прав потребителей, безопасности труда или дискриминации меняется и зависит от обстоятельств и времени.

В настоящее время КСО-отчёты направлены не только на информирование, но и на формирование имиджа, укрепление доверия, демонстрацию прозрачности и социальной/экологической ответственности компании. Это отличает их от, например, финансовой отчётности. Мы полагаем, что сегодня КСО-отчёты формируют отдельный тип институционального дискурса, отличающийся целями, структурой, языковыми особенностями и функциями.

В контексте лингвистических исследований дискурс рассматривается как форма социального продукта, проявляющаяся в использовании языка в определённых социокультурных контекстах.

Он отражает стили общения, модели мышления, системы ценностей и способы действия участников коммуникации [12], [21]. С этой позиции дискурс представляет собой социальное взаимодействие, направленное на выполнение конкретных коммуникативных функций. Согласно Суэйлсу [24], дискурсивное сообщество объединяется на основе согласованных коммуникативных целей и общего понимания норм общения.

Ключевой функцией дискурса КСО является легитимация деятельности компании в глазах общества. Легитимность определяется как восприятие общественностью действий организации как желательных и соответствующих доминирующим ценностям и нормам [22]. Таким образом, КСО-дискурс становится средством обоснования деятельности компании перед обществом [9].

В рамках дискурсивной парадигмы важную роль играет жанровый подход, определяющий жанр как целенаправленный, социально обусловленный и повторяющийся тип коммуникации [18]. Жанр служит инструментом, отражающим социальные конструкции и способствующим пониманию того, как следует действовать в определённом сообществе [19]. Жанры – это не только формы, но и репрезентации социального действия, возникающего в ответ на типовые ситуации [5]. Согласно Бхатия [6], профессиональные жанры формируются в рамках дискурсивных сообществ и отражают как явные, так и неявные цели и ожидания этих сообществ. Суэйлс [24] определяет жанр как класс коммуникативных событий, обладающих общими целями и структурными признаками, признанными членами дискурсивного сообщества.

А. А. Кибрик [1] подчёркивает многослойную природу жанра, где жанр функционирует как институционально закреплённый формат дискурса, определяемый не только целями коммуникации (см. Суэйлса), но и внутренней структурой и соотношением типов речевых пассажей. Следовательно, дискурс реализуется в рамках жанра, а жанр, в свою очередь, материализуется через конфигурацию определённых дискурсивных единиц. Это сближает дискурс-анализ и жанровую лингвистику и открывает путь к формализации жанров на основе риторико-композиционных и лингвистических параметров.

Мы полагаем, что КСО-отчёты можно рассматривать как самостоятельный профессиональный жанр, поскольку они:

1. представляют собой устойчивую форму коммуникативного события [2], [3];
2. имеют чётко определённые цели: демонстрация ценностей, выстраивание позитивного имиджа, укрепление общественных связей [14], [2];
3. подчиняются институционализированным форматам и стандартам (например, GRI (Global Reporting Initiative) и ISO 26000, включающим обязательные структурные компоненты, такие как корпоративное управление, права человека, трудовые практики, охрана окружающей среды и вовлечённость в жизнь сообщества).

Тем не менее, с точки зрения лингвистической формализации, жанр КСО-отчёта представляет собой сложный объект. Согласно Д. Байберу [7], жанры как культурные конструкции не обладают полной лексико-грамматической однородностью, поскольку в рамках одного жанра могут комбинироваться различные типы изложения (пассажей): нарративный (описание кейсов), аргументативный (обоснование стратегий), описательный (характеристика инициатив), инструктивный (призывы к действию) и экспозиторный (изложение политики компании). Такая структурная и языковая неоднородность объясняет слабую корреляцию между жанровыми и формально-языковыми характеристиками.

Таким образом, КСО-дискурс представляет собой интердискурсивную и мультижанровую форму институционального общения, сочетающую элементы делового, экологического, политического и этического дискурсов. Однако на уровне жанра он обладает относительной стабильностью, что позволяет рассматривать КСО-отчёт как самостоятельный жанр, закреплённый в практике корпоративной коммуникации и отражающий ценностные трансформации современной экономики. Можно заключить, что КСО-отчёты представляют собой формализованный и институционально закреплённый жанр, выполняющий важные функции в корпоративной и общественной коммуникации [17], [4].

С этой точки зрения интересным представляется исследование Ю и Бонди [25], которое направлено на выявление типичных жанровых структур отчётов по КСО, опубликованных на трёх языках – итальянском, китайском и английском. В основе большинства современных исследований профессиональных жанров лежат две парадигмы: ESP (English for Specific Purposes) [23], [24], [6] и СФЛ (Системно-функциональная лингвистика) [13]. Дж. Суэйлс [24] и В. Бхатия [6] определяют жанр как устойчивое коммуникативное событие, организованное вокруг определённой цели. Каждому жанру соответствует определённая структура, выражающаяся в совокупности риторических ходов (moves) и шагов (steps), реализующих микропредназначения текста.

Авторы исследования используют интегративный метод жанрового анализа, сочетающий подход ESP и SFL с целью обнаружить универсальные и культурно-специфические риторические практики в этих текстах [25]. Исследование основано на данных корпуса из 90 отчётов по КСО, опубликованных крупными энергетическими и банковскими компаниями. Результаты анализа показали, что жанр отчётов по КСО обладает высокой степенью риторической рекурсивности и гибридности. Помимо основной функции – представления информации о деятельности компании – отчёты выполняют дополнительные роли: демонстрация (напр., описание внешних обстоятельств), оценка (напр., показ достижений, индивидуальные случаи), обязательства (напр., формулирование миссий, прогнозирование будущей деятельности). Подобная многоплановость усиливает социальное значение отчёта, превращая его в форму «социального действия», направленного на согласование частных интересов бизнеса с ожиданиями общества.

Несмотря на лингвистические различия, структура отчётов по КСО оказалась в высокой степени унифицированной. В трёх языках совпали шесть наиболее частотных риторических ходов:

1. представление результатов деятельности;
2. описание стратегий/методов/практик;
3. презентация внутренних действий;
4. представление аспекта КСО деятельности;
5. описание внешних обстоятельств;
6. прогнозирование будущей деятельности.

Однако различия проявились в выборе факультативных ходов. Китайские компании демонстрируют склонность к использованию хода «индивидуальные случаи» – нарративов, иллюстрирующих поведение отдельных сотрудников или клиентов. Итальянские компании акцентируют объёмность описания результатов, тогда как англоязычные тексты демонстрируют стремление к стратегической лаконичности.

Анализ, проведённый Ю и Бонди, подтверждает, что жанр отчёта по КСО представляет собой высоко стандартизированную, но гибкую форму профессионального дискурса [25]. Несмотря на глобальное распространение отчётности и унификацию содержательных требований, лингвокультурные особенности продолжают оказывать влияние на выбор риторических стратегий.

Однако лингвистическое описание КСО-отчёта требует комплексного подхода, учитывающего как его институциональную функцию, так и внутреннюю текстовую организацию. Если рассматривать КСО-дискурс как жанровую форму институционального взаимодействия, реализующую стратегии репрезентации, легитимации и моральной аргументации, то структура текста КСО обусловлена не только требованиями к прозрачности, но и необходимостью выстраивания идентичности компании в публичной сфере. Поэтому кроме анализа структуры этого типа текста необходимо изучать языковые особенности текста, которые используются для реализации корпоративных целей, ценностей и стратегий. В данном случае языковые средства (модальность, оценочная лексика, маркеры вовлечённости, интертекстуальные апелляции) используются как инструменты дискурсивной политики.

Языковые средства призваны демонстрировать не только содержание текста, но и отношение автора к нему, а также ориентацию на адресата. Согласно Хайленду взаимодействие с читателем строится через метадискурс [16], то есть «комментарий к тексту, сделанный его создателем в процессе говорения или письма» [15, с. 59]. Хайленд выделяет две основные категории анализа взаимодействия с читателем: интерактивные и интеракционные ресурсы. Интерактивные ресурсы

помогают организовать текст так, чтобы читатель смог правильно его интерпретировать, и включают в себя такие категории, как связки / transitions (and, but, however, therefore), рамочные маркеры / frame markers (first, in conclusion, to sum up), ссылки внутри текста / endophoric markers (as noted above, see Fig. 1), ссылки на источники / evidentials (according to Smith (1998), пояснители / code glosses (namely, in other words, for example). Интеракционные ресурсы позволяют показать позицию автора и вовлечь читателя в диалог. К ним относятся хеджи / hedges (might, perhaps, possible), которые снижают категоричность, усилители / boosters (clearly, definitely, it is evident), маркеры отношения / attitude markers (unfortunately, surprisingly, importantly), обращения к читателю / engagement markers (you can see, note that, we should), самопрезентация / self-mentions (I, we, the author).

Таким образом, интерактивные ресурсы показывают, как автор структурирует текст для читателя, а интеракционные демонстрируют, как автор взаимодействует с читателем, выражает своё отношение и вовлекает его в рассуждения.

2. Материалы и методология

Целью данного исследования является изучение жанровой структуры, лексических особенностей, а также репрезентативных стратегий, то есть языковых средств для передачи информации и формирования её смысла, англоязычного дискурса КСО на примере текстовых данных КСО банка Barclays.

Barclays – один из старейших и самых крупных банков Великобритании. Это предоставляет возможность изучить КСО-дискурс, сформированный в условиях институциональной традиции и высокой степени публичной ответственности. Исторический статус накладывает определённые дискурсивные ожидания: более формализованный, репутационно-ориентированный стиль, обилие легитимирующей лексики. Кроме того, Barclays функционирует как транснациональный банк, ведущий деятельность более чем в 40 странах. В связи с этим мы ожидаем, что КСО банка Barclays будут отражать глобальные стандарты устойчивости (GRI, TCFD, UN SDGs), но при этом иметь чётко выраженный британский стиль изложения. Более того, международный статус данного банка даёт предпосылки для анализа межкультурной гибридации дискурса, стратегий адаптации и трансляции универсальных ценностей в локальный контекст.

Для исследования жанровой структуры КСО-дискурса отчёт Barclays *Sustainability and Corporate Responsibility Report 2024* мы применили метод «ходов» и «шагов» [6], [24]. Ход (move) представляет собой риторическую единицу, реализующую намерения автора, а шаг (step) – детализированный компонент внутри хода [11]. Бхатия [6] подчёркивает, что достижение коммуникативных целей происходит через упорядоченные серии ходов и шагов.

Для анализа дискурсивных стратегий корпоративной социальной ответственности мы опирались на модель метадискурса, предложенную К. Хайлендом [15]. Согласно данной модели, взаимодействие автора с читателем осуществляется посредством двух групп ресурсов: интерактивных, обеспечивающих структурирование текста, и интеракционных, выражающих позицию автора и вовлекающих адресата в коммуникацию.

3. Результаты

Исследование было выполнено в несколько этапов. На первом этапе был определён объект исследования – текст КСО-отчёта банка Barclays за 2024 год. Основное внимание было уделено разделам, содержащим декларации деятельности, стратегий, инициатив и обязательств – performance-reporting (PR) section. Эти сегменты дискурса отражают коммуникативные цели жанра и служат репрезентацией институциональной позиции компании в области устойчивого развития.

После этого были определены риторические ходы и шаги, при выделении которых мы опирались на теоретическую базу:

1. Суэйлс [24] – жанровая структура текста как упорядоченное множество ходов с коммуникативными целями;
2. Бхатия [6] – ходы как стратегии реализации институциональных функций;
3. Ю и Бонди [25] – схема 15 типичных ходов для КСО-дискурса (включая Presenting Performance, Stating Strategies, Describing External Circumstances и др.).

Пошаговая процедура определения ходов включала в себя следующие этапы:

- а) деление текста на семантико-речевые блоки (текст был прочитан и разбит на логико-смысловые единицы (параграфы или группы предложений), каждая из которых представляет законченную риторическую функцию;
- б) интерпретация коммуникативной цели каждого блока (для каждого отрывка определялся вопрос «Что делает данный фрагмент текста?»; например, информирует о достигнутом результате, утверждает миссию компании, даёт моральную оценку, описывает действия в будущем и т.д.);
- в) сопоставление с типологией ходов Ю и Бонди (каждый отрывок сравнивался с описанными Ю и Бонди риторическими ходами КСО-дискурса);
- г) выявление микроуровня – шагов (если ход имел сложную структуру, в нём выделялись шаги по методике Ю и Бонди, например, в “Presenting Performance” могут быть шаги ACT.RES (Reporting actions and results) – сообщение о действиях и результатах, SMP (Communicating strategies/methods/practices) – описание методов, MISSION (Stating missions) – формулирование миссии, ASSE.PF (Assessing Performance) – оценка эффективности, INT.ACT (Detailing an internal action) – детализация внутренней инициативы).

Затем была осуществлена систематическая разметка текста на фрагменты, соответствующие определённым риторическим ходам. Например: высказывание “*6m+ people supported to access skills and employment opportunities since 2023*” классифицировалось как ход “представление результатов деятельности” (Presenting Performance). Предложение “*We announced our ambition to be a net zero bank by 2050*” было определено как “формулирование будущих обязательств” (Previewing Future Performance). Фрагмент текста “*Barclays is committed to aligning its financing with the goals and timelines of the Paris Agreement, consistent with limiting the increase in global temperatures to 1.5°C*” представляет собой ход “установление нормативных оснований” (Establishing Credentials).

В ходе идентификации ходов особое внимание уделялось языковым характеристикам текста (лексико-грамматическим и модальным маркерам), включая:

- 1) глагольные времена (прошедшее – для фактической отчётности, будущее – для деклараций намерений);
- 2) модальные глаголы (will, can и др.);
- 3) оценочные лексемы (sustainable, impactful, ambitious);
- 4) референции на международные стандарты (GRI, TCFD, UN SDGs и др.).

Эти параметры позволили уточнить функции риторических ходов и обеспечить их интерпретацию в соответствии с коммуникативной стратегией отчёта.

На основании полученных данных была реконструирована типичная риторическая последовательность КСО-дискурса Barclays (см. табл. 1): позиционирование корпоративной идентичности и ценностей, демонстрация достижений, апелляция к международным нормативам и стандартам, упоминание заинтересованных сторон и партнёрств, декларация будущих стратегий и обязательств.

Таблица 1. Ключевые риторические ходы в КСО-отчёте Barclays

Риторический ход	Примеры из отчета	Коммуникативное значение
Позиционирование корпоративной идентичности и ценностей	“Our purpose is to deploy finance responsibly...” “Our values: Respect, Integrity...”	Формирование имиджа этически ответственного субъекта; задание идеологической рамки
Демонстрация достижений	“6 million people supported” “£203m invested in communities”	Легитимация деятельности через количественные показатели; доказательство эффективности

Риторический ход	Примеры из отчета	Коммуникативное значение
Апелляция к международным нормативам и стандартам	"We align with the UN SDGs" "Disclosures in accordance with TCFD"	Интертекстуальная легитимация и соответствие международным ожиданиям
Упоминание заинтересованных сторон и партнёрств	"We work with clients, investors, regulators..."	Создание образа диалогичности и социальной чувствительности
Декларация будущих стратегий и обязательств	"We will continue to..." "Our ambition is to..."	Формирование доверия к долгосрочной стратегии; акцент на устойчивость и моральную приверженность

Целью хода 1 «Позиционирование корпоративной идентичности и ценностей» (X1) является представление банка как этически ориентированного, устойчивого и ценностно-ориентированного актора.

Например: "Our purpose is to deploy finance responsibly to support people and the planet." "Everything we do is rooted in our values: Respect, Integrity, Service, Excellence and Stewardship."

Этот риторический ход формирует основу всего дискурса: он закрепляет идентичность банка как морально ответственного субъекта. Ценности подаются как неотъемлемая часть стратегии, обеспечивая легитимацию и этическую привязку всей последующей информации.

Ход 2 «Демонстрация достижений» (X2) направлен на подкрепление имиджа банка результатами и количественными показателями.

Например: "6 million people supported through our citizenship initiatives." "£203m invested in community initiatives in 2023." "£94.4bn facilitated in sustainable finance."

Этот ход служит ретроспективной верификацией обещаний, данных ранее. Подчёркивается достижение KPI, что усиливает доверие и демонстрирует подотчётность. Это важно для построения репутации результативности и прозрачности.

С помощью хода 3 «Апелляция к международным нормативам и стандартам» (X3) дискурс компании встраивается в глобальный контекст ESG и устойчивого развития.

Например: "We align with the UN Sustainable Development Goals." "Disclosures are made in accordance with the TCFD and GRI standards." "We are a signatory to the UN Principles for Responsible Banking."

Этот ход формирует интертекстуальную легитимацию – Barclays позиционирует себя как участника глобального ESG-сообщества. Кроме того, это снижает риск критики, переводя ответственность на международные рамки, которым банк «подчиняется».

Ход 4 «Упоминание заинтересованных сторон и партнёрств» (X4) демонстрирует открытость, диалогичность и ориентированность на интересы общества.

Например: "We work closely with clients, investors, regulators, and civil society." "Stakeholder feedback informs our strategy."

За счёт этого хода усиливается образ банка как социально встроенного и этически чувствительного участника. Этот ход также служит превентивной стратегией защиты, демонстрируя внимание к возможной критике.

Ход 5 «Декларация будущих стратегий и обязательств» (X5) формулирует будущие обязательства и демонстрирует устойчивость стратегических намерений и моральную преданность изменениям.

Например: "We aim to be net zero by 2050." "We will continue to refine our climate risk approach." "Our ambition is to scale green financing further."

Такой риторический ход создаёт проект будущего, мобилизуя доверие и лояльность на перспективу. Также он выполняет функцию ожидания: читатель «приглашается» участвовать в грядущих изменениях.

Количественный анализ выявил следующие пропорции использования ходов в тексте: X2 и X5 занимают по 30% текста, X3 и X4 – по 15% и X1 – 10% (см. табл. 2).

Таблица 2. Количественный анализ сегментации текста

Ход	Примерный объём текста (%)
X1	10
X2	30
X3	15
X4	15
X5	30

Соотношение между ходами 2 и 5 – 1:1, что демонстрирует сбалансированность между презентацией достигнутого и декларацией будущих стратегических целей.

Ходы 3 и 4 обеспечивают легитимацию и социальную привязку отчёта, в то время, как ход 1 закладывает ценностно-миссионерский фундамент.

Сопоставительный анализ риторических ходов Barclays КСО-отчёта и исследования Ю и Бонди [25] показал, что риторическая структура отчёта Barclays о корпоративной социальной ответственности в значительной степени соответствует универсальным коммуникативным стратегиям, выявленным в кросс-культурном исследовании Ю и Бонди. Тем не менее, можно зафиксировать как общие черты, так и отдельные расхождения, отражающие институциональные и культурные особенности (см. табл. 3).

Таблица 3. Сравнение риторических стратегий Barclays и Yu & Bondi (2017)

Риторический ход	Barclays (2024)	Yu & Bondi (2017)	Совпадения / различия
Представление результатов деятельности	Доминирующий элемент (30% текста); акцент на количественные показатели и KPI	Наиболее частотный ход ($\approx 46,5\%$ PR-секции) во всех корпусах	Совпадение: универсальный базовый ход жанра
Описание стратегий и методов	Отражается через устойчивые бизнес-практики, ESG-рамки, внутренние реформы	Вторая по частоте стратегия ($\approx 19,3\%$)	Совпадение: значимость стратегической системности
Описание внутренних действий	Упомянуется фрагментарно; не выделяется как отдельный акцент	Частотный ход ($\approx 7,9\%$)	Различие: Barclays минимизирует детализацию внутренних процессов
Описание внешних обстоятельств	Используется ограниченно; служит фоном к финансовым стратегиям	Встречается регулярно, вводит макроэкономический/экологический контекст	Различие: Barclays снижает значимость внешнего контекста
Презентация индивидуальных кейсов	Отсутствует; отчёт избегает персонализации	Широко используется в китайских отчётах; нарративы об отдельных сотрудниках/клиентах	Различие: специфика англоязычной корпоративной традиции
Формулирование миссии / ценностей	Присутствует в начале отчёта, но далее не акцентируется	Более выражено в итальянском и китайском корпусах	Различие: Barclays снижает роль миссионерской риторики
Апелляция к международным стандартам	Систематически (UN SDGs, GRI, TCFD, Paris Agreement); ключевой элемент легитимации	Отмечается как важная часть глобальных отчётов	Совпадение: универсальная стратегия легитимации
Декларация будущих обязательств	Один из доминирующих ходов (30% текста); формирует перспективу устойчивости	Частотный элемент во всех трёх корпусах	Совпадение: обязательный компонент жанра

К общим чертам относится доминирование хода «Представление результатов деятельности». Barclays использует количественные показатели и итоги как ключевую стратегию убеждения. В исследовании Ю и Бонди этот ход занимает 46,56% объёма PR-секции в трёх национальных корпусах, будучи основным риторическим элементом. Barclays, как и большинство компаний, рассматривает представление результатов как основу легитимации своих КСО-усилий. Barclays подчёркивает устойчивую интеграцию ESG-принципов в бизнес-модель (напр., «Our Transition Finance Framework...»). В исследовании Ю и Бонди ход «Описание стратегий и методов» занимает 19,34% и является второй по частоте стратегией. Описание этих подходов укрепляет доверие, демонстрируя системность усилий. Barclays упоминает внутренние изменения в управлении, устойчивых инвестициях и риск-моделях. В исследовании Ю и Бонди ход «Описание внутренних действий» занимает третье место по частотности (7,94%) и служит детализацией вышеуказанных ходов.

Были выявлены различия и культурно-специфические особенности. Во-первых, отсутствие хода «Представление индивидуальных кейсов» в Barclays. В исследовании Ю и Бонди этот ход активно используется в китайских КСО-дискурсах как способ опосредованной демонстрации результата и вовлечённости. Отчет Barclays структурно ориентирован на абстрактную, институциональную подачу данных, лишённую нарративов конкретных сотрудников или сообществ. Англоязычный корпоративный дискурс Barclays следует более обезличенной, аналитичной модели. Во-вторых, менее выраженный ход «Описание внешнего контекста». Ю и Бонди отмечают, что этот ход часто вводит информацию о макроэкономических, политических и экологических условиях. В отчёте Barclays данный компонент присутствует фрагментарно и скорее используется как фоновое объяснение финансовых стратегий. В-третьих, было отмечено умеренное использование ходов «Формулирование миссии» и «Демонстрация приверженности». В исследовании Ю и Бонди эти ходы более выражены в итальянском и китайском подкорпусах. Отчёт Barclays начинается с декларации цели, однако не акцентирует миссионерскую риторику на протяжении всего текста.

Таким образом, КСО-дискурс Barclays отражает устойчивую риторическую структуру, характерную для англоязычного PR-сектора: акцент на результативность, стандарты и стратегии. Он в значительной степени соответствует универсальной модели, описанной Ю и Бонди, однако отличается большей рационализацией, формализацией и отсутствием нарративной антропоморфизации, свойственной китайскому КСО-дискурсу. Это подчёркивает как глобальные конвенции жанра КСО-отчёта, так и культурно-риторические различия, опосредующие реализацию этих конвенций.

Анализ взаимодействия с читателем по Хайленду выявил ряд интерактивных и интеракционных ресурсов. В отчёте Barclays широко представлены средства, упрощающие навигацию и интерпретацию текста. Так, переходные маркеры-связки (*however, in addition, therefore*) обеспечивают логическую связность изложения при переходе от экологической проблематики к социальным вопросам. Рамочные маркеры (*in this section, to conclude, our commitments include*) структурируют документ и обозначают его композиционные этапы. Эндофорические маркеры-ссылки создают сквозные связи внутри текста (*see Figure 4, as shown in the table below*), а эвиденциальные отсылки усиливают достоверность аргументации (*according to the UN SDGs, as recommended by TCFD*). Кроме того, код-гlossы способствуют упрощению восприятия специализированных понятий (*net zero – meaning reducing emissions to as close to zero as possible*).

Другая группа стратегий связана с выражением авторской позиции и формированием диалога с адресатом. В отчёте Barclays наблюдается активное использование хеджей (*we aim to, we seek to, we are working towards*), которые смягчают категоричность заявлений, и бустеров (*we are committed to, we will deliver*), напротив, подчёркивающих твёрдость позиции. Маркеры отношения (*we are proud to, it is vital that*) сигнализируют ценностную ориентацию компании и её эмоциональную вовлечённость в процесс. В качестве средств вовлечения адресата применяются маркеры взаимодействия (*as stakeholders, you can expect..., we invite feedback*), апеллирующие к заинтересованным сторонам. Особую роль играет самопрезентация через местоимение *we*, формирующее коллективный корпоративный голос и конструирующее образ Barclays как ответственного субъекта дискурса.

Таким образом, отчёт Barclays сочетает стратегии структурирования и интерпретации текста с приёмами вовлечения и убеждения читателя. Данный баланс позволяет компании одновременно выстраивать прозрачное изложение и транслировать ценностные ориентиры, укрепляя доверие к корпоративной позиции.

Определение метадискурсивных маркеров позволило соотнести их с выделенными риторическими ходами, в которых они присутствуют (см. табл. 4).

Таблица 4. Риторические ходы и их дискурсивное наполнение

№	Ход	Метадискурсивные маркеры
1	позиционирование корпоративной идентичности и ценностей	самопрезентация, бустеры, маркеры отношения
2	демонстрация достижений	бустеры, эвиденциальные отсылки, эндофорические маркеры-ссылки
3	апелляция к международным нормативам и стандартам	эвиденциальные отсылки, код-гlossы
4	упоминание заинтересованных сторон и партнёрств	маркеры взаимодействия, хеджи, самопрезентация
5	декларация будущих стратегий и обязательств	хеджи, бустеры

Отчёт демонстрирует высокую степень жанровой и метадискурсивной проработанности. Использование различных метадискурсивных ресурсов позволяет Barclays одновременно транслировать информативность через количественные метрики, визуальные данные и ссылки на стандарты, имиджевую стратегию через декларации, уверенные формулировки и позитивную самоидентификацию, и декларацию прозрачности через систематизированную структуру и упоминания международных норм. Данный корпоративный отчёт сочетает жанровую структуру отчётности с риторическими механизмами убеждения, формируя образ Barclays как ответственного, ориентированного на устойчивое развитие института, действующего в соответствии с глобальными ожиданиями.

4. Обсуждение

В целом КСО-отчёт Barclays демонстрирует соответствие универсальной риторической модели, описанной Ю и Бонди [25]. Основными риторическими ходами являются: (а) позиционирование корпоративной идентичности и ценностей, (б) демонстрация результатов, (в) апелляция к международным нормативам и стандартам, (г) упоминание заинтересованных сторон и партнёрств, (д) декларация будущих обязательств. Их распределение подтверждает институциональную устойчивость жанра КСО-отчёта и наличие сбалансированного соотношения между ретроспективными и перспективными компонентами.

Дискурс Barclays характеризуется преобладанием рационализированного и формализованного стиля. В отличие от китайской традиции (ориентация на нарративы) и итальянской (усиление миссионерской риторики), Barclays минимизирует использование индивидуальных кейсов и экспрессивных формулировок, опираясь преимущественно на количественные показатели и международные стандарты.

В отчёте систематически применяются интерактивные (связки, рамочные маркеры, эвиденциальные ссылки, код-гlossы) и интеракционные ресурсы (хеджи, бустеры, маркеры отношения, самопрезентация, обращения к читателю). Их использование обеспечивает прозрачность структуры текста и формирование «корпоративного голоса», направленного на институциональную легитимацию и вовлечение адресата.

Отчёт выполняет не только функцию отчётности, но и функцию институциональной репрезентации. Barclays конструирует корпоративную идентичность через ценностное позиционирование, подтверждает легитимность своей деятельности через количественные показатели и международные стандарты, а также формулирует стратегические обязательства в долгосрочной перспективе.

Количественный анализ показал, что наибольший объём занимают ходы, связанные с демонстрацией результатов (30%) и декларацией будущих стратегий (30%). Остальные ходы выполняют поддерживающую функцию: апелляция к стандартам (15%), упоминание стейкхолдеров (15%), позиционирование ценностей (10%).

Таким образом, проведённый анализ подтверждает, что дискурс корпоративной социальной ответственности представляет собой институционально закреплённый и стандартизированный жанр, выполняющий функции отчётности, легитимации и стратегической репрезентации. При этом он сохраняет культурно-риторические различия, обусловленные национальными

традициями корпоративной коммуникации. На материале отчёта Barclays показано, что англоязычный КСО-дискурс характеризуется рационализированным стилем, акцентом на количественной верификации и интертекстуальной апелляции к международным стандартам при минимизации нарративных и миссионерских стратегий.

Полученные результаты уточняют представления о жанровой организации англоязычного КСО-дискурса и демонстрируют, что его анализ в интегративной жанрово-метадискурсивной перспективе позволяет выявить как универсальные, так и культурно-специфические стратегии институциональной коммуникации. Это открывает перспективы для дальнейших сравнительных исследований, направленных на выявление вариативности риторических практик в глобальном пространстве КСО.

© Е.В. Комарова, 2025

Список литературы

1. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.
2. Abrahamson E. The Information Content of the President's Letter to Shareholders / E. Abrahamson, E. Amir // *Journal of Business Finance & Accounting*. 1996. Vol. 23. No. 8. P. 1157 – 1182.
3. Arrington C.E. Accounting, interests, and rationality: a communicative relation / C. E. Arrington, A.G. Puxty // *Critical Perspectives on Accounting*. 1991. Vol. 2. No. 1. С. 31–58. DOI: 10.1016/1045-2354(91)90018-9.
4. Bawarshi A.S. Genre: An introduction to history, theory, research, and pedagogy / A.S Bawarshi, M.J. Reiff. Parlor Press LLC, 2010. P. 341.
5. Bazerman C. Shaping written knowledge. Madison, WI, University of Wisconsin press, 1998. P. 372.
6. Bhatia V.K. Genre Analysis: Theory, Practice and Applications: Language Use in Professional and Academic Settings. London: Longman. 1993. P. 264.
7. Biber D. A. Typology of English Texts // *Linguistics*. 1989. Vol. 27. No 1. P. 3–44. DOI: 10.1515/ling-2013-0040.
8. Carroll A.B. A three-dimensional conceptual model of corporate performance // *Academy of management review*. 1979. Vol. 4. No. 4. P. 497–505. DOI: 10.5465/amr.1979.4498296.
9. Coupland C. Corporate social responsibility as argument on the web // *Journal of Business Ethics*. 2005. Vol. 62. No. 4. P. 355–366. DOI: 10.1007/s10551-005-1953-y.
10. Deegan C. Introduction: The legitimising effect of social and environmental disclosures – a theoretical foundation // *Accounting, auditing & accountability journal*. 2002. Vol. 15. No 3. P. 282–311. DOI: 10.1108/09513570210435852.
11. Dudley-Evans T. Developments in English for specific purposes / T. Dudley-Evans, M.J. St John. Cambridge university press, 1998. P. 301.
12. Foucault M. The archaeology of knowledge, trans. A. Sheridan // London: Tavistock. 1972. P. 218.
13. Halliday M.A.K. Language, context, and text: Aspects of language in a social-semiotic perspective / M.A.K. Halliday, R. Hasan. Oxford University Press, 1989. 126 P. 126. DOI: 10.2307/3586740.
14. Hyland K. Exploring corporate rhetoric: Metadiscourse in the CEO's letter // *The Journal of Business Communication* (1973). 1998. Vol. 35. No. 2. P. 224–244. DOI: 10.1177/002194369803500203.
15. Hyland K. Metadiscourse // *Conducting genre-based research in applied linguistics*. Routledge, 2023. P. 59–81. DOI: 10.4324/9781003300847.
16. Hyland K. Metadiscourse: Mapping interactions in academic writing // *Nordic Journal of English Studies*. 2010. Vol. 9. No. S2. P. 125–143. DOI: 10.1177/002194369803500203.
17. Liu H. Communication through discourse: A contrastive genre analysis of the CEO statements between American and Chinese CSR annual reports / H. Liu, J. Liu, P. Cheng // *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*. 2019. Vol. 8. No. 5. P. 96–105. DOI: 10.4324/9781003300847.
18. Martin J. R. Genre relations / J. R. Martin, D. Rose // *Mapping Culture*. London: Equinox. 2008. P. 289.
19. Miller C.R. Genre reassessment // *Quarterly Journal of Speech*. 1984. Vol. 70. No. 2. P. 151–167. DOI: 10.1080/00335638409383686.
20. Morsing M. Corporate social responsibility communication: stakeholder information, response and involvement strategies / M. Morsing, M. Schultz // *Business Ethics: A European review*. 2006. Vol. 15. No. 4. С. 323–338. DOI: 10.1111/j.1467-8608.2006.00460.x.
21. Potter J. Representing reality: Discourse, rhetoric and social construction. 1996. P. 264.
22. Suchman M.C. Managing legitimacy: Strategic and institutional approaches // *Academy of Management Review*. 1995. Vol. 20. No. 3. С. 571–610. DOI: 10.5465/amr.1995.9508080331.
23. Swales J.M. Aspects of article introductions. University of Michigan Press, 2011. No. 1. P. 104.
24. Swales J.M. Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge: Cambridge University Press, selected 45–47, 52–60 // *The Discourse Studies Reader: Main Currents in Theory and Analysis*. – John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 306–316. DOI: 10.1075/z.184.513swa.
25. Yu D. The generic structure of CSR reports in Italian, Chinese, and English: A corpus-based analysis / D. Yu, M. Bondi // *IEEE Transactions on professional communication*. 2017. Vol. 60. No. 3. С. 273–291. DOI: 10.1109/TPC.2017.2702040.

References:

1. Kibrik, A.A. Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genre and other parameters of discourse classification]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of linguistics]. 2009, No. 2. P. 3 – 21.
2. Abrahamson, E., & Amir, E. The Information Content of the President's Letter to Shareholders. *Journal of Business Finance & Accounting*. 1996, Vol. 23, No. 8. P. 1157 – 1182.
3. Arrington, C. E., & Puxty, A.G. Accounting, interests, and rationality: a communicative relation. *Critical Perspectives on Accounting* 2.1. 1991. P. 31 – 58. DOI: 10.1016/1045-2354(91)90018-9.
4. Bawarshi, A.S., & Reiff, M.J. *Genre: An introduction to history, theory, research, and pedagogy*. Parlor Press LLC, 2010. 341 p.
5. Bazerman, C. *Shaping Written Knowledge*. Madison, WI, University of Wisconsin press, 1998. 372 p.
6. Bhatia, V.K. *Genre Analysis: Theory, Practice and Applications: Language Use in Professional and Academic Settings*. Longman, 1993. 264 p.
7. Biber, D. A typology of English texts. *Linguistics*, 1989. Vol. 27, Issue 1. P. 3–44. DOI: 10.1515/ling-2013-0040.
8. Carroll, A.B. A three-dimensional conceptual model of corporate performance. *Academy of management review*. 1979. Vol. 4. No 4. P. 497–505. DOI: 10.5465/amr.1979.4498296.
9. Coupland, Ch. Corporate social responsibility as argument on the web. *Journal of business ethics*, 2005. Vol. 62. No. 4. P. 355–366. DOI: 10.1007/s10551-005-1953-y.
10. Deegan, C. Introduction: The legitimising effect of social and environmental disclosures – a theoretical foundation. *Accounting, auditing & accountability journal*. 2002. Vol. 15. No. 3. P. 282–311. DOI: 10.1108/09513570210435852.
11. Dudley-Evans, T., & St John, M. J. *Developments in English for specific purposes*. Cambridge university press, 1998. 301 p.
12. Foucault, M. *The Archaeology of Knowledge*. London: Tavistock, 1972. 254 p.
13. Halliday, M. A. K., & Hasan, R. *Language, context, and text: Aspects of language in a social-semiotic perspective*. Oxford University Press, 1989. DOI: 10.2307/3586740.
14. Hyland, K. Exploring corporate rhetoric: Metadiscourse in the CEO's letter. *The Journal of Business Communication*. 1973. Vol. 35. No. 2. P. 224–244. DOI: 10.1177/002194369803500203.
15. Hyland, K. Metadiscourse. *Conducting genre-based research in applied linguistics*. Routledge, 2023. P. 59–81. DOI: 10.4324/9781003300847.
16. Hyland, K. Metadiscourse: Mapping interactions in academic writing. *Nordic Journal of English Studies*, 2010. Vol. 9. No. S2. p. 125–143. DOI: 10.35360/njes.220.
17. Liu, H., et al. Communication through discourse: A contrastive genre analysis of the CEO statements between American and Chinese CSR annual reports. *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*, 2019. Vol. 8. No. 5. P. 96–105. DOI: 10.7575/aiac.ijalel.v.8n.5p.96.
18. Martin, J. R., & Rose, D. Genre relations. *Mapping culture*. London: Equinox, 2008. 289 p.
19. Miller, C.R. Genre reassessment. *Quarterly journal of speech*. 1984. Vol. 70. No. 2. P. 151–167. DOI: 10.1080/00335638409383686.
20. Morsing, M., & Schultz, M. Corporate social responsibility communication: stakeholder information, response and involvement strategies. *Business ethics: A European review*, 2006. Vol. 15. No. 4. p. 323–338. DOI: 10.1111/j.1467-8608.2006.00460.x.
21. Potter, J. *Representing reality: Discourse, rhetoric and social construction*. London: Sage, 1996. 264 p.
22. Suchman, M.C. Managing legitimacy: Strategic and institutional approaches. *Academy of management review*, 1995. Vol. 20. No. 3. P. 571–610. DOI: 10.5465/amr.1995.9508080331.
23. Swales, J. M. *Aspects of article introductions*. University of Michigan Press. No. 1. 2011. 104 p.
24. Swales, J. M. Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge: Cambridge University Press, selected 45–47, 52–60. *The Discourse Studies Reader: Main currents in theory and analysis*. John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 306–316. DOI: 10.1075/z.184.513swa.
25. Yu, D., & Bondi M. The generic structure of CSR reports in Italian, Chinese, and English: A corpus-based analysis. *IEEE Transactions on professional communication*, 2017. Vol. 60. No. 3. P. 273–291. DOI: 10.1109/TPC.2017.2702040.

Сведения об авторе:

Комарова Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 8 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: медиадискурс, корпусная лингвистика, нейросетевые технологии, текстовый анализ, компьютерная лингвистика, методика преподавания иностранных языков.

E-mail: e.komarova@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-1154-4738

About the author:

Elena V. Komarova, PhD, is Assistant Professor of English Language Department № 8, Faculty of International Law, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: media discourse, corpus linguistics, neural network technology, text analysis, computer linguistics, ELT.

E-mail: e.komarova@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-1154-4738

* * *

The Spanish Folk Tradition as a Reflection of National Multicultural Identity

Iuliia L. Obolenskaia, Anna V. Bakanova

Lomonosov Moscow State University (MSU),
Leninskie Gory, 1, bldg. 51, 119991, Moscow, Russia

Abstract. The purpose of the study is to explore the distinctiveness of the Spanish folk tradition and its role in shaping Spain's national consciousness. Spanish folklore, as a result of the interaction of various ethnic groups, not only reflects Spain's unique multicultural identity but also preserves its national unity.

Despite the significant role Spanish folklore has played in the cultural unification of the country, interest in its folk heritage has been uneven and often aligned with the methodologies of other European traditions rather than continuity within the national school. The study of Spanish folklore began in the Middle Ages, emphasizing both the originality of Iberian folk forms and their adherence to the broader Mediterranean mythological tradition. Renaissance proverb collections, the literary influence of the Golden Age, and 19th-century essays mark the key stages in the development of Spanish folkloristics. In the 20th century, the works of J. Caro Baroja and G. Díaz Plaja represent the pinnacle of a scholarly approach to studying Spain's cultural-historical imagery. These works highlight the unique characteristics of Galicia, Andalusia, Castile, Asturias, and other regions, analyzing their mythological worldviews. Folklore texts and festive traditions reflect historical and socio-geographical factors that have shaped the popular worldview. Since the medieval chronicles the Spanish corpus of folklore narratives has developed as a resource reflecting national identity, unified by historical and cultural experience. Among the study's findings is the conclusion that the Spanish language, in which folklore narratives from various Spanish regions have long been expressed, became a key factor in forming a unified Spanish folkloric worldview, also influencing Latin American traditions. Despite modern tendencies toward regionalism, folk creativity remains a unifying element of multicultural Spain.

The study employs historical-cultural and comparative-anthropological approaches. Methods of historical structuralism and comparative mythology are used to identify the cultural dominants of Spain's regions.

Keywords: Spanish language, Spanish folklore, mythology, folk tradition, folkloristics, myth, legend, proverb

For citation: Obolenskaia Iu.L., Bakanova A.V. (2025). The Spanish Folk Tradition as a Reflection of National Multicultural Identity, *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(4), pp. 51–64. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-51-64>

Испанская фольклорная традиция как отражение национальной поликультурной идентичности

Ю.Л. Оболенская, А.В. Баканова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51.

Аннотация. Цель работы – выявить особенности развития фольклорной традиции в Испании и определить её роль в формировании национального сознания и социокультурной идентичности народов Испании. Испанский фольклор, являясь результатом взаимодействия различных этнокультур Пиренейского полуострова, в полной мере отражает основные этапы становления испанской государственности и сложившуюся в стране уникальную поликультурную идентичность. Общность корней иберийской культурной традиции в настоящее время противопоставляется национально-культурной идентичности исторических областей страны. Однако уже в первых исследованиях фольклора в средневековой Испании подчёркивалась как самобытность иберийских фольклорных форм, так и следование общей средиземноморской мифологической традиции.

Ренессансные сборники паремий, выдающиеся произведения литературы Золотого века, костюбристские очерки XIX века определяют особенности основных этапов испанской фольклористики. Испанский корпус фольклорных сюжетов, складывающийся начиная со средневековых хроник Альфонса X Мудрого, следует рассматривать как отражающий национальную идентичность ресурс, объединённый историческим и культурным опытом.

В XX веке труды Х. Каро Барохи и Г. Диаса Плахи являются наиболее значимым итогом научного подхода к исследованию мифологической картины мира, культурно-исторических образов и типов национального характера таких областей Испании, как Галисия, Андалусия, Кастилия, Страна Басков, Каталония. В них выявлены уникальные черты фольклорных текстов, праздничного фольклора, народных форм быта, которые отразили исторические и социально-географические факторы, повлиявшие на народное мировоззрение.

Среди результатов исследования вывод о том, что испанский язык, на котором долгое время существовали фольклорные сюжеты разных областей Испании, стал ключевым фактором формирования общеиспанской фольклорной картины мира, оказав влияние и на оформление латиноамериканских традиций благодаря взаимодействию культур и созданию пограничной цивилизации Нового Света. Несмотря на тенденции к регионализму и национально-культурному сепаратизму, проявившиеся в ряде современных испанских методологий, фольклорное творчество по-прежнему остаётся объединяющей поликультурную Испанию силой.

Исследование опирается на историко-культурный и сравнительно-антропологический подходы. Для выявления культурных доминант регионов Испании, вслед за отечественной школой фольклористики (В. Я. Пропп, В. П. Аникин) и научной концепцией Х. Каро Барохи, использованы методы исторического структурализма и сравнительной мифологии (К. Леви-Стросс), а также методология этнопсихолингвистического подхода (Е. Мартин Нуньес) к исследованию фольклора.

Ключевые слова: испанский язык, национальная идентичность, языковое сознание, испанский фольклор, мифология, фольклорная традиция, фольклористика

Для цитирования: Оболенская Ю.Л., Баканова А.В. (2025). Испанская фольклорная традиция как отражение национальной поликультурной идентичности, *Филологические науки в МГИМО*. 11(4), С. 51–64. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-51-64>

Введение (Introduction)

Своеобразие фольклорной картины мира Испании в настоящее время привлекает особый интерес, поскольку она наиболее полно отражает особенности национального сознания народов этой поликультурной страны, основные этапы развития этнокультурных традиций и формирования национальной идентичности. Начало исследований фольклора в Испании было положено уже в средние века, в них подчёркивалась как самобытность иберийской фольклорной традиции, так и следование общей средиземноморской мифологической традиции. Отметим, что исследования испанского фольклора в нашей стране практически не проводились вплоть до конца XX века в связи с трудностями доступа к исследовательским материалам и корпусу фольклорных текстов¹. Отчасти это может служить объяснением *невнимания* к истокам испанской литературы и культуры, однако подчеркнём, что и в самой Испании современных работ, посвящённых данной проблематике, не так много, и большинство из них носит узко региональный характер. Стоит также отметить, что сами исследования фольклорного наследия в Испании долгое время были достаточно эклектичны и в большей степени ориентированы на методологию других европейских традиций, нежели на преемственность внутри национальной школы².

Тем не менее на протяжении истории испанский фольклор неоднократно играл важную роль в деле культурного объединения страны. «Удивительное смешение рас и культур на Пиренейском полуострове на каждом историческом этапе развития страны никогда не приводило к резкой смене культурной парадигмы: взаимодействуя и взаимообогащаясь, этнокультуры полуострова создавали причудливый рисунок уникальной пограничной цивилизации – мультикультурного иберийского мира» [9, с. 39].

Испанские фольклористы в XX-XXI вв. продолжают дело своих предшественников и дополняют собранный ранее общий корпус фольклорных текстов на испанском языке, фиксируя устное народное творчество отдельных населённых пунктов и областей страны, однако обобщающих эти результаты теоретических исследований так и не появилось. Причину подобного развития испанской фольклористики следует искать в современных тенденциях социально-культурной и политической самоидентификации автономий в составе Испании, направленных на выявление и сохранение самобытных исторически обусловленных локальных черт. Действительно, каждый из народов, населяющих это многонациональное государство, обладает своей собственной фольклорной традицией и мифологией, а сказки и поверья Кастилии, Астурии, Каталонии, Страны Басков, Андалусии, Арагона и других областей Испании, созданные на протяжении столетий, отличаются сюжетами и описанными в них деталями пейзажа. Но они в равной степени отражают и доминанты национального характера, и системы представлений о мире и духовных ценностях, и инокультурное влияние.

Исследование (Material & Methodology)

Исследование опирается на историко-культурный и сравнительно-антропологический подходы. Для выявления культурных доминант регионов Испании, вслед за отечественной школой фольклористики (В. Я. Пропп, В. П. Аникин) и научной концепцией Х. Каро Барохи, использованы методы исторического структурализма и сравнительной мифологии (К. Леви-Стросс), а также методология этнопсихолингвистического подхода (Е. Мартин Нуньес) к исследованию фольклора.

¹ Оболенская Ю. Л. Легенды и предания Испании. М., 2004 [7].

Баканова А. В. Жанр народной сказки в истории испанских фольклористических исследований // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. М., 2007 [1].

² Rodríguez Almodóvar, A. Los cuentos populares, o la tentativa de un texto infinito (1989) [24].

Цель работы – выявить особенности развития фольклорной традиции в Испании и определить её роль в формировании национального сознания и социокультурной идентичности народов Испании. Испанский фольклор, являясь результатом взаимодействия различных этнокультур Пиренейского полуострова, в полной мере отражает основные этапы становления испанской государственности и сложившуюся в стране уникальную поликультурную идентичность. Общность корней иберийской культурной традиции в настоящее время противопоставляется национально-культурной идентичности исторических областей страны. Однако уже в первых исследованиях фольклора в средневековой Испании подчёркивалась как самобытность иберийских фольклорных форм, так и следование общей средиземноморской мифологической традиции.

Начало интереса к народным традициям было положено в XIII веке Альфонсо X Мудрым, благодаря которому были созданы историографические труды «Всеобщая хроника» и «Всеобщая история». Фольклорные сюжеты в этот период можно встретить как вкрапления в преданиях, хрониках и биографиях, а также религиозных и светских произведениях.

Традиция издания отдельных сборников фольклорных текстов начинается позднее – в эпоху ренессанса, когда появляются первые словари пословиц и поговорок, включающие примеры на классических и романских языках³. Сборники Педро Вальеса, Эрнана Нуньса, Хуана де Маль Лары и других авторов легли в основу формирования общероманского фольклористического корпуса⁴. Сборник Маркиза де Сантьяны «Поговорки... в речи старух, сидящих у очага» (*Refranes ... que dicen las viejas tras el fuego*) 1549 года считается одним из первых примеров подобного рода изданий на народном языке⁵. Издание объёмных словарей паремий свидетельствует об особом отношении к фольклору в Испании в этот период, поскольку в других странах не наблюдается выраженного интереса образованной публики к фольклорным текстам⁶.

Таким образом, испанский фольклор довольно рано привлекает внимание писателей и филологов, причём начиная с первых сборников очевидно желание собирателей подчеркнуть общенациональный характер фольклорных текстов. Сборники представлены текстами разных жанров, среди которых, помимо уже упомянутых паремий, сказки, легенды, анекдоты, суеверия, афоризмы, детский фольклор, жанры дидактической направленности. В них зафиксирована национальная память, связанная с героическим периодом Реконксты – триумфом христианской веры и героизма испанцев в период XII–XV вв. – и отражающая важнейшие исторические и социальные процессы в стране.

С развитием гуманистического движения значение испанского фольклора как объединяющего нацию фактора возрастает. Этому способствуют важные политические события, определившие ход истории страны, среди которых помимо завершения Реконксты, следует упомянуть объединение Кастилии и Арагона, открытие Нового Света Колумбом – события, обусловившие расцвет национальных науки и культуры. На прямую связь между становлением государства и развитием языка указывает в предисловии к грамматике кастильского языка (1492) Антонио де Небриха [23]. Испанская литературная традиция этого периода ещё не достигла вершин развития, именно это заставляет авторов сочинений по грамматике испанского языка обратиться для иллюстрации языкового узуса к текстам устной народной традиции, так, Небриха в своей грамматике приводит ряд примеров малых фольклорных жанров⁷, от поговорок до *коплас*.

³ «[...] la riqueza paremiográfica española se aprecia en el elevado número de colecciones editadas de forma continuada desde la Edad Media» [21].

⁴ «[...] es la época de la publicación de refraneros considerados clásicos para la paremiografía españolas, como los de Pedro Vallés (1555), Hernán Núñez (1555) o Juan de Mal Lara (1568)» [21].

⁵ Сравним название с русским выражением из сборника «Пословицы русского народа» В. И. Даля: *Сижу у печи да слушаю людские речи*. Этот сборник был подготовлен Сантьягой по заказу короля Хуана II, неоднократно переиздавался и считается одной из наиболее ранних коллекций паремий: «la colección más antigua en lengua vulgar» [21].

⁶ «Esto ocurría en España mientras en otros países de Europa [...] se daba la espalda a los refranes, que eran considerados cosa del vulgo» [21].

⁷ Подробнее см. Баканова А.В. Малые жанры испанского фольклора // Ибероамериканские тетради. М., 2023. Т. 11, № 3. С. 146–163 [3].

Одним из первых идею о важности сохранения текстов устной традиции также высказывает в «Диалоге о языке» (1535) испанский учёный-гуманист Хуан де Вальдес: «чтобы оценить истинные свойства кастильского языка, обратимся к пословицам, ведь лучшим у них является их происхождение из уст народа»⁸. Вальдес подчёркивает важность паремий в выявлении специфики испанского языка и подчёркивает превосходство текстов испанской устной традиции над текстами, созданными ещё в античности⁹. Для указания на древность и исконность испанских поговорок Вальдес обращается к женским образам: «кастильские [пословицы] взяты из народной традиции, большинство из них родилось в речи прядущих у очага старух»¹⁰.

Близость к народному творчеству характерна для многих выдающихся писателей Золотого века испанской литературы, когда происходит процесс взаимообогащения авторской и народной традиции: фольклорные сюжеты становятся частью художественного текста, а популярные цитаты из авторских произведений «уходят в народ». Постепенно под влиянием ренессансного мировоззрения в Испании XVI–XVII вв. осуществляется замена средневековой системы знания новой культурной формацией, основным компонентом которой становится национальная традиция.

Немалую роль в признании важности сохранения фольклорного наследия сыграло также зарождение этнографии и следом за ней науки о фольклоре. Благодаря открытию Нового Света и знакомству с традициями коренного населения происходит переоценка опыта предыдущих столетий, а взгляд испанских исследователей обращается к изучению более примитивных стадий развития человечества с позиции социально-философских достижений эпохи¹¹. Не менее важным результатом стала передача накопленного европейскими странами культурного опыта в страны Нового Света, так, одним из важных компонентов фольклорного наследия стран Латинской Америки является пиренейская традиция. В двадцатые годы XX века первые фольклорные экспедиции в Испании были организованы с целью поиска древних корней фольклорных сюжетов, получивших распространение на американском континенте.

Начиная с XVI века интерес испанских исследователей смещается в сторону описания народных традиций, городского быта¹², типичных характеров и т. п. К этому направлению можно отнести работу Амбросио де Саласара (1575–1643), автора грамматических и бытописательных сочинений, служившего при дворе Людовика XIII. В сборнике «*Almoneda general de las más curiosas recopilaciones de los Reynos de España*» (1612) Саласар представил подборку забавных случаев, анекдотов и исторических сведений из жизни испанских провинций.

В XVII веке работ подобного рода выходит ещё больше. Сборник «*Diálogos de apacible entretenimiento, que contiene unas Carnestolendas de Castilla*» издаёт в 1606 году Гаспар Лукас Идальго (1560–1619). В работе, посвящённой празднованию карнавала в Кастилии, встречаем короткие рассказы, шутки, описания народных традиций, танцев. Хуан де Аргихо (1567–1622), известный поэт Золотого века, издаёт работу «*Relación de las fiestas de toros y cañas en Sevilla*» (1617), посвящённую традициям боя быков. В 1620 году Антонио Линьян-и-Вердуго выпускает путеводитель по жизни испанского королевского двора «*Guía y avisos de forasteros que vienen a la Corte*»,

⁸ «Para considerar la propiedad de la lengua castellana, lo mejor que los refranes tienen es ser nacidos en el vulgo» [27].

⁹ Стремясь воплотить на практике идеи северного возрождения, Вальдес ориентируется на работы Э. Роттердамского, который издал несколько сборников фольклора (например, *Adagiorum chiliades quatuor*): «Широкий отклик нашло у “эразмистов” и представление нидерландского учёного о выражении в пословицах и поговорах философии народа, народного духа, самобытности нации» [12, с. 37]. Вслед за ним Вальдес видит величие языка в богатой фольклорной традиции и сопровождает свой труд множеством примеров народных пословиц и поговорок.

¹⁰ «Los castellanos son tomados de dichos vulgares, los más de ellos nacidos y criados entre viejas, tras del fuego hilando sus ruecas» [27]. Схожий образ использует в названии сборника поговорок Маркиз де Сантльяна. Позднее, в 1627 году, основной корпус испанских паремий соберёт в своём издании Г. Корреас (*Vocabulario de Refranes y Frases Proverbiales, y otras Fórmulas Komunes de la lengua kastellana*) [17].

¹¹ «[...] именно географические открытия XVI века, и в особенности открытие Нового Света, побудили учёных того времени обратиться к проблемам, связанным с историей общественных институтов, и дали им в руки новый метод исследования – сравнительный метод, из чего и возникла этнография в современном смысле слова, а вместе с ней и фольклористика» [5, с. 24].

¹² Подробнее об образе города в испанской лингвокультуре см. Оболенская Ю.Л. Город как часть культурного кода испанцев: взгляд «изнутри» и «снаружи» // Ибероамериканские тетради. М., 2024. Т. 12, № 1. С. 47–65 [6].

путеводитель отражает стереотипы представлений того времени о столичных жителях и их характере. Представленные в книге советы, предостережения дополнены талантливыми очерками жизни Мадрида, упоминаниями традиционных праздников и времяпровождений: *ya en oír una comedia, ya en pasearse por la calle Mayor, o en el Prado*, описанием различных профессий и занятий: *guitarristas, hombres echadizos, semipoetas, coplistas, críticos, arbitristas, alquimistas* и др. Франсиско Сантос в 1663 году публикует работу «День и ночь в Мадриде», также посвящённую жизни испанской столицы и городскому праздничному фольклору¹³. Здесь описываются наиболее знаменательные мероприятия, от корриды до похорон, социальные типажи, включая портных, продавцов шляп, служанок и проч. Многие испанские фольклористы этого периода обращаются к работам своих предшественников, так, в 1690 году Ф. Асенсио издаёт дополненную версию сборника кратких историй и забавных случаев из народной жизни Мельчора де Санта-Крус, а знаменитый философ Б. Х. Фейхоо-и-Монтенегро – проводит в 1726–1740 гг. критический анализ народных представлений и суеверий с позиции века Просвещения.

Взлёт интереса к традициям и праздникам различных областей Испании как отражению особенностей национального духа происходит в XIX веке. Европейский романтизм с его вниманием к народным корням и национальной истории выводит оценку важности сохранения фольклорного творчества на новый уровень. Под влиянием деятельности братьев Гримм любители испанского фольклора начинают активно собирать и издавать различные жанры устного народного творчества, среди которых особо выделяются сборники сказочного, детского и праздничного фольклора. Период с начала и до середины века получил название *костумбристский*¹⁴. В это время исследователям наиболее ценной представляется эстетическая функция фольклора и отражение в нём народного духа. С целью выявить глубинные фольклорные основы и вместе с тем *украшить* обычно очень простые народные тексты авторы зачастую предпринимают их литературную обработку.

Именно в XIX веке основные принципы костумбризма обретают полноту. Фольклористы обращают внимание на такой жанр как очерки путешественников, описывавших свои впечатления от живописных народных форм жизни и быта. Впервые термин костумбризм применительно к новому литературно-публицистическому течению употребил автор описания нравов испанской столицы Рамон Месонеро Романос, который также был основателем еженедельника *Semanario Pintoresco Español*, публикующего бытописательные очерки – «*cuadros críticos de costumbres*». Постепенно сложился круг единомышленников, основной задачей которых стало выявление особенностей испанского национального характера вне зависимости от исторического контекста и социального устройства¹⁵. Наиболее показательным в этом отношении стал коллективный труд «Испанцы глазами самих испанцев» (*Los españoles pintados por sí mismos*, 1843–1844), среди авторов которого были такие известные литераторы-фольклористы того времени, как Антонио Флорес, Хосе Мария Тенорио, Мануэль Бретон де лос Эррерос и др. В сборнике очерков дана подробная характеристика разных социальных типажей, например *sacristán, anticuario, ciego, estudiante*¹⁶.

К концу XIX века формируются три основных фольклористических центра – южный – *андалузский*, с центром в Севилье, восточный – *каталанский*, в Каталонии, и северный – *баскско-наваррский*. С Андалусией связана деятельность яркой фигуры испанской фольклористики этого

¹³ Santos, F. (1623–1698) Día y noche en Madrid. Discurso de lo más notable que en él pasa (1663) [26].

¹⁴ См. подробнее Баканова А.В. История испанского фольклора: костумбристский период // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака: Сборник статей по итогам VII международной конференции, М., 2022. Т. 7. С. 28–36 [2].

¹⁵ «El hombre en el fondo siempre es el mismo, aunque con distintos disfraces en la forma; el palaciego que antes adulaba a los reyes, sirve hoy y adula a la plebe bajo el nombre de tribuno; el devoto se ha convertido en humanitario; el vago y calavera en faccioso y patriota; el historiador en hombre de historia; el mayorazgo en pretendiente; y el chispero y la manola en ciudadanos libres y pueblo soberano» [20, с. 115].

¹⁶ Кроме того, был подготовлен проект словаря испанских традиций, где планировалось изложить в алфавитном порядке все известные формы и атрибуты народной праздничной культуры регионов Испании, например *andaluces, abanico, bolero, belenes, guitarra, gitanos* и т. д.

Серию изданий подобного толка продолжают сборники «Los valencianos pintados por sí mismos» (1859), «Las españolas pintadas por los españoles» (1871–1872), «El álbum de Galicia. Tipos, costumbres y leyendas» (1897) и другие работы с описанием традиций, обычаев и характеров жителей Испании.

периода – писательницы г-жи де Фабер (1796–1877), работавшей под псевдонимом Фернан Кабальеро. Она опубликовала несколько авторизованных сборников испанского сказочного и детского фольклора¹⁷. Несмотря на литературную обработку, которой подверглись фольклорные тексты в её сборниках, в целом они отражают особенности общеиспанской фольклорной традиции. Серафин Эстебанес Кальдерон издаёт сборник очерков «Escenas andaluzas», в котором исследует традиции и танцевальный фольклор Андалусии. На севере Испании фольклорными исследованиями занимается Антонио де Труэба-и-Ла Кинтана (1819–1889), один из первых собирателей баскского фольклора. На востоке страны, в Каталонии, публикуют фольклористические работы Франсиско Маспонс-и-Лаброс, Жасинт Вердагер и другие исследователи, что позволило сохранить традиции региона и устное народное творчество на каталанском языке. Позднее, в 1880-е гг., на смену *костумбризму* пришёл период *позитивизма*, представители которого вовлекли в *фольклористическое движение* все исторические области страны, что привело к созданию многочисленных обществ любителей фольклора и изданию коллективной библиотеки народных традиций Испании.

Деятельность перечисленных центров, сформировавших богатый корпус фольклорных текстов и наблюдений за традициями, привычками и характерами жителей разных регионов Испании, подготовила в XX веке создание испанской национальной школы фольклористики. Научный подход к фольклору начинает складываться в Испании в 1920-е годы, в этот период определяются основные направления исследований – сказочный фольклор¹⁸, иберийская мифология и изучение фольклорной картины мира исторических регионов Испании.

В начале XX века в Испании появляются первые попытки филологического анализа фольклорных текстов, исследователи и собиратели фольклора стремятся к точной фиксации материала с сохранением фонетических, морфологических, синтаксических и художественных особенностей речи рассказчика, диалектных черт, локализмов, кроме того, закладываются основы для сравнительного изучения фольклорных жанров¹⁹. Первопроходцем в научном осмыслении испанского наследия считается Аурелио Маседонио Эспиноса, который собрал тексты, представляющие сказочную национальную традицию²⁰. С последней трети XX века испанский сказочный фольклор рассматривается преимущественно в русле структурно-морфологического и историко-генетического подходов, разработанных В.Я. Проппом²¹.

Исследованиями иберийской мифологии занимался Константино Кабаль (1877–1967), который отмечал отголоски древней мифологической системы в дошедших до наших дней традициях и верованиях²². Ещё одним важным этапом в осмыслении традиций каждого региона Испании стало издание в 1943 году многотомного труда «Фольклор и традиции Испании», включающего историографию фольклора, исследования детского, игрового и музыкального фольклора, тавромахии, описание традиционных видов жилищ, быта, ремёсел испанцев.

В связи с проблематикой данной статьи особого внимания заслуживает научное наследие Хулио Каро Барохи (1914–1995), которое включает корпус работ, характеризующихся междисциплинарным подходом и стремлением рассматривать фольклорные явления в связи с их социально-историческими корнями. Интерес представляют выводы учёного относительно того, из каких элементов складываются фольклорные доминанты испанских провинций. Научный подход Х. Каро Барохи был сформирован под влиянием семейной среды²³ и социально-политических

¹⁷ См. Caballero F. Cuentos, adivinanzas y refranes populares. Madrid: Editorial Castilla, 1921 [13].

¹⁸ См. подробнее Баканова А.В. Традиционные черты испанской сказочной прозы // Ибероамериканские тетради. М., 2024. Т. 12, № 3. С. 58–79 [4].

¹⁹ См., например, Martín Núñez E. La poética del patetismo (Análisis de los cuentos populares extremeños). Mérida, 1988 [22].

²⁰ Имеется в виду сборник Espinosa A.M. Cuentos populares españoles. Madrid, 1947 [19].

²¹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 2021 [10].

²² «Toda la mitología que engarfió la raíz en las honduras de los tiempos primitivos, que floreció en los históricos envuelta en generosas opulencias, y que aun vive agazapada en los rincones oscuros de las supersticiones populares» [20, с. 167].

²³ Хулио Каро Бароха родился в семье с глубокими культурными традициями. Значительное влияние на его интеллектуальное развитие оказал дядя, известный писатель Пио Бароха (1872–1956), который способствовал формированию интереса к гуманитарным наукам и критическому мышлению.

обстоятельств Испании XX века, что позволило ему выработать уникальный метод анализа культурных явлений. Ранние годы исследователя прошли в городке Вера-де-Бидасоа, в Наварре, где он соприкоснулся с богатой баскской культурой, которая впоследствии стала одной из центральных тем в его исследованиях. Академическая карьера Каро Барохи связана с Мадридским университетом, однако была прервана Гражданской войной в Испании (1936–1939). После войны, в 1941 году, он защитил докторскую диссертацию по истории античности. Впоследствии он преподавал в *alma mater*, а также занимал пост директора Музея *испанского народа* (1944–1953), что позволило ему расширить полевые исследования и разработать собственный подход, известный как «исторический структурализм» – метод, сочетающий исторический анализ с антропологическими интерпретациями.

Х. Каро Бароха оставил обширное научное наследие, значительная часть которого посвящена изучению фольклора, мифологии и народной культуры Испании. Так, в работе «Teatro popular y magia» (1974) учёный анализирует народный театр как пространство, где пересекаются фольклорные традиции и магические верования. Каро Бароха выявляет ритуальные основы народных представлений, их связь с языческими верованиями, трансформацию в условиях христианской культуры, а также другие вопросы, связанные с религиозными практиками и фольклорными архетипами²⁴. «El Carnaval» (1965) посвящён изучению карнавальных традиций Испании, исследователь анализирует карнавал как культурное явление, уходящее своими корнями в древние ритуалы зимнего цикла. Стоит упомянуть и многотомное исследование этнографии Наварры «Etnografía histórica de Navarra» (1971–1972), которое включает обширный материал по фольклору региона: мифы, обряды, танцы и устные традиции. А также книгу «Ritos y mitos equívocos» (1989), исследующую испанские ритуалы в их связи с историческими корнями²⁵. Каро Бароха находит удивительное сходство между испанскими обычаями и практиками классической древности, что подтверждает его тезис о *культурном прыжке* сквозь пространство и время [16].

В работе «Los pueblos de España» (1946) Хулио Каро Бароха предлагает глубокий анализ культурного многообразия испанских провинций, подчёркивая их уникальные черты и одновременно выявляя общенациональные свойства. Он рассматривает каждую провинцию как продукт длительного исторического развития, где географическое положение, социальные условия, традиционный быт, искусство и образ жизни со временем формируют особый *характер* народа²⁶. По сути, научная гипотеза Каро Барохи перекликается с выводами Ю. С. Степанова в работе «Константы. Словарь русской культуры»²⁷ (1997), где автор также предпринимает попытку систематизировать и описать *константы* – устойчивые элементы духовной культуры, которые определяют менталитет русского человека и формируют его мировоззрение. Каро Бароха выводит базовые константы испанской культуры на основе ряда дихотомий культурного, исторического, социального, географического и иного порядка.

Так, Галисия в работе Каро Барохи предстаёт как регион с разнообразным, часто меланхолическим, пейзажем: хмурыми горами, дубовыми рощами, полноводными реками²⁸. С точки зрения культурных доминант, Галисия сохраняет во многом наследие кельтского этноса, а её фольклорная

²⁴ Труд Х. Каро Барохи по истории инквизиции и религиозных практик «Inquisición, brujería y criptojudasmo» (1970) посвящён фольклору, связанному с магией, колдовством и демонологией. Работа «De los arquetipos y leyendas» (1991) [14] представляет собой сборник эссе, посвящённых изучению архетипов, мифов и легенд в испанской культуре. Автор анализирует фольклорные мотивы, их происхождение и трансформацию, связывая их с антропологическими и историческими контекстами.

²⁵ Основные темы включают праздничный и танцевальный фольклор (*La fiesta de San Juan; El toro de San Marcos; Danzas agrarias y ritos oscuros*), мифы о сверхъестественных существах (*Arquetipos y modelos en la historia de la brujería; Culto a los árboles y mitos y divinidades arbóreas*), а также анализ народных преданий и легенд (*La leyenda de don Teodosio de Goñi; Las leyendas cristianas*) [16].

²⁶ «Ni el lirismo folclórico, ni un seco esquematismo etnológico pueden ser el punto de partida adecuado para el estudio de ese rico mosaico de diversidades de todo tipo que constituyen los pueblos de la Península Ibérica, sino que es precisamente ese entramado el que puede acercarnos al origen del ser histórico y psicológico de los distintos pueblos, que se proyecta sobre sus rasgos sociales, sobre las constantes de su vida espiritual a través del folclore, estructura familiar, usos y costumbres, arte e indumentaria ...» [15].

²⁷ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М. 1997 [11].

²⁸ «El paisaje de esta considerable región de la Península es muy vario, contra lo que comúnmente creen muchos de los que no han estado allí. Desde las montañas hurañas [...], desde los robledales austeros [...], hasta los panoramas maravillosos de las rías [...]» [15, с. 151].

картина мира оказывается близка с соседней Португалией. Каро Бароха подчёркивает особую связь между природой и ментальным миром жителей, акцентирует внимание на преемственности традиций, запечатлённых в устных преданиях и археологических памятниках.

Образ Галисии играет важную роль в мифологии Испании. По мнению К. Кабаля, основным мотивом испанских мифологических представлений является единство ночи и смерти, а также сюжет о ночных процессиях мертвецов (*procesión de los difuntos, buena gente, huestia / hueste, la comraña*)²⁹. Легенда о неприкаянных душах – манах – встречается в Испании большое сюжетное разнообразие и имеет древние корни³⁰. Идея перемещения мёртвых душ может быть связана с различными языческими представлениями о силах природы. Место обитания призраков и основные ориентиры их перемещения имеют чёткую географическую привязку, согласно легендам, призраки сначала обретают временное убежище в Андалусии, а для последнего перехода направляются именно в Галисию³¹, которая воспринимается народным сознанием как граница между мирами (*Galicía, el infierno antiguo* [20, с. 173]).

Андалусия описывается Каро Барохой как этнокультурный регион, имеющий сильные отличия от остальной территории Испании³², своего рода музей под открытым небом, где переплетаются элементы неолитической древности с наследием более поздних исторических эпох³³, восточная орнаментальность и христианская вера, безудержная радость³⁴ и искреннее смирение. «Андалусия – этот плавильный котёл множества культур – от традиций полулегендарных тартесийцев, финикийцев, римлян – до мусульман, иудеев и цыган, и поэтому её уроженцы, с точки зрения испанских писателей знаменитого *Поколения 98 года*, представляют собой эстетическую и духовную элиту испанской культуры» [8, с. 115].

В этом разделе работы, опубликованной в 1946 году во времена франкистской диктатуры, Х. Каро Бароха, видимо, по цензурным соображениям, хоть и упомянул,³⁵ но оставил без должного внимания важную составляющую андалузской культуры – цыганскую культурную традицию, которая ярко отразилась как в праздничном фольклоре, в том числе христианском, так и в андалузском диалекте испанского языка. Особое место занимает, безусловно, искусство испанских цыган – фламенко. Фламенко как самобытный феномен андалузской культуры питается тремя основными источниками – цыганской, иудейской и мусульманской культурой. По своей сути «фламенко представляет собой особую знаковую систему, культурный код, в котором музыкальная тема, ритм, характер танца и техника горлового пения (канте хондо) – всё это подчинено задаче воплощения темы (или реализации мифа о довлеющем над цыганами роке, о трагическом противостоянии судьбе и смерти)» [9, с. 39–40].

Наиболее подробные описания в работе даются Стране Басков и Наварре, которые представляют, по мнению исследователя, единый культурный континуум. Каро Бароха восхищается самобытностью басков, их языком (эускера) и способностью сохранять культурную автономию³⁶. Жители этой земли обладают ярко выраженной национальной идентичностью, сформированной под влиянием природных факторов, исторических событий, кельтского субстрата и культурных

²⁹ «Во всех областях Испании известен астурийский мифоним *Güestias*. Многие пожилые люди до сих пор верят в существование этого явления. *Güestias* – это ночные процессии демонов с огромными свечами в руках, и вера в них существовала в Испании ещё в древности [...]» [7, с. 17].

³⁰ «La leyenda de los manes tiene en España numerosos temas, que arrancan de los tiempos más oscuros» [20, с. 171].

³¹ «En tierras de Andalucía, tan llenas de calor y de belleza, fueron mansión de las sombras en lógica ficción de los latinos; y en las tierras de Galicia, tan ricas de color y de blandura, ocultaron el infierno en que purificaban su tristeza las sombras primitivas españoles» [20, с. 172].

³² «[...] constituye Andalucía cierta unidad etnológica claramente diferenciada del resto de la Península [20, с. 275].

³³ «[...] un pueblo andaluz es un museo vivo en el que hay desde rasgos del Neolítico hasta otros de origen reciente» [20, с. 275].

³⁴ «Mientras la gente del Norte es estimada por su laboriosidad y sentido del trabajo útil, la del Sur [...] tiene un prestigio especial como gente sensual y sabia en materuas de placer» [15, с. 316–318].

³⁵ El elemento mediterráneo arcaico andaluz popular ofrece peculiaridades físicas y psicológicas tales que ha permitido que una raza como la gitana se sume a él en forma única acaso en España [15, с. 303].

³⁶ «Las provincias vascongadas y Navarra, desde los comienzos de la Edad Media, constituyen un territorio fuertemente relacionado entre si, en el que vivían y viven gentes con muchos rasgos comunes. Uno de ellos, el más importante, es el idioma» [15, с. 33].

контактов. Праздники и традиции региона имеют языческие корни, являясь отголосками того времени, когда священное и мирское не разделялись. В описании Страны Басков и Наварры Каро Бароха сочетает этнографические наблюдения с историческим контекстом, уделяя особое внимание материальной культуре (например, описывая традиционное жилище – *caseríos, viviendas pastoriles*), а также мифам и обычаям (таким, как культ Луны – *culto lunar*). «Кельтиберийский этнос удивительно гармонично сочетал воинскую доблесть и стойкость кельтов с иберийским упорством, трудолюбием и мужеством; их роднили языческие культы Солнца и Луны» [7, с. 8].

Сердцем Испании Каро Бароха считает Кастилию, он подчеркивает её суровость и аскетизм. Кастилия предстаёт как земля бесконечных горизонтов, сочетающих гористые и равнинные пейзажи, над которыми виднеются редкие ветряные мельницы, ставшие её символом благодаря бессмертному роману Сервантеса. Это земля, где человек научился возделывать поля, довольствоваться малым и размышлять о многом. Настороженность и сдержанность её жителей обусловлена резкой сменой исторических формаций – от нашествий римлян и вестготов до многовекового господства мусульман, – каждая из которых оставила после себя богатое культурное наследие и научила предвидеть опасность³⁷. Исследователь также отмечает влияние социального устройства на формирование особенностей характера кастильцев, подчёркивает философскую глубину их мировоззрения.

В народной традиции Астурии Каро Бароха видит уникальное сочетание географических и исторических черт, сформировавшееся на протяжении веков и нашедшее отражение в народном характере. В качестве основной культурной доминанты Бароха выделяет наследие кантабров и астуристов, а также независимый характер территории, ставшей с приходом мавров оплотом Реконкисты – отвоевания испанских земель христианами³⁸. Праздничный фольклор Астурии представлен традициями маскарада и обрядовыми практиками, имеющими связь с индоевропейским культом Солнца.

Хулио Каро Бароха уделял большое внимание каталаноговорящим регионам – Каталонии, Валенсии и Балеарским островам, – подчёркивая особенности их национально-культурной идентичности. Анализ этих территорий строится на понимании их средиземноморского характера, который сочетает в себе открытость внешнему влиянию и одновременно сохранение локальных традиций, связанных в первую очередь с каталанским языком, поскольку именно язык играет роль культурно-этнологической доминанты³⁹. Каро Бароха подчёркивает значение каталанского языка как основы идентичности каталонцев, связанной с продолжительной борьбой за культурную автономию. Он также отмечает трудолюбие жителей и экономическую активность региона на протяжении многих веков, что повлияло на формирования народного характера.

Исследователь обращается к одной из наиболее стойких дихотомий, описывающих своеобразие характера каталонцев, – *el seny / la raixa* – ‘здравый смысл, осторожность, расчёт’ и ‘порыв, страсть, вспышка’. Это противопоставление поддерживает и пейзаж региона, где невозмутимость гор контрастирует с изменчивостью моря. В целом, испанские исследователи XX века рассматривают каталаноговорящие регионы как часть средиземноморского культурного континуума с ярко выраженной национальной идентичностью.

По сути, в своих работах Каро Бароха даёт краткие характеристики этнокультурных типов испанцев исходя не только из их национальной принадлежности и ландшафтных особенностей их малой родины. Он предлагает этнопсихологический код расшифровки фольклорных произведений, созданных в различных областях Испании на протяжении почти восьми столетий.

³⁷ «Resulta fácil ver que el ritmo de la vida popular en Castilla ha sido bastante diferente [...] No ha existido aquí una contibuidad armónica, y los hechos políticos han ejercido acción avasalladora sobre el campo» [15, с. 268].

³⁸ «Constituía el territorio de los llamados astures <transmontanos>, que permanecieron en estado de independencia relativa desde la caída del Imperio romano hasta la entrada de los árabes. Entonces, Asturias se convirtió en el reducto principal de los cristianos de toda la Península» [15, с. 107].

³⁹ «El rasgo más evidente para determinar la realidad de una región etnológica es la lengua [...]. Aunque los límites administrativos (e incluso nacionales) no coinciden con el lingüístico, es éste, y no aquéllos, el que hemos de tener en cuenta al describir qué extensión ocupa Cataluña en primer término» [15, с. 375].

Выводы Барохи во многом соответствуют глобальному делению народов Испании, предложенному известным испанским культурологом Гильермо Диасом Плахой⁴⁰, который выделяет две Испании: *enteriza* – ‘целая’, центральная часть, куда он включает и Андалусию, и *fronteriza* – ‘пограничная’, то есть, к которой относится всё побережье Испании. ‘Приграничная’ Испания подразумевает территории, которые открыты для влияния соседних народов и культур, иными словами, это гибкая по своему характеру, способная к компромиссу Испания. Обладая мягким климатом и природным изобилием, эти области позволяют своим жителям быть утончёнными и склонными к праздничному веселью. В то время, как характер жителей центра страны закалён суровым климатом и социальными рамками. Их этическая позиция противоположна эстетическому мировосприятию прибрежных регионов, как суровый аскетизм и непорочность – безграничному веселью. Для жителей Кастилии, Эстремадуры, Арагона и Андалусии жизненной целью является выход за горизонт, в то время как для жителей Галисии, Каталонии, Астурии, Страны Басков их территория – это и есть место силы. Отсюда и возникает двунаправленность культурных ориентиров: либо как обращённых вовне, либо как обращённых вовнутрь. Противоположная в своей основе духовная ориентация испанских провинций находит отражение и в архитектуре: от монументальных сооружений Кастилии, до уютной архитектуры Галисии и Каталонии, заканчивая пышной орнаментальностью Андалусии.

Конечно, точки зрения собирателя-интерпретатора и культуролога не могут не отличаться. Генерализация Г. Диаса Плахи предполагает взгляд на объединяющие характеристики этнокультурного мировидения как некие константы, вызванные особенностями развития культурно-исторических контекстов на различных территориях страны. В то время как Х. Каро Бароха детализирует типичные черты населяющих конкретные регионы народов, отражённые в фольклорных текстах и народных традициях, стремясь подчеркнуть национально-специфичные черты сознания. Эту методологию разделяет большая часть современных исследований фольклора в Испании, которые характеризуются расколотостью национального сознания постфранкистского периода.

Результаты исследования (Results).

Анализ истории фольклористической традиции в Испании и взглядов испанских исследователей на вопросы становления национальной идентичности разных исторических областей страны позволяет сделать несколько выводов.

Понимание фольклора как отражения особенностей иберийской культурной традиции и социокультурных процессов в стране можно выявить уже в первых хрониках XIII века, эпоха Возрождения открывает в Испании период фиксации фольклорных текстов в сборниках и словарях, а их изучение начинается в эпоху Просвещения. В XIX веке круг вопросов, связанных с народным духом и национальным самосознанием, привлёк внимание писателей, исследователей и собирателей фольклора, XX век позволил обратиться к системному научному анализу фольклорных текстов на языках народов Испании, расширив тем самым возможности исследования специфики национально-культурной идентичности. Одной из вершин исследований национальной поликультурной специфики в XX веке можно считать работы Х. Каро Барохи.

Основным критерием идентичности той или иной области является языковая картина мира, она отражает важные культурно-исторические, геополитические и антропологические особенности, традиции и бытовой уклад. Мифологическая картина мира не менее важна для самоидентификации народов, ведь мифы неотделимы от обрядов, культов и верований определённого этноса, поэтому во многом предопределяют особенности образа жизни и национального менталитета. Древнейшие мифы в большинстве своём не сохранились в виде литературных памятников, но мы находим их отражение в обрядах, ритуалах, объектах культового поклонения и более поздних

⁴⁰ Díaz Plaja, G. *Enterizos y fronterizos* / Ensayos sobre comunicación cultural. Madrid, 1984 [18].

мифах, в тех фольклорных произведениях, в сюжетах которых переплетаются сразу несколько тотемических и мифологических систем. Интерпретация древних иберийских мифов и зачастую политизированное мифотворчество продолжается и в современной Испании.

Обсуждение результатов (Discussion).

Единое культурное наследие и историческая память, столь ярко отражённые фольклорными текстами и их многочисленными вариантами, в исследованиях XXI века всё чаще вытесняются выводами об уникальном характере фольклора каждого конкретного региона Испании при отсутствии аргументированности подобных выводов. В основе заключений авторов исследований последних двадцати лет лежит идея о существовании нескольких типов национального сознания в соответствии с языками титульных наций.

Следует подчеркнуть, что вплоть до двадцатых годов XX века сборники фольклора издавались на кастильском (испанском) языке, так что языковая и фольклорная картина мира на протяжении почти восьми столетий объединяла особенности национальной идентичности народов Испании. Поэтому можно сделать вывод о том, что именно испаноязычная картина мира в значительной степени повлияла на становление богатейших и разнообразных фольклорных традиций всех регионов этой полиэтнической и мультикультурной страны.

Кроме того, важно отметить, что латиноамериканская фольклорная традиция также складывалась под влиянием испанской языковой картины мира несмотря на стремление народов Латинской Америки подчеркнуть безусловные особенности национальной идентичности и автохтонного фольклора, сложившегося в доколумбовую эпоху. Однако именно через испанский язык народы Испании и Латинской Америки осознавали свою собственную национально-культурную идентичность, традиции и фольклорное мировидение.

© Ю.Л. Оболенская, А.В. Баканова, 2025

Список литературы

1. Баканова А.В. Жанр народной сказки в истории испанских фольклористических исследований // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2007. № 9. С. 131–139.
2. Баканова А.В. История испанского фольклора: костюмбристский период // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака: Сборник статей по итогам VII международной конференции, Москва, 21–25 марта 2022 года. М.: Спутник+, 2022. Т. 7. С. 28–36.
3. Баканова А.В. Малые жанры испанского фольклора // Ибероамериканские тетради. М.: Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2023. Т. 11, № 3. С. 146–163. – DOI: 10.46272/2409-3416-2023-11-3-146-163.
4. Баканова А.В. Традиционные черты испанской сказочной прозы // Ибероамериканские тетради. М.: Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2024. Т. 12, № 3. С. 58–79. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-3-58-79.
5. Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе / Пер. с итал. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 694 с.
6. Оболенская Ю.Л. Город как часть культурного кода испанцев: взгляд «изнутри» и «снаружи» // Ибероамериканские тетради. М.: Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2024. Т. 12, № 1. С. 47–65. – DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-47-65.
7. Оболенская Ю.Л. Легенды и предания Испании. М.: Ленанд, 2015. 214 с.
8. Оболенская Ю.Л. *Mitos y leyendas de España*. Легенды и предания Испании: Собираемыми лингвокультурологическими, историческими, грамматическими комментариями: Учебное пособие. М.: Ленанд, 2023. 320 с.
9. Оболенская Ю.Л. Мир испанского языка и культуры: очерки, исследования, словарь суеверий и символов. М.: Ленанд, 2018. 256 с.
10. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Питер, 2021. 576 с.
11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
12. Сулимова Н.Г. История развития испанской грамматической мысли (XV–XIX вв.). М.: МАКС Пресс, 2005. 331 с.
13. Caballero F. *Cuentos, adivinanzas y refranes populares*. Madrid: Editorial Castilla, 1921. 250 p.
14. Caro Baroja J. *De los Arquetipos y Leyendas*. Madrid: Ediciones del Centro, 1991. 320 p.
15. Caro Baroja J. *Los pueblos de España*. Barcelona: Barral Editores, 1946. 450 p.
16. Caro Baroja J. *Ritos y mitos equívocos*. Madrid: Istmo, 1974. 391 p.

17. Correas G. Vocabulario de refranes y frases proverbiales y otras fórmulas comunes de la lengua castellana [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cervantesvirtual.com/obra/vocabulario-de-refranes-y-frases-proverbiales-y-otras-formulas-comunes-de-la-lengua-castellana---van-anedidas-las-declaraciones-y-aplicacion-adonde-parecio-ser-necesaria-al-cabo-se-ponen-las-frases-mas-llenas-y-copiosas/> (дата обращения: 11.06.2025).
18. Díaz Plaja G. Enterizos y fronterizos: Ensayos sobre comunicación cultural. Madrid: Espasa-Calpe, 1984. 200 p.
19. Espinosa A.M. Cuentos populares españoles. Madrid: CSIC, 1947. 300 p.
20. Folklore y costumbres de España: Mitología ibérica. T. 1. Barcelona: Editorial Alberto Martín, 1943. 400 p.
21. Los refranes recopilados por el Marqués de Santillana [Электронный ресурс]. – URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/biblioteca_fraseologica/r3_cantera/refranes_recopilados_marques_santillana.pdf (дата обращения: 11.06.2025).
22. Martín Núñez E. La poética del patetismo (Análisis de los cuentos populares extremeños). Mérida: Editora Regional de Extremadura, 1988. 180 p.
23. Nebrija A. de. Gramática de la lengua castellana [Электронный ресурс]. – URL: <https://antoniodebrija.elcastellano.org/indice.html> (дата обращения: 20.05.2025).
24. Rodríguez Almodóvar A. Los cuentos populares o la tentativa de un texto infinito. Murcia: Universidad de Murcia, 1989. 220 p.
25. Rodríguez Pastor J. Cuentos extremeños de costumbres. Badajoz: Diputación de Badajoz, 2002. 150 p.
26. Santos, F. Día y noche en Madrid. Discurso de lo más notable que en él pasa. Baudry, 1847. 129 p.
27. Valdés J. de. Diálogo de la lengua [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/dialogo-de-la-lengua--0/html/fede437e-82b1-11df-acc7-002185ce6064_2.html (дата обращения: 10.05.2025).

References

1. Bakanova, A.V. “Zhanr narodnoi skazki v istorii ispanskikh fol’kloristicheskikh issledovaniy” [The Genre of the Folk Tale in the History of Spanish Folkloristic Studies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology], vol. 9, 2007, pp. 131–39.
2. Bakanova, A.V. “Istoriia ispanskogo fol’klora: kostumbristkii period” [History of Spanish Folklore: The Costumbrista Period]. *Iazyk i deistvitel’nost’. Nauchnye chteniia na kafedre romanskikh iazykov im. V. G. Gaka: Sbornik statei po itogam VII mezhdunarodnoi konferentsii*, Moskva, 21–25 marta 2022 goda [Language and Reality. Scholarly Readings at the Department of Romance Languages Named after V. G. Gak: Collection of Articles from the VII International Conference, Moscow, March 21–25, 2022], vol. 7, Sputnik+, 2022, pp. 28–36.
3. Bakanova, A.V. “Malye zhanry ispanskogo fol’klora” [Small Genres of Spanish Folklore]. *Iberoamerikanskii tetradi* [Ibero-American Notebooks], vol. 11, no. 3, Institut mezhdunarodnykh issledovaniy MGIMO MID Rossii, 2023, pp. 146–63, doi:10.46272/2409-3416-2023-11-3-146-163.
4. Bakanova, A.V. “Traditsionnye cherty ispanskoi skazochnoi prozy” [Traditional Features of Spanish Fairy Tale Prose]. *Iberoamerikanskii tetradi* [Ibero-American Notebooks], vol. 12, no. 3, Institut mezhdunarodnykh issledovaniy MGIMO MID Rossii, 2024, pp. 58–79, doi:10.46272/2409-3416-2024-12-3-58-79.
5. Kokkiara, Dzh. *Istoriia fol’kloristiki v Evrope* [History of Folkloristics in Europe]. Translated by A. B. Dobritsyna, Izdatel’sтво inostrannoi literatury, 1960.
6. Obolenskaia, Iu.L. “Gorod kak chast’ kul’turnogo koda ispantsev: vzgliad ‘iznutri’ i ‘snaruzhi’” [The City as Part of the Cultural Code of Spaniards: An Inside and Outside Perspective]. *Iberoamerikanskii tetradi* [Ibero-American Notebooks], vol. 12, no. 1, Institut mezhdunarodnykh issledovaniy MGIMO MID Rossii, 2024, pp. 47–65, doi:10.46272/2409-3416-2024-12-1-47-65.
7. Obolenskaia, Iu.L. *Legendy i predaniia Ispanii* [Legends and Traditions of Spain]. Lenand, 2015.
8. Obolenskaia, Iu.L. *Mitos y leyendas de España. Legendy i predaniia Ispanii: S obshirnymi lingvokul’turologicheskimi, istoricheskimi, grammaticheskimi kommentarii* [Myths and Legends of Spain: With Extensive Linguocultural, Historical, and Grammatical Commentaries]. Lenand, 2023.
9. Obolenskaia, Iu.L. *Mir ispanskogo iazyka i kul’tury: ocherki, issledovaniia, slovar’ sueverii i simvolov* [The World of Spanish Language and Culture: Essays, Studies, Dictionary of Superstitions and Symbols]. Lenand, 2018.
10. Propp, V.Ia. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical Roots of the Fairy Tale]. Piter, 2021.
11. Stepanov, Yu.S. *Konstanty: Slovar’ russkoi kul’tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Yazyki russkoi kul’tury, 1997.
12. Sulimova, N.G. *Istoriia razvitiia ispanskoi grammaticheskoi mysli (XV–XIX vv.)* [History of the Development of Spanish Grammatical Thought (15th–19th Centuries)]. MAKSS Press, 2005.
13. Caballero, F. *Cuentos, adivinanzas y refranes populares*. Editorial Castilla, 1921.
14. Caro Baroja, J. *De los Arquetipos y Leyendas*. Ediciones del Centro, 1991.
15. Caro Baroja, J. *Los pueblos de España*. Barral Editores, 1946.
16. Caro Baroja, J. *Ritos y mitos equívocos*. Istmo, 1974.
17. Correas, G. Vocabulario de refranes y frases proverbiales y otras fórmulas comunes de la lengua castellana [Vocabulary of Proverbial Sayings and Phrases and Other Common Formulas of the Spanish Language]. *Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes*, www.cervantesvirtual.com/obra/vocabulario-de-refranes-y-frases-proverbiales-y-otras-formulas-comunes-de-la-lengua-castellana---van-anedidas-las-declaraciones-y-aplicacion-adonde-parecio-ser-necesaria-al-cabo-se-ponen-las-frases-mas-llenas-y-copiosas/. Accessed 11 June 2025.
18. Díaz Plaja, G. *Enterizos y fronterizos: Ensayos sobre comunicación cultural*. Espasa-Calpe, 1984.
19. Espinosa, A. M. *Cuentos populares españoles*. CSIC, 1947.
20. *Folklore y costumbres de España: Mitología ibérica. Vol. 1*, Editorial Alberto Martín, 1943.

21. *Los refranes recopilados por el Marqués de Santillana*. Centro Virtual Cervantes, cvc.cervantes.es/lengua/biblioteca_fraseologica/r3_cantera/refranes_recopilados_marques_santillana.pdf. Accessed 11 June 2025.
22. Martín Núñez, E. *La poética del patetismo (Análisis de los cuentos populares extremeños)*. Editora Regional de Extremadura, 1988.
23. Nebrija, A. de. *Gramática de la lengua castellana* [Grammar of the Spanish Language]. *Antonio de Nebrija*, antoniodebrija.elcastellano.org/indice.html. Accessed 20 May 2025.
24. Rodríguez Almodóvar, A. *Los cuentos populares o la tentativa de un texto infinito*. Universidad de Murcia, 1989.
25. Rodríguez Pastor, J. *Cuentos extremeños de costumbres*. Diputación de Badajoz, 2002.
26. Santos, F. Día y noche en Madrid. Discurso de lo más notable que en él pasa. Baudry, 1847.
27. Valdés, J. de. *Diálogo de la lengua* [Language Dialogue]. *Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes*, www.cervantesvirtual.com/obra-visor/dialogo-de-la-lengua--0/html/fede437e-82b1-11df-acc7-002185ce6064_2.html. Accessed 10 May 2025.

Сведения об авторах:

Юлия Леонардовна Оболенская – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: obolens7@yandex.ru

ORCID ID 0009-0008-8365-3758

Анна Валентиновна Баканова – кандидат филологических наук, доцент кафедры иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

e-mail: anna.bakanova@philol.msu.ru

ORCID ID 0009-0009-9706-0328

About the authors:

Iuliia Obolenskaia, Dr., Chair of the Department of Ibero-Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

e-mail: obolens7@yandex.ru

ORCID ID 0009-0008-8365-3758

Anna Bakanova, Ph.D., is Associate Professor at the Department of Ibero-Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

e-mail: anna.bakanova@philol.msu.ru

ORCID ID 0009-0009-9706-0328

* * *

Discursive Portrait of the President of Argentina Javier Milei

Andrei A. Tereshchuk

The Herzen State Pedagogical University of Russia;
Moyka emb., 48, St. Petersburg, 191186, Russia

Abstract. The article creates a discursive portrait of the President of Argentina Javier Milei. The politician is distinguished by eccentric behavior, and his speeches are characterized by a high degree of emotionality. The article analyzes the texts of 86 speeches of J. Milei for the period from December 10, 2023 to December 10, 2024, that is, during the first year of his tenure as President of Argentina. A review of scientific publications dedicated to the discourse of J. Milei and his supporters is given. A number of lexical units used by J. Milei to create the image of an “enemy” and an “ally” are highlighted. The Argentine politician considers the Peronists and Socialists as his opponents, in relation to whom he uses such lexemes as “casta”, “siniestros”, “sátrapas”, etc. Politicians who are ideologically close to J. Milei are such personalities as the US President D. Trump and the leader of the Spanish party “Vox” S. Abascal. It is shown how J. Milei copies the discursive practices of these political figures. The use of historical precedents in the discourse of the President of Argentina is considered. The analyzed texts are dominated by references to the period of the late 19th – early 20th centuries. This era is perceived by the head of state as the “golden age” of Argentina. The article analyzes J. Milei’s use of colloquial vocabulary, including a number of lexical units characteristic of the colloquial-lowered register of Rioplatense Spanish (for example, “berretada”, “chanta”, “ñoqui”). The analysis is conducted of the politician’s use of the formula “¡Viva la libertad, carajo!” at the end of his speeches. Although this formula is often perceived in the media as the most striking feature of J. Milei’s discursive portrait, the study shows that it is recorded in only 55 of the 86 analyzed texts.

Keywords: Milei, Argentina, Spanish language, discursive portrait, political discourse, lexicology, populism

For citation: Tereshchuk A.A. (2025). Discursive Portrait of the President of Argentina Javier Milei, *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(4), pp. 65–77. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-65-77>

Дискурсивный портрет президента Аргентины Хавьера Милея

А.А. Терещук

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Аннотация. В статье делается попытка создать дискурсивный портрет президента Аргентины с 2023 года Хавьера Милея. Политик, позиционирующий себя как либертарианец, отличается эксцентричным поведением, а для его выступлений характерна высокая степень эмоциональности. В статье анализируются тексты 86 выступлений Х. Милея за период с 10 декабря 2023 года по 10 декабря 2024 года, то есть за первый год его пребывания на посту президента Аргентины. Делается обзор научных публикаций, посвящённых дискурсу Х. Милея и его сторонников. Выделяется ряд лексических единиц, употребляемых Х. Милеем для создания образа «врага» и «союзника», то есть идеологических противников и единомышленников. В качестве своих оппонентов аргентинский политик рассматривает перонистов и социалистов, по отношению к которым употребляет такие лексемы, как «casta», «siniestros», «sátrapas» и др. Идеологически близкими Х. Милею политиками являются такие персоналии, как президент США Д. Трамп и лидер испанской партии «Vox» С. Абаскаль. Показывается, как Х. Милей копирует дискурсивные практики данных политических деятелей. Рассматривается использование исторических прецедентов в дискурсе президента Аргентины. Хотя в некоторых исследованиях акцентируется внимание на попытках Х. Милея реинтерпретировать историю военной диктатуры в Аргентине в 1976–1983 гг., в проанализированных текстах преобладают ссылки на период конца XIX – начала XX вв. Данная эпоха воспринимается главой государства как «золотой век» Аргентины. Анализируется употребление Х. Милеем разговорной лексики, в том числе ряда лексических единиц, характерных для разговорно-сниженного регистра аргентинского национального варианта испанского языка (например, «berretada», «chanta», «ñoqui»). Проводится анализ употребления политиком формулы «¡Viva la libertad, carajo!» в завершении выступлений. Хотя в СМИ данная формула часто воспринимается как наиболее яркая особенность речевого портрета Х. Милея, проведённое исследование демонстрирует, что она фиксируется только в 55 из 86 проанализированных текстов.

Ключевые слова: Милей, Аргентина, испанский язык, дискурсивный портрет, политический дискурс, лексикология, популизм

Для цитирования: Терещук А.А. (2025). Дискурсивный портрет президента Аргентины Хавьера Милея. *Филологические науки в МГИМО*. 11(4), С. 65–77. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-65-77>

Введение

10 декабря 2023 года новым президентом Аргентины стал представитель альянса «Свобода наступает» («La Libertad avanza») Хавьер Милей. В аргентинской политической системе фигура президента играет важную роль: глава государства непосредственно возглавляет правительство, определяет внешнюю и внутреннюю политику, является верховным главнокомандующим вооружёнными силами [21, с. 42]. Х. Милей предложил провести целую серию радикальных экономических реформ, которые включают в себя приватизацию государственных компаний и резкое сокращение бюджета [11, с. 14]. Закономерно, что деятельность нового президента, позиционирующего себя как либертарианца и анархо-капиталиста и отличающегося «крайне экстравагантным поведением и внешним видом, а также агрессивным стилем выступлений» [5, с. 223], вызывает интерес у специалистов самого разного профиля не только из Аргентины, но и из других стран мира. Как пишет П. Стефанони, «este economista excéntrico, junto con diversos influencers... fueron dando forma a una subcultura de derecha con atractivo entre posadolescentes» («этот эксцентричный экономист вместе с некоторыми блогерами... сформировали особую правую субкультуру, особенно притягательную для людей, недавно вышедших из подросткового возраста») [34, р. 26].

В 2023–2024 гг. был опубликован ряд научных статей, посвящённых анализу выступлений Х. Милея. Основное внимание исследователей привлекло содержание речей аргентинского президента и их интерпретация с позиций политологии; в то же время комплексного дискурсивного анализа его текстов до сих пор не проводилось. В некоторых публикациях были отмечены отдельные языковые особенности речи главы государства. Исследователи выделили несколько лексем, которые Х. Милей употребляет по отношению к своим политическим противникам [23, р. 8], [24, р. 77, р. 83]; провели параллели между дискурсом президента Аргентины и другими разновидностями правого дискурса [22, р. 14]; проанализировали использование метафор и эмоционально окрашенной лексики в дискурсе Х. Милея и его сторонников [25], [33].

Политический дискурс Х. Милея часто определяют как «популистский» [17, с. 39]; в публикациях на испанском языке также используется термин «antipolítica» («антиполитика») [22, р. 16], [23, р. 3], [28, р. 11]. В современном языке словом «популизм» обозначают самые разные явления, и, как указывает Х. Рамос-Гонсалес, иногда оказывается сложным «to shed light on what is and what is not populism» («пролить свет на то, что является популизмом, а что нет») [31, р. 3]. Популизм иногда определяется как «линия политической деятельности, для которой характерна апелляция к настроениям широких масс, ориентированная на завоевание их признания и поддержки, часто с помощью упрощённых, реально не выполнимых лозунгов и требований» [13, с. 106]. Другие исследователи, давая определение этому феномену, акцентируют внимание не на «упрощённом» характере лозунгов, а на манихейском взгляде на мир, в соответствии с которым общество чётко делится на «добро» и «зло», причём последнее обычно выражено «оторванной от народа» элитой [27, р. 4]. Хотя популизм в Аргентине традиционно был левым, дискурс Х. Милея может быть отнесён к правому популизму и, таким образом, он представляет собой новое явление в аргентинской политической коммуникации [17, с. 40]. Как известно, правый популизм характеризуется «ориентацией на националистические настроения, поддержку культурной идентичности, укрепление закона и порядка» [6, с. 25]. Как было отмечено аргентинскими исследователями, дискурс Х. Милея интегрировал некоторые классические положения правых консерваторов (в частности, критику феминизма) и радикальные идеи защиты рыночной экономики (вплоть до прозвучавшего предложения легализовать торговлю человеческими органами) [22, р. 14].

Обращение к анализу политического дискурса альянса «Свобода наступает» представляет интерес не только для изучения современного популизма, но и для рассмотрения деятельности новых властей Аргентины с позиций политологии. Как пишет М. В. Ларионова, язык определяет политическую реальность, и «превращается тем самым в субъект действительности» [9, с. 390]. В качестве субъекта действительности он, как подчёркивал М. Эдельман, «not simply an instrument for describing events but itself a part of events, shaping their meaning and helping to shape the political

roles officials and the general public play» («не просто служит инструментом для описания событий, но является их элементом, определяет их значение и помогает сформировать политические роли, которые играют официальные лица и широкая публика») [26, р. 4]. Исходя из той роли, которую язык играет в политической коммуникации, Т. ван Дейк пишет о политическом дискурсе как о «a prominent way of doing politics» («заметном способе занятий политикой») [35, р. 18]. В аналогичном ключе высказывался и известный аргентинский политолог Э. Лаклау, который ставил знак равенства между политикой и дискурсом [29].

Важную роль в политической коммуникации играет фигура лидера. Как известно, любой крупный политический деятель использует собственный идиостиль, который характеризуется употреблением определённых лексем и идеологием, обращением к специфическим коммуникативным тактикам и стратегиям и др. Описание этих индивидуальных особенностей человека в области коммуникации является его речевым портретом [7, с. 481].

Исследование

В настоящей статье мы обращаемся к анализу дискурсивного портрета Х. Милея на материале текстов его выступлений в течение первого года его президентского срока. Таким образом, временные рамки исследования: 10 декабря 2023 года – 10 декабря 2024 года. Материалом для изучения стали тексты всех официальных выступлений Х. Милея за данный период; они размещены на официальном сайте администрации президента Аргентины¹. Всего было проанализировано 86 выступлений Х. Милея. При цитировании мы указываем дату произнесения речи и её официальное название. Для уточнения лексического значения приводимых примеров использовался Словарь Королевской академии испанского языка («Diccionario de la lengua española»).

Используя методы дискурсивного, лингвопрагматического и семантического анализа, мы создаём дискурсивный портрет Х. Милея. Естественно, создание исчерпывающего описания идиостиля политика на всех языковых уровнях потребовало бы написания целой научной монографии, поэтому мы обращаемся к рассмотрению отдельных ярких черт дискурсивного портрета президента Аргентины. В первую очередь мы анализируем лексико-семантические особенности создания образа противника в выступлениях Х. Милея. Агональная функция играет важную роль в политической коммуникации, а дискредитация оппонента в политическом дискурсе служит для продвижения своих идеологических ценностей и акцентирования внимания на собственных достоинствах [1, с. 123]. Кроме того, мы анализируем то, как Х. Милей характеризует своих единомышленников и политических союзников. Отдельного внимания заслуживает рассмотрение использования политиком разговорной лексики, а также лексических единиц, характерных для аргентинского национального варианта испанского языка. Наконец, мы анализируем речевые формулы, используемые Х. Милеем в завершении его выступлений.

Результаты исследования

Образ «врага» в выступлениях Х. Милея

Ещё до участия в предвыборной кампании Х. Милей получил известность за свой эмоциональный стиль поведения на телепрограммах. Конечно, экспрессивность является одной из характерных особенностей политического дискурса в целом [16, с. 61], в том числе и испаноязычного политического дискурса [14, с. 96], однако в случае с Х. Милеем «грубость и несдержанность вкупе с оскорблениями, раздаваемыми направо и налево, стали фирменным стилем» аргентинского политика [5, с. 223]. Широкую известность получила лексема *casta* («каста»), которую он использует по отношению к своим противникам – представителям старой аргентинской политической

¹ <https://www.casarosada.gob.ar/> (дата обращения: 23.02.2024).

элиты (в первую очередь – «перонистам» и «киршнеристам», то есть сторонникам президентов Аргентины Н. Киршнера и К. Фернандес де Киршнер, а также аргентинского политического деятеля XX века Х. Д. Перона) [22, р. 28]. В колониальную эпоху термин *casta* использовали европейцы для обозначения социальных групп в Индии. Х. Милей, называя так своих оппонентов, подчёркивает «наследственный» характер их привилегий и закрытость этой социальной группы. При этом отметим, что употребление лексемы *casta* по отношению к находящейся у власти элите – распространённое явление в политической коммуникации на испанском языке. Так, в 1970-е гг. эта лексема фиксируется в дискурсе левого карлизма, социалистического политического движения в Испании [32, р. 151]. Другой пример использования слова *casta* – дискурс левопопулистской партии «Podemos», появившейся в 2014 году [31, р. 11]. Таким образом, Х. Милей включает в свои тексты лексическую единицу, характерную для левого политического дискурса.

Помимо слова *casta*, в выступлениях Х. Милея фиксируется целый ряд других лексем, характеризующих его оппонентов. Данную лексику можно разделить на несколько категорий: (1) лексические единицы, относящиеся к семантическому полю «преступность»: *delincuente* («преступник»), *agenda asesina* («смертельная повестка»), *chanta* («мошенник»), *econo-chantas* («экономические мошенники»; термин Х. Милея), *villano* («негодяй»), *chorro* («вор»), *oposición carancho* («хищная оппозиция»; досл.: «оппозиция стервятников»)²; (2) лексические единицы, относящиеся к семантическому полю «религия/мифология»: *infierno* («ад»), *orco* («орк»), *fanático religioso* («религиозный фанатик»), *los cantos de sirena socialistas* («социалистические песни сирен»), *chamanismo económico* («экономический шаманизм»); (3) политическая лексика: *dictador* («диктатор»), *autocracia* («автократия»), *petardistas tribuneros* («аферисты на трибуне»), *flagrante antisemitismo* («вопиющий антисемитизм»), *populismo salvaje* («дикий популизм»), *apartheid* («апартеид»; используется по отношению к киршнеризму), *tirano* («тиран»), *régimen kirchnerista* («киршнеристский режим»), *Leviatán argentino* («аргентинский Левиафан»; отсылка к сочинению Т. Гоббса); (4) прямые оскорбления: *aguafiestas* («нарушитель веселья на празднике»; Х. Милей называет так тех, кто не верит в идеи либертарианства), *sinistro* («плохой человек»; другое значение – «находящийся по левую сторону»), *tamarracho* («шут, урод»), *monstruo* («монстр»), *berretada keynesiana* («кейнсианская глупость», то есть глупость, связанная с теорией английского экономиста Д. М. Кейнса), *degenerados* («дегенераты»), *hijos de puta* («сукины дети»), *virus woke* («вирус прогрессизма»), *sátrapas* («сатрапы).

Кроме того, некоторые лексемы, сами по себе не имеющие отрицательного коннотативного значения, приобретают пейоративную окраску в текстах Х. Милея; как писал М. М. Бахтин, «система языка обладает необходимыми формами (то есть языковыми средствами) для выражения экспрессии, но сам язык и его значащие единицы – слова и предложения – по самой природе своей лишены экспрессии, нейтральны» [3, с. 285]. Так, Х. Милей употребляет с негативными коннотациями следующие лексические единицы: *comunismo* («коммунизм»), *socialismo* («социализм»), *Banco Central* («Центральный банк»)³, *zurdo* («левый»; обычно эта лексема употребляется по отношению к частям тела, но Х. Милей её использует применительно к сторонникам левых политических взглядов), *estado* («государство»), *colectivismo* («коллективизм»), *justicia social* («социальная справедливость»)⁴, *marxista* («марксист»), *abortero* («сторонник абортотворения»). О том, что данные слова приобретают в выступлениях президента Аргентины негативные коннотации, свидетельствуют и контекст их употребления, и сопровождающие их определения. Так, например, 17 мая 2024 года на презентации собственной книги «Путь либертарианца» («Camino del

² Возможно, употребление лексемы *carancho* в атрибутивной функции по отношению к своим политическим противникам также связано с известным аргентинским фильмом 2010 г. «Каранчо» («Carancho»), главный герой которого именуется *carancho* («стервятник») и занимается мошенничеством и вымогательством денег.

³ Который регулярно определяется Х. Милеем как *institución nefasta* («зловещая институция»).

⁴ О которой Х. Милей сказал, что *es injusta y que no tiene nada de social* («она несправедлива и не имеет ничего социального»). 09.10.2024. Palabras del Presidente de la Nación, Javier Milei, en la XXXV Asamblea Plenaria del Consejo Empresarial de América Latina (CEAL), Buenos Aires. URL: <https://www.casarsada.gob.ar/informacion/discursos/50703-palabras-del-presidente-de-la-nacion-javier-milei-en-la-xxxv-asamblea-plenaria-del-consejo-empresarial-de-america-latina-ceal-buenos-aires> (дата обращения: 02.03.2025).

liberatorio») Х. Милей использовал следующую цепочку определений к слову *socialismo*: *oscuro, negro, satánico, atroz, espantoso, cancerígeno* («тёмный, чёрный, сатанинский, жестокий, пугающий, канцерогенный»)⁵.

Закономерно, что лексические единицы, употребляемые Х. Милеем для создания образа «врага», соотносятся с его политическими взглядами. Главный объект его критики – сторонники левых идей и активного участия государства в экономике. Интересно, что в одном из выступлений Х. Милей называет левыми фашистов, следующим образом характеризуя Б. Муссолини: *señor nefasto de izquierda que se llamaba Mussolini* («зловещий господин с левыми взглядами, которого звали Муссолини»)⁶. В данном случае можно предположить, что президент Аргентины не столько пытается показать хорошее знакомство с биографией итальянского диктатора, который на раннем этапе своей политической карьеры был социалистом, сколько критикует фашизм за ту огромную роль, которую в его доктрине играла идея государства (см. на эту тему: [12, с. 93–95]). Называя фашистов «левыми», Х. Милей даёт отрицательную оценку их деятельности. Как показывал ещё в первой половине XX века Д. Оруэлл, слово «фашизм» в политической коммуникации употребляется для выражения негативной оценки, но изначальное значение этой лексемы (которая относится к определённой политической системе) при этом утрачивается [15, с. 341–356]. В дискурсе Х. Милея аналогичную роль играют лексемы *izquierda, zurdo, comunista* и др., обозначающие приверженцев левых взглядов и используемые главой аргентинского государства по отношению ко всем политикам, с кем он не согласен. Так, он употребляет лексику *comunista* («коммунистка») по отношению к кандидату в президенты США К. Харрис⁷ (распространённая практика в дискурсе сторонников Д. Трампа).

Заслуживает внимания и неоднократно фиксируемая лексема *populismo* («популизм»), которую Х. Милей использует по отношению к идеологии своих оппонентов. В то же время, как было отмечено выше, дискурс самого Х. Милея часто называют «популистским». Популизм Х. Милея не вызывает сомнений: для его дискурса характерен и манихейский взгляд на мир, который находит отражение в противопоставлении народа и *casta*. Кроме того, отмечается и использование обещаний, которые должны вызвать симпатии у граждан Аргентины, но реализация которых представляется маловероятной. Например, в целом ряде выступлений Х. Милей обещает, что в случае продолжения его экономических реформ через несколько десятилетий Аргентина станет ведущей мировой державой.

Образ «союзника» в выступлениях Х. Милея

В целом ряде научных работ отмечается жёсткая критика оппонентов, часто переходящая в прямые оскорбления, свойственная дискурсу Х. Милея [5, с. 223], [22, р. 28], [24, р. 83], [33, р. 8]. При этом остаётся без внимания тот факт, что экспрессивность характерна и для ситуаций, когда Х. Милей говорит о государствах или политиках, вызывающих у него симпатию. Идеологически близким Х. Милею политиком (несмотря на некоторые различия в подходе к экономике) является президент США Д. Трамп. «La libertad y la razón se impusieron por sobre la locura colectivista» («Свобода и разум победили коллективистское безумие»)⁸, – так глава аргентинского государства прокомментировал итоги выборов в США в конце 2024 года. Неоднократно Х. Милей говорил и о восхищении, которое он испытывает к предпринимателю И. Маску. Показательно, что

⁵ 17.05.2024. El Presidente Javier Milei, presentó su libro 'El camino del libertario', en España. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50495-el-presidente-javier-milei-presento-su-libro-el-camino-del-libertario-en-espana> (дата обращения: 05.03.2025).

⁶ 22.05.2024. Palabras del presidente de la Nación, Javier Milei, en la presentación de su libro en el Luna Park. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50509-palabras-del-presidente-de-la-nacion-javier-milei-en-la-presentacion-de-su-libro-en-el-luna-park> (дата обращения: 05.03.2025).

⁷ 13.11.2024. Palabras del Presidente de la Nación, Javier Milei, en la cena de la Fundación Faro. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50772-palabras-del-presidente-de-la-nacion-javier-milei-en-la-cena-de-la-fundacion-faro> (дата обращения: 05.03.2025).

⁸ 07.11.2024. Palabras del Presidente de la Nación, Javier Milei, en la Cámara Argentina de Comercio y Servicios. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50762-palabras-del-presidente-de-la-nacion-javier-milei-en-la-camara-de-argentina-de-comercio-y-servicios> (дата обращения: 07.03.2025).

в своих выступлениях Х. Милей калькирует некоторые речевые формулы, характерные для дискурса Д. Трампа. Так, аргентинский политик заявляет о своём намерении *hacer a Argentina grande nuevamente* («сделать Аргентину снова великой»)⁹ – фраза, представляющая собой отсылку к слогану *Make America Great Again* («Сделать Америку снова великой»), использовавшемуся Р. Рейганом в 1980-е гг. и подхваченному Д. Трампом в наше время.

Другим идеологическим «союзником» Х. Милея является испанский политик С. Абаскаль, возглавляющий ультраправую партию «Vox». Президент Аргентины называет его *mi querido amigo* («мой дорогой друг»)¹⁰. Центральными темами для дискурса «Vox» являются вопросы сепаратизма и нелегальной иммиграции [18, с. 828–829] – проблемы, стоящие гораздо более остро в Испании, чем в Аргентине. Общим идеологическим фундаментом для Х. Милея и С. Абаскаля является критика левых политических идей. Выступая в Мадриде на одном из мероприятий «Vox», Х. Милей использовал лексему *progre* («прогрессист»)¹¹, которая часто встречается в дискурсе сторонников «Vox» и приобретает пейоративное коннотативное значение¹².

Ещё одним пунктом, в котором взгляды Х. Милея и С. Абаскаля пересекаются, является их отношение к конфликту на Ближнем Востоке, в котором оба политика не скрывают своих симпатий по отношению к Израилю. Аргентинский лидер заявляет, что сейчас «*se libra una batalla entre el bien y el mal entre la libertad y la opresión entre la civilización y la barbarie*» («разворачивается сражение между добром и злом, между свободой и угнетением, между цивилизацией и варварством»)¹³. Подобного рода утверждения, характерные для популистского дискурса, не оставляют пространства для диалога, чётко отграничивают обе стороны конфликта. В своём выступлении 8 мая 2024 года Х. Милей проводит параллель между *flagelo del terrorismo islámico* («бичом исламского терроризма») и нацистами в период Второй Мировой войны¹⁴. Заслуживает внимания и использование религиозных мотивов в дискурсе Х. Милея. В 63 выступлениях Х. Милея из 86 проанализированных фиксируются ссылки на религиозные тексты либо используется формула *que Dios bendiga a* («да благословит Господь»). При этом во всех случаях президент Аргентины обращается к Ветхому Завету, многие тексты из которого входят в Танах; ни разу Х. Милей напрямую не цитирует текст Нового Завета. Принимая во внимание симпатии Х. Милея к иудаизму (вопрос о его конфессиональной принадлежности остаётся спорным), его поддержка государства Израиль выглядит закономерной.

Исторические прецеденты

Х. Милей не только часто цитирует Тору и Талмуд в своих выступлениях, но и регулярно ссылается на те или иные исторические прецеденты. Обращение к истории является распространённым явлением в политическом дискурсе. Как пишет В. А. Андреева, «политический нарратив всегда устанавливает диалог между настоящим и прошлым: взгляд в прошлое должен оправдать настоящее» [2, с. 43]. Включая в своё выступление упоминания определённых исторических событий, политик подкрепляет свою позицию и подчёркивает связь между собой и «славным» прошлым.

⁹ 15.08.2024. Palabras del Presidente de la Nación en el Congreso de Inversiones Inmobiliarias. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50612-palabras-del-presidente-de-la-nacion-en-congreso-de-inversiones-inmobiliarias> (дата обращения: 07.03.2025).

¹⁰ 19.05.2024. Discurso del Presidente de la Nación, Javier Milei, en el gran acto de Vox “Viva 24”, en Vistalegre Madrid, España. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50498-discurso-del-presidente-de-la-nacion-javier-milei-en-el-gran-acto-de-vox-viva-24-en-vistalegre-madrid-espana> (дата обращения: 10.03.2025).

¹¹ Сокр. от *progresista*. Использование подобных усеченных форм является распространенным явлением в современном испанском языке, особенно в разговорной речи и в интернет-коммуникации [8, с. 540].

¹² 19.05.2024. Discurso del Presidente de la Nación, Javier Milei, en el gran acto de Vox “Viva 24”, en Vistalegre Madrid, España. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50498-discurso-del-presidente-de-la-nacion-javier-milei-en-el-gran-acto-de-vox-viva-24-en-vistalegre-madrid-espana> (дата обращения: 10.03.2025).

¹³ 08.05.2024. Palabras del Presidente de la Nación, Javier Milei, en el CCK con motivo del acto por el Día Internacional del Holocausto. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50478-palabras-del-presidente-de-la-nacion-javier-milei-en-el-cck-con-motivo-del-acto-por-el-dia-internacional-del-holocausto> (дата обращения: 10.03.2025).

¹⁴ 08.05.2024. Palabras del Presidente de la Nación, Javier Milei, en el CCK con motivo del acto por el Día Internacional del Holocausto. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50478-palabras-del-presidente-de-la-nacion-javier-milei-en-el-cck-con-motivo-del-acto-por-el-dia-internacional-del-holocausto> (дата обращения: 10.03.2025).

В публикациях на русском языке уже отмечались изменения в политике исторической памяти после прихода к власти Х. Милей: новый президент Аргентины предлагает переосмыслить историю так называемой «*guerra sucia*» («грязной войны») и военной диктатуры в Аргентине в 1976–1983 гг. [4]. Более взвешенное отношение к действиям аргентинских военных в тот период (в киршнеристском дискурсе период диктатуры оценивается исключительно негативно) связано и с воспоминаниями о войне между Аргентиной и Великобританией за Мальвинские (Фолклендские) острова в 1982 году. Х. Милей подтвердил, что Аргентина не отказывается от притязаний на эти территории и охарактеризовал данные претензии как *reclamo ineludible* («категоричное требование»; досл.: «требование, от которого невозможно отказаться»)¹⁵.

Однако гораздо чаще, чем конфликт 1982 года, в выступлениях Х. Милей встречаются упоминания других исторических событий. Его любимой эпохой в истории является конец XIX – начало XX вв., когда, по словам политика, Аргентина была *faro de luz de Occidente* («маяком Запада»)¹⁶, а лучшим правителем страны является Х. Рока, президент в 1880–1886 и в 1898–1904 гг. Х. Милей называет Х. Рока *el gran General* («великим Генералом») и *el padre de la Argentina moderna* («отцом современной Аргентины»)¹⁷. Отметим при этом, что фигура Х. Рока является противоречивой: при нём страна добилась серьёзных экономических успехов, однако его правление отмечено истреблением индейских племён, населявших Патагонию. В настоящее время Аргентина «является государством с незначительно выраженным индейским компонентом в национальном варианте испанского языка и с наиболее выраженным в Латинской Америке европейским компонентом» [20, с. 976–977]; отчасти эта ситуация обусловлена событиями рубежа XIX–XX вв.

Другой исторический деятель, упоминаемый Х. Милеем в положительном ключе, – это участник войны за независимость от Испании генерал М. Бельграно (1770–1820), ставший впоследствии национальным героем в Аргентине. Показательно, что Х. Милей подчёркивает не участие М. Бельграно в борьбе против испанцев, но тот факт, что генералу «*le importó un rábano las órdenes de las élites porteñas*» («было наплевать на распоряжения элит Буэнос-Айреса»)¹⁸. Таким образом, президент Аргентины проводит параллель между собой и М. Бельграно: оба политика выступают на стороне народа против старой элиты, называемой Х. Милеем *casta*. Отметим также, что название «*General Belgrano*» («Генерал Бельграно») носил аргентинский крейсер, потопленный англичанами в 1982 году, и упоминание аргентинского героя начала XIX века также может быть отсылкой к конфликту за Мальвинские острова.

В своих выступлениях Х. Милей вспоминает не только о крупных политиках или генералах, но и об истории такого важного для аргентинской идентичности явления, как футбол (о роли футбола в аргентинской культуре [19]). В автобиографической книге «Путь либертарианца» он рассказывает о своём увлечении футболом и об опыте игры вратарём в детско-юношеской команде [30, р. 20]. Упоминания о футболе, который он один раз на североамериканский манер назвал *soccer* («соккер»)¹⁹, имеют две функции в выступлениях Х. Милей. С одной стороны, президент Аргентины создаёт образ «человека из народа», который, как и большая часть населения страны, следит за результатами футбольных матчей. С другой стороны, некоторые из событий

¹⁵ 02.04.2024. Palabras del presidente Javier Milei en el acto en conmemoración del 42° aniversario del Día de Veterano y de los Caídos en la Guerra de Malvinas. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50420-palabras-del-presidente-javier-milei-en-el-acto-en-conmemoracion-del-42-aniversario-del-dia-de-veterano-y-de-los-caidos-en-la-guerra-de-malvinas> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁶ 10.12.2023. Palabras del presidente de la Nación, Javier Milei, luego del acto de jura y asunción presidencial, desde las escalinatas del Honorable Congreso de la Nación. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50258-palabras-del-presidente-de-la-nacion-javier-milei-luego-del-acto-de-jura-y-asuncion-presidencial-desde-las-escalinatas-del-honorable-congreso-de-la-nacion> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁷ 02.04.2024. Palabras del presidente Javier Milei en el acto en conmemoración del 42° aniversario del Día de Veterano y de los Caídos en la Guerra de Malvinas. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50420-palabras-del-presidente-javier-milei-en-el-acto-en-conmemoracion-del-42-aniversario-del-dia-de-veterano-y-de-los-caidos-en-la-guerra-de-malvinas> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁸ 20.06.2024. Palabras del Presidente de la Nación, Javier Milei, en el acto del Día de la Bandera, en la Ciudad de Rosario. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50548-palabras-del-presidente-de-la-nacion-javier-milei-en-el-acto-del-dia-de-la-bandera-en-la-ciudad-de-rosario> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁹ 17.05.2024. El Presidente Javier Milei, presentó su libro 'El camino del libertario', en España. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50495-el-presidente-javier-milei-presento-su-libro-el-camino-del-libertario-en-espana> (дата обращения: 11.03.2025).

футбольной истории, о которых любит напоминать Х. Милей, отражают его политические взгляды. Так, в нескольких выступлениях аргентинский лидер вспоминает о победе сборной Аргентины на чемпионате мира по футболу в 1978 года. Турнир прошёл в Аргентине в период военной диктатуры, а победа национальной сборной была использована режимом в политических целях. В то же время победа аргентинцев на последнем чемпионате мира в 2022 году, в период правления перониста А. Фернандеса, привлекает гораздо меньшее внимание Х. Милея.

Разговорная лексика

Создание образа «человека из народа» происходит не только за счёт упоминаний о любимой игре аргентинцев, но и благодаря использованию разговорной лексики, в том числе лексических единиц, характерных для аргентинского национального варианта испанского языка. Отмеченные выше слова *chanta* («мошенник»), *chorro* («вор») и *berretada* («глупость») являются аргентинизмами, непонятными для многих носителей испанского языка из других стран. Другие примеры аргентинизмов, зафиксированных в проанализированных текстах: *ñoqui* («государственный служащий, который получает зарплату, но ничего не делает»), *cholulo* («поклонник»), *laburo* («работа»). Некоторые из разговорных лексем, используемых Х. Милеем, распространены не только в Аргентине, но и в других странах Латинской Америки, например, *chanchada* («свинство»), *choripán* («чорипан, вид сэндвича»), *quilombo* («бардак»).

Наиболее известной фразой Х. Милея, включающей разговорно-сниженную лексику, является формула, которой он завершает большую часть своих выступлений: *¡Viva la libertad, carajo!* (в смягчённом варианте перевода на русский язык: «Да здравствует свобода, чёрт побери!»). Произнесение этой формулы сопровождается активной жестикуляцией и выделяется интонацией; в большинстве случаев Х. Милей повторяет её несколько раз. Перед произнесением формулы иногда следует фраза: *Que Dios bendiga a los argentinos y que las fuerzas del cielo nos acompañen* («Да благословит Господь аргентинцев и да пребудут с нами силы небесные»). Эти слова являются отсылкой к Первой книге Маккавейской: «En una batalla, la victoria no depende del número de soldados, sino del poder que viene del cielo» («ибо не от множества войска бывает победа на войне, но с неба приходит сила», 1 Мак, 3:19). В зависимости от контекста эта фраза может изменяться, например, *Que Dios bendiga al mundo libre* («Да благословит Господь свободный мир») ²⁰ или *Que Dios los bendiga a todos* («Да благословит Господь всех») ²¹. Таким образом, вслед за цитатой из Ветхого Завета следует эмоциональная фраза с использованием обценной лексики, что позволяет добиться дополнительного эффекта.

Формула *¡Viva la libertad, carajo!* фиксируется в 55 из 86 проанализированных выступлений Х. Милея. Она стала речевым клише, которое ассоциируется с президентом Аргентины. Показательно, что в феврале 2025 года Х. Милей подарил И. Маску бензопилу, на шине которой была написана данная формула. Бензопила – это один из визуальных символов, активно использовавшихся во время избирательной кампании Х. Милея и символизировавший резкое сокращение бюджетных расходов. Таким образом, в данном случае мы видим пример того, как политический лозунг превратился в прецедентный текст, то есть приобрёл «сверхличностный характер в когнитивном и эмоциональном аспекте» [10, с. 127].

Обсуждение результатов

Проведённый анализ показывает, что дискурсивный портрет президента Аргентины Х. Милея имеет ряд ярких особенностей. Политик использует большое количество эмоционально окрашенных лексических единиц для создания образа «врага». Многие высказывания Х. Милея можно

²⁰ 18.11.2024. Intervención del Presidente Javier Milei ante la Cumbre de Líderes del G20. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50779-intervencion-del-presidente-javier-milei-ante-la-cumbre-de-lideres-del-g20> (дата обращения: 11.03.2025).

²¹ 06.12.2024. Palabras del Presidente de la Nación Javier Milei en la LXV Cumbre del Mercosur, en Montevideo, Uruguay. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/informacion/discursos/50811-palabras-del-presidente-de-la-nacion-javier-milei-en-la-lxv-cumbre-del-mercursosur-en-montevideo-uruguay> (дата обращения: 11.03.2025).

интерпретировать как откровенно оскорбительные по отношению к оппонентам. В то же время он не менее эмоционально характеризует своих идеологических единомышленников. Кроме того, президент Аргентины копирует некоторые дискурсивные практики, свойственные сторонникам Д. Трампа в США и С. Абаскаля в Испании. Стремясь создать образ «человека из народа», который противостоит политической элите, именуемой им *casta*, Х. Милей включает в тексты своих выступлений большое количество разговорной лексики и лексики, характерной только для аргентинского национального варианта испанского языка. Другой способ показать свою «близость» к народу – частое использование ссылок на историю успехов сборной Аргентины по футболу и воспоминания Х. Милея о собственных спортивных достижениях.

© А.А. Терещук, 2025

Список литературы

1. Алексеев А.Б. О функциях невежливости в политическом дискурсе // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. № 3 (47). С. 118–129.
2. Андреева В.А. Нарратив в персуазивной коммуникации (на примере политического дискурса Германии) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 192. С. 38–45.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. Москва: Искусство, 1986. 445 с.
4. Володихин Д. Ю. Ревизия прошлого: Хавьер Милей и новый курс политики памяти в Аргентине // Полилог. 2024. № 3 (8). С. 1–14. DOI: 10.18254/S258770110032466-4. – URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110032466-4-1/> (дата доступа: 11.03.2025).
5. Ворожейкина Т. Е. «Да здравствует свобода, черт подери!» // Неприкосновенный запас. 2023. № 6. С. 221–232.
6. Галочкин А. Е. Синтаксическая позиция «народа» в политическом дискурсе левого и правого популизма (Опыт синтаксического анализа на основе NLP) // Филологические науки в МГИМО. 2024. № 10(2). С. 23–37. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-23-37>.
7. Дойникова М. И. Анализ индивидуального речевого портрета федерального канцлера Олафа Шольца // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2 (105). С. 480–483. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-2105-480-483.
8. Ивлиева Е.А. Основные приёмы лингвистической экономии в интернет-дискурсе (на материале испанских социальных сетей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 15 (2). С. 537–542. DOI: 10.30853/phil20220064.
9. Ларионова М.В. Дискурсивная стратегия испанской партии «Подемос»: политика как борьба за смыслы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 17 (4). С. 389–394.
10. Ларионова М. В. Лозунг в испанском политическом дискурсе: когнитивно-языковое и прагматическое измерение // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 23(3). С. 121–130. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-3-23-121-130>.
11. Лукашенко И.В. Аргентина: о новом векторе экономического развития // Мировая экономика и мировые финансы. 2023. № 2 (4). С. 13–18. DOI: 10.24412/2949-6454-2023-0250.
12. Моисеев Д. С. Политическая философия Джованни Джентиле // История философии. 2016. № 21 (2). С. 89–99.
13. Моисеенко Л. В. Популистский политический дискурс: диагностические признаки и лингвокогнитивные приёмы создания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2019. № 18 (2). С. 105–117. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.10>.
14. Немцева К. И. Эмотивность публичных выступлений испанских политиков / К. И. Немцева, К. С. Мелик-Карамянц // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2024. № 1 (28). С. 95–100.
15. Оруэлл Д. Лев и Единорог. Эссе, статьи, рецензии / Д. Оруэлл. М.: Московская школа политических исследований, 2003. 480 с.
16. Селиванова И. В. Военные метафоры в рождественских обращениях короля Испании // Политическая лингвистика. 2019. № 4 (76). С. 61–65. DOI 10.26170/pl19-04-07.
17. Силохина А. С. Популизм в Аргентине: кризис доминирующей идеологии и трансформация политического курса // Управление и политика. 2024. № 3(2). С. 27–42. DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-2-27-42.
18. Терещук А. А. Языковая идеология испанской партии «Vox» // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2020. № 30 (5). С. 828–836. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-828-836.
19. Чеснокова О. С. Песенный дискурс аргентинских футбольных болельщиков сквозь призму национальной идентичности // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 154–165. DOI: <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2023-4-154-165>.
20. Чеснокова О. С. Дискурсивные практики национальной идентичности: гимн Аргентины как полипарадигмальная сущность / О. С. Чеснокова, И. Б. Котеняткина, Л. Н. Гишкаева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. № 21 (4). С. 975–992. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.412>.

21. Яковлева Н. М. Аргентинский прецедент: экономический кризис определил новое лидерство / Н. М. Яковлева, П. П. Яковлев // Перспективы. Электронный журнал. 2023. № 4. С. 38–54. DOI: 10.32726/2411-3417-2023-4-38-54. – URL: https://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/argentinskij_precedent_ekonomicheskij_krizis_opredelil_novoje_liderstvo_2023-11-22.htm (дата доступа: 09.09.2025).
22. Annunziata R. La politización antipolítica. análisis del fenómeno de Javier Milei / R. Annunziata, A. Ariza, V. Romina, S. Torres // Revista SAAP: Sociedad Argentina de Análisis Político. 2024. № 18 (1). P. 13–42. DOI: <https://doi.org/10.46468/rsaap.18.1.a1>.
23. Ariza A. La Comunicación política de Javier Milei en TikTok / A. Ariza, V. March, S. Torres // Intersecciones en Comunicación. 2023. № 2(17). P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.51385/ic.v2i17.182>. – URL: <https://ojsintcom.unicen.edu.ar/index.php/ojs/article/view/182> (дата доступа: 10.02.2025).
24. Ariza A. La ‘casta’ y los ‘argentinos de bien’: narrativa electoral de Javier Milei // Revista Más Poder Local. 2024. № 57. P. 68–86. DOI: <https://doi.org/10.56151/maspoderlocal.239>.
25. Caruncho L. El héroe de la libertad: un análisis discursivo de los cierres de campaña presidencial de Javier Milei en el año 2023 // POSTData: Revista de Reflexión y Análisis Político. 2024. № 29 (1). P. 43–74.
26. Edelman M. Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail / M. Edelman. New York: Academic Press, 1977. 188 p.
27. Hartevelt E. Affective Polarization and the Populist Radical Right: Creating the Hating? / E. Hartevelt, P. Mendoza, M. Roo-duijn // Government and Opposition. 2021. № 54 (4). P. 1–25. DOI: <https://doi.org/10.1017/gov.2021.31>.
28. Hernández Carballido M. ¿Qué es la antipolítica? // Revista Uruguaya de Ciencia Política. 2023. № 32(1). P. 9–29. DOI: <https://doi.org/10.26851/rucep.32.1.1>.
29. Laclau E. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, C. Mouffe. London; New York: Verso, 2001. 198 p.
30. Milei J. El camino del libertario / J. Milei. Buenos Aires: Planeta. Libro digital, 2022. 327 p.
31. Ramos-González J. Populism and Contingency: Assessing the Ideological Flexibility of Populism Through Sorel’s Theory of Myth // Journal of Language and Politics. 2024. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1075/jlp.23193.ram>. – URL: <https://benjamins.com/catalog/jlp.23193.ram> (дата доступа: 24.02.2025).
32. Senent Sansegundo J. C. Antifranquistas de boina roja. El cambio ideológico en el carlismo (1968–1986) / J.C. Senent Sansegundo. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2024. 345 p.
33. Soledad Montero A. Una democracia afectada. Política y emociones en el discurso de la nueva derecha argentina en redes sociales // Revista Panamericana de Comunicación. 2024. № 6 (1). P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.21555/rpc.v6i1.3018>.
34. Stefanoni P. ¿La rebeldía se volvió de derechas? / P. Stefanoni. México: Siglo XXI Editores, 2023. 232 p.
35. Van Dijk T. A. What is Political Discourse Analysis? // Belgian Journal of Linguistics. 1997. № 11 (1). P. 11–52. DOI: <https://doi.org/10.1075/bjl.11.03dij>.

References

1. Alekseev, A.B. O funktsiyakh nevezhlivosti v politicheskom diskurse [On the Functions of Impoliteness in Political Discourse]. *Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie»*. 2022. No. 3 (47). P. 118–129.
2. Andreeva, V.A. Narrativ v persuazivnoj kommunikatsii (na primere politicheskogo diskursa Germanii) [Narrative in Persuasive Communicatoin (Based on the Example of Political Discourse in Germany)]. *Izvestiia Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 2019. No. 192. P. 38–45.
3. Bahtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of Speech Creation] / M.M. Bahtin. Moskva: Iskusstvo, 1986. 445 p.
4. Volodihin, D.Y. Reviziia proshlogo: Havier Milei i novy kurs politiki pamiati v Argentine [The Revisioin of the Past: Javier Milei and the New Course of Memory Policy in Argentina]. *Polilog*. 2024. No. 3 (8). P. 1–14. DOI: 10.18254/S258770110032466-4, polylogos-journal.ru/s258770110032466-4-1/ (accessed: 11.03.2025).
5. Vorozhejkina, T.E. «Da zdravstvuet svoboda, chert poderi!» [“Long Live the Freedom, Dammit”]. *Neprikosnovenny zapas*. 2023. No. 6. P. 221–232.
6. Galochkin, A.E. Sintaksicheskaja pozitsiia «naroda» v politicheskom diskurse levogo i pravogo populizma (Opyt sintaksicheskogo analiza na osnove NLP) [The Syntactic Position of the “People” in the Political Discourse of Left and Right Populism (Experience of Syntactic Analysis Based on NLP)]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2024. No. 10(2). P. 23–37. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-2-39-23-37>.
7. Dojnikova, M.I. Analiz individual’nogo rechevogo portreta federal’nogo kantslera Olafa Shol’tsa [The Analysis of Individual Speech Portrait of Federal Chancellor Olfa Scholz]. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya*. 2024. No. 2 (105). P. 480–483. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-2105-480-483.
8. Ivlieva, E.A. Osnovnye priemy lingvisticheskoy ekonomii v internet-diskurse (na materiale ispanskikh sotsial’nykh setei) [Main Techniques of Linguistic Economy in Internet Discourse (by the Material of Spanish Social Networks)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2022. No. 15 (2). P. 537–542. DOI: 10.30853/phil20220064.
9. Larionova, M.V. Diskursivnaia strategiia ispanskoy partii «Podemos»: politika kak bor’ba za smysly [Discourse Strategy of the Spanish Political Party Podemos : Politics as a Struggle for Meanings]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2017. No. 17 (4). P. 389–394.
10. Larionova, M.V. Lozung v ispanskom politicheskom diskurse: kognitivno-iazykovoe i pragmaticheskoe izmerenie [Slogan in the Spanish political discourse: cognitive, linguistic and pragmatic dimension]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2020. No. 23 (3). P. 121–130. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-3-23-121-130>.

11. Lukashenko, I.V. Argentina: o novom vektore ekonomicheskogo razvitiia [Argentina: Concerning the New Direction of Economic Development]. *Mirovaya ekonomika i mirovye finansy*. 2023. No. 2 (4). P. 13–18. DOI: 10.24412/2949-6454-2023-0250.
12. Moiseev, D.S. Politicheskaya filosofiya Dzhovanni Dzhentile [Political Philosophy of Giovanni Gentile]. *Istoriya filosofii*. 2016. No. 21 (2). P. 89–99.
13. Moiseenko, L.V. Populistskiy politicheskii diskurs: diagnosticheskie priznaki i lingvokognitivnye priemy sozdaniia [Populist Political Discourse: Diagnostic Features and Linguistic Cognitive Approaches of Creation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Iazykoznanie*. 2019. No. 18 (2). P. 105–117. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.10>.
14. Nemtseva, K.I. Emotivnost' publicnykh vystupleniy ispanskikh politikov [Emotivity of Public Interferences of Spanish Politicians] / K. I. Nemtseva, K. S. Melik-Karamyants. Na peresechenii iazykov i kul'tur. *Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniia*. 2024. No. 1 (28). P. 95–100.
15. Orwell, D. *Lev i Edinorog. Esse, stat'i, retsenzii* [Lion and Unicorn. Essays, Articles, Reviews] / D. Oruell. M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanii, 2003. 480 p.
16. Selivanova, I.V. Voennye metafory v rozhdestvenskikh obrashcheniiakh korolia Ispanii [Military Metaphors in Christmas Speeches by the King of Spain]. *Politicheskaya lingvistika*. 2019. No. 4 (76). P. 61–65. DOI: 10.26170/pl19-04-07.
17. Silohina, A.S. Populizm v Argentine: krizis dominiruiushchey ideologii i transformatsiia politicheskogo kursa [Populism in Argentina: Crisis of Dominant Ideology and Transformation of Political Course]. *Upravlenie i politika*. 2024. No. 3(2). P. 27–42. DOI: 10.24833/2782-7062-2024-3-2-27-42.
18. Tereshchuk, A.A. Iazykovaia ideologiya ispanskoy partii «Vox» [Language Ideology of Spanish Party “Vox”]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*. 2020. No. 30 (5). P. 828–836. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-828-836.
19. Chesnokova, O.S. Pesenny diskurs argentinskikh futbol'nykh bole'shchikov skvoz' prizmu natsional'noi identichnosti [Song Discourse of Argentinian Football Fans Seen Through National Identity]. *Voprosy sovremennoy lingvistiki*. 2023. No. 4. P. 154–165. DOI: <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2023-4-154-165>.
20. Chesnokova, O.S. Diskursivnye praktiki natsional'noi identichnosti: gimn Argentiny kak poliparadigma naia sushchnost' [Discursive Practices of National Identity: Argentinian Hymn as a Polyparadigmatic Phenomenon] / O. S. Chesnokova, I. B. Kotenyatkina, L. N. Gishkaeva. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 2024. No. 21 (4). P. 975–992. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.412>.
21. Yakovleva, N.M. Argentinskiy pretsedent: ekonomicheskiiy krizis opredelil novoe liderstvo [Argentinian Precedent: Economic Crisis Defined New Leadership] / N. M. YAKovleva, P. P. Yakovlev. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal*. 2023. No. 4. P. 38–54. DOI: 10.32726/2411-3417-2023-4-38-54, www.perspektivy.info/oykumena/amerika/argentinskij_precedent_ekonomicheskij_krizis_opredelil_novoje_liderstvo_2023-11-22.htm (Accessed: 09.09.2025).
22. Annunziata, R. La politización antipolítica. análisis del fenómeno de Javier Milei / R. Annunziata, A. Ariza, V. Romina, S. Torres. Revista SAAP: *Sociedad Argentina de Análisis Político*. 2024. No. 18 (1). P. 13–42. DOI: <https://doi.org/10.46468/rsaap.18.1.a1>.
23. Ariza, A. La Comunicación política de Javier Milei en TikTok / A. Ariza, V. March, S. Torres. *Intersecciones en Comunicación*. 2023. No. 2(17). P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.51385/ic.v2i17.182>. – URL: <https://ojsintcom.unicen.edu.ar/index.php/ojs/article/view/182> (data dostupa: 10.02.2025).
24. Ariza, A. La 'casta' y los 'argentinos de bien': narrativa electoral de Javier Milei, *Revista Más Poder Local*. 2024. No. 57. P. 68–86. DOI: <https://doi.org/10.56151/maspoderlocal.239>.
25. Caruncho, L. El héroe de la libertad: un análisis discursivo de los cierres de campaña presidencial de Javier Milei en el año 2023, *POSTData: Revista de Reflexión y Análisis Político*. 2024. No. 29 (1). P. 43–74.
26. Edelman, M. *Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail* / M. Edelman. New York: Academic Press, 1977. 188 p.
27. Harteveld, E. Affective Polarization and the Populist Radical Right: Creating the Hating? / E. Harteveld, P. Mendoza, M. Roo-duijn. *Government and Opposition*. 2021. No. 54 (4). P. 1–25. DOI: <https://doi.org/10.1017/gov.2021.31>.
28. Hernández Carballido, M. ¿Qué es la antipolítica? *Revista Uruguay de Ciencia Política*. 2023. No. 32(1). P. 9–29. DOI: <https://doi.org/10.26851/rucp.32.1.1>.
29. Laclau, E. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics* / E. Laclau, C. Mouffe. London; New York: Verso, 2001. 198 p.
30. Milei, J. *El camino del libertario* / J. Milei. Buenos Aires: Planeta. Libro digital, 2022. 327 p.
31. Ramos-González, J. Populism and Contingency: Assessing the Ideological Flexibility of Populism Through Sorel's Theory of Myth. *Journal of Language and Politics*. 2024. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1075/jlp.23193.ram>, benjamins.com/catalog/jlp.23193.ram (data dostupa: 24.02.2025).
32. Senent Sansegundo, J. C. *Antifranquistas de boina roja. El cambio ideológico en el carlismo (1968–1986)* / J.C. Senent Sansegundo. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2024. 345 p.
33. Soledad Montero, A. Una democracia afectada. Política y emociones en el discurso de la nueva derecha argentina en redes sociales. *Revista Panamericana de Comunicación*. 2024. No. 6 (1). P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.21555/rpc.v6i1.3018>.
34. Stefanoni, P. *¿La rebeldía se volvió de derechas?* / P. Stefanoni. México: Siglo XXI Editores, 2023. 232 p.
35. Van Dijk, T. A. What is Political Discourse Analysis? *Belgian Journal of Linguistics*. 1997. No. 11 (1). P. 11–52. DOI: <https://doi.org/10.1075/bjl.11.03dij>.

Сведения об авторе:

Терещук Андрей Андреевич – Ph.D. по испанской филологии, доцент кафедры романской филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург). Сфера научных интересов: политическая лингвистика; язык испанского карлизма; языковые контакты; история Испании и испанской литературы XIX века.

E-mail: san_petersburgo@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8838-9302>

About the author:

Andrei A. Tereshchuk, Ph.D., is Associate Professor of the Department of Romance Philology, Herzen University (St. Petersburg). Research interests: political linguistics; language of Spanish Carlism; language contacts; history of Spain and Spanish literature of the 19th century.

E-mail: san_petersburgo@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8838-9302>

* * *

Some Fluctuations of the Linguistic Norm in Modern Italian

Tatiana R. Titova

MGIMO UNIVERSITY
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article focuses on the current problem of changes in the language norm in the Italian language caused by both objective trends in the unification of languages in the era of information globalization and the subjective features of its formation and development. Italian is a Florentine dialect of the 14th century, “intertwined” in the works of the natives of Florence – Dante, Petrarch and Boccaccio. But this language was a written language; it was spoken by an extremely narrow group of educated people (no more than 3% of the population). Founded in the 16th century, the Kruska Academy pursued a deliberate policy of rejecting new vocabulary and grammatical phenomena in order to preserve the purity of the language. This language was not a native but a learned language, since even in Florence the dialect deviated from the samples of the 14th century. The situation began to change after the unification of Italy in 1861. The State adopted an Italian language education program. The following factors played an important role: the appearance of the radio and the media in Italian, the education of children in school, maintenance of documentation and administrative activities in the official language, mass resettlement of residents of southern Italy to the northern regions and, most importantly, the advent of television in the 60s – 70s of the 20th century. Italian became an oral, native, spoken and popular language, and, accordingly, subjected to change. But grammars and textbooks designed to preserve the language norm are slow to respond to these changes. Students notice discrepancies in what they study as a linguistic norm, and what they hear and read in modern texts, which lead them to reasonable uncertainty and doubts. The collected corpus of materials contains examples of grammatical and lexical fluctuations. The changes in the language norm are analyzed and recommendations are given to students and teachers of the Italian language regarding these phenomena.

Keywords: the Italian language, linguistic norm, history of the Italian language, intercultural communication

For citation: Titova T.R. (2025). Some Fluctuations of the Linguistic Norm in Modern Italian, *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(4), pp. 78–93. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-78-93>

Некоторые колебания языковой нормы в современном итальянском языке

Т.Р. Титова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме изменений языковой нормы в итальянском языке, вызванных как объективными тенденциями унификации языков в эпоху информационной глобализации, так и субъективными особенностями его формирования и развития. Итальянский язык – это флорентийский диалект XIV века, «переплетённый» в произведениях уроженцев Флоренции – Данте, Петрарки и Боккаччо. Но этот язык был письменным, а не устным; им владела крайне узкая группа образованных людей (не более 3% населения). Основанная в XVI веке, Академия Круска вела целенаправленную политику неприятия новых вокабул и грамматических явлений во имя сохранения «чистоты» языка. Этот язык являлся не родным, а выученным языком, поскольку даже во Флоренции диалект отходил от образцов XIV века. Ситуация стала меняться после объединения Италии в 1861 году. Государство приняло программу обучения населения итальянскому языку. Сыграли важную роль следующие факторы: появление радио и СМИ на итальянском языке, обучение детей в школах, ведение документации и административной деятельности на государственном языке, массовое переселение жителей юга Италии в северные области и, главное, появление телевидения в 60-70 годах XX века. Итальянский язык стал устным, родным, разговорным и массовым, и, соответственно, в нём начались процессы изменения. Но грамматики и учебники, призванные хранить языковую норму, медленно реагируют на эти изменения. Студенты замечают расхождения в том, что они изучают как языковую норму, и тем, что они слышат и читают в современных текстах – это вызывает у них обоснованную неуверенность и сомнения. Собранный корпус материалов содержит примеры грамматических и лексических колебаний. Анализируются изменения языковой нормы и даются рекомендации изучающим и преподающим итальянский язык относительно этих явлений.

Ключевые слова: итальянский язык, языковая норма, история итальянского языка, межкультурная коммуникация

Для цитирования: : Титова Т.Р. (2025). Некоторые колебания языковой нормы в современном итальянском языке. *Филологические науки в МГИМО*. 11(4), С. 78–93. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-78-93>

Вступление (Introduction)

Целью данного исследования является выделение изменений лексики и грамматики итальянского языка и их анализ с точки зрения языковой нормы стандартного языка *italiano neo-standard* [4], [11], [39], [40]. Необходимость проведения подобного исследования назрела давно, поскольку в последние годы наблюдается значительное ускорение процессов изменения как лексики, так и грамматики итальянского языка [17], [19], [27], [28], [38]. Корпус собранных примеров как из устной спонтанной, так и письменной речи аккумулировался последние 10–15 лет. Работа имеет важное практическое значение: необходимо дать рекомендации изучающим и преподающим итальянский язык, предоставить некий критерий оценки вариативности нормы: это ошибка или же современный язык допускает подобный вариант?

Языковая норма

Изменение языковой нормы – естественный ход развития языка, поскольку он является живым организмом, в котором постоянно идут процессы изменения, совершенствования, это и есть развитие [5], [6], [8], [18], [7], [13], [14].

Согласно определению Словаря лингвистических терминов, «Норма – принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил (регламентаций), упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» [3, с. 270]. Об «устойчивом-неустойчивом равновесии» нормы писал Л.В. Щерба [12, с. 50].

Крайне важные свойства языковой нормы рассматриваются в Справочнике по русскому языку Д.Э. Розенталя. В нём подчёркивается, во-первых, «исторический характер нормы», и во-вторых, констатируется, что «Существование норм литературного языка не исключает также параллельного существования языковых вариантов» [9, с. 237].

Итальянские лингвисты тоже не могли обойти вопрос о языковой норме, более того, ввиду особенностей итальянского языка этот вопрос стоял и стоит крайне остро [16]. По мнению профессора Туринского Университета, историка итальянского языка Джан Луиджи Беккария, «La norma «è a un tempo convenzione sociale e prodotto della storia» / «Норма – это одновременно и социальный договор, и продукт истории» [14, с. IX]¹.

Кодификация языковой нормы в Италии

Для итальянского языка «историчность» нормы как её характерного отличия особенно важна. Это связано с историческими особенностями итальянского языка, который по определению лингвиста Л. Серианни является абсолютно «атипичным»: «...i modi attraverso i quali il processo è avvenuto sono decisamente atipici. / ...пути, по которым шёл этот процесс, совершенно атипичны» [21, с. 1].

На Апеннинском полуострове вплоть до объединения Италии в 1861 году не было единого государства и единого языка, жители говорили на различных диалектах [6]. Благодаря произведениям великих писателей XIV века Данте Алигьери [1], Джованни Боккаччо и Франческо Петрарки флорентийский диалект распространился, наряду с латынью, по всему Апеннинскому полуострову, его понимали и использовали для общения между собой образованные люди, которые составляли не более 3% населения. Но даже после объединения страны итальянцы продолжали говорить на диалектах.

Благодаря целенаправленной государственной политике, массовой миграции жителей из области в область, а главное, появлению телевидения, к 70-м годам XX века ситуация стала меняться [10], [20], [23]. Итальянский язык стал родным, а не выученным, не только письменным, но и разговорным языком, не достоянием небольшой группы образованных людей, а языком миллионов [24]. Соответственно, в языке начались и стали активно набирать обороты изменения, иногда существенные, как в лексике, так и грамматике [25]. В XXI веке, в эпоху глобализации, проявляющейся и в языковой сфере, эти процессы стали ещё более мощными. Итальянские грамматики медленно реагируют на изменение языковой практики, узуса, что абсолютно правильно: они и должны охранять языковую норму, давать примеры правильного стандартного языка [21], [22], [26], [30]. Поэтому возникает ситуация, когда грамматики говорят одно, а носители языка используют другие формы, то есть «параллельно существуют языковые варианты», о чём говорится в Справочнике по русскому языку Д.Э. Розенталя [9, с. 237].

Современная языковая ситуация в Италии

Сегодняшняя языковая ситуация в Италии очень неоднозначна, поскольку помимо изменений, касающихся всех носителей языка, в Италии по-прежнему сильны диалектальные различия [27], [37], [35], [36].

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

Особенностью современного этапа развития итальянского языка является то, что даже в северных областях Италии (более образованных и развитых) в определённой степени укрепились позиции диалектов, которые, как казалось, были значительно ослаблены после массового распространения стандартного итальянского языка. Это может быть связано с потребностью сохранения своей национальной идентичности. В последние пару десятилетий расширилась мобильность самих итальянцев внутри Италии, кроме того, значительно усилился поток мигрантов в Италию из других стран. Владение итальянским языком стало своеобразной проверкой на принадлежность одной общности, типа системы «свой – чужой». А если человек ещё и говорит на одном с тобой диалекте, это просто родной «член семьи». В разных областях Италии существуют свои отклонения от языковой нормы в результате влияния местного диалекта на стандартный язык. В данной работе, однако, мы не будем рассматривать эти случаи ввиду необъятности темы (даже внутри каждой из 20 областей Италии могут существовать несколько диалектов), а также их локального, неширокого распространения. Хотя мы сочли корректным указать на этот интересный факт.

Materials & Methodology (Материалы и методология)

Стратегия отношения к колебаниям языковой нормы

В учебном процессе преподавания итальянского языка используются не только текущие современные языковые материалы, но и литературные произведения и учебные пособия, написанные авторитетными авторами ещё в недавнем прошлом до 70-х годов прошлого века, когда начался энергичный процесс изменения итальянского языка. В них встречаются грамматические формы и вокабулы, уже нехарактерные для современного итальянского узуса, а иногда и ставшие ошибочными. Поэтому в ходе обучения необходимо указывать студентам на изменение языковой нормы.

При изучении языка неизбежно возникают трудности, связанные с недостаточным освоением материала. Но ошибки делают и носители языка. Речь идёт не только о влиянии диалекта или о недостаточном образовательном статусе говорящего: ошибки делают и вполне образованные люди. Но как говорил Ш. Балли: «Язык завтрашнего дня подготавливается потоком этих ошибок; многие из них распространены так широко, что со дня на день они одержат окончательную победу» [2, с. 145]. В данной работе мы приведём примеры довольно частотного отклонения от языковой нормы, попытаюсь анализировать, стали ли эти отклонения вариантом нормы или же пока являются ошибкой.

Подобные расхождения узуса и нормы представляют собою двойную трудность для преподавателей: во-первых, если в изучаемом тексте встречается вокабула или грамматическая форма, отличающаяся от современного узуса, преподаватель обязан разъяснить студентам изменение или колебание нормы. Во-вторых, когда сами студенты делают такую ошибку, которая встречается и в речи носителей языка, преподаватель должен определить, считать это ошибкой или же нет.

Results (Результаты)

Рассмотрим некоторые примеры колебания языковой нормы итальянского языка.

I. Грамматический блок

1. Артикль

1.1. Mia mamma/ mio papà

По правилам стандартного итальянского языка притяжательные местоимения не снимают артикля у существительного (в отличие, например, от английского языка). Исключение составляют существительные, означающие родственные отношения: mio padre, tua sorella. Однако, чтобы иметь подобную «привилегию», такое существительное должно удовлетворять некоторым требованиям: не стоять во множественном числе или в уменьшительно-ласкательной форме, не иметь

определения. В противном случае артикль возвращается: *mio fratello* – *il tuo fratellino, il suo fratello maggiore, i nostri fratelli*. Но существительные *papà* и *mamma* (уменьшительно-ласкательная форма от *padre/ madre*) стали устойчиво употребляться без артикля *mio papà, mia mamma*, в том числе даже без притяжательного местоимения, как имена собственные *Papà legge il giornale in salotto*. Позволим себе предположить, что эти два родственника настолько уникальны в жизни человека, что имеют право на подобную «двойную» привилегию. Как говорят нам исторические грамматики, тенденция опущения артикля с существительными, означающими родственные отношения, началась именно со слов *padre/ madre* и только затем распространилась на все подобные существительные. Грамматики пока не признают такую «вольность» существительных *papà, mamma*, но узус крайне настойчив, допустимы варианты:

*la mia mamma – mia mamma – mamma,
il mio papà – mio papà – papà.*

С существительным *babbo* артикль употребляется стабильно *il mio babbo*.

1.2. Появляются устойчивые сочетания, где ранее артикль употреблялся, а теперь зачастую опускается:

in negozio (nel negozio), in stanza (nella stanza), in spiaggia (sulla spiaggia), di pomeriggio (del pomeriggio).

Стабильно отсутствует артикль в словосочетаниях:

tutta Italia, tutta Europa.

Всё чаще опускается артикль, хотя по правилам он должен быть:

In USA, in Stati Uniti.

Ранее артикль с предлогом *in* с названиями стран опускался, только если название страны было в одно слово и женского рода, затем это правило стало менее жёстким: названия стран мужского рода тоже утратили артикль. Теперь же мы видим, что и аббревиатуры, и названия стран, состоящие из нескольких слов, тоже употребляются без артикля.

2. **Опускается предлог «а» в выражениях «una volta l'anno», «una volta la settimana»,** но с выражениями «una volta **al** giorno» и «una volta **al** mese» предлог по-прежнему стабильно употребляется.

3. **Cominciare a fare/ finire di fare**

Интересные изменения наблюдаются с глагольными конструкциями *cominciare a fare/ finire di fare*.

По правилам грамматики словосочетания *cominciare a fare/ finire di fare* спрягаются со вспомогательным глаголом *avere*. Но в языковой практике мы всё чаще слышим использование вспомогательного глагола *essere*:

è cominciato a piovere – пошёл дождь,

le cose sono cominciate a cambiare – всё стало меняться.

Носители языка объясняют это тем, что глаголы *cominciare a fare/ finire di fare* могут ощущаться как служебные (*servili*), аналогично модальным *potere, dovere, volere*, которые в основном спрягаются с *avere*, но если за ними следует непереходный глагол движения, спрягающийся с *essere*, они тоже меняют вспомогательный глагол:

non sono potuto venire – я не смог прийти.

То есть, рассуждают так: поскольку глагол *piovere* **может** спрягаться не только с *avere*, но и с *essere*, сочетание *cominciare a + piovere* **может** спрягаться с *essere*. Это объяснение представляется не слишком убедительным, поскольку глагол *piovere* в основном спрягается с *avere*. К тому же эта вариативность крайне редко встречается с другими глаголами. На данный момент разумнее считать *è cominciato a piovere* устойчивым выражением, рекомендовать студентам спрягать словосочетания *cominciare a fare/ finire di fare* с глаголом *avere* и продолжить наблюдение за речью носителей языка.²

2 Примечательно, что русскоязычные студенты тоже часто спрягают словосочетание «*cominciare a piovere*» с глаголом *essere*, объясняя это тем, что по-русски это «идёт дождь», а глагол «идти» спрягается с *essere*.

Помимо приведённых выше, в спонтанной речи носителей языка зарегистрированы следующие словосочетания:

Mi **sono** cominciate ad arrivare tutte le voci / До меня стали доходить слухи;

Lei **è** cominciata a cambiare / Она начала меняться;

E' cominciato a rinascere / Он стал возрождаться к жизни;

Quello che **è** cominciato a cambiare era il suo atteggiamento / Постепенно его отношение стало меняться;

Mi **è** cominciato a venire qualche dubbio / У меня стали появляться сомнения.

Аналогично глаголам cominciare a fare/ finire di fare зарегистрированы случаи использования вспомогательного глагола essere и с глаголом continuare a fare (что представляется вполне логичным):

Ci siamo messi d'accordo che davanti agli altri **saremmo** continuati ad essere una famiglia perfetta / Мы договорились, что на людях мы продолжим изображать идеальную семью;

Sapendo che Marina **sarebbe** continuato a essere il punto di riferimento per Lorenzo / Мы знали, что Марина продолжит быть для Лоренцо опорой.

4. Vale la pena (di) fare

Грамматики считают правильным использовать с этим словосочетанием управление с предлогом «di», но всё чаще слышим этот глагол и без управления:

Vale la pena arrivare per tempo anche perché la zona merita una piacevole escursione a piedi / Стоит приехать пораньше, потому что по этому прекрасному местечку лучше погулять пешком.

Предположим, что здесь у говорящего возникает ассоциативная связь с выражениями *è meglio/ è preferibile fare*, то есть с безличными конструкциями, не требующими предлога управления. Пока не наблюдается устойчивости неупотребления предлога *di*, но вполне допустимо уже не считать это ошибкой.

5. Личные местоимения

Употребление личных местоимений претерпело значительные изменения.

5.1. Местоимения *lui, lei, loro* изначально являлись местоимениями ударными, в то время как в именительном падеже использовались формы *egli, ella*, а во множественном числе *essi, esse*. Но постепенно формы *egli, ella* стали восприниматься как слишком формальные, книжные, а местоимения *lui, lei, loro* стали использоваться не только как ударная форма, но и в именительном падеже. Зачастую изучающие язык даже не знакомы с местоимениями *egli, ella*, так же как с *esso, essa, essi, esse*, что подтверждает ограниченность их употребления.

5.2. Местоимения *lui, lei, loro* с неодушевлёнными существительными

Местоимения *lui, lei, loro* употребляются только с одушевлёнными существительными. Для неодушевлённых существительных используются местоимения *esso, essa, essi, esse*. Но в последнее время всё чаще регистрируется использование *lui, lei, loro* и для неодушевлённых существительных. Грамматика Zanichelli [23, с. 261] допускает использование *lui, lei, loro* в отношении животных (что вполне понятно), а также в отношении предметов в разговорном языке. Но необходимо учитывать, что речь идёт, во-первых, о разговорном и даже просторечном регистрах языка и, во-вторых, о характерной особенности языка жителей южных областей Италии. В *Italiano standard* более корректно не допускать использования местоимений *lui, lei, loro* с неодушевлёнными предметами, но ограничить их употребление с животными.

5.3. Gli как местоимение дательного падежа «им» вместо loro

Использование местоимения *gli* в дательном падеже не только в значении «ему», но и в значении «им» нельзя назвать недавней тенденцией, так говорят уже достаточно продолжительный период времени. Можно предположить, что тому есть несколько причин. Во-первых, местоимение *loro* перегружено значениями: это ударная форма (*io parlo solo con loro*) и именительный падеж «они» (*loro sono arrivati in tempo*), это притяжательное местоимение «их» (*la loro casa è bella*). Во-вторых, *loro* в значении «им» – единственное местоимение, требующее для себя особого места относительно глагола – всегда в постпозиции и отдельно:

Ho scritto loro una lettera / я написал им письмо;

Il film non piace loro / фильм им не нравится;

Voglio scrivere loro una lettera / я хочу написать им письмо.

Это не всегда удобно и не всегда «звучит». Так, узус предпочёл более удобную форму *gli*. Тем не менее, итальянские грамматики признают только форму *loro*, а *gli* дают в скобках как вариант. Надеемся, грамматики однажды признают свершившийся факт, а пока разрешим студентам употреблять обе формы, отдавая предпочтение *gli* как более простой.

5.4. В последние годы всё чаще можно слышать употребление местоимения *gli* не только в значении «ему», но и в значении «ей». Эта тенденция началась в южных областях Италии и затем распространилась и в северных областях. До сих пор эта форма воспринимается как ошибка и осуждается грамматиками, но массовость её употребления требует дальнейших наблюдений. Студентам не рекомендуется использовать эту форму, это должно считаться ошибкой.

6. Место частиц и местоимений относительно глагола

Наблюдается явная тенденция выносить все частицы и безударные местоимения в препозицию глаголу. Вот некоторые зарегистрированные примеры:

Mi sono iniziato a fare domande = ho iniziato a farmi domande / я стал задавать себе вопросы;

Lui non **mi** riusciva a dare una risposta = lui non riusciva a darmi una risposta / он никак не мог дать мне ответ;

Mi sono dovuto rendere conto = ho dovuto rendermi conto / мне пришлось осознать;

Mi sono andato a interessare = sono andato a interessarmi / я стал наводить справки;

Lei **si** riesce a disintossicare = lei riesce a disintossicarsi / ей удалось избавиться от наркотической зависимости;

Questo film, **ce lo** siamo iniziato a guardare insieme = questo film, abbiamo cominciato a guardarlo insieme / мы начали смотреть этот фильм вместе;

Con questa Gessica **mi ci** sono voluta incontrare = con questa Gessica ho voluto incontrarmi / мне захотелось встретиться с этой Джессикой;

Ci siamo cominciati a sentire = abbiamo cominciato a sentirci / мы начали созваниваться;

Ci siamo cominciati a conoscere = abbiamo cominciato a conoscerci / мы стали лучше узнавать друг друга;

Ci continuiamo a volere bene = continuiamo a volerci bene / мы по-прежнему друг друга любим;

Speravo che **ci** saremmo riusciti a riconciliare = speravo che saremmo riusciti a riconciliarci / я надеялся, что мы помиримся.

При этом может возникнуть смешение с **безличной** формой, что затрудняет понимание:

La gente **si comincia** a domandare = la gente comincia a domandarsi / люди начинают задаваться вопросом;

Lui **si deve** alzare = lui deve alzarsi / он должен вставать;

Una persona non **si vuole** far aiutare = una persona non vuole farsi aiutare / человек не хочет, чтобы ему помогали;

Non **si è voluto** far aiutare = non ha voluto farsi aiutare / он не захотел, чтобы ему помогали;

Questo rapporto **si è cominciato** a inclinare / эти отношения стали портиться.

Эта ситуация тоже требует дополнительных наблюдений.

7. Повелительное наклонение

Повелительное наклонение – одно из самых сложных для изучения и употребления явлений итальянского языка. Поэтому нас как преподавателей не может не радовать наблюдающийся тренд его избегать. Можем предположить, что приказной тон императива ощущается итальянцами как не слишком вежливый, особенно в форме *Lei*. На что же заменяется повелительное наклонение?

– На глагол **potere** во всех вариантах:

Posso avere il conto? = **Portatemi** il conto!

Puoi/ potresti aprire la finestra? = **Apri** la finestra!

Può/ potrebbe chiudere la porta? = **Chiuda** la porta!

– Частой заменой императива является **вопросительное** предложение:

Mi porti un bicchiere d'acqua? = **Portami** un bicchiere d'acqua (обратим внимание, что в подобной формулировке глагольная форма *tu* совпадает с императивом в форме *Lei*).

Можно констатировать, что осталось лишь немного глаголов, которые стабильно употребляются в повелительном наклонении:

Scusami! – Mi scusi!

Dimmi! – Mi dica!

Non ti preoccupare! – Non si preoccupi!

Accomodati! – Si accomodi!

Aspetta! – Aspetti!

Figurati! – Si figuri!

Вот их следует отрабатывать со студентами в первую очередь.

Что касается положения относительно глагола, тоже просматривается тенденция вынесения местоимений и частиц **в препозицию**, о которой мы говорили в пункте 6, но пока это касается только отрицательной формы, в первую очередь с инфинитивом глагола в форме «ты»:

Non preoccuparti! = non **ti** preoccupare!

Non ditemi niente! = non **mi** dite niente!

8. Глагол **vivere**

Это уникальный глагол, который постепенно меняет вспомогательный глагол с *essere* на *avere*. Итальянские грамматики признают этот факт. Осмелимся предположить, что это связано, во-первых, с влиянием практически синонимичного глагола *abitare*, который спрягается с *avere*, во-вторых, обстоятельство времени, часто сопровождающее этот глагол, может ощущаться как прямое дополнение, что приводит к выбору именно глагола *avere* как вспомогательного:

è vissuta quasi sempre in convento / она почти всегда жила в монастыре;

ha vissuto tre anni dalla fidanzata / он прожил три года у своей невесты.

Как бы то ни было, студенты имеют уникальный шанс использовать любой вспомогательный глагол, не боясь сделать ошибку.

9. Формы **неправильных глаголов в Passato Remoto**

Есть глаголы, имеющие избыточные (более одной) формы *Passato Remoto*. Но некоторые из этих форм воспринимаются как устаревшие, выходят из употребления, например:

Форма **apersi** уступила место форме **aprii**,

Вместо **detti** употребляется **diedi**,

Вместо **parsi** используется **parvi** и т.д.

Поскольку некоторые таблицы неправильных глаголов по-прежнему указывают устаревшую форму, при введении форм неправильных глаголов этого времени представляется необходимым проговорить со студентами все формы, указав на более предпочтительные современные варианты.

То же касается избыточных форм *Participio Passato*.

10. Вариативность произношения

Некоторые географические названия, хотя длительное время присутствуют в языке, тем не менее имеют вариативность в произношении. Вот некоторые примеры колебания ударения в географических названиях:

Ìran – Iràn

Ìraq – Iràq

Viètnam – Vietnàm

Afgànistan – Afganistàn

Ucràina – Ucràina

Ûrali – Uràli

Friuli – Friùli

Варируется произношение названия *Brussels*: даже в новостных передачах каналов RAI дикторы могут произнести: «Бруксель» или «Бруссель».

11. Колебания орфографии

У некоторых существительных наблюдается колебания в орфографии. Так, формы множественного числа существительных с окончанием -cia/ -gia должны сохранять гласную i, если ему предшествует согласная:

Camicia – camicie, valigia – valigie.

Форму *camice valige* словари признают ошибочной, устаревшей или региональной. Тем не менее, в печатных изданиях, даже учебниках итальянского языка (например, в известных пособиях Томмазо Буэно) эта форма встречается довольно часто. Студентам не рекомендуется подобная орфография, признавая при этом, что она существует.

12. Конструкция far/ lasciare fare

Произошло значительное и быстрое изменение нормы в каузативной конструкции far/ lasciare fare. В этой конструкции смысловый глагол не может иметь сзади и слитно никакого местоимения или частицы, но для возвратной частицы ранее делалось исключение. В современной же грамматике даже возвратную частицу нельзя оставлять со смысловым глаголом: она переносится на глагол fare или просто исчезает.

Тем не менее, и в литературных произведениях, которые студенты читают на домашнем чтении, и в грамматиках, написанных ранее 70-х годов прошлого века, и даже в текстах песен часто встречается возвратная форма смыслового глагола. Приведём некоторые примеры:

– la mamma la lasciava **bagnarsi** (обратим внимание, что глагол *bagnarsi* больше не употребляется в значении «купаться», он означает «промокнуть», то есть эта фраза требует значительной трансформации: надо использовать выражение fare il bagno/ i bagni). В современном языке эта фраза трансформируется так:

la mamma **la** lasciava **bagnarsi** → la mamma **le** lasciava **fare i bagni** / мама разрешала ей купаться.

13. Вспомогательный глагол с модальными глаголами

По правилам стандартного итальянского языка, в сложных временах модальные глаголы спрягаются с *essere*, только если за ними следует непереходный глагол движения:

Sono dovuto partire;

Non **è** potuto venire.

Если же за модальным глаголом стоит возвратный глагол или глагол *essere*, модальные глаголы спрягаются с *avere*:

Ha dovuto **essere** forte;

Non **ha** potuto **alzarsi** in tempo.

Однако сейчас всё чаще слышим употребление вспомогательного глагола *essere* даже с сочетанием модальный глагол + *essere*:

Non immaginavo che sua figlia **sarebbe** potuto **essere** un problema per noi / я не думал, что его дочь может стать для нас проблемой;

Questi anni **sarebbero** potuti essere riconosciuti / эти годы, скорее всего, будут засчитаны.

Может быть, это влияние глагола *stare* или же просматривается тенденция расширения использования вспомогательного глагола *essere* с модальными глаголами в сложных временах. Хочется провести аналогию с глаголами *cominciare* / *finire*, о которых шла речь в пункте 3.

14. Безличная форма глагола

14.1 Безличная форма в сложных временах

В классических грамматиках и текстах, написанных до 60-х годов прошлого века, безличные глаголы в сложных временах имели вспомогательный глагол *essere* в **единственном** числе, даже если этот глагол имел дополнение во **множественном** числе:

Si **è** letti i giornali.

В современном итальянском языке в подобных случаях вспомогательный глагол *essere* стоит во множественном числе, что соответствует *si passivante*. Можно констатировать, что *si passivante* «встроился» в безличную форму. В грамматике К. Катеринова [19] этот вариант признаётся единственно возможным:

Si **sono** letti i giornali.

14.2 Место местоимений и частиц относительно смыслового глагола

В безличной форме наблюдается та же тенденция вынесения частиц и местоимений в препозицию к безличному глаголу, при этом смысловой глагол не может иметь в постпозиции никакого местоимения или частицы:

– **si** può amarsi anche poveri → **ci si** può amare anche poveri (к сожалению, это слова песни 70-х годов группы Ricchi e Poveri, где невозможно исправить текст);

Si può farlo → **lo si** può fare.

Просматривается аналогия с конструкцией *far/ lasciar fare*, о которой шла речь в пункте 12.

15. Согласование *Participio passato* с местоимениями **mi, ti, ci, vi**

Согласно классическим грамматикам, **любое** местоимение винительного падежа в сложных временах должно согласовываться с *Participio passato*. Упражнения на эту тему ещё даются в классических учебниках, например, Л.И. Грейзбард [18]. Но в настоящее время норма языка изменилась: согласуются только местоимения *lo, la, li, le, ne partitivo*, а согласование местоимений **mi, ti, ci, vi** стало факультативным и необязательным. Нам посчастливилось услышать комментарии на эту тему бывшего Президента Академии Круска Франческо Сабатини (Francesco Sabatini). Он авторитетно заявил, что согласование местоимений **mi, ti, ci, vi** является факультативным и устаревшим. Студентам должны быть даны разъяснения по этому изменению нормы.

16. Сослагательное наклонение (конъюнктив) и Гипотетический период

Претерпевает изменение и самое сложное наклонение итальянского языка – Конъюнктив. Итальянские лингвисты, да и итальянское общество в целом, обеспокоены якобы постепенным «исчезновением» этого наклонения из итальянского языка [32]. Но многолетние целенаправленные наблюдения за употреблением Конъюнктива (например, [15]) позволяют нам сделать вывод, что он не исчезает, а «переформатируется». Как считает Академия Круска, ранее итальянцы употребляли это наклонение «выученно», по правилам, теперь же они глубже его осознали, прочувствовали и стали использовать спонтанно, что и приводит к изменению узуса. Неосознанность – отличительное свойство речи носителей языка [29].

Ошибки в Конъюнктиве можно разделить на две группы: ошибки в **форме** Конъюнктива и ошибки в его **употреблении** или неупотреблении.

16.1 Относительно ошибок в **форме** отметим, что кроме знаменитой и ставшей привычной шуткой формы «*venghino*» (глагол *venire* должен иметь форму *vengano*), уже несколько раз было замечено употребление окончания «**-ino**» вместо «**-ano**» в формах 3-го лица множественного числа глаголов 2-го, 3-го спряжения и неправильных глаголов: «*arrichischino/ scrivino/ interrompino*».

Подобную ошибку совершил даже бывший премьер-министр Италии Джузеппе Конте [34]. Примечательно, что итальянская пресса обвинила его в популизме:

«Non capisco perché i giornali **scrivino** queste cose» – e la gaffe è servita... All'italiano medio, si sa, l'uso del congiuntivo non è mai piaciuto. L'errore di Conte potrebbe quasi sembrare un gesto populista. – «Не понимаю, почему газеты об этом пишут» – оговорка пошла ему на пользу. Простому итальянцу, как известно, конъюнктив никогда не нравился. Ошибку Конте вполне можно было бы счесть популистским жестом [34].

Такая ошибка, конечно, недопустима, но наводит на мысль о некоей тенденции.

Среди отклонений от нормы в **употреблении** зарегистрировано:

16.2 Ширится употребление Сослагательного наклонения после выражений **уверенности**: *è ovvio, è evidente, confermare, affermare*. Позволим себе предположить, что подобные высказывания тоже ощущаются итальянцами как выражение **мнения**, которое требует Конъюнктива:

*E' ovvio che queste misure **agiscano** contro il Governo* / вполне очевидно, что подобные меры играют против правительства.

Конъюнктив стал стабильно употребляться после словосочетания *essere convinto*. Более того, когда бывший министр иностранных дел Луиджи ди Майо не использовал его после этого словосочетания, его упрекнули в неграмотности [30]:

«Io sono **convinto** che il voto del 4 marzo parlerà molto chiaro e che il governo del MoVimento 5 Stelle è l'unico possibile per non far ripiombare il Paese nel caos». Ancora una volta, un **è** in luogo

del corretto **sia**. / «Я **убеждён**, что результаты голосования 4 марта будут вполне убедительными и что Правительство Движения 5 звёзд – это единственное правительство, которое не даст стране погрузиться в хаос». В очередной раз он не употребил конъюнктив [34].

16.3 Что касается выражения «**essere sicuro**», то ситуация такова: если человек говорит о **себе**, он в основном использует Индикатив: это и понятно, иначе он бы не употребил выражение уверенности. Но если говорящий передаёт **чужое мнение**, то он может использовать Конъюнктив, если он с этим мнением не согласен или знает, что оно ошибочно: «**он** уверен, но **я** знаю, что он ошибается». Но говоря о прошедшем событии, человек может использовать Конъюнктив и относительно себя, чтобы показать, что **ранее** он был уверен в своей правоте, но **теперь** понимает, что ошибался:

Ero **sicuro** che l'avessi fatto tu / я был уверен, что ты сам это сделал.

16.4 Самое заметное колебание нормы касается **Гипотетического Периода** Periodo Ipotetico. В главном предложении в нём должен употребляться **Кондиционал**, а в придаточном **Конъюнктив**. Но неоднократно мы слышим использование **Кондиционала** в **обеих** частях периода. Ошибка стала такой распространённой, что в 2018 году певец Лоренцо Бальони написал об этом песню, с которой выступил на фестивале песни в Сан Ремо.³

Se **starei** con te **sarei** felice вместо se **stessi** con te **sarei** felice / если бы я был с тобой, я был бы счастлив.

16.5 В **косвенном** вопросе Конъюнктив теперь используется, только если во фразе есть какое-либо эмоциональное наполнение, если же это просто запрос информации, отдаётся предпочтение Индикативу.

16.6 Стабильно не употребляется Сослагательное наклонение после модального глагола volere в ситуации **предложения услуги**. Обращает на себя внимание, что требуется другой перевод и используется другой интонационный рисунок:

Vuoi che ti **porto** a casa? / Хочешь↑, **отвезу** тебя домой↓?

Vuoi che io ti **porti** a casa? / Ты хочешь↓, **чтобы я отвёз** тебя домой↑?

16.7 Даже образованные люди совершают ошибки, **игнорируя** конъюнктив не только в спонтанной, но и в письменной речи. Бывший вице-премьер и министр иностранных дел Луиджи Ди Майо:

«Io sottoscritto – si legge nel documento ambiziosamente intitolato Impegno politico per dare un governo all'Italia – mi impegno a far votare [...] una legge che **dimezza** le indennità dei parlamentari e **introduce** la rendicontazione puntuale dei rimborsi spesa.» Con due indicativi là dove invece la lingua italiana richiederebbe due congiuntivi, **dimezzi** e **riduca**. / «Я, нижеподписавшийся», – читаем мы в документе с амбициозным названием «Политическая программа по созданию Правительства Италии», – «обязуюсь вынести на голосование закон, сокращающий вдвое зарплату депутатов и вводящий регулярный отчёт по расходам». Он употребил два Индикатива там, где итальянский язык требует Конъюнктив» [33].

Сослагательное наклонение – интересная тема, требуется постоянный мониторинг спонтанной речи.

II. Лексический блок

1. Англицизмы

Итальянский язык испытывает давление со стороны английского языка. Это связано и с исторически обусловленным влиянием США на Италию и с общей тенденцией глобализации языков, где английский язык выступает как «лингва франка», то есть язык межнационального общения в глобальном масштабе.

³ Эта песня стала настолько популярной и полезной с точки зрения грамматики итальянского языка, что она рекомендована для изучения в итальянских школах.

Было бы затруднительно перечислить английские вокабулы, употребляющиеся в итальянском языке: их слишком много. Однако процесс заимствования тормозится тем фактом, что итальянцам сложно прочесть и произнести многие английские слова. Тем не менее, отметим, что некоторые итальянские вокабулы приобрели дополнительное значение, заимствованное из английского языка:

- глагол **realizzare** означает «осуществлять», но под влиянием английского глагола *realize* он приобрёл и значение «понимать, осознавать». Словари признают этот факт, но в речи этот глагол в этом значении употребляется ещё не часто;

- то же можно сказать и о глаголе **spendere**, который созвучен английскому глаголу *to spend*. Но итальянский глагол, в отличие от английского, используется в основном в сочетании со словом «деньги». Словари признают, что может быть и расширительное значение этого глагола, хотя в речи в значении «тратить/ проводить время» этот глагол употребляется довольно редко. Сейчас наблюдается расширение сферы употребления глагола *spendere* по аналогии с английским;

- глагол **supportare** и существительное **supporto** употребляются в основном в техническом инженерном значении «опора, стойка», но под влиянием английского языка и глагола *to support* он приобрёл расширительное значение «поддерживать», как *appoggiare/ appoggio* или *sostenere/ sostegno*. Проблема в том, что этот глагол часто путают с глаголом *sopportare*, который имеет совершенно другое значение: «терпеть, переносить», аналогичное глаголу *tollerare*. Ошибка в употреблении этих двух глаголов может привести к грубому искажению смысла высказывания: «я его терплю» или «я его поддерживаю»;

- интересным англицизмом можно считать всё более распространяющуюся тенденцию называть **номер года** по английскому принципу: 20-20;

- поскольку в итальянском языке существительное «**сутки**» передаётся как «*ventiquattro ore*», а «круглосуточный» как «*ventiquattro ore su ventiquattro*», что очень тяжеловесно, стало употребляться английское выражение «h 24», в итальянском произношении «акка вентикваттро».

2. Суффикс «-oso»

Как уже упоминалось, в развитии итальянского языка была длительная пауза: период, когда он не развивался, а стоял на полках «переплетённый в книгах». Сыграла свою роль и Академия итальянского языка, которая с момента своего образования в 1583 году носит необычное название *Accademia della Crusca* / Академия шелухи, поскольку она видела свою задачу в сохранении «чистоты» итальянского языка, то есть очищения его от всякой «шелухи» – всего нового, не соответствующего классическому языку. Итак, в итальянском языке практически прекратилось словообразование, не появлялись новые вокабулы, более того, язык вместо синтетических форм (через суффиксы) стал предпочитать аналитические (через предлоги). Но в последние годы замечается появление новых синтетических форм, например, прилагательных с суффиксом «-oso». Показательна в этом смысле история с прилагательным «*petaloso*». Ученик третьего класса Маттео Маркези в сочинении употребил это прилагательное при описании цветка: «имеющий много лепестков». Такого прилагательного в итальянском языке не было. Его учительница написала в Академию Круска, спрашивая их мнение по этому поводу. Президент Академии Клаудио Марраццини одобрил эту вокабулу, более того, прилагательное было включено в новое издание Словаря итальянского языка, о чём было объявлено по телевидению [31].

Зарегистрированы и другие прилагательные с суффиксом «-oso», прежде крайне редко или никогда не употреблявшиеся в итальянском языке, даже если были упомянуты в словарях:

speranzoso – полный надежд;

stiloso – стильный;

talentuoso – талантливый;

ventoso – ветреный;

difficoltoso – трудный (хотя есть прилагательное *difficile*).

3. Существительное «**caffè**» прежде употреблялось и как название напитка, и, аналогично русскому языку, как «небольшой ресторан, кафе». Сейчас же «*caffè*» используется в основном как напиток, хотя можно увидеть и название заведения, написанное по-французски «*café*».

4. Ранее в итальянском языке частицы «*ci*» и «*vi*» были синонимичны и взаимозаменяемы. Был даже глагол «*esservi*» и формы «*v'è*» и «*vi sono*». Сейчас же эти формы, особенно «*v'è*», стали устаревшими, хотя глагол «*vi sono*» ещё иногда встречается в высоком регистре языка.

5. Говоря о новых тенденциях вокабуляра, нельзя не упомянуть о «**политкорректности**»: так, «*handicappato/ portatore di handicap*» и «*disabile*» превратились в «*diversamente abile*»; про здорового человека скажут «*normodotato*»; появилось даже выражение «*diversamente intelligente*» про людей с проблемами в умственной или психической сфере.

6. Проблемой последних лет стал поиск **фиминитивов** – существительных женского рода для профессий, где ранее женщин не было. Язык экспериментирует с «*deputata, delegata, ministra, sara*» с переменным успехом. Процесс идёт с заметным трудом, следует «мониторить» узус.

Discussion (Обсуждение)

Будет интересно продолжить наблюдения за развитием языка. Необходимо отметить, что сами носители языка зачастую не замечают подобных изменений, поскольку их речь спонтанна, основана на языковой интуиции, а не на знании конкретных правил. Несомненно, филологи, профессионально следящие за языковыми тенденциями в родном языке, отмечают колебания узуса. Но зачастую именно взгляд извне более остро отмечает отклонения от нормы.

Итак, в статье проанализированы зарегистрированные случаи колебания языковой нормы в итальянском языке и даны некоторые практические советы и методические рекомендации по подаче материала студентам и по использованию или неиспользованию подобных вариантов в языковой практике преподавателей и студентов. Предприняты попытки предложить объяснение причин и общей направленности языковых изменений. Собранные материалы могут стать основой для дальнейших наблюдений за динамикой развития итальянского языка.

© Т.Р. Титова, 2025

Список литературы

1. Алигьери Данте Малые произведения. Подг. И.Н. Голенищев-Кутузов. М.: Наука, 1968. С. 270–287.
2. Алисова Т.Б. Итальянский язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментариями и словарем. / Т.Б. Алисова, Т.З. Черданцева Изд-во Моск. Ун-та, 1962. 207с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2005. 576с.
4. Балли Ш. Язык и жизнь: Пер. с фр./ Вступ. статья В.Г. Гака. М.: Едиториал УРСС, 2003. 232с. (Женевская лингвистическая школа.)
5. Буэно Т. Проблема нормирования и стандартизации языка в итальянской лингвистике. Дисс... канд. филол.н., М. 2003.
6. Виноградов В.В. Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития. М.: 1967. 134с.
7. Ицкович В.А. Норма и её кодификация // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С.9–39.
8. Касаткин А.А. Очерки истории литературного итальянского языка (XVIII-XXвв.). Л., 1976. 202с.
9. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). 2-е изд., стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2001. 204с.
10. Крысин Л.П. Современная литературная норма и её кодификация //Русский язык в школе. 2002. №2. С.82–87.
11. Мильорини Б. Итальянская грамматика, СПб.: Каро, 2002. 304 с.
12. Петрова Л.А. Практическая грамматика итальянского языка: Учеб. Для ун-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш.шк., 2001. С. 204–217.
13. Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. М.: ООО «Издательский дом «Оникс 21век»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2003. 623 с.
14. Семенюк Н.Н. Норма языковая //Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 337–338.
15. Скворцов Л.И. Норма языковая // Русский язык. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 163–165.
16. Солнцев В.М. Вариантность //Русский язык. Энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 60–61.
17. Титова Т.Р. Итальянский конъюнктив: от латыни до наших дней : монография / Т.Р. Титова. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) МИД России. МГИМО-Университет, 2019. 150с.
18. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Изд.2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432с.

19. Agostiniani, Luciano. La lingua tra norma e scelta, [The language between norm and choice] / Agostiniani, Luciano –Damico Boggio, Orestina – Guardigli, Pierluciano – Poggi Salani Teresa – Schiannini Donata Padova, Liviana Editrice, 1983, P.1–167.
20. Beccaria, Gian Luigi. Il mare in un imbuto. Dove va la lingua italiana, [The sea in a funnel. Where does the Italian language go], 2010. Torino, Einaudi.
21. Bozzone Costa Rosella. Viaggio nell'italiano (corso di lingua e cultura italiana per stranieri), [Travel in Italian (Italian language and culture course for foreigners)] , sec. ed., Torino: Loescher, 2004. P. 493–496.
22. Coletti, Vittorio (2021), Nuova grammatica dell'italiano adulto, [New grammar of adult Italian Bologna], il Mulino, 365p.
23. De Mauro, Tullio. Storia linguistica dell'Italia unita, [Linguistic history of United Italy], 1970. P.170.
24. Greisbard, Lidia. Corso superiore di grammatica, [Higher course of grammar] , Mosca, 2000. 320 p.
25. Katerinov, Katerin. La lingua italiana per stranieri. Corso superiore, [The Italian language for foreigners. Upper course], 3-a ed. 1976, 2000, Edizioni Guerra – Perugia.
26. Lotti, Gianfranco. L'avventurosa storia della lingua italiana. Dal latino al telefonino. Edizione Tascabile Bompiani [The adventurous history of the Italian language. From Latin to mobile. Bompiani Pocket Edition], 2000. 256p.
27. Serianni, Luca. Gli Italiani e la propria lingua. Dove il si suona. Intervento di Luca Serianni all'omonima mostra: Firenze/Uffizi [Italians and their own language. Where the yes sounds. Intervention by Luca Serianni at the exhibition of the same name: Florence/Uffizi], 2003, 2p.
28. Serianni, Luca. La lingua italiana tra norma e uso, in Riflettere sulla lingua, a cura di C. Marellò & G. Mondelli, Firenze, La Nuova Italia, [The Italian language between norma and uso, in Reflecting on the Language, edited by C. Marellò & G. Mondelli, Florence, La Nuova Italia]. 1991. pp. 37–52.
29. Zanichelli, Dardano, Maurizio e Trifone, Pietro. Grammatica italiana con nozioni di linguistica. Terza edizione. [Italian grammar with notions of linguistics. 3d ed.], Bologna, 1996. 789 p.
30. Contenuti/ riflessioni du alcune paticolare dell'italiano di oggi <https://www.accademiadellacrusca.it/it/contenuti/riflessioni-su-alcune-particolarita-dellitaliano-di-oggi-il-cambiamento-non-investe-solo-la-lingua-ma/36490> (Дата обращения 10 сентября 2024).
31. https://www.corriere.it/scuola/16_febbraio_24/ferrara-copparo-piccolo-matteo-inventa-parola-petaloso-accademia-crusca-risponde-7296e148-dac9-11e5-956c-6f7e55711737.shtml (Дата обращения 23 декабря 2024).
32. https://www.corriere.it/cultura/16_dicembre_11/francesco-sabatini-linguistica-filologo-libro-mondadori-accademia-crusca-congiuntivo-17dc905c-bfbd-11e6-ab31-2a5a06e0ce0a.shtml (Дата обращения 5 марта 2025).
33. <https://www.ilgiornale.it/news/politica/maio-congiuntivo-infinito-ne-sbaglia-tre-volta-sola-1495267.html> 16 Febbraio 2018 - 16:52 (Дата обращения 5 марта 2025).
34. <https://www.giornalettismo.com/congiuntivo-giuseppe-conte-video/> (Дата обращения 5 марта 2025).
35. Italiano standard la norma linguistica <https://www.slideshare.net/slideshow/litaliano-standard-la-norma-linguistica/7447583> (Дата обращения 30 мая 2024).
36. Lingua italiana così evolve sui social network <https://www.agendadigitale.eu/cultura-digitale/lingua-italiana-cos-evolve-sui-social-network/> (Дата обращения 20 июня 2024).
37. Lingua italiana, come e perché sta cambiando <https://www.buonenotizie.it/cultura-e-tempo-libero/2021/06/04/lingua-italiana-come-e-perche-sta-cambiando/greggio/> (Дата обращения 20 ноября 2024).
38. Lingua italiana speciali https://www.treccani.it/magazine/lingua_italiana/speciali/Schwa/3_De_Santis.html (Дата обращения 21 сентября 2024).
39. Trasformazioni sociali e cambiamenti nella lingua <https://www.viv-it.org/storia-linguistica-italia/trasformazioni-sociali-e-cambiamenti-nella-lingua> (Дата обращения 20 декабря 2024).
40. Variazione linguistica [https://www.treccani.it/enciclopedia/variazione-linguistica_\(Enciclopedia-dell%27Italiano\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/variazione-linguistica_(Enciclopedia-dell%27Italiano)/) (Дата обращения 3 января 2025).

References

1. Alig'eri, Dante. *Malye proizvedeniia*. [Small works]. Podg. I.N. Golenishchev-Kutuzov. M.: Nauka, 1968. SS.270–287.
2. Alisova, T.B., Cherdantseva, T.Z. *Ital'ianskij iazyk. Grammaticheskij ocherk, literaturnye teksty s kommentariami i slovarem*. [The Italian language. Grammatical essay, literary texts with comments and dictionary]. Izd-vo Moskva. Un-ta, 1962, 207s.
3. Akhmanova, O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. [Dictionary of linguistic terms]. Izd. 3-e, stereotipnoe. M.: KomKniga, 2005. 576s.
4. Balli, Sharl'. *Iazyk i zhizn'* [Language and life]: Per. s fr./ Vstup. stat'ia V.G. Gaka. M.: Editorial URSS, 2003. 232s. (Zhenevskaja lingvisticheskaja shkola.)
5. Buono, Tommaso. *Problema normirovaniia i standartizatsii iazyka v ital'ianskoj lingvistike* [The problem of normalization and standardization of language in Italian linguistics]. Diss... kand. filol.n., M., 2003.
6. Vinogradov, V.V. *Problemy literaturnykh iazykov i zakonornosti ikh obrazovaniia i razvitiia*. [Problems of literary languages and patterns of their formation and development]. M.: 1967. 134s.
7. Itskovich, V.A. Norma i ee kodifikatsiia. [The norm and its codification]. *Aktual'nye problemy kul'tury rechi*. M., 1970. S. 9–39.
8. Kasatkin, A.A. *Ocherki istorii literaturnogo ital'ianskogo iazyka (XVIII-XX vv.)*. [Essays on the history of the literary Italian language]. L., 1976. 202s.
9. Koseriu, Euhenio. *Sinkhroniia, diakhroniia i istoriia (problema iazykovogo izmeneniia)*. [Synchrony, diachrony, and history (the problem of language change)]. 2-e izd., stereotipnoe. M.: Editorial URSS, 2001. 204s.
10. Krysin, L.P. *Sovremennaja literaturnaja norma i ee kodifikatsiia*. [The modern literary norm and its codification]. *Russkij iazyk v shkole*. 2002. №2. S.82–87.

11. Milorini Bruno. *Ital'ianskaia grammatika* [Italian grammar]. SPb.: Karo, 2002, 304s.
12. Petrova, L.A. *Prakticheskaia grammatika ital'ianskogo iazyka*. [Practical grammar of the Italian language]. Ucheb. dlya un-tov i fak. inostr. yaz. M.: Vyssh.shk., 2001. S. 204–217.
13. Rozental', D.E. *Spravochnik po russkomu iazyku. Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Handbook of the Russian language. Dictionary of linguistic terms]/ D.E.Rozental', M.A. Telenkova. M.: ООО «Izdatel'skij dom «Oniks 21vek»: ООО «Izdatel'stvo «Mir i obrazovanie», 2003. 623s.
14. Semenyuk, N.N. Norma iazykovaia. *Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar'*. [The language norm *Linguistic Encyclopedic Dictionary*]. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1990. S.337–338.
15. Skvortsov, L.I. Norma iazykovaia. *Russkij iazyk. Entsiklopediia* [Linguistic norm. *Russian language. Encyclopedia*. Moscow: Soviet Encyclopedia]. M.: Sovetskaia entsiklopediia, 1979. S. 163–165.
16. Solntsev, V.M. Variantnost' [Variation]. *Russkij iazyk. Entsiklopediia*. M.: Bol'shaia rossijskaia enciklopediia, 1998. S.60–61.
17. Titova, T.R. *Ital'ianskij kon'iunktiv: ot latyni do nashikh dnei* [Italian Conjunctiva: from Latin to the present day]: monografiia / T.R. Titova. Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnoshenij (Un-t) MID Rossii. MGIMO-Universitet, 2019. 150s.
18. Shcherba, L.V. *Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'*. [Language system and speech activity]. Izd.2-e, stereotipnoe. M.: Editorial URSS, 2004. 432s.
19. Agostiniani, Luciano – Damico Boggio, Orestina – Guardigli, Pierluciano – Poggi Salani Teresa – Schiannini Donata. *La lingua tra norma e scelta*, [The language between norm and choice]. Padova, Liviana Editrice, 1983, P.1–167.
20. Beccaria, Gian Luigi, *Il mare in un imbuto. Dove va la lingua italiana*, [The sea in a funnel. Where does the Italian language go], 2010. Torino, Einaudi.
21. Bozzone Costa Rosella. *Viaggio nell'italiano (corso di lingua e cultura italiana per stranieri)*, [Travel in Italian (Italian language and culture course for foreigners)], seconda edizione, Torino, Loescher, 2004. P. 493–496.
22. Coletti, Vittorio. *Nuova grammatica dell'italiano adulto*, [New grammar of adult Italian, Bologna], il Mulino, 2021. 365p.
23. De Mauro, Tullio. *Storia linguistica dell'Italia unita*, [Linguistic history of United Italy], 1970, p.170.
24. Greisbard, Lidia. *Corso superiore di grammatica*, [Higher course of grammar], Mosca, 2000, 320 p.
25. Katerinov, Katerin. *La lingua italiana per stranieri. Corso superiore*, [The Italian language for foreigners. Upper course], 3-a edizione del 1976, 2000, Edizioni Guerra – Perugia,
26. Lotti, Gianfranco. *L'avventurosa storia della lingua italiana. Dal latino al telefonino*. Edizione Tascabile Bompiani [The adventurous history of the Italian language. From Latin to mobile. Bompiani Pocket Edition], 2000. 256p.
27. Serianni, Luca. *Gli Italiani e la propria lingua. Dove si suona*. Intervento di Luca Serianni all'omonima mostra: Firenze/Uffizi [Italians and their own language. Where the yes sounds. Intervention by Luca Serianni at the exhibition of the same name: Florence/Uffizi], 2003, 2p.
28. Serianni, Luca. *La lingua italiana tra norma e uso*, in *Riflettere sulla lingua*, a cura di C. Marellò & G. Mondelli, Firenze, La Nuova Italia [The Italian language between norm and use, in *Reflecting on the Language*, edited by C. Marellò & G. Mondelli, Florence, La Nuova Italia], 1991. pp. 37–52.
29. Zanichelli, Dardano, Maurizio e Trifone, Pietro. *Grammatica italiana con nozioni di linguistica*. Terza edizione. [Italian grammar with notions of linguistics. Third edition], Bologna, 1996. 789p.
30. Contenuti/ riflessioni su alcune particolari dell'italiano di oggi <https://www.accademiadellacrusca.it/it/contenuti/riflessioni-su-alcune-particolarita-dellitaliano-di-oggi-il-cambiamento-non-investe-solo-la-lingua-ma/36490> (Дата обращения 10 сентября 2024)
31. https://www.corriere.it/scuola/16_febbraio_24/ferrara-copparo-piccolo-matteo-inventa-parola-petaloso-accademia-crusca-risponde-7296e148-dac9-11e5-956c-6f7e55711737.shtml (Дата обращения 23 декабря 2024)
32. https://www.corriere.it/cultura/16_dicembre_11/francesco-sabatini-linguistica-filologo-libro-mondadori-accademia-crusca-congiuntivo-17dc905c-bbfd-11e6-ab31-2a5a06e0ce0a.shtml (Дата обращения 5 марта 2025)
33. https://www.il_giornale.it/news/politica/maio-congiuntivo-infinito-ne-sbaglia-tre-volta-sola-1495267.html 16 Febbraio 2018 - 16:52 (Дата обращения 5 марта 2025)
34. <https://www.giornalettismo.com/congiuntivo-giuseppe-conte-video/> (Дата обращения 5 марта 2025)
35. *Italiano standard la norma linguistica* <https://www.slideshare.net/slideshow/litaliano-standard-la-norma-linguistica/7447583> (Дата обращения 30 мая 2024)
36. *Lingua italiana così evolve sui social network* <https://www.agendadigitale.eu/cultura-digitale/lingua-italiana-cos-evolve-sui-social-network/> (Дата обращения 20 июня 2024)
37. *Lingua italiana, come e perché sta cambiando* <https://www.buonenotizie.it/cultura-e-tempo-libero/2021/06/04/lingua-italiana-come-e-perche-sta-cambiando/greggio/> (Дата обращения 20 ноября 2024)
38. *Lingua italiana speciali* https://www.treccani.it/magazine/lingua_italiana/speciali/Schwa/3_De_Santis.html (Дата обращения 21 сентября 2024)
39. *Trasformazioni sociali e cambiamenti nella lingua* <https://www.viv-it.org/storia-linguistica-italia/trasformazioni-sociali-e-cambiamenti-nella-lingua> (Дата обращения 20 декабря 2024)
40. *Variazione linguistica* [https://www.treccani.it/enciclopedia/variazione-linguistica_\(Enciclopedia-dell%27Italiano\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/variazione-linguistica_(Enciclopedia-dell%27Italiano)/) (Дата обращения 3 января 2025)

Сведения об авторе:

Татьяна Романовна Титова – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: итальянский язык, норма и узус, лингвокультурология, лингвострановедение.

E-mail: t.titova@my.mgimo.ru

ORCID 0009-0004-9482-0807

About the author:

Tatiana R. Titova, PhD (Philology), is Associate Professor of Roman Languages Department, MGIMO University, Moscow, Russia. Spheres of research and professional interest: Italian grammar, norm and usage, Italian language; linguistic norm; history of the Italian language; intercultural communication cultural linguistic, country study.

E-mail: t.titova@my.mgimo.ru

ORCID 0009-0004-9482-0807

* * *

Image of a Cog: Preliminary Analysis of the Mechanism Metaphor Through the Conceptual Integration Theory

Marat D. Urazaev

Ufa University of Science of Technology,
32, Zaki Validi str., Ufa, 450076, Russia

Abstract. This study explores the metaphor of the mechanism, focusing particularly on its subordinate sub-metaphor of the cog and examining how this image conceptualizes roles and functions within complex systems. While earlier research has primarily applied Conceptual Metaphor Theory, this paper introduces a combined approach that integrates Conceptual Metaphor Theory with Conceptual Integration Theory to reveal emergent meanings that cannot be explained by direct source–target mappings. This approach provides a more dynamic model of how mechanical and abstract input spaces interact to generate blended metaphorical structures.

The empirical basis consists of corpus data drawn from the Corpus of Contemporary American English and the Russian National Corpus, including twenty representative examples from diverse discourses. The analysis shows that the superordinate metaphor “a system is a mechanism” is pervasive in both languages, while the subordinate metaphor “an individual is a cog” dominates across institutional, political, and cultural contexts. However, evaluation patterns diverge: English examples often frame cogs as cooperative or indispensable elements contributing to systemic efficiency, whereas Russian discourse frequently foregrounds depersonalization, ideological control, and functional replaceability.

The findings demonstrate the adaptability of mechanistic metaphors and confirm the explanatory potential of Conceptual Integration Theory for identifying emergent meanings. These meanings – such as the loss of individuality, functional determinism, and even pride in indispensability could not be fully analyzed by simple domain mapping as proposed by Conceptual Metaphor theory alone. The results contribute to cognitive linguistics, metaphor theory, and discourse studies, offering insights into how mechanical imagery shapes conceptualizations of agency, hierarchy, and systemic order in abstract frameworks.

Keywords: mechanism metaphor, conceptual integration theory, conceptual metaphor, cog metaphor, conceptual blending, cross-domain mapping, corpus-based analysis

For citation: Urazaev M.D. (2025). Image of a Cog: Preliminary Analysis of the Mechanism Metaphor Through the Conceptual Integration Theory, *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(4), pp. 94–106. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-94-106>

Образ винтика: предварительный анализ метафоры механизма через призму теории концептуальной интеграции

М.Д. Уразаев

Уфимский университет науки и технологий,
450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди д. 32

Аннотация. В данном исследовании рассматривается метафора механизма с особым вниманием к её субординатной форме – винтику и анализируется, как этот образ концептуализирует роли и функции в рамках сложных абстрактных систем. В то время как предыдущие исследования в основном опирались на теорию концептуальной метафоры, настоящая работа предлагает комбинированный подход, объединяющий теорию концептуальной метафоры и теорию концептуальной интеграции, что позволяет выявлять новые смысловые структуры, не объяснимые прямыми метафорическими проекциями между областью-источником и областью-целью. Такой подход обеспечивает более динамичную модель взаимодействия механических и абстрактных ментальных пространств при порождении интегрированных метафорических структур.

Эмпирическая база исследования основана на корпусных данных из Corpus of Contemporary American English и Национального корпуса русского языка, включая двадцать репрезентативных примеров из различных дискурсов. Анализ показывает, что суперординатная метафора «система – это механизм» широко распространена в обоих языках, тогда как субординатная метафора «человек – это винтик» преобладает в примерах, описывающих институциональные, политические и культурные системы. Однако различается коннотативная оценка: в английских примерах винтики часто концептуализируются как кооперативные или незаменимые элементы, способствующие эффективности системы, тогда как в русском дискурсе метафора нередко акцентирует обезличивание, идеологический контроль и функциональную заменимость.

Результаты анализа указывают на адаптивность механических метафор и подтверждают потенциал теории концептуальной интеграции для выявления новых смысловых структур. Порождение таких структур, как утрата индивидуальности, функциональная предопределённость и даже незаменимость как предмет гордости, невозможно объяснить только простыми метафорическими проекциями в рамках теории концептуальной метафоры. Полученные результаты вносят вклад в когнитивную лингвистику, теорию метафоры и исследование дискурса, показывая, как механические образы формируют концептуализацию ролей, иерархий и системных отношений в абстрактных структурах.

Ключевые слова: метафора механизма, теория концептуальной интеграции, концептуальная метафора, метафора винтика, концептуальное смешение, межпонятийная проекция, корпусный анализ

Для цитирования: Уразаев М.Д. (2025). Образ винтика: предварительный анализ метафоры механизма через призму теории концептуальной интеграции. *Филологические науки в МГИМО*. 11(4), С. 94–106. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-94-106>

Introduction

The need to systematize knowledge has always been an inherent part of human nature. It can be described from several perspectives: evolutionary, cognitive, cultural, and, of course, linguistic. The ability to generate thought patterns through interaction with the world and to categorize them according to a given system is a core feature of *Homo sapiens* cognition [25]. This ability is closely related to logic, “as it involves the maturation and refinement of mental processes such as perception, memory, problem-solving, and reasoning – fundamental components of logical thinking” [24, p. 236]. Logic, in turn, is deeply connected to the development of human civilization, the formation of governments, and scientific advancements, including the invention of machinery.

Since the Industrial Revolution, mechanisms have become an inseparable part of human life – at least in many advanced countries [19]. Unsurprisingly, this phenomenon has found its way into the vocabularies of numerous languages. The metaphor of mechanism, for instance, pervades a wide range of conceptual domains: biology (e.g., *defense mechanism*, *evolutionary mechanism*) [20], politics (e.g., *political mechanism*, *communist military machine*, *social engineering*) [12], [15], philosophy (e.g., *philosophy machine*, *philosophy of mechanisms*) [21], [23], linguistics (e.g., *grammar mechanics*, *mechanisms of language learning*), and others.

As V. Glebkin notes, the origins of mechanisms as physical artifacts can be traced to Antiquity, particularly to the creation of siege machines [9, p. 52]. Over time, a semantic shift occurred: the word expanded from its original sense of “a military instrument” to encompass “a device for useful work” and, later, more abstract meanings such as *schema*, *plan*, or *creation*. It is important to emphasize, however, that the mechanism metaphor itself did not exist in Antiquity; rather, semantically related terms were used primarily in literal or metonymic senses.

This situation changed fundamentally in the Middle Ages. Mechanistic metaphors, which were initially applied to physical bodies, began to extend to abstract domains [1]. As P. Baryshnikov observes, the metaphorical shift from body to mind developed in parallel with advances in engineering and, later, computer science, profoundly influencing epistemological models in cognitive science. Drawing on the concept of semantic transfer, he demonstrates how mechanistic metaphors not only serve as descriptive tools but also structure theoretical approaches to consciousness and cognition [2].

In later periods, this metaphorical framework became closely linked to scientific terminology. Through repeated use, the mechanism metaphor became deeply entrenched in scientific discourse and began to influence the direction of research itself [11, p. 375]. This is evident in disciplines such as psychology, where one may speak of an “evolutionary psychological mechanism” – a phrase that is literally incongruous, since psychological concepts do not evolve in a biological sense, and, of course, they aren’t mechanical things. However, such usage represents “what is at best a tenuous comparison between the characteristics and operations of two fundamentally distinct ontological realms” [8, p. 53]. Nevertheless, the metaphor remains one of the most effective tools available for describing complex and abstract psychological constructs [17], [18], [23].

A.-S. Barwich and M. J. Rodriguez’s research shows how the mechanistic metaphor has become firmly embedded in biological discourse, particularly in molecular biology and neuroscience. Its lineage can be traced from Enlightenment mechanistic philosophy through 20th-century cybernetics, and the authors show how terms such as *molecular machinery*, *genetic code*, and *cellular factory* frame biological systems as engineered mechanisms [3], [22].

The phenomenon described above aligns with Conceptual Metaphor Theory (CMT), which posits that abstract concepts are understood and structured through mappings onto typically more concrete domains in both language and thought [14]. Metaphor, quintessentially, reflects the idea “that to better understand or know something, it helps to look at that something in consideration with something else” [6, p. 181]. For instance, the conceptual metaphor THEORIES ARE BUILDINGS is reflected in expressions such as *the foundation of the theory*, *to buttress the theory*, *the framework of the theory*, and *to demolish a*

theory [13, p. 61]. In these examples, people conceptualize complex scientific knowledge through the concrete domain of construction, because the latter (the source domain) is more tangible and experientially grounded than the former (the target domain) [Ibid., p. 19].

This is why the metaphor of mechanism serves as a powerful tool for structuring abstract domains. It allows speakers to grasp complex, intangible systems – such as the human mind, society, language or nature – through the more concrete and familiar framework of machines. Moreover, the mechanism metaphor enables the conceptualization of the components within these abstract systems as specific parts of a machine [4].

However, it should be noted that the mappings involved in conceptual metaphor are often only partial, and this partiality can result in the emergence of new meanings that are not found in either domain alone [16]. For example, the metaphorical expression *THIS SURGEON IS A BUTCHER* generates the emergent meaning of an incompetent or violent surgeon [10]. Yet it is important to recognize that a typical butcher (the source domain) is neither incompetent nor violent; in fact, butchery is an elaborate craft requiring years of training and practice. So, what is being mapped in this metaphor that makes it so striking?

According to Conceptual Integration Theory (CIT), developed by G. Fauconnier and M. Turner, new metaphorical meanings emerge through the interaction of input spaces (i.e., source and target domains), which are selectively projected into a blended space, giving rise to emergent structure that is not directly present in either input [7].

Let us examine this example in more detail. The surgeon input space (target domain) includes precise incisions, use of scalpels, anesthesia, living patients, healing, and a controlled, sterile environment. The butcher input space (source domain) includes rough cutting, use of cleavers, slaughter of animals, dead meat, and a messy, unclean environment. These two spaces are partially projected into a generic space containing shared structure: a person who cuts bodies, the use of tools (scalpel/cleaver), anatomical knowledge, and a purpose for cutting.

From this generic structure, a blended space emerges: a surgeon imagined as a butcher — someone who lacks care or precision and causes harm rather than healing. This emergent meaning does not exist in either domain independently but arises from the specific configuration of mappings and compressions in the blend [5].

A particularly salient example of the mechanism metaphor is the expression *a cog in a wheel* (Russ. *винтик*), which is often used to describe a person's role within a larger system, such as an organization, institution, or political structure. While the phrase draws from mechanical vocabulary, its metaphorical meaning goes far beyond its literal components. This metaphor can be fruitfully analyzed within the framework of Conceptual Integration Theory, where it functions as a double-scope blend, integrating elements from two distinct input spaces: mechanical systems and social systems.

This paper, therefore, addresses the relation between the superordinate metaphor of mechanism and the subordinate metaphor of cog, on the one hand, and the ambiguity of emergent meaning, on the other. The aim is to sketch an empirical picture of the mechanism metaphor across English and Russian, pointing the way to further research on the multivalence of this metaphor across languages and cultural contexts.

Methodology and Data

By combining the strengths of Conceptual Metaphor Theory (CMT) and Conceptual Integration Theory (CIT), this research adopts a mixed-methods approach to more effectively address the research questions. To systematize the analysis of conceptual metaphors within the framework of CIT, the study introduces a formalized metalanguage consisting of five core components: S-space (source-domain input space), T-space (target-domain input space), G-space (generic space), B-space (blended space), and Emergent Structure. This format mirrors the key stages of conceptual blending, enabling consistent and concise representation of metaphorical mappings and the novel meanings they generate.

For each analyzed metaphor, the S-space identifies salient features of the source domain, while the T-space outlines the corresponding elements of the target domain. The G-space captures their structural

similarities, forming a shared conceptual scaffold. These inputs are selectively projected into the B-space, where conceptual integration yields a new, hybrid structure. The Emergent Structure refers to the meaning that arises from the blend – one that is not fully present in either input space on its own. This metalanguage facilitates cross-linguistic comparison and helps trace the conceptual mechanisms underlying metaphor use in English and Russian.

The data for analysis were drawn from the two largest and most representative corpora available for each language. Out of a hundred ten most prominent English examples containing the lemma *cog* were extracted from the Corpus of Contemporary American English (COCA), and out of one hundred ten most prominent Russian examples containing the lemma *винтик* were taken from the Russian National Corpus (RNC). It is important to note that this study does not aim to identify statistical differences between the two languages, but rather to sketch a qualitative conceptual map of the metaphor of mechanism as it appears in both linguistic and cultural contexts.

The analytical procedure followed a four-step algorithm:

1. Excerption of relevant metaphorical expressions from the corpora;
2. Identification of the superordinate metaphor and its subordinate instantiation in each example;
3. Construction and description of the conceptual blend using the metalanguage;
4. Interpretation of the results in terms of emergent meaning and cross-linguistic conceptual patterns.

Results

Example (1) illustrates the metaphor A SPORT TEAM IS A MECHANISM with the subordinate metaphor A PLAYER IS A COG:

(1) ...the Sounders have some crucial players weakened by injury and *another important cog suspended*, and that the Sounders now have two straight losses to the Galaxy.¹

Blend structure: S-space [cogs are essential, interdependent parts of a machine] + T-space [players are essential, interdependent members of a team] → G-space [coordinated components in a system; the failure of one impairs the whole] → B-space [player = cog; team = machine; suspension = malfunction] → Emergent Structure [the team's failure is conceptualized as a mechanical breakdown involving loss of coordination and systemic inefficiency].

Fragment (2) reflects the superordinate metaphor THE POETRY WORLD IS A MACHINE, with the subordinate metaphor A POETRY STYLE IS A COG:

(2) It sounds as if Thomas's poetry, for Parker, has become something of *a rusty cog in the well-oiled contemporary-poetry machine*.²

Blend structure: S-space [well-oiled machine implies smooth operation, coordinated parts, and up-to-date components; rusty cog implies dysfunction and obsolescence] + T-space [the contemporary poetry scene functions with evolving norms; Thomas's poetry is viewed as outdated; Parker is a critic] → G-space [a system composed of interdependent parts whose efficiency depends on condition and compatibility] → B-space [contemporary poetry = well-oiled machine; Thomas's poetry = rusty cog; Parker's judgment = mechanical assessment of systemic fitness] → Emergent Structure [Thomas's poetry is construed as misaligned with the current literary paradigm; there is a demand for stylistic conformity and functional integration within the modern poetry].

Example (3) illustrates the superordinate metaphor A GOVERNMENT PROGRAM IS A MECHANISM with the subordinate metaphor A GOVERNMENT OFFICIAL IS A COG:

(3) She came to Diaz, *a key cog in Hennepin County's program* to help residents facing forfeiture.³

Blend structure: S-space [a key cog is an essential gear enabling coordinated function within a mechanism] + T-space [a government program is an institutional system; Diaz is a crucial operative within it] → G-space [a system composed of interdependent functional components; some parts are more central than

¹ COCA: 2012, BLOG, sounderatheart.com

² COCA: 2015, MAG, The Atlantic.

³ COCA: 2019, NEWS, Minneapolis Star Tribune.

others] → B-space [government program = mechanism; official = key cog within that system] → Emergent Structure [Diaz is conceptualized as a reliable and essential operative whose effectiveness is integral to the program's success; although important, he is not portrayed as a leader but as a vital part of a larger coordinated system].

Fragment (4) illustrates the superordinate metaphor A POLITICAL REGIME IS A MECHANISM and its subordinate metaphor AN INDIVIDUAL IS A COG:

(4) The novel is the story of Fan, a young woman from the Chinese labor colony of B-Mor, built on what used to be Baltimore. Fan begins the narrative *as a cog in the wheel of corporate imperialism, her life regulated and controlled by the powerful and controlled by the powerful Charters*.⁴

Blend structure: S-space [a cog is a small, regulated, and replaceable component of a larger mechanism] + T-space [a global socio-political system marked by control, labor hierarchy, and limited individual agency] → G-space [a minor agent enables the operation of a larger, impersonal system but lacks autonomy or significance] → B-space [Fan = replaceable cog; corporate imperialism = machine; Charters = operators] → Emergent Structure [Fan is dehumanized and conceptualized as a functional tool within an oppressive structure; her individuality is erased, and her role is predetermined by political elites].

Example (5) illustrates the metaphor POLITICAL DISCOURSE IS A MACHINE with the subordinate metaphor THE SPEAKER IS A COG:

(5) And I speak here from personal experience as a small, but *relatively well-placed cog in this whole process*. I've literally never seen anything like it in national security debates. Petraeus developed *a well-oiled machine* that was uniquely capable in driving the public debate, co-opting potential allies, and marginalizing those of us who tried to raise concerns.⁵

Blend structure: S-space [a cog is a small but strategically placed component in a highly efficient mechanism] + T-space [the speaker is a participant within the national security system; Petraeus is positioned as the architect of its discursive dominance] → G-space [a system composed of functionally coordinated components; some are more central than others; systemic efficiency can suppress alternative input] → B-space [the speaker = well-placed cog; national security discourse = well-oiled machine; Petraeus = engineer/inventor guiding its output] → Emergent Structure [the speaker is positioned as an informed yet powerless insider; public discourse is framed as an engineered, tightly controlled system rather than an open, democratic process].

Example (6), similarly to Example (4), illustrates the superordinate metaphor CORPORATE SYSTEM IS A MECHANISM with the subordinate metaphor AN INDIVIDUAL IS A COG:

(6) Better they should all just learn their place in life, and settle for being *a mindless cog in the corporate machinery* to make more money for people like Romney.⁶

Blend structure: S-space [a cog is a small, dependent part of a larger machine] + T-space [the corporation generates profit for elites; the worker has minimal power or autonomy] → G-space [a hierarchical system with dominant controllers and essential but powerless workers] → B-space [corporation = profit-maximizing machine; worker = mindless, replaceable cog] → Emergent Structure [individuals under corporate capitalism are dehumanized and instrumentalized, valued only for their productive function].

Fragment (7) reflects the superordinate metaphor MEDIA IS A MACHINE with the subordinate metaphor A JOURNALIST IS A COG:

(7) Anyway, Halperin is just *another cog in the progressive media machine* that will stop at nothing to reelect the President.⁷

Blend structure: S-space [a cog is one of many coordinated parts in a single-purpose machine] + T-space [progressive media pursues an ideological goal; journalists advance this agenda] → G-space [a system of interdependent components aligned toward a central objective] → B-space [media = unrelent-

⁴ COCA: 2018, ACAD Studies in the Novel.

⁵ COCA: 2012, BLOG, balloon-juice.com

⁶ COCA: 2012, WEB, crooksandliars.com

⁷ COCA: 2012, BLOG, pjmedia.com

ing ideological machine; journalist = replaceable operative] → Emergent Structure [reduces Halperin to a non-autonomous functionary; frames media as propaganda apparatus, evoking manipulation and systemic bias].

Example (8) illustrates the superordinate metaphor A RESTAURANT IS A MECHANISM with the subordinate metaphor A CHEF IS A MAIN COG:

(8) And is unwilling to accept any help. I was doing it since the day you was born. *I'm the main cog in this restaurant.* I always have been, I always will be.⁸

Blend structure: S-space [a main cog is an essential component in a mechanism] + T-space [a chef is the central figure in a restaurant's operation] → G-space [the functioning of the entire system depends on its key element] → B-space [restaurant = mechanism; chef = main cog] → Emergent Structure [the chef is framed as irreplaceable due to skill, experience, and responsibility; adds an emotional dimension of pride and personal investment to the mechanical metaphor].

Fragment (9) reflects the superordinate metaphor BOOK PRODUCTION IS A MECHANISM with the subordinate metaphor A WRITER IS A COG:

(9) With a hard-working crew of editors back home – and a publisher awaiting their work – *I am but a happy cog in a wonderful guidebook-creating wheel.* And if I miss a deadline, it'll mess up a lot of people.⁹

Blend structure: S-space [a cog is necessary for the mechanism; if it stops, the system is disrupted] + T-space [a writer is part of a coordinated publishing team; essential but interdependent] → G-space [complex processes rely on synchronized components; failure of one hinders the whole] → B-space [book production = mechanism; writer = cog; missed deadline = cog malfunction] → Emergent Structure [all team members are essential; the metaphor frames the writer's role positively, emphasizing cooperation and shared responsibility].

Example (10) reflects the superordinate metaphor A MIND IS A MECHANISM with the subordinate metaphor MENTAL FUNCTION IS A COG:

(10) *It was like a tiny cog had been removed from her brain, and all the gears were still working,* but a slight wobble was slowly and inevitably stripping the teeth until one day... the Rube Goldberg device that was her mind would fall apart.¹⁰

Blend structure: S-space [a cog is small but essential; its removal causes gradual system failure] + T-space [the mind relies on all functions; even minor ones are crucial for stability] → G-space [the continuous functioning of the whole system depends on the integrity of all its constituents even small ones] → B-space [mind = mechanism; mental function = cog; missing cog = slow breakdown] → Emergent Structure [minor unseen defects in mental processes can lead to eventual collapse; breakdown may occur suddenly after gradual decline].

Fragment (11) illustrates the superordinate metaphor BUREAUCRATIC SYSTEM IS A MACHINE with the subordinate metaphor A BUREAUCRAT IS A COG:

(11) Мёртвый и теперь уже безмолвный, безликий, бесконфликтный, он превратился в идеальный винтик той бюрократической машины, что создал Сталин к концу 1940-х годов.¹¹

Blend structure: S-space [a cog is a small, replaceable component of a machine] + T-space [the bureaucratic system depends on unquestioning obedience of its members] → G-space [systems require components that function without deviation] → B-space [bureaucratic system = machine; bureaucrat = cog; obedient bureaucrat = ideal cog] → Emergent Structure [mechanization strips individuality; the Soviet bureaucratic regime valued compliant, dehumanized functionaries].

Fragment (12) reflects the superordinate metaphor THE GLOBAL FOOD CONSUMPTION SYSTEM IS A MECHANISM and its subordinate metaphor A CONSUMER IS A COG:

⁸ COCA: 2011, TV, Kitchen Nightmares.

⁹ COCA: 2012, BLOG, blog.rickstevens.com.

¹⁰ COCA: 2011, FIC, Bk: ChasingMoon.

¹¹ RNC: 2020, А. Волков. Лишь мёртвых любят награды...

(12) Как с правильной едой: в принципе можно ведь питаться сосисками и пиццей, запивая всё это колой, но гораздо интереснее потреблять хорошую еду, возрождать или создавать традиции, понимать, *что ты не винтик в глобальной системе потребления*, а ответственный гражданин.¹²

Blend structure: S-space [cogs are small, replaceable components of a machine, functioning without autonomy] + T-space [consumers are participants in the global food market, whose actions sustain the system] → G-space [a large system is composed of numerous interdependent yet replaceable parts] → B-space [global consumption system = mechanism; consumer = cog; traditional-food consumer = autonomous participant] → Emergent Structure [contrasts passive, thoughtless fast-food consumption with active, tradition-preserving citizenship; frames mindful eating as resistance to depersonalizing global mechanisms].

Example (13) illustrates the superordinate metaphor EVOLUTION IS A MECHANISM with the subordinate metaphor EVOLUTIONAL PROCESSES ARE COGS AND GEARS:

(13) Мы хотим *развить эволюционный механизм на все его шестерёнки и винтики*, изучить их, понять, как они соединяются, а потом свинтить обратно и убедиться, что он по-прежнему тикает.¹³

Blend structure: S-space [a mechanism is composed of interlocking cogs and gears that can be disassembled, studied, and reassembled to restore function] + T-space [biological evolution is a complex system of interrelated processes] → G-space [a complex system can be understood by analyzing and reassembling its components] → B-space [evolution = mechanism; evolutionary processes = cogs and gears; scientific research = disassembly and reassembly] → Emergent Structure [frames the study of evolution as mechanical engineering, implying it is fully analyzable, reconstructable, and subject to human control].

Example (14) illustrates the superordinate metaphor FAMILY BUSINESS IS A MECHANISM with the subordinate metaphor A FAMILY MEMBER IS A COG:

(14) Молодой Андраник тяготел к технике, в частности автомобильной. И уже в 1930 году был *не последним винтиком в шофёрской семье*.¹⁴

Blend structure: S-space [a cog is a component in a single-purpose machine] + T-space [a family member follows the family business] → G-space [a system consists of parts that follow its purpose] → B-space [family business = mechanism; family member = cog] → Emergent Structure [frames mechanization of the human role, emphasizing precision, coordination, and purpose-driven contribution].

Example (15) illustrates the superordinate metaphor SOCIAL INSTITUTIONS ARE MECHANISMS with the subordinate metaphor CIVIL SERVANTS ARE COGS:

(15) Кажется, что социальные институты неэффективны, эгоизм и близорукость *превращают работников государства в беспомощные винтики или бесчувственных тупиц*.¹⁵

Blend structure: S-space [cogs are small, dependent components of a larger mechanism; if the mechanism is inefficient, the cogs' work is also ineffective] + T-space [civil servants operate within social institutions; entrenched bureaucracy and routine work erode autonomy and sensitivity] → G-space [in an inefficient system, its individual components also lose functionality] → B-space [social institutions = mechanisms; civil servants = cogs] → Emergent Structure [mechanization is framed as loss of autonomy and emotional flattening].

Example (16) reflects the superordinate metaphor SOVIET LITERARY ENVIRONMENT IS A MECHANISM and its subordinate metaphor A WRITER IS A COG:

(16) Он оставался пусть *не маленьким, но только винтиком общепролетарского писательского дела*.¹⁶

Blend structure: S-space [A cog is a part of a larger mechanism; its size does not determine the overall functioning of the mechanism] + T-space [the Soviet literary environment includes both prominent and

¹² RNC: 2015, Д. Михайлин. Односолодовая водка.

¹³ RNC: 2014, А. Марков, Е. Наймарк. Эволюция. Классические идеи в свете новых открытий.

¹⁴ RNC: 2014, В. Назаров. Прошедшие войны.

¹⁵ RNC: 2014, А. Быстрицкий. Серийная истерия.

¹⁶ RNC: 2003, Г. Фукс. Двое в барабане.

minor writers] → G-space [a system is composed of elements of varying size and importance, but all are subordinate to the system's operation] → B-space [Soviet literary environment = mechanism; writer = cog] → Emergent Structure [Frames the author's work as subordinate to the collective proletarian literary enterprise, emphasizing systemic control over individual significance].

Example (17) illustrates the superordinate metaphor A REAL-ESTATE FRAUD IS A MECHANISM with the subordinate metaphor A FRAUDSTER IS A COG:

(17) Как были эти риэлторские, а на самом деле – бандитские, конторы, так и будут. *Князев – только винтик механизма. Это ты о чём? – не понял Андрей. Какого механизма? Да всего этого надувательства с квартирами! – объяснил Самойлов.*¹⁷

Blend structure: S-space [a cog is a small, replaceable part of a larger mechanism] + T-space [a real-estate fraud is an ongoing criminal enterprise in which perpetrators are interchangeable] → G-space [a system operates through multiple replaceable components whose individual removal does not halt the whole] → B-space [real-estate fraud = mechanism; fraudster = cog] → Emergent Structure [frames the fraudster as an expendable operative within a sustained criminal scheme; the arrest of one participant will not disrupt the system].

Example (18) illustrates the superordinate metaphor A MILITARY ALLIANCE IS A MECHANISM with the subordinate metaphor A COUNTRY IS A COG:

(18) Другими словами, рамки проамериканской НАТО для Западной Европы уже стали концептуально тесными, чего не скажешь о большинстве государств Восточной Европы и Прибалтики, которые, напротив, пока нацелены на то, чтобы быть *маленькими винтиками натовского военного механизма.*¹⁸

Blend structure: S-space [a cog is a small, replaceable part of a larger mechanism] + T-space [a military alliance is a hierarchical system of member states with varying power] → G-space [a system comprises elements of unequal size and influence, yet all contribute to coordinated functioning] → B-space [military alliance = mechanism; country = cog] → Emergent Structure [frames smaller countries as voluntarily accepting a subordinate, function-specific role within NATO, portraying alignment with the alliance as deliberate integration into its machinery].

Example (19) the superordinate metaphor A SCHOOL IS A MECHANISM with the subordinate metaphor TEACHERS AND STUDENTS ARE COGS:

(19) Директору дана абсолютная власть формировать *из учителей и детей винтики*, покорные бесчеловечной системе.¹⁹

Blend structure: S-space [cogs are small, subordinate parts of a mechanism, functioning under central control] + T-space [teachers and students are core components of a school, working within a hierarchical educational system governed by a headmaster] → G-space [a centralized system with distinct roles, where individual parts operate under strict control] → B-space [school = mechanism; teachers and students = cogs; headmaster = operator] → Emergent Structure [frames the headmaster's authority as enabling the subjugation of teachers and students to an inhumane, depersonalized educational process].

Example (20) the superordinate metaphor THE UNIVERSE IS A MECHANISM with the subordinate metaphor PARTS OF UNIVERSE ARE COGS:

(20) И затем: было ничто. Стало что-то. Но ведь когда-нибудь всё вернётся к первому состоянию, снова станет ничем? *Как механизм испортится у моей машинки, так когда-нибудь и у вселенной сотрутся винтики.* Ничто – что-то – ничто. Всё стремится к первоначальному виду!²⁰

S-space [cogs are small components of a mechanism; over time they wear out, causing the whole mechanism to fail] + T-space [the universe is composed of interacting parts that may deteriorate over time] → G-space [a system's eventual failure results from the gradual degradation of its essential components] →

¹⁷ RNC: 2000, А. Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть.

¹⁸ RNC: 2014, П. Быков, В. Максимов. От реверансов толку мало.

¹⁹ RNC: 1989, С. Л. Рябцева. Дети восьмидесятых.

²⁰ RNC: 1914, А. И. Цветаева. Королевские размышления.

B-space [universe = mechanism; parts of universe = cogs] → Emergent Structure [frames the universe as a finite, deteriorating machine whose eventual breakdown returns it to its original state of nothingness].

Thus, the analysis of ten English and ten Russian examples shows that the superordinate metaphor A SYSTEM IS A MECHANISM can be represented with two subordinate metaphors such as AN INDIVIDUAL IS A COG and A FUNCTION IS A COG. The dominant subordinate metaphor in both languages is AN INDIVIDUAL IS A COG, present in the majority of examples.

Discussion

The results demonstrate that the mechanism metaphor functions as a powerful cognitive tool for conceptualizing social, cultural, natural, and even mental systems. It is used to express the relationship between a system and its parts, evoking an image of functional interdependence. Table 1 summarizes the distribution of metaphors by conceptual domain.

Table 1. Distribution of superordinate metaphors

Superordinate Metaphor	English	Russian
Organization is a mechanism	6	7
Mind is a mechanism	1	—
Cultural system is a mechanism	1	2
Natural process is a mechanism	2	1

Through CIT, all the analyzed examples exhibit double-scope blending, integrating elements from two distinct input spaces: mechanical systems (mechanism, machine, cogs, gears, operators, engineers) and social or abstract systems (institutions, mental processes, global networks). The emergent meaning in the blend creates an image that is absent from both input spaces. The notion of a cog in a mechanism typically suggests a dehumanized and replaceable component whose actions, thoughts, or goals are guided by the system or, at times, by its operator. None of these features are literal properties of either a cog or an individual in isolation. However, in some cases, the functionality and well-being of the entire mechanism depends on its components, as illustrated in examples (1), (2), (8), (9), (10), and (20).

Some examples construct a nuanced image of a cog within a mechanism. For instance, fragment (13) frames scientific inquiry as a process of disassembling and reassembling the evolutionary system to achieve understanding, while fragment (14) conceptualizes a cog as an agent engaged in purpose-driven contribution within a collaborative network. Thus, this ambivalence emphasizes the flexibility of metaphorical meaning and its sensitivity to pragmatic and ideological factors.

The analysis demonstrates that the metaphors of mechanisms are culturally adaptive. English examples often emphasize collaboration and systemic efficiency, sometimes casting subordinate roles in a positive light (e.g., main cog, happy cog). In contrast, Russian examples foreground bureaucratic control and ideological subordination, framing individuals as obedient functionaries (e.g., *винтик глобальной системы потребления, винтики натовского военного механизма*) – an image that resonates with supposedly Stalin’s famous “people as cogs” toast (*люди-винтики*). A full diachronic analysis of Russian corpora would be necessary to explore this connection in depth.

Overall, the conceptual blends reveal several recurrent features of emergent structure:

1. Loss of individuality and replaceability (e.g., *a cog in corporate imperialism, винтик бюрократической машины*).
2. Functional determinism, where roles are strictly predefined by systemic logic.
3. Polarity of evaluation is ranging from negative (*mindless cog, лишь винтик*) to positive (*main cog, не последний винтик*), reflecting discourse-specific intentions.

Conclusion

This paper set out to examine the mechanism metaphor, with particular attention to the expression *a cog* and its Russian equivalent *винтик*, within the framework of Conceptual Integration Theory. By analyzing twenty corpus-based examples from English and Russian, the study has shown that the superordinate metaphor A SYSTEM IS A MECHANISM is deeply embedded in both linguistic and cultural contexts, allowing speakers to conceptualize complex and abstract systems through the imagery of concrete mechanical structures.

The analysis revealed that the most frequent subordinate metaphor in both corpora is AN INDIVIDUAL IS A COG, which frames human beings as functionally determined and often replaceable constituents of larger institutional, political, or social mechanisms. However, the evaluative polarity of this metaphor varies across languages and contexts. English examples frequently employ the image of a cog in positive or neutral connotations, emphasizing cooperation and systemic efficiency (e.g., *main cog*, *happy cog*). In contrast, Russian usage tends to foreground bureaucratic rigidity, ideological control, and dehumanization (e.g., *беспомощный винтик социального института*, *винтик общепролетарского писательского дела*).

Applying CIT proved crucial for uncovering the emergent meanings that arise from the interaction of mechanical and abstract input spaces. These meanings – such as the loss of individuality, functional determinism, and even pride in indispensability cannot be fully explained by simple domain mapping as proposed by CMT alone. The blends analyzed here highlight the flexibility and cultural adaptability of mechanistic metaphors, showing how they mediate attitudes toward power, agency, and systemic order.

Future research might explore the diachronic evolution of this metaphor in various discourses, as well as its interaction with alternative metaphorical models (e.g., ORGANISM or NETWORK). Extending the analysis to additional mechanistic terms, such as gear, wheel, or engine, would also deepen the understanding of how mechanical imagery continues to structure conceptualization across languages and cultures.

© М.Д. Уразев, 2025

References

1. Baryshnikov, P. "Mind as Machine: The Influence of Mechanism on the Conceptual Foundations of the Computer Metaphor." *RUDN Journal of Philosophy*, vol. 26, no. 4, 2022, pp. 755–769. doi:10.22363/2313-2302-2022-26-4-755-769.
2. Baryshnikov, P. "Body and Mind through the Lens of Mechanistic Metaphors: A History of Semantic Aberrations." *Technology and Language*, vol. 4, no. 4, 2023, pp. 7–21. doi:10.48417/technolang.2023.04.02.
3. Barwich, A.-S., and M.J. Rodriguez. "Rage against the What? The Machine Metaphor in Biology." *Biology & Philosophy*, vol. 39, no. 14, 2024. doi:10.1007/s10539-024-09950-4.
4. Bongard, J., and M. Levin. "Living Things Are Not (20th Century) Machines: Updating Mechanism Metaphors in Light of the Modern Science of Machine Behavior." *Frontiers in Ecology and Evolution*, vol. 9, 2021, article 650726. doi:10.3389/fevo.2021.650726.
5. Brandt, L., and P.A. Brandt. "Making Sense of a Blend: A Cognitive-Semiotic Approach to Metaphor." *Annual Review of Cognitive Linguistics*, edited by F. J. Ruiz de Mendoza Ibáñez, vol. 3, John Benjamins, 2005, pp. 216–249.
6. Colston, H.L. "Metaphor in the Mirror." *Metaphor and Symbol*, vol. 40, no. 3, 2025, pp. 181–188. doi:10.1080/10926488.2025.2521903.
7. Fauconnier, G., and M. Turner. "Conceptual Integration Networks." *Cognitive Science*, vol. 22, no. 2, 1998, pp. 133–187. doi:10.1016/S0364-0213(99)80038-X.
8. Gantt, E. E., and J.L. Thayne. "Once More into the Breach: Revisiting the Metaphor of Mechanism in Evolutionary Psychological Explanations." *Journal of Theoretical and Philosophical Criminology*, vol. 4, no. 1, 2012, pp. 46–53.
9. Glebkin, V. "Metafora mekhanizma i teorii kontseptual'noi metafori Lakoffa–Dzhonsona" (The Metaphor of Mechanism and Lakoff–Johnson's Conceptual Metaphor Theory). *Voprosy iazykoznaniiia* (Topics in the Study of Language), no. 3, 2012, pp. 51–68. doi:10.31857/SX0000392-4-1.
10. Grady, J. E. et al. "Blending and Metaphor." *Metaphor in Cognitive Linguistics*, edited by G. Steen and R. Gibbs, J. Benjamins, 1999, pp. 101–124.
11. Wilson, J. "The Ghost in the Machine: Metaphors of the 'Virtual' and the 'Artificial' in Post-WW2 Computer Science." *Perspectives on Science*, vol. 32, no. 3, 2024, pp. 372–393. doi: 10.1162/posc_a_00611.

12. Kotsakis, A. "Beyond the Machinery Metaphors: Towards a Theory of International Organizations as Machines." *Leiden Journal of International Law*, vol. 37, 2024, pp. 608–629. doi:10.1017/S0922156524000153.
13. Kövecses, Z. *Extended Conceptual Metaphor Theory*. Cambridge UP, 2020. doi:10.1017/9781108859127.
14. Lakoff, G., and M. Johnson. *Metaphors We Live By*. University of Chicago Press, 1980.
15. Lapka, O. "Machine Metaphors in 2020 USA Electioneering Campaign: A Cognitive Aspect." *Studies about Languages / Kalbu Studijos*, vol. 43, 2023, pp. 64–76. doi:10.5755/j01.sal.1.43.35102.
16. Mácha, J. "Conceptual Metaphor Theory and Classical Theory: Affinities Rather than Divergences." *From Philosophy of Fiction to Cognitive Poetics*, edited by Piotr Stalmaszczyk, Peter Lang, 2016, pp. 93–115. doi:10.3726/978-3-653-06564-0.
17. Malkomsen, A., et al. "Digging Down or Scratching the Surface: How Patients Use Metaphors to Describe Their Experiences of Psychotherapy." *BMC Psychiatry*, vol. 21, no. 533, 2021. doi:10.1186/s12888-021-03551-1.
18. McKenzie, S. K., et al. "Understanding Men's Lived Experience of Mental Distress through Metaphors." *American Journal of Men's Health*, vol. 18, no. 3, 2024, article 15579883241260920. doi:10.1177/15579883241260920.
19. Mokyr, J. "'The Holy Land of Industrialism': Rethinking the Industrial Revolution." *Journal of the British Academy*, vol. 9, 2021, pp. 223–247. doi:10.5871/jba/009.223.
20. Pozdnyakov, A. "Metafora mekhanizma v nekotorykh evoliutsionnykh kontseptsiiakh" (The Metaphor of Mechanism in Some Evolutionary Concepts). *Filosofia nauki* (Philosophy of Science), no. 2 (61), 2014, pp. 81–94.
21. Pluzhnikova, N., and N. Saenko. "Tekhnika: metafory 'mashiny' i 'mekhanizma' v istorii filosofskoi mysli" (Technology: Metaphors of the 'Machine' and 'Mechanism' in the History of Philosophical Thought). *Filosofiya i kul'tura* (Philosophy and Culture), no. 10, 2024, pp. 51–60. doi:10.7256/2454-0757.2024.10.72077.
22. Ruse, M. "Evolution and Ethics Viewed from within Two Metaphors: Machine and Organism." *History and Philosophy of the Life Sciences*, vol. 44, 2022. doi:10.1007/s40656-022-00482-2.
23. Van Lith, T., et al. "Visual Narratives as Evidence: Surveying the Role of Metaphors in Art Therapy." *The Arts in Psychotherapy*, vol. 94, 2025. doi:10.1016/j.aip.2025.102296.
24. Yu, Haolin. "Nature Vs. Nurture: Is the Origin of Logic Innate or Acquired." *Highlights in Science, Engineering and Technology*, vol. 88, 2024, pp. 236–242. Doi:10.54097/ztn68w96.
25. Zwir, I., et al. "Evolution of Genetic Networks for Human Creativity." *Molecular Psychiatry*, vol. 27, 2022, pp. 354–376. Doi:10.1038/s41380-021-01097-y.

Список литературы

1. Baryshnikov P.N. Mind as Machine: The Influence of Mechanism on the Conceptual Foundations of the Computer Metaphor // *RUDN Journal of Philosophy*. 2022. Vol. 26. No. 4. P. 755–769. DOI: 10.22363/2313-2302-2022-26-4-755-769.
2. Baryshnikov P. Body and Mind through the Lens of Mechanistic Metaphors: A History of Semantic Aberrations // *Technology and Language*. 2023. Vol. 4(4). P. 7–21. DOI: 10.48417/technolang.2023.04.02.
3. Barwich A.-S. Rage against the what? The machine metaphor in biology / A.-S. Barwich, M.J. Rodriguez // *Biology & Philosophy*. 2024. Vol. 39. Article 14. DOI: 10.1007/s10539-024-09950-4.
4. Bongard J. Living Things Are Not (20th Century) Machines: Updating Mechanism Metaphors in Light of the Modern Science of Machine Behavior / J. Bongard, M. Levin // *Frontiers in Ecology and Evolution*. 2021. Vol. 9. Article 650726. DOI: 10.3389/fevo.2021.650726.
5. Brandt L. Making Sense of a Blend. A Cognitive-Semiotic Approach to Metaphor / L. Brandt, P.A. Brandt // *Annual Review of Cognitive Linguistics*. 2005. Vol. 3. P. 216–249.
6. Colston H.L. Metaphor in the Mirror // *Metaphor and Symbol*. 2025. Vol. 40(3). P. 181–188. DOI: 10.1080/10926488.2025.2521903.
7. Fauconnier G. Conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner // *Cognitive Science*. 1998. Vol. 22(2). P. 133–187. DOI: 10.1016/S0364-0213(99)80038-X.
8. Gantt E.E. Once More into the Breach: Revisiting the Metaphor of Mechanism in Evolutionary Psychological Explanations / E.E. Gantt, J.L. Thayne // *Journal of Theoretical and Philosophical Criminology*. 2012. Vol. 4(1). P. 46–53.
9. Глебкин В.В. Метафора механизма и теория концептуальной метафоры Лакоффа – Джонсона // *Вопросы языкознания*. 2012. № 3. С. 51–68. DOI: 10.31857/SX0000392-4-1.
10. Grady J.E. Blending and metaphor / J.E. Grady, T. Oakley, S. Coulson // In: Steen G., Gibbs R. (eds.). *Metaphor in Cognitive Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 1999. P. 101–124.
11. Wilson J. The Ghost in the Machine: Metaphors of the 'Virtual' and the 'Artificial' in Post-WW2 Computer Science // *Perspectives on Science*. 2024. Vol. 32(3). P. 372–393. DOI: 10.1162/posc_a_00611.
12. Kotsakis A. Beyond the machinery metaphors: Towards a theory of international organizations as machines // *Leiden Journal of International Law*. 2024. Vol. 37. P. 608–629. DOI: 10.1017/S0922156524000153.
13. Kövecses Z. *Extended Conceptual Metaphor Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 220 p. DOI: 10.1017/9781108859127.
14. Lakoff G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 256 p.
15. Lapka O. Machine metaphors in 2020 USA electioneering campaign: a cognitive aspect // *Studies about Languages / Kalbu studijos*. 2023. No. 43. P. 64–76. DOI: 10.5755/j01.sal.1.43.35102.
16. Mácha J. Conceptual Metaphor Theory and Classical Theory: Affinities Rather than Divergences / J. Mácha // In: Stalmaszczyk P. (ed.). *From Philosophy of Fiction to Cognitive Poetics*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2016. P. 93–115. DOI: 10.3726/978-3-653-06564-0.

17. Malkomsen A. Digging down or scratching the surface: how patients use metaphors to describe their experiences of psychotherapy / A. Malkomsen, J.I. Røssberg, T. Dammen, T. Wilberg, A. Løvgren, R. Ulberg, J. Evensen // BMC Psychiatry. 2021. Vol. 21(1). Article 533. DOI: 10.1186/s12888-021-03551-1.
18. McKenzie S.K. Understanding Men's Lived Experience of Mental Distress Through Metaphors / S.K. McKenzie, F. Mathieson, T. Das, M.C. Genuchi, J.L. Oliffe // American Journal of Men's Health. 2024. Vol. 18(3). Article 15579883241260920. DOI: 10.1177/15579883241260920.
19. Mokyr J. "The Holy Land of Industrialism": rethinking the Industrial Revolution // Journal of the British Academy. 2021. Vol. 9. P. 223–247. DOI: 10.5871/jba/009.223.
20. Плужникова Н.Н. Техника: метафоры «машины» и «механизма» в истории философской мысли / Н.Н. Плужникова, Н.Р. Саенко // Философия и культура. 2024. № 10. С. 51–60. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.10.72077.
21. Поздняков А.А. Метафора механизма в некоторых эволюционных концепциях // Философия науки. 2014. № 2(61). С. 81–94.
22. Ruse M. Evolution and ethics viewed from within two metaphors: machine and organism // HPLS. 2022. Vol. 44. Article 1. DOI: 10.1007/s40656-022-00482-2.
23. Van Lith T. Visual narratives as evidence: Surveying the role of metaphors in art therapy / T. Van Lith, E. Cornwall, N. Gerber, H. He, M. Centracchio // The Arts in Psychotherapy. 2025. Vol. 94. Article 102296. DOI: 10.1016/j.aip.2025.102296.
24. Yu H. Nature Vs. Nurture: Is the Origin of Logic Innate or Acquired // Highlights in Science, Engineering and Technology. 2024. Vol. 88. P. 236–242. DOI: 10.54097/ztn68w96.
25. Zwir I. Evolution of genetic networks for human creativity / I. Zwir, C. Del-Val, M. Hintsanen, K.M. Cloninger, R. Romero-Zal-iz, A. Mesa, J. Arnedo, R. Salas, G.F. Poblete, E. Raitoharju, O. Raitakari, L. Keltikangas-Järvinen, G.A. de Erausquin, I. Tattersall, T. Lehtimäki, C.R. Cloninger // Molecular Psychiatry. 2022. Vol. 27. P. 354–376. DOI: 10.1038/s41380-021-01097-y.

About the author:

Marat D. Urazaev, PhD, is Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages for Humanities Faculties of Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia). Areas of scientific and professional interests: cognitive linguistics, semasiology, linguistic typology.

E-mail: marat-urazaev@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0004-8996-8882

Сведения об авторе:

Уразаев Марат Дамирович – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов УУНиТ (Россия, Уфа). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, семасиология, языковая типология

E-mail: marat-urazaev@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0004-8996-8882

* * *

Strategies for Teaching Video Game Localization in Translator Training

Anastasiia A. Korchuganova, Irina B. Koteniatkina

RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya street, 117198, Moscow, Russia

Abstract. This article is devoted to the possibilities of using video game localization in teaching translation activities in higher education. The relevance of the problem is due to the fact that currently video games are not only a way to spend leisure time, but also a kind of didactic material. The purpose of the work is to determine the requirements for the content of courses on video game localization and to propose strategies for teaching this type of activity when training translators in the higher education system. The article analyzes various scientific approaches to understanding the essence of video games, defines the differences between the terms “translation” and “localization” in the context of video games, and proposes its own definition of localization. The study also outlines the basics of teaching translation activities, the concept of translation competence and its role, which made it possible to develop the idea of the possibility of using video games in teaching translation. To assess the prospects for training a translator-localizer in higher education, the method of pedagogical analysis and the method of pedagogical modeling were used. The educational programs for teaching video game localization and their curricula based on Russian and foreign higher education institutions were used as research material. A total of 4 courses were analyzed (2 Russian, 1 Spanish and 1 Argentine). As a result of the study, the authors of the article identified the need to involve professional translators in localization work, the discrepancy between modern educational programs and the demand in the localization market, and also proposed strategic recommendations that can be used when creating courses on video game localization in the domestic higher education system. This work not only contributes to the study of video games as a linguistic phenomenon, but also represents a new look at the problem of teaching translation in higher education institutions to students of both the Linguistics and Translation Studies programs as part of their basic educational program.

Keywords: video game localization, video game translation, localization courses, translation training, localization training, translation studies, audiovisual translation

For citation: Korchuganova, A.A., Koteniatkina, I.B. (2025). Strategies for Teaching Video Game Localization in Translator Training. *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(4), pp. 107–125. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-107-125>

Стратегии обучения локализации видеоигр при подготовке переводчиков

Анастасия А. Корчуганова, Ирина Б. Котеняткина

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Аннотация. Настоящая статья посвящена возможностям применения локализации видеоигр в обучении переводческой деятельности в высшей школе, что представляется весьма актуальной проблемой в связи с тем, что в настоящее время видеоигры являются не только способом проведения досуга, но и своего рода дидактическим материалом. Цель работы – определить требования к содержанию курсов по локализации видеоигр и предложить стратегии обучения данному виду деятельности при подготовке переводчиков в системе высшего образования. В статье проанализированы различные научные подходы к пониманию сущности видеоигр, определены различия терминов «перевод» и «локализация» в контексте видеоигр, предложено собственное определение локализации. В исследовании также изложены основы обучения переводческой деятельности, понятие переводческой компетенции и представлена её роль, что позволило развить идею о возможности применения видеоигр в обучении переводу. Для оценки перспектив подготовки переводчика-локализатора в высшей школе были использованы метод педагогического анализа и метод педагогического моделирования. В качестве материала исследования привлекались образовательные программы по обучению локализации видеоигр и их учебные планы на базе российских и зарубежных высших учебных заведений. Всего было проанализировано 4 курса (2 российских, 1 испанский и 1 аргентинский). В результате проведённого исследования авторами статьи была выявлена необходимость привлечения к работе над локализацией профессиональных переводчиков, несоответствие современных образовательных программ спросу на рынке локализации, а также были предложены стратегические рекомендации, которые могут быть использованы при создании курсов по локализации видеоигр в отечественной системе высшего образования. Данная работа не только вносит вклад в изучение видеоигр как лингвистического феномена, но и представляет собой новый взгляд на проблему обучения переводу в высших учебных заведениях студентов как направления «Лингвистика», так и «Переводоведение» в рамках обучения по основной образовательной программе.

Ключевые слова: локализация видеоигр, перевод видеоигр, курсы по локализации, обучение переводу, обучение локализации, переводоведение, аудиовизуальный перевод

Для цитирования: Корчуганова А.А., Котеняткина И.Б. (2025). Стратегии обучения локализации видеоигр при подготовке переводчиков. *Филологические науки в МГИМО*. 11(4), С. 107–125. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-107-125>

1. Введение

В наши дни видеоигры стоит рассматривать уже не как продукт исключительно развлекательного характера, но как «принципиально иной формат трансляции художественного опыта» [13, с. 17], а также как «источник развития образования, бизнеса, науки» [10, с. 48]. Игровая индустрия укрепляет свои позиции [20], а потенциал видеоигр постепенно признаётся государствами – их статус закрепляется на уровне законодательства. Так, в 2016 году Министерство спорта РФ признало киберспорт отдельным видом спорта, а в 2024 году Президент РФ подписал указ № 314 «Об утверждении основ государственной политики РФ в области исторического просвещения»¹, который также включает в себя положения о контроле за рынком компьютерных игр.

Такой интерес обусловлен стабильным ростом доли игровой индустрии на мировом рынке и влиянием видеоигр на культурную жизнь общества, которое становится всё более заметным с каждым годом. Много покупателей компьютерных игр сконцентрировано в России и Латинской Америке. Однако поскольку чаще всего видеоигры создаются на английском или японском языках, в эти страны они поступают после локализации – процесса, которым на данный момент занимаются не столько фанаты-добровольцы, сколько профессиональные переводчики. В связи с этим на первый план выходит вопрос не только скорости осуществления локализации, но и качества готового продукта.

В то же время проблема локализации видеоигр до сих пор остаётся малоизученной: вопрос является относительно новым, требует междисциплинарного подхода, сталкивается с таким препятствием, как отсутствие единого терминологического аппарата и стандартов в этой области. С другой стороны, растущий интерес к видеоиграм требует не только комплексной разработки теоретических положений в области изучения видеоигр, но и повышения качества подготовки переводчиков узкого профиля, способных осуществлять качественную адаптацию видеоигр для целевой аудитории, не владеющей языком оригинала. Ключевым вызовом является сравнительно небольшое количество исследовательских институтов, занимающихся изучением видеоигр с научной точки зрения, а также образовательных организаций, способных выпустить специалистов подходящего профиля для того, чтобы удовлетворить «спрос на качественную локализацию видеоигр» [26, с. 60]. Поэтому в данной статье видеоигра будет рассматриваться в фокусе лингвистики, переводоведения, а затем – обучения переводу.

В связи с вышесказанным, цель статьи – выявить требования к содержанию курсов по локализации и предложить стратегии обучения локализации видеоигр при подготовке переводчиков в системе высшего образования.

Новизна работы заключается в том, что в ней выдвигается предложение использовать видеоигры в качестве материала для обучения переводчиков, выявляются и предлагаются собственные стратегии преподавания локализации в рамках обучения студентов переводческой деятельности (под стратегиями в данном случае понимается общая концепция обучения, план действий по обучению определённым навыкам и умениям, а также педагогические стратегии как творчески спланированная деятельность по реализации педагогической цели).

Начнём с того, что согласно определению, данному Большой российской энциклопедией, видеоигрой можно считать «любую игру, для функционирования которой необходима электронно-вычислительная машина: персональный компьютер, телевизионная приставка, портативная игровая система, игровой автомат, смартфон, планшет и т.д.» [21].

Часто в отечественной и зарубежной публицистике, а также в научном дискурсе термины «видеоигра» (англ. videogame) и «компьютерная игра» (англ. computer game) используются как взаимозаменяемые, несмотря на то, что долгое время под вторым понимались только игры,

¹ Снегова Д., Майер А. Путин подписал указ об основах госполитики в области исторического просвещения, <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/05/08/1036198-putin-podpisal-ukaz>

предназначенные для персональных компьютеров. Наличие сразу двух терминов для описания аспектов одного и того же явления свидетельствует о развитии технологий в области гейминга: в настоящее время играть можно как на консолях, так и на компьютерах, и на мобильных телефонах. Иными словами, для более точной передачи смысла в некоторых источниках компьютерные игры разграничивают с мобильными, консольными и другими играми [21]. В рамках настоящей работы мы будем следовать наиболее распространённой традиции, считая термины «видеоигра» и «компьютерная игра» синонимичными.

Важно добавить, что в ходе данного исследования мы не раз столкнёмся с полемикой по рассматриваемым вопросам, поскольку как сами видеоигры и их перевод, так и подготовка переводчиков-локализаторов – явление новое и не до конца изученное. Видеоигры, являясь продуктом нового времени, получают неоднозначную оценку от исследователей. В то время как одни видят в них воспитательный, методический или лингводидактический потенциал, другие считают видеоигры недостаточно серьёзным явлением, чтобы говорить об их влиянии на общество или применении в обучении. Одними из первых, кто всё же проявил научный интерес к компьютерным играм, стали датские специалисты, усилиями которых был открыт первый в мире Научно-образовательный центр исследования видеоигр (The Center for Computer Games Research)². Центр существует до сих пор на базе Копенгагенского университета информационных технологий (IT University of Copenhagen) и включает в себя многопрофильные исследовательские группы с опытом работы в области гуманитарных и социальных наук, искусства и компьютерных наук. Здесь и далее важно отметить, что такой аспект, как междисциплинарность, является неотъемлемой частью любого исследования видеоигр, что мы надеемся подтвердить результатами данной работы.

Междисциплинарный подход датских исследователей-энтузиастов дал начало новому направлению, которое получило название Game Studies. В отечественной литературе термин употребляется в виде транслитерации (рус. гейм-стадис) или же остаётся без перевода. В Большой Российской энциклопедии представлено следующее определение Game Studies: «междисциплинарная область гуманитарных наук, посвящённая исследованию игр, игровых актов и поведения игроков» [31]. С точки зрения методологии и содержания Game Studies интегрирует знания из наук об обществе, языке и психологии, в частности филологии, педагогики, фольклористики, философии искусства, этики и многих других.

Именно в рамках направления Game Studies учёные вместе с практиками видеоигровой индустрии впервые задумались о том, что представляет из себя компьютерная игра с научной точки зрения. Закономерным стал и вопрос о том, как нужно изучать видеоигры, если они действительно могут рассматриваться как объект научных исследований.

Новаторским стал нарратологический подход к изучению видеоигр. Как отмечает Е.Ю. Бархатова, согласно данному подходу, игра «рассматривается как нарратив, текст или кибертекст, так как видеоигры можно читать как тексты, интерпретируя их визуальные составляющие». Подобный взгляд на видеоигры, вероятнее всего, обусловлен тем, что «большая часть первых исследователей игр имели литературоведческое образование» [3, с. 174].

Нарратологический подход предполагает, что в каждой компьютерной игре есть нарратив (от лат. *narrare* – «рассказывать, сообщать»), то есть изложение событий, повествование или сюжет [19]. Иными словами, по мнению сторонников этого подхода, геймеры не только играют, но и читают. А некоторые исследователи и по совместительству практики индустрии считают игры закономерным этапом развития литературы [38], [39].

В противовес нарратологическому подходу возник людологический (термин «людология» образован от лат. *ludo* – «играю» и *logos* – «знание»), который рассматривает видеоигру как геймплей и как развлечение [8], [38], [39]. Как отмечает уругвайский геймдизайнер и академический исследователь Г. Фраска, основной аргумент людологов заключался в том, что далеко не все видеоигры

² The Center for Computer Games Research. <https://ccgr.netlify.app/>

возможно рассматривать как нарратив – многие из них являются интерактивными, не сообщая игроку никаких историй [37]. Как выразился Л. Конзак, «в некоторых играх мы находим много смысла, в других смысл, если он вообще есть, очень абстрактный, и мы даже можем найти почти бессмысленные игры» [40, с. 95].

Так или иначе, сторонники обоих подходов пришли лишь к формальному соглашению о сложной природе видеоигр. Однако дискуссия открыла научному сообществу главное – «инструментарий, которым ранее располагали учёные, не подходит для изучения видеоигр» [31].

Необходимо отметить, что видеоигры действительно являются уникальным продуктом культуры, не имеющим аналогов: в отличие от тех же литературных произведений, игры и их качество на протяжении всей истории зависят скорее не от их создателя (значимость таланта и профессионализма которого, впрочем, так же важны, как и литературные навыки писателя), а от технологических возможностей своего времени. Причина простоты ранних компьютерных игр была довольно примитивной и заключалась в наличии большого ряда ограничений, с которыми сталкивались разработчики. С развитием компьютерных технологий увеличился объём памяти машин, и, следовательно, значительно расширился инструментарий видеоигр, в том числе для построения нарратива. Игры стали сообщать пользователям всё более сложные истории и предоставлять им всё больше способов взаимодействия с миром произведения.

В России изучением видеоигр стали заниматься сравнительно недавно. Если датский центр был основан ещё в 1999 году, то первые исследовательские группы в России появились только в начале 2010-х гг., хотя интерес к видеоиграм вне академической среды наблюдается в стране уже давно (например, в 1991 году вышел первый журнал о компьютерных играх «Логос»). А.С. Ветушинский и А.С. Салин называют 2012 год, когда в России впервые серьёзно заговорили об академических исследованиях видеоигр. Так, этот год ознаменовался основанием электронного журнала «Gamestudies.ru» (выросшего из первого видеоигрового тематического блога на русском языке), где до сих пор выходят анонсы конференций и обсуждаются, в том числе, диссертации и другие научные работы по теме. Помимо этого, в России, как и во всём мире, начали открываться образовательные программы по разработке или изучению видеоигр. Институционализации Game Studies в России поспособствовало открытие Московского центра исследований видеоигр на базе философского факультета МГУ и Лаборатории видеоигр при научно-исследовательском центре медиафилософии СПбГУ. Примечательно, что СПбГУ считается первым в России организатором конференций по видеоиграм (самая ранняя конференция носила название «Компьютерные игры – театр активных действий») [7], [31]. Однако всё ещё можно сказать, что исследование видеоигр в отечественной науке на данном этапе находится в зачаточном состоянии.

В связи с новизной видеоигры как объекта научного исследования до сих пор возможны разные интерпретации данного термина. Причиной является в том числе и междисциплинарный характер самих компьютерных игр, которые одновременно представляют собой и интерактивное развлечение, и компьютерную программу, и произведение, подобное литературному (особенно в случае наличия полноценного нарратива). Таким образом, с точки зрения информатики, видеоигра – это часть программ для электронно-вычислительных машин, с точки зрения права – результат интеллектуальной деятельности, с точки зрения философии – порождение особого виртуального мира, отдельная онтологическая система и т.п. [6], [10].

По результатам анализа современных исследований мы определили, что интерес для лингвистов представляют не только сами видеоигры, но и новые социокультурные феномены, формируемые «вокруг» них [10], например, игровая терминология, геймерские жаргонизмы. Отдельное место занимают исследования видеоигрового дискурса [4], [12], [25], [27], [29], [36], а также работы, где видеоигры представлены как разновидность креолизованного текста [2], [16], [30].

С точки зрения междисциплинарного подхода видеоигру можно рассматривать и как разновидность аудиовизуального материала.

В разных науках трактовка термина «аудиовизуальный материал» отличается в зависимости от сферы его применения. Например, аудиовизуальные материалы играют важную роль в современной образовательной среде [45] и широко используются в педагогической практике, в связи с чем

можно найти подобные определения: «аудиовизуальный материал – документы, содержащие звуковую, изобразительную или изобразительно-звуковую информацию, которая воспроизводится с помощью технических средств. К аудиовизуальным материалам относятся кинофотофонодокументы (кинофильмы, диафильмы, диапозитивы, магнитные фонограммы, грампластинки), магнитофильмы, видеозаписи, голограммы и др., а также сочетания этих документов друг с другом и с произведениями печати» [9, с. 44].

С точки зрения переводоведения аудиовизуальным материалом можно считать любой материал, который содержит «одновременно звуковую дорожку и некую визуальную составляющую» [17] независимо от его образовательного потенциала. Видеоигра подходит под данное определение, однако она существенно отличается от других разновидностей аудиовизуальных произведений – театральных представлений, фильмов, телевизионных программ – благодаря уже упомянутой ранее интерактивности и, как следствие, возможности пользователя (одновременно зрителя и читателя) частично управлять скоростью поступления новой информации [11].

При этом мы также предлагаем дифференцировать термины «перевод» и «локализация» в контексте видеоигровой индустрии.

Так, среди зарубежных исследователей есть авторы, отдающие предпочтение термину «translation» (или «traducción», если работа на испанском языке) [44] и, наоборот, термину «localization» («localización») [33], [34], [35]. Есть и те, кто фактически использует оба термина как взаимозаменяемые, чередуя их в контексте [46], [47]. В попытках объяснить причину такой несогласованности действий мы считаем уместным процитировать автора многочисленных работ, посвящённых видеоиграм, М. О’Хаган: «локализация игр возникла в ответ на потребности рынка, и вытекающие из этого отраслевые практики продолжают развиваться без какого-либо понимания исследований перевода» [43, с. 2]. Иными словами, никто не предвидел рост спроса на работу с видеоиграми и, как уже отмечалось ранее, часто их исследованиями и переводом занимались действующие практики, не всегда владеющие теоретической базой.

Так или иначе, в более современных работах наблюдается тенденция к различению двух терминов: всё больше исследователей проводят границу между переводом и локализацией. Например, К. Альварес-Боладо Санчес и Х. Альмогера Наваррете высказывают следующую позицию: «локализация и перевод часто отождествляются и представляются практически абсолютными синонимами. Однако несмотря на то, что они рассматриваются как схожие концепты, их необходимо различать: процесс локализации более широкий и включает в себя перевод как один из своих этапов. Кроме того, правильная локализация основана на предварительном процессе интернационализации. В случае программного обеспечения, интернационализация подразумевает его программирование таким образом, чтобы оно не зависело от культуры или какого-либо конкретного языка. Таким образом, после завершения его проектирования и разработки станет возможным с лёгкостью интегрировать в него элементы, характерные для отдельных языков и культур» [34].

А. Димитрияду высказывает схожее мнение: «Перевод игр подразумевает преобразование смысла внутри игрового текста, диалогов и закадрового голоса с одного языка на другой. В то время как перевод касается слов и сохранения смысла, локализация игры выходит далеко за рамки этого – она подразумевает адаптацию всей игры в соответствии с языковыми и культурными ожиданиями рынка. По сути, если перевод касается смысла, то локализация касается самого продукта и его восприятия геймерами из определённого региона³.

С этой точки зрения видеоигровая локализация является ключевым процессом, ведь если локализация не будет выполнена на должном уровне или если ожидания игроков не совпадут с реальностью, их игровой опыт не будет похож на оригинальный [41, с. 10]. Таким образом, воссоздать схожий игровой опыт для пользователей разных стран, обладающих неодинаковым культурным фоном – и есть глобальная цель, которая стоит перед любой локализацией⁴.

³ Dimitriadou A. Game Translation & Localization – What’s the Difference? <https://www.pangea.global/blog/game-translation-localization-whats-the-difference/>

⁴ Межуев С. Дизайн игрового интерфейса. Теория диерезиса, https://stopgame.ru/blogs/topic/66666/dizayn_igrovogo_intefeysa_teoriya_diegezisa

Примечательно, что в отечественных работах термины «локализация» и «перевод» не являются синонимичными [32]. Возможно, это связано с тем, что Game Studies, как и интерес к профессиональному переводу видеоигр, пришли в Россию значительно позже, а потому более прогрессивные идеи о разграничении терминов «локализация» и «перевод» нашли здесь больше сторонников.

Так, Т.Г. Кликушина и Д.А. Погорелова отделяют локализацию от перевода: «процесс локализации имеет отличительные черты, не только выделяющие его на фоне перевода, но и модифицирующие переводческую модель в целом» [15, с. 214]. А.О. Знамеровская и А.В. Агеева отмечают, что «локализация компьютерной игры – это объёмный сложный процесс, включающий в себя перевод, но не ограничивающийся им» [14, с. 221]. Последний вывод повторяет идею ранее упомянутых высказываний зарубежных авторов о том, что перевод – это только этап локализации.

В результате анализа работ по теме мы предлагаем собственное определение локализации видеоигр – «многоступенчатый процесс адаптации видеоигр для аудитории, не владеющей языком оригинала и обладающей собственными культурными ожиданиями, цель которого – обеспечить схожий опыт, независимо от того, на каком языке играет пользователь». В локализацию включены как сам перевод – то есть перенос на язык аудитории вербального компонента геймплея (всего, что произносят герои игры, что появляется в меню, настройках, субтитрах и т.п.), так и адаптация рекламных продуктов, сопутствующих видеоигре, при необходимости – работа с программным обеспечением и даже контроль за соблюдением игрой правовых норм страны, где она будет продаваться.

Примечательно, что многие современные исследования в области локализации видеоигр строятся на анализе готовых переводов и их критическом осмыслении с целью описать наиболее распространённые в данном виде деятельности стратегии и приёмы перевода, переводческие ошибки и неудачные решения [5], [11], [14], [24] и другие. Наличие большого числа работ, посвящённых критическому анализу локализаций, говорит не только об интересе к локализованным продуктам даже спустя годы после их выхода, но и о важности такого принципа, как обучение на ошибках. В данной работе для нас важнее не столько рассмотреть конкретные примеры ошибок на материале существующих видеоигр, сколько вывести общие закономерности, которые могут лечь в основу курсов по локализации. Мы приходим к выводу о том, что принцип обучения на ошибках также необходимо будет учесть при составлении собственных рекомендаций.

2. Исследование. Материалы и методология

Исследование проводилось в двух направлениях. Во-первых, на основе педагогического анализа литературы были изучены современные подходы к организации обучения переводу, представления о переводческой компетенции и особенностях её формирования, принципы отбора материала для обучения переводу. Теоретико-методологическую базу составили концепция знаний, навыков, умений (ЗУНов) Л. Занкова и Л. Выготского, а также идеи в области компетентного подхода в обучении переводу, изложенные Л.К. Латышевым.

Во-вторых, нами применялся метод педагогического моделирования, который позволил проанализировать общую схему подготовки переводчиков-локализаторов и факторы, влияющие на качество такой подготовки, а также предложить собственные практические, а точнее стратегические рекомендации, которые могли бы сделать образовательный процесс более эффективным и результативным. При этом под стратегиями мы понимаем общую концепцию обучения, набор или план действий по обучению определённым навыкам и умениям, а также педагогические стратегии – «творчески спланированную деятельность всех субъектов образовательного процесса по реализации педагогической цели, решению педагогической задачи, некоторых педагогических проблем на определённый период времени» [22, с. 20]. При этом материал исследования представлен образовательными программами по обучению локализации видеоигр и их учебными планами на базе российских и зарубежных высших учебных заведений (всего 4 программы).

3. Результаты исследования

3.1. Компетентностный подход в обучении локализации как специфическому виду переводческой деятельности

Мы определили, что переводческая компетенция (далее ПК) – это «совокупность знаний, умений и навыков, формируемых при освоении дисциплин учебного плана и позволяющих переводчику успешно решать свои профессиональные задачи» [18, с. 12], [28]. В зарубежной литературе под ПК также понимают «основную систему знаний и навыков, необходимых для перевода» [1, с. 74]. Таким образом, ПК можно назвать многокомпонентной компетенцией, которая вбирает в себя всё то, что необходимо переводчику для успешного осуществления своей деятельности [18]. Сюда можно отнести и языковые, и технологические навыки, и интеллектуальные и интуитивные способности специалиста.

ПК состоит из базовой и прагматической частей, поэтому её развитие требует комплексного, поэтапного подхода: от знаний к навыкам и умениям. Ключевыми для локализатора, как и переводчика в целом, являются интенциональные и операциональные умения.

Интенциональные умения – это умения, связанные с целеполаганием. Если глубже разобраться в специфике перевода как деятельности, то можно заметить, что интенциональный аспект перевода играет важную роль: очень часто переводчик не может обойтись «шаблонными», стандартными вариантами перевода, ему требуется находить творческие решения, перебирая и корректируя варианты, а значит, ему необходимо целеполагание. Для формирования и развития интенциональных умений часто используются «задания переводческого характера с обусловленным и мотивированным способом или несколькими способами выполнения перевода и последующим выбором оптимального варианта» [18, с. 15].

Также важно заметить, что в обучении переводу могут использоваться предпереводческие задания – то есть такие задания, которые способствуют развитию переводческих умений, но не предполагают выполнение перевода. Чаще всего такие задания развивают целеполагание, поэтому больше направлены на работу с интенциональными умениями. Примерами таких заданий может быть определение темы, жанра, стиля текста до начала его перевода, подготовка доклада по теме, на которую будет осуществляться перевод, задания на перефраз и многие др.

Понятие операциональных умений связано с операциональным аспектом перевода – реализацией некоторого замысла при осуществлении перевода. Разновидностью операциональных умений являются воспроизводящие и адаптирующие умения. Для формирования данных умений можно давать студентам задания на перевод, но они должны быть выстроены таким образом, чтобы по возможности тренировать выполнение только одной конкретной операциональной задачи – на начальных этапах обучения переводу это особенно важно. В качестве примеров Л.К. Латышев приводит задания на «передачу имплицитного (не вытекающего непосредственно из значений языковых знаков) содержания, перевод высказываний, содержащих разного рода «ловушки» для переводчика, использование того или иного типа трансформаций как инструмента для преодоления противоречий, возникающих при решении нескольких разноплановых переводческих задач» [18, с. 6].

Из вышесказанного вытекает следующее: материалом в обучении переводу являются учебные задания и тексты. При этом наиболее эффективным обучение является в том случае, когда задания и тексты связаны только с одной переводческой трудностью. Отдельное место также занимают задания, которые направлены на поиск и исправление переводческих ошибок, поскольку они формируют «представление о том, что есть плохо в переводе и чего в нём не должно быть» [18, с. 91].

Текст, являясь материалом для обучения, должен быть тщательно отобран в соответствии с принципами, зависящими от вида перевода и целей, поставленных перед обучающимися. Однако независимо от этого, исследователи в числе наиболее важных принципов отбора текста называют его аутентичность, оригинальность, доступность (как по величине, так и по сложности),

жанрово-стилистическую специфику и возможность узнать что-то новое о культуре и языке (то есть расширить кругозор) посредством работы с материалом [18], [23]. Поскольку нами было отмечено, что видеоигра часто рассматривается как креолизованный текст и разновидность аудиовизуального материала, мы считаем возможным её применение в формировании и развитии ПК.

3.2. Перспективы подготовки переводчика-локализатора в высшей школе. Анализ курсов

В сообществе любителей видеоигр, а также среди тех, кто их разрабатывает и переводит, можно встретить немало дискуссий о том, действительно ли настолько востребованы профессиональные переводчики-локализаторы или их можно заменить менее квалифицированными работниками. И действительно, каждый год множество игр локализуют «усилиями сообщества» (в зарубежной литературе – «Community Translation») [42]. Как отмечает Дж. О’Донелл, в таком случае речь идёт о локализации силами добровольцев, которые по своей воле и на безвозмездной основе или за низкую плату выполняют перевод игры для разработчика. Исследовательница называет таких волонтёров «узаконенными фанатами-переводчиками». Чаще всего в их число входят новички, любители или даже опытные, но всё ещё непрофессионалы.

Не вызывает сомнений, что решение о привлечении к переводу добровольцев связано с ограниченностью бюджета разработчиков и/или желанием сэкономить. При этом за неудовлетворительным результатом, что бывает закономерным после отказа от услуг профессионалов, часто следует наём профессиональных переводчиков для исправления (редактирования) переводов «силами сообщества». По выражению Дж. О’Донелл, «ещё один способ сокращения расходов для обеспечения (возможно) более высокого качества перевода – нанять профессионального переводчика для «редактирования» переводов сообщества или машинного перевода». Однако, как замечает автор, чаще всего качество перевода настолько сомнительно, что профессиональному переводчику-«редактору» приходится переводить всё заново. Ситуация осложняется не только издержками для разработчика, но и тем, что сами переводчики начинают терпеть убытки и нередко не получают компенсацию за дополнительную работу. На основе своего личного профессионального опыта Дж. О’Донелл заключает: «большинство опытных переводчиков не будут браться за редактирование машинного перевода или перевода, выполненного силами сообщества, даже под дулом пистолета» [42].

Таким образом мы проиллюстрировали, к чему приводит нехватка профессиональных переводчиков в сфере локализации видеоигр или пренебрежение их услугами. Однако вопреки всему, научных работ, которые бы выводили идею обучения локализации на новый уровень, предлагая изучать её именно в стенах университетов, а не в любительских проектах или на авторских курсах, крайне мало. В одной из немногих статей по теме М.М. Степанова и Ю.В. Котляр приходят к следующему заключению: «в настоящее время подготовка переводчиков-локализаторов видеоигр в вузах практически отсутствует, а коммерческие курсы не могут удовлетворить потребность рынка в квалифицированных кадрах, способных качественно выполнять работу по локализации игрового контента» [26, с. 60]. Дело не в отсутствии на рынке образовательных услуг, курсов по локализации видеоигр, а в том, что абсолютное большинство курсов осуществляются вне системы высшего образования; они не всегда отвечают государственным стандартам (которые, впрочем, недостаточно разработаны в этой области); они далеко не всегда соответствуют представлениям о компетентностном подходе к обучению переводческой деятельности; они не связаны с программами высшего образования по лингвистике и многое другое.

Всё вышесказанное вовсе не означает, что все авторские курсы не отвечают требованиям к подготовке переводчиков-локализаторов или предоставляют образовательные услуги низкого качества. Положительным аспектом в обучении на таких курсах может стать возможность практиковаться на реальных кейсах, получить ценные советы от действующих практиков индустрии (которые часто и являются авторами курсов), войти в какой-либо проект по окончании обучения. Мы полагаем, что с академической точки зрения основной сложностью является унификация и кодификация знаний, предлагаемых на коммерческих курсах, – информацию из них сложно

собрать в единое пособие, и вполне возможно, что на разных курсах используются совершенно разные подходы к обучению, которые могут идти вразрез с тем, чему обучают на программах высшего образования (в России это в первую очередь программы 45.03.02 и 45.04.02 для бакалавриата и магистратуры соответственно).

Статья М.М. Степановой и Ю.В. Котляра была написана в 2023 году, однако за два года ситуация практически не изменилась: как и прежде, «нехватка квалифицированных специалистов в области локализации видеоигровой продукции» остаётся серьёзной проблемой, а нескольких «частных онлайн-школ, которые предлагают краткосрочные курсы», вовсе недостаточно, чтобы ответить на спрос в данной сфере [26, с. 54].

В России и за рубежом набирают популярность образовательные программы по аудиовизуальному переводу, однако локализации видеоигр следует обучать в рамках отдельных, более узкоспециализированных дисциплин, поскольку перед локализатором стоит «ряд нестандартных задач». По мнению М.М. Степановой и Ю.В. Котляра, успешный переводчик-локализатор видеоигр должен хорошо разбираться в терминологии программного обеспечения, владеть на высоком уровне языком оригинала и языком перевода, демонстрировать не только понимание особенностей аудиовизуального перевода, но и креативность, культурную осведомлённость, в том числе по части популярной культуры [26]. Однако при всей совокупности требований, предъявляемых к переводчику-локализатору, приобрести эти знания в академической среде может быть непросто. Авторы исследования приходят к довольно критическому заключению: в учебных планах ведущих вузов России нет предметов, в рамках которых преподавались бы основы локализации. В то же время «в отдельных вузах, где в учебных планах имеется дисциплина «аудиовизуальный перевод», в рамках этой дисциплины вопросу локализации компьютерных игр в лучшем случае отводится от двух до четырёх часов» [26, с. 60]. Авторы заявляют о том, что образовательные программы университетов на данный момент не соответствуют реальной ситуации на рынке труда, который развивается параллельно и соразмерно рынку дистрибуции видеоигр.

Рассуждая о перспективах подготовки переводчика-локализатора, авторы предлагают следующую стратегию: наиболее оптимальный объём курса по локализации видеоигр – 32 академических часа (или хотя бы не менее 16 часов). В рамках курса в центре внимания должно быть формирование и развитие практических навыков и умений; в рамках курса должны преподаваться основы работы с актуальными, реально применяемыми средствами автоматизации перевода и специализированными компьютерными программами; в разработке и реализации курса по локализации видеоигр обязательно должны участвовать представители отрасли в лице руководителей и сотрудников компаний (как минимум потому, что преподаватели университетов, как правило, не имеют опыта в локализации и сами нуждаются в помощи и консультации). Наравне с перечисленным исследователи считают необходимым преподавание в рамках курса теории, например, «объяснение различий между локализацией и переводом, изучение принципов работы с видеоигрой как особым видом аудиовизуального материала» и многое другое [26, с. 61–62]. Отметим, что последний пункт может представлять особую сложность, поскольку внедрение курсов по локализации видеоигр в систему подготовки переводчиков потребует разработки практически с нуля необходимых учебных пособий, заключения договоров с компаниями, занимающимися локализацией, поиска преподавателей. Однако всё перечисленное можно рассматривать не как трудности, но как вызовы, преодолев которые современная образовательная система выиграет во многих аспектах.

Важно отметить, что в последние годы начались попытки повышения качества подготовки локализаторов. Рассмотрим в качестве примера те немногие курсы на базе высших учебных заведений, которые ставят перед собой задачу обучить локализации видеоигр и появились за последнее время (в анализ не будут включены англоязычные программы, ведь локализация обычно производится именно с английского языка – нас интересуют аутентичные курсы России, Испании и Латинской Америки).

Так, заслуживает упоминания годичная программа «Especialista en Traducción y Localización de Videojuegos» (рус. «Специалист по переводу и локализации видеоигр») частного онлайн-

университета Universidad a Distancia de Madrid или UDIMA (г. Мадрид, Испания)⁵. По заявлениям составителей программы, в результате её освоения студенты научатся локализовать не только трипл-эй проекты и инди-игры, но и рекламные материалы: мерчандайзинг, руководства и т.п. В программе также учтён тот факт, что локализаторам часто приходится выполнять переводы без учёта контекста, адаптировать культурные особенности. Отдельное внимание уделяется тому, как сделать видеоигры более доступными, в том числе для людей с ограниченными возможностями. Последнее мы считаем наиболее интересным, ведь, как покажет наш анализ, на данный момент не все программы заявляют о подобной задаче.

Заявляются цели данной программы – обучить студентов методам перевода и локализации видеоигр и работе с наиболее важными программными инструментами; показать процесс локализации от подготовки проекта до финальной фазы тестирования; сформировать у студентов владение приёмами и навыками, необходимыми для того, чтобы сделать видеоигры доступными; обучить созданию субтитров и дубляжа в видеоигровой индустрии; предложить подробное и конкретное обучение по управлению проектами перевода и локализации, а также дать представления о рынке труда и индустрии локализации видеоигр.

На данном этапе мы можем подчеркнуть удачное стратегическое решение авторов – внедрить в программу дополнительную информацию о ситуации на рынке труда и в видеоигровой индустрии, что поспособствует расширению кругозора обучающихся и позволит им лучше адаптироваться в конкурентной среде. Отдельного внимания заслуживает и тот факт, что в данном курсе локализация представлена в том виде, в каком мы описали её в предыдущей главе – как многоэтапный процесс, который включает в себя не только перевод вербальной составляющей компьютерной игры, но и адаптацию всех сопутствующих материалов, в том числе рекламной продукции.

Для освоения программы обучающиеся должны посещать вебинары, выполнять практические задания, однако сдавать экзамены для получения диплома не нужно. В то же время у программы есть вступительный порог: к обучению допускаются лица, интересующиеся переводом видеоигр, имеющие высшее образование (полученное в Испании или за рубежом), уровень владения английским языком C1 и высокий уровень владения языком, на который они будут переводить (рекомендуются испанский, итальянский, французский или немецкий, а также настоятельно рекомендуется, чтобы этот язык был родным).

Наконец, мы проанализировали список преподавателей программы и определили, что круг их научных интересов действительно включает в себя видеоигры, их изучение и локализацию. Среди преподавателей также есть те, кто параллельно работает в других вузах и по совместительству является опытным переводчиком-локализатором аудиовизуальных продуктов, например, О. Фрадес⁶.

Недостатком программы служит то, что она имеет статус «*título propio*», то есть является собственной квалификацией университета, а не официальной, государственной (такое часто встречается среди частных вузов). Однако нередко такие дипломы являются не менее востребованными.

Другой программой, которую мы сочли достаточно релевантной для включения в анализ, стал курс «Traducción y Localización de VideoJuegos» (рус. «Перевод и локализация видеоигр») от Universidad Tecnológica Nacional – FRRe (является филиалом одного из ведущих вузов Аргентины, расположен в г. Ресистенсия)⁷. Подобно предыдущей программе, данный курс также предоставляет возможность получения официального сертификата по его завершении. Возможно выбрать онлайн формат обучения. Продолжительность курса составляет 240 астрономических часов.

⁵ Especialista en Traducción y Localización de Videojuegos. UDIMA Режим доступа: <https://www.udima.es/especialista-traduccion-localizacion-videojuegos>

⁶ Óscar Frades. Universidad Complutense Madrid, <https://www.ucm.es/doctorado/doctorado-linguistica-inglesa/oscar-frades>

⁷ Traducción y Localización de VideoJuegos. Universidad Tecnológica Nacional – FRRe, <https://site.elearning-total.com/course/informatica-y-tecnologia-29/video-juegos-62/traduccion-y-localizacion-videojuegos/?com=fr>

Как подчёркивают сами составители, «программа обучения была специально разработана в ответ на высокий мировой спрос на специалистов в этой области». По их заявлениям, обучение носит теоретический и практический характер благодаря включению реальных практических работ по переводу и локализации видеоигр. Отдельное внимание отводится технической составляющей, связанной с использованием программных средств, поэтому к обучению подключается опытный преподаватель, который даёт пояснения, учебные материалы и практические упражнения.

Программу курса можно назвать обширной, поскольку она включает в себя изучение следующих аспектов: история видеоигр; классификация жанров видеоигр; типы текстов и продукты, подлежащие локализации; автоматические средства перевода; субтитрирование и дубляж видеоигр; рынок видеоигр; тестирование и контроль качества и многое другое. Отдельного упоминания заслуживает наличие разделов «Какие тексты нужно и не нужно переводить», «Первые плохие локализации» (что сразу же напоминает нам о пиратской локализации в России 90-х–начала 2000-х гг.), «Как улучшить пользовательский опыт» и «Обучение посредством видеоигр».

Курс адресован устным и письменным переводчикам, а также студентам переводческих факультетов, желающим получить специальные знания в области перевода и локализации. К желающим обучаться предъявляются следующие требования: отличный уровень владения интересующим языком; хороший уровень владения английским языком; хороший уровень понимания текстов, умение работать с инструментами Windows и Office; знания по использованию ПК и Интернета и т.п. В отличие от предыдущей, данная программа включает в себя прохождение промежуточных и итоговых экзаменов.

Других релевантных программ в испаноязычных странах обнаружено не было.

Далее мы обратимся к отечественным программам по локализации видеоигр на базе высших учебных заведений. К таковым относится программа дополнительного обучения «Практические подходы к локализации видеоигр» от МИСИС⁸. Поскольку это курс ДПО, его продолжительность меньше – 36 академических часов. Формат обучения – онлайн.

По заявлениям авторов, программа даст обучающимся представление о понятии локализации видеоигр и её цели, процессе подготовки к локализации видеоигры, объяснит отличия локализации от интернационализации, раскроет понятие культурной адаптации и её необходимость в локализации видеоигр, обучит практическим подходам к процессу локализации видеоигры, раскроет ситуацию на мировом и российском рынках локализации видеоигр.

Курс адресован «студентам лингвистических специальностей, а также преподавателям переводческих дисциплин». Среди преимуществ программы разработчики выделяют «практические задания по локализации на основе материалов из существующих видеоигр, работу над собственным проектом по локализации на протяжении курса, возможность начать набирать портфолио и повышать доступность видеоигр для русскоязычных геймеров». Примечательно, что, несмотря на разницу в продолжительности и наполнении, данный курс также затрагивает проблему доступности видеоигр (что предполагает создание условий, подходящих для игроков с ограниченными возможностями здоровья). Информации о преподавательском составе на странице курса нет, однако в качестве ведущего заявлен Д.М. Сараф – руководитель команды локализации компании с солидным послужным списком.

Другим примером является дисциплина «Локализация продуктов на новые рынки», реализуемая в рамках программы профессиональной переподготовки «Менеджмент игровых проектов» от ВШЭ длительностью 16 академических часов⁹.

⁸ Программа дополнительного обучения Практические подходы к локализации видеоигр. Кафедра иностранных языков и коммуникативных технологий МИСИС, <https://linguastudies.misis.ru/prakticheskie-podhody-k-lokalizatsii-videoigr/>

⁹ Локализация продуктов на новые рынки. Центр развития компетенций в бизнес-информатике, логистике и управлении проектами Института открытых программ дополнительного образования Высшей школы бизнеса, https://hsbi.hse.ru/programs/vocational_retraining/management-igrovyykh-internet-proektov/m-uchebnyy-plan/lokalizatsiya-produktov/

Это не отдельная образовательная программа, но за время прохождения дисциплины предполагается, что слушатели «изучат основы процесса локализации, получают базовые навыки планирования и осуществления локализации продукта на новые рынки». Под продуктом в этом случае понимаются именно видеоигры. В содержание дисциплины входят следующие вопросы: понятие и типы локализации; отличие интернационализации от локализации; озвучивание и лингвистическое тестирование; работа со специализированными программами; схема работы с поставщиками услуг локализации; культурные переменные в локализации игр и многое другое. На наш взгляд, одним из наиболее интересных пунктов, который пока не звучал в предыдущих программах, является «рабочий процесс взаимодействия разработчиков и локализаторов» и «переговоры». Несмотря на то, что программа нацелена на подготовку геймдизайнеров или руководителей проекта, нежели переводчиков, данный раздел будет интересен всем, кто так или иначе хочет работать в видеоигровой индустрии. Заслуживает упоминания и тот факт, что каждый из преподавателей является действующим практиком индустрии – продюсером, директором и т.п. Однако среди них нет ни одного переводчика-локализатора.

Несмотря на наличие многих положительных черт и пересечений с испанской и аргентинской программами, самым главным преимуществом упомянутых российских курсов является их наличие как таковое – в результате нам не удалось найти другой программы на базе российского вуза из числа ведущих, которая была бы посвящена исключительно видеоигровой локализации, а не аудиовизуальному переводу или локализации другой продукции.

4. Обсуждение результатов

Несмотря на то, что в видеоигровой индустрии до сих пор распространена локализация «усилиями сообщества», к данной работе стоит привлекать именно профессионалов в области перевода – это не только повышает качество готового продукта, но и нередко сокращает непредвиденные расходы.

В России и за рубежом сравнительно немного курсов по подготовке переводчиков-локализаторов, а случаи преподавания локализации видеоигр на базе высших учебных заведений – единичны, что демонстрирует несоответствие университетских программ реальному спросу на рынке труда.

Видеоигровую локализацию можно преподавать либо в рамках специализированной программы, посвящённой исключительно ей, либо в качестве дисциплины по выбору для студентов лингвистического профиля. В первом случае к разработке и реализации курса стоит привлекать действующих практиков индустрии, и такой курс должен иметь практическую направленность, но при этом идти в ногу с актуальными тенденциями в системе высшего образования, иметь высокий порог вхождения (то есть к обучению должны допускаться лица с соответствующим профилем образования) и т.д. Во втором случае локализация и перевод видеоигр могут стать средством расширения кругозора, повышения конкурентоспособности обучающихся, источником аутентичных текстов.

Мы считаем возможным обучение локализации видеоигр в системе высшего образования на базе университетов, где осуществляется подготовка лингвистов-переводчиков. На наш взгляд, в высших учебных заведениях готовят недостаточно специалистов, которые смогли бы занять формирующуюся на рынке труда нишу высококвалифицированных переводчиков-локализаторов. Текущая ситуация показывает, что видеоиграми занимаются уже не любители, а профессионалы.

В тех случаях, когда речь идёт не о запуске отдельного узкоспециализированного курса, а о подготовке специалистов широкого профиля, мы считаем возможным введение в университетские учебные планы дисциплины «Локализация и перевод видеоигр» в качестве факультативной. Мы полагаем, что в перспективе такое решение позволит выпустить специалиста с фоновыми знаниями в областях, прилегающих к его основной специальности, что в будущем может

позитивно сказаться как на рынке труда, так и на образовательной системе, ведь специалисты с широким кругозором будут способны привнести в неё новые идеи, внедрить новаторские подходы к преподаванию и переводу.

Локализацию видеоигр можно считать полезной в тех случаях, когда речь идёт о формировании как комплекса довольно специфических навыков и умений, так и переводческой компетенции в целом.

На основе полученных выводов мы можем дать собственные практические или, что уместно в контексте данной работы, стратегические рекомендации относительно того, каким должно быть обучение локализации.

Цель обучения локализации – подготовить специалистов, способных профессионально заниматься локализацией видеоигр, включая перевод и адаптацию внутриигровых текстов, а также всех сопутствующих материалов.

Целевой аудиторией должны являться студенты и выпускники программ по лингвистике и переводу, владеющие английским языком и другим языком по выбору на высоком уровне и желающие освоить навыки локализации.

Содержание программы по обучению локализации должно включать в себя теоретический и практический блоки.

Теоретический блок может быть представлен занятиями на тему «Определение понятий «перевод» и «локализация»», «Обзор истории локализации видеоигр», «Роль локализации в индустрии видеоигр». Отдельное внимание должно уделяться тому, что подлежит локализации: важно развеять заблуждение о том, что локализация видеоигр есть перевод вербальной составляющей игры. В рамках теоретического блока необходимо дать представление о том, что локализация включает в себя не только перевод текстов в самой компьютерной игре, но и адаптацию аудиодорожки, визуальных элементов, культурных компонентов, которые представлены как в самой игре, так и в сопутствующих материалах. Отдельно можно провести сравнение с другими видами перевода, затронуть тему видеоигр как законченных произведений, при переводе которых необходимо учитывать все вышеперечисленные особенности.

В практическом блоке можно более детально разобрать каждый этап локализации. Отдельно – внутриигровых текстов (диалогов и субтитров, механик и интерфейса), и также отдельно – сопутствующих материалов (руководств пользователя, рекламных материалов).

Стратегия обучения локализации видеоигр также должна включать в себя анализ реально существующих локализаций, которые признаны успешными или неудачными, как это делается на других занятиях по переводу, где полезным упражнением является поиск и объяснение переводческих ошибок, выявление переводческих трансформаций и др.

Стратегически важным решением также является включение в обучение информации о «ловушках» и сложностях в локализации, о которых лучше всех смогут рассказать только те, кто имеет опыт работы в видеоигровой индустрии, поэтому к составлению и/или реализации курса необходимо привлекать специалистов-локализаторов со стажем.

В рамках обучения важно дать представление о реальной ситуации на рынке труда, о том, как найти работу в этой сфере. На наш взгляд, привлечение студентов и выпускников университетов в видеоигровые проекты по окончании обучения может быть проблематичным, ведь современные высшие учебные заведения не занимаются распределением специалистов – они могут, но не обязаны помогать с поиском работы. На наш взгляд, в высшей школе куда важнее обучить жёстким навыкам и обеспечить площадку для совершенствования мягких навыков. Поэтому обучение локализации видеоигр будет более эффективным, если преподаватели расскажут о том, как ведутся переговоры и взаимодействие с клиентами в этой индустрии, как избежать ошибок, как строится работа в команде и т.п.

Наконец, перспективным кажется углублённое обучение локализации в соответствии с принципами доступности видеоигр, под которой понимается адаптация продукта для разных категорий игроков, в том числе для игроков с ограниченными возможностями. Подчеркнём, что команды любителей или лица, прошедшие базовые курсы по локализации, не смогут совершить прорыв

в данном направлении. Необходимо привлекать людей с высшим образованием, имеющих знания в области дефектологии, для чего критически важна разработка соответствующих образовательных программ.

© А.А. Корчуганова, И.Б. Котеняткина, 2025

Список литературы

1. Алимов Т.Э. Основы переводческой компетенции / Т.Э. Алимов, И.А. Усманов // Вестник науки и образования. 2022. № 1-2 (121). С. 72–75.
2. Ань Л. Компьютерная игра как разновидность креолизованного текста / Л. Ань // Евразийское научное объединение. 2020. № 6-5 (64). С. 376–379.
3. Бархатова Е.Ю. Game Studies и основные подходы к изучению видеоигр / Е.Ю. Бархатова // Молодой учёный. 2022. № 23 (418). С. 174–176.
4. Богданова К.В. Англоязычный дискурс ролевых видеоигр: интертекстуальный аспект / К.В. Богданова // Rhema. 2017. № 2. С. 27–40.
5. Болотина М.А. Лексические проблемы перевода компьютерных игр / М.А. Болотина, Е.В. Кузьмина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. № 1. С. 43–50.
6. Васильев А.А. Термин «компьютерная игра»: опыт междисциплинарного анализа / А.А. Васильев, Ю.В. Печатнова // Пролог: журнал о праве. 2021. № 2 (30). С. 131–138.
7. Ветушинский А.С. Game Studies в России: год восьмой / А.С. Ветушинский, А.С. Салин // Социология власти. 2020. Т. 32. № 3. С. 8–13.
8. Ветушинский А.С. To Play Game Studies Press the START / А.С. Ветушинский // Логос. 2015. № 1. С. 41–60.
9. Вишнякова С.М. Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика / С.М. Вишнякова. М.: НМЦ СПО, 1999. 538 с.
10. Галанина Е.В. Видеоигра: онтология виртуального мира / Е.В. Галанина // Всероссийский форум молодых учёных: сборник материалов. 2017. С. 48–57.
11. Гусенкова Е.А. Видеоигра как аудиовизуальное произведение: проблема компрессии текста при субтитровании видеоигр (на примере "Fallout 4") / Е.А. Гусенкова // Язык, коммуникация и социальная среда. 2020. № 18. С. 60–74.
12. Енбаева Л.В. Дискурсивные характеристики компьютерных игр: сопоставительный анализ / Л.В. Енбаева, Ю.С. Ханжин // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 4. С. 113–122.
13. Задворнов А.Н. Е-хомо и постчеловек: на пути к эволюционному расколу / А.Н. Задворнов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8, № 2А. С. 16–23.
14. Знамеровская А.О. Междисциплинарность как ключевая характеристика процесса локализации компьютерных игр / А.О. Знамеровская, А.В. Агеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. №1. С. 218–222.
15. Кликушина Т.Г. Трудности перевода и локализации компьютерных игр в жанре интерактивного кино / Т.Г. Кликушина, Д.А. Погорелова // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2022. № 1. С. 211–223.
16. Коптелова С.А. Лингвистические аспекты локализации видеоигр / С.А. Коптелова, Е.А. Руцкая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. № 14(3). С. 16–25.
17. Коробейникова С.В. История появления и становления аудиовизуального перевода в деятельности редакции вещания на национальных языках ГТРК «Карелия» / С.В. Коробейникова, Т.А. Морозова // Филологические исследования. 2020. Т. 12.
18. Латышев Л.К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. Лингв. вузов и фак. 2-е изд., перераб. и доп. / Л.К. Латышев. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 320 с.
19. Огулов С.А. Нарратив // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/c/narrativ-e32ac9/?v=10622504> (дата доступа 15.02.2025).
20. Павлов А.В. Проблемы локализации ММОРПГ (Многопользовательских Ролевых Он-лайн-игр) / А.В. Павлов, Н.А. Каширина // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6-2. С. 159–161.
21. Подвальный М.А. Видеоигры // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/c/videoigra-915272/?v=6558368> (дата доступа 15.02.2025).
22. Потапова Л.С. Научно-педагогический анализ сущности понятия «педагогические стратегии» / Л.С. Потапова // Magister. 2023. № 1. С. 16–21.
23. Пушкина А.В. Специфика отбора учебных материалов при обучении устному последовательному переводу / А.В. Пушкина // Информационные технологии в преподавании и научно-технический перевод. 2014. С. 91–94.
24. Рюкова А.Р. Перевод имён собственных при локализации мультиплатформенных компьютерных игр / А.Р. Рюкова, Е.А. Филимонова // Филология и искусствоведение. Вестник Башкирского ун-та. 2016. Т. 24. № 4. С. 968–973.
25. Селютин А.А. Дискурс видеоигр: к вопросу о терминологии / А.А. Селютин // Вестник ЧелГУ. 2022. № 3 (461). С. 138–144.
26. Степанова М.М. Перспективы подготовки переводчика-локализатора видеоигр в вузе / М.М. Степанова, Ю.В. Котляр // Вопросы методики преподавания в вузе. 2023. №2. С. 51–65.
27. Харлашкин М.Н. Особенности дискурса видеоигр / М.Н. Харлашкин // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 92–98.

28. Хопияйнен О.А. Формирование переводческой компетенции как важный компонент профессиональной подготовки лингвистов профиля «Перевод и переводоведение» / О.А. Хопияйнен // Вестник ЮГУ. 2017. № 1–2 (44).
29. Хосиев В.Т. Видеоигра как жанр компьютерного дискурса (на материале серии игр The lord of the rings) / В.Т. Хосиев, Д.Ф. Мырина // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сб. материалов XV Междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых учёных, Томск, 19–21 мая 2015 г.: в 3 ч. Ч. 2. 2015. С. 157–164.
30. Чаплин Е.В. Компьютерная игра как креолизованный текст / Е.В. Чаплин // Книга в современном мире: диалектика вербального и визуального: Материалы всероссийской научной конференции. 2017. С. 206–211.
31. Штейнман М.А. Game Studies // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. – URL: <https://bigenc.ru/c/game-studies-651477?v=5355340> (дата доступа 15.02.2025).
32. Якунина В.Г. Лингвоиндустрия: локализация и перевод / В.Г. Якунина, Е.В. Шевченко // Наука без границ. 2017. № 6 (11). С. 16–20.
33. Al-Batineh M. Current trends in localizing video games into Arabic: Localization levels and gamers' preferences / M. Al-Batineh, R. Alawneh // Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice. 2022. № 30(2). P. 323–342.
34. Álvarez-Bolado Sánchez C. La localización de videojuegos: un caso de colaboración interdisciplinaria / / C. Álvarez-Bolado Sánchez, G. Almoguera Navarrete // Actas del XXVIII Congreso Internacional de la Asociación Española de Lingüística Aplicada (AESLA). – 2010 [Электронный ресурс]. – URL: <https://oa.upm.es/9395/> (дата доступа 11.02.2025).
35. Bernal-Merino M.A. Translation and Localisation in Video Games: Making Entertainment Software Global / M.A. Bernal-Merino. New York: Routledge, 2015. 302 p.
36. Ensslin A. Discourse of Games / A. Ensslin // The International Encyclopedia of Language and Social Interaction. Ch. Discourse of Games. 2015. № 5. P. 406–411.
37. Frasca G. Ludologists love stories, too: notes from a debate that never took place / G. Frasca // Proceedings of DiGRA 2003 Conference: Level Up. 2003. P. 92–99.
38. Frasca G. Ludology Meets Narratology: similitudes and differences between (video)games and narrative / G. Frasca // Parnasso. 1999. № 3. P. 365–371.
39. Juul J. The definitive history of games and stories, ludology and narratology // The Ludologist [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.jesperjuul.net/ludologist/2004/02/> (дата доступа 20.02.2025).
40. Konzack L. Computer Game Criticism: A Method for Computer Game Analysis / L. Konzack // Proceedings of Computer Games and Digital Cultures Conference. 2002. P. 89–100.
41. Leroy C. Translation in videogames: Translating Immersion A translation study of The Elder Scrolls and Outer Wilds / C. Leroy, J. Walker. Université Lumière Lyon 2, 2023. 97 p.
42. O'Donnell J. Too Many Cooks – Your Game Localization and Community Translation // IGDA [Электронный ресурс]. – URL: <https://igda.org/news-archive/too-many-cooks-your-game-localization-and-community-translation/> (дата доступа 26.03.2025).
43. O'Hagan M. Video games as a new domain for translation research / M. O'Hagan // Revista Tradumàtica – Traducció i Tecnologies de la Informació i la Comunicació Localització de videojocs. 2007. № 5. P. 1–7.
44. Sajna M. Video Game Translation and Cognitive Semantics / M. Sajna. Berlin: Peter Lang Verlag, 2016. – 157 p.
45. Smith A. Libraries in the Twenty-First Century / A. Smith. Chandos Publishing, 2007. 404 p.
46. Steiert Y. The art of video game translation / Y. Steiert, A. Steiert // MultiLingual. 2014. P. 58–65.
47. Tariq A. The Rising Field of Video Game Translation / A. Tariq. University of Basra, 2023. 32 p.

References

1. Alimov, T.E. Osnovy perevodcheskoi kompetentsii [Fundamentals of translation competence] / T.E. Alimov, I.A. Usmanov *Vestnik nauki i obrazovaniia* [Bulletin of Science and Education]. 2022. № 1-2 (121). P. 72–75.
2. An, L. Kompyuternaia igra kak raznovidnost kreolizovannogo teksta [Computer game as a type of creolized text] / L. An. *Yevraziiskoe nauchnoe ob'edinenie* [Eurasian scientific association]. 2020. № 6-5 (64). P. 376–379.
3. Barkhatova, E.Iu. Game Studies i osnovnie podkhodi k izucheniiu videoigr [Game Studies and the Main Approaches to the Study of Video Games] / E.Iu. Barkhatova, *Molodoi uchenii* [Young Scientist]. 2022. № 23 (418). P. 174–176.
4. Bogdanova, K.V. Anglo iazichnii diskurs rolevikh videoigr: intertekstualnii aspekt [English-language discourse of role-playing video games: intertextual aspect] / K.V. Bogdanova. *Rhema*. 2017. № 2. P. 27–40.
5. Bolotina, M.A. Leksicheskie problemy perevoda kompiuternikh igr [Lexical problems of translation of computer games] / M.A. Bolotina, E.V. Kuzmina. *Vestnik Baltiiskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, pedagogy, psychology]. 2019. № 1. P. 43–50.
6. Vasilev, A.A. Termin «kompiuternaia igra»: opyt mezhdistsiplinarnogo analiza [The term “computer game”: an experience of interdisciplinary analysis] / A.A. Vasilev, Iu.V. Pechatnova. *Prolog: zhurnal o prave* [Prologue: journal on law]. 2021. № 2 (30). P. 131–138.
7. Vetushinskii, A.S. Game Studies v Rossii: god vosmoi [Game Studies in Russia: Year Eight] / A.S. Vetushinskii, A.S. Salin. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. 2020. T. 32. № 3. P. 8–13.
8. Vetushinskii, A.S. To Play Game Studies Press the START / A.S. Vetushinskii. *Logos*. 2015. № 1. P. 41–60.
9. Vishniakova, S.M. *Professionalnoe obrazovanie: Slovar. Kliuchevie poniatia, termini, aktualnaia leksika* [Professional education: Dictionary. Key concepts, terms, current vocabulary] / S.M. Vishniakova. M.: NMTs SPO, 1999. 538 p.

10. Galanina, E.V. Videoigra: ontologiya virtualnogo mira [Video game: ontology of the virtual world] / E.V. Galanina. *Vserossiiskii forum molodikh uchenykh: sbornik materialov* [All-Russian forum of young scientists: collection of materials]. 2017. P. 48–57.
11. Gusenkova, E.A. Videoigra kak audiovizualnoe proizvedenie: problema kompressii teksta pri subtitirovanii videoigr (na primere “Fallout 4”) [Video game as an audiovisual work: the problem of text compression when subtitling video games (using “Fallout 4” as an example)] / E.A. Gusenkova. *Iazyk, kommunikatsiia i sotsialnaia sreda* [Language, communication and social environment]. 2020. № 18. P. 60–74.
12. Enbaeva, L.V. Diskursivnye kharakteristiki kompiuternykh igr: sopostavitelnyi analiz [Discursive characteristics of computer games: a comparative analysis] / L.V. Enbaeva, Iu.S. Khanzhin. *Vestnik PNIPU. Problemy iazikoznaniia i pedagogiki* [Problems of Linguistics and Pedagogy]. 2018. № 4. P. 113–122.
13. Zadornov, A.N. E-homo i postchelovek: na puti k evoliutsionnomu raskolu [E-homo and posthuman: on the way to an evolutionary split] / A.N. Zadornov. *Kontekst i refleksii: filosofii o mire i cheloveke* [Context and reflection: philosophy about the world and man]. 2019. T. 8, № 2A. P. 16–23.
14. Znamerovskaia, A.O. Mezhdistsiplinarnost kak kliuchevaia kharakteristika protsessa lokalizatsii kompiuternykh igr [Interdisciplinarity as a key characteristic of the process of localization of computer games] / A.O. Znamerovskaia, A.V. Ageeva. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Theoretical and practical issues]. 2021. №1. P. 218–222.
15. Klikushina, T.G. Trudnosti perevoda i lokalizatsii kompiuternykh igr v zhanre interaktivnogo kino [Difficulties of translation and localization of computer games in the genre of interactive cinema] / T.G. Klikushina, D.A. Pogorelova. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova* [Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov]. 2022. № 1. P. 211–223.
16. Koptelova, S.A. Lingvisticheskie aspekty lokalizatsii videoigr [Linguistic aspects of video games localization] / S.A. Koptelova, E.A. Rutskaia. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology]. 2022. № 14(3). P. 16–25.
17. Korobeinikova, S.V. Istoriia poiavleniia i stanovleniia audiovizualnogo perevoda v deiatelnosti redaktsii veshchaniia na natsionalnykh iazykakh GTRK «Kareliya» [History of the emergence and development of audiovisual translation in the work of the editorial office of broadcasting in national languages of the State Television and Radio Broadcasting Company “Karelia”] / S.V. Korobeinikova, T.A. Morozova. *Filologicheskie issledovaniia* [Philological studies]. 2020. T. 12.
18. Latyshev, L.K. *Tekhnologiya perevoda: Ucheb. posobie dlia stud. lingv. vuzov i fak* [Translation technology: Textbook for students of linguistics, universities and faculties]. – 2-e izd., pererab. i dop. / L.K. Latyshev. M.: Izdatelskii tsentr «Akademii», 2005. 320 p.
19. Ogudov, S.A. Narrativ [Narrative]. *Bolshaia rossiiskaia entsiklopediia: nauchno-obrazovatelnyi portal* [The Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal] // <https://bigenc.ru/c/narrativ-e32ac9/?v=10622504> (Accessed 15.02.2025).
20. Pavlov, A.V. Problemy lokalizatsii MMORPG (Mnogopolzovatel'skikh Rolevykh On-lain-igr) [Problems of MMORPG (Massively Multiplayer Online Role-Playing Games) Localization] / A.V. Pavlov, N.A. Kashirina. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniia* [International Journal of Experimental Education]. 2014. № 6-2. P. 159–161.
21. Podvalnii, M.A. Videoigri [Video games]. *Bolshaia rossiiskaia entsiklopediia: nauchno-obrazovatelnyi portal* [The Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal], <https://bigenc.ru/c/videoigra-915272/?v=6558368> (Accessed 15.02.2025).
22. Potapova, L.S. Nauchno-pedagogicheskii analiz sushchnosti poniatiiia “pedagogicheskie strategii” [Scientific and pedagogical analysis of the essence of the concept “pedagogical strategies”] / L.S. Potapova. *Magister*. 2023. № 1. P. 16–21.
23. Pushkina, A.V. Spetsifika otbora uchebnykh materialov pri obuchenii ustnomu posledovatel'nomu perevodu [Specifics of selection of educational materials in teaching consecutive interpretation] / A.V. Pushkina. *Informatsionnye tekhnologii v prepodavanii i nauchno-tekhnicheskii perevod* [Information technologies in teaching and scientific and technical translation]. 2014. P. 91–94.
24. Riukova, A.R. Perevod imen sobstvennykh pri lokalizatsii multiplatformennykh kompiuternykh igr [Translation of proper names in the localization of multi-platform computer games] / A.R. Riukova, E.A. Filimonova. *Filologiya i iskusstvovedenie* [Philology and Art Criticism]. *Vestnik Bashkirskogo un-ta*. 2016. T. 24. № 4. P. 968–973.
25. Seliutin, A.A. Diskurs videoigr: k voprosu o terminologii [Video game discourse: on the issue of terminology] / A.A. Seliutin. *Vestnik ChelGU* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2022. № 3 (461). P. 138–144.
26. Stepanova, M.M. Perspektivy podgotovki perevodchika-lokalizatora videoigr v vuze [Prospects for training video game translator-localizers at a university] / M.M. Stepanova, Iu.V. Kotlyar. *Voprosy metodiki prepodavaniia v vuze* [Questions of teaching methods at a university]. 2023. №2. P. 51–65.
27. Kharlashkin, M.N. Osobennosti diskursa videoigr [Features of video game discourse] / M.N. Kharlashkin. *Vestnik MGOU* [Bulletin of MGOU]. *Seriya: Lingvistika*. 2016. № 1. P. 92–98.
28. Khopiiainen, O.A. Formirovanie perevodcheskoi kompetentsii kak vazhnyi komponent professionalnoi podgotovki lingvistov profil'ia «Perevod i perevodovedenie» [Formation of translation competence as an important component of professional training of linguists in the field of “Translation and translation studies”] / O.A. Khopiiainen. *Vestnik IuGU* [Bulletin of YSU]. 2017. № 1-2 (44).
29. Khosiev, V.T. Videoigra kak zhanr kompiuternogo diskursa (na materiale serii igr The lord of the rings) [Video game as a genre of computer discourse (based on the game series The Lord of the Rings)] / V.T. Khosiev, D.F. Mymrina. *Kommunikativnye aspekty iazyka i kultury: sb. materialov XV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. studentov i molodykh uchenykh* [Communicative aspects of language and culture: collection of materials of the XV International scientific and practical conference of students and young scientists], Tomsk, 19–21 maia 2015 g.: v 3 ch. vol. 2. 2015. P. 157–164.
30. Chaplin, E.V. Kompiuternaia igra kak kreolizovannyi tekst [Computer game as a creolized text] / E.V. Chaplin. *Kniga v sovremennoi mire: dialektika verbal'nogo i vizual'nogo: Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Book in the modern world: dialectic of the verbal and visual: Proceedings of the All-Russian scientific conference]. 2017. P. 206–211.

31. Shteinman, M.A. Game Studies. *Bolshaia rossiiskaia entsiklopediia: nauchno-obrazovatel'nyi portal* [The Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal] // <https://bigenc.ru/c/game-studies-651477/?v=5355340> (Accessed 15.02.2025).
32. Iakunina, V.G. Lingvoindustriia: lokalizatsiia i perevod [Linguistic industry: localization and translation] / V.G. Iakunina, E.V. Shevchenko. *Nauka bez granits* [Science without borders]. 2017. № 6 (11). P. 16–20.
33. Al-Batineh, R. Alawneh. *Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice*. 2022. № 30(2). P. 323–342.
34. Álvarez-Bolado, Sánchez C. La localización de videojuegos: un caso de colaboración interdisciplinaria / C. Álvarez-Bolado Sánchez, G. Almoguera Navarrete. *Actas del XXVIII Congreso Internacional de la Asociación Española de Lingüística Aplicada (AESLA)*, oa.upm.es/9395/ (Accessed 11.02.2025).
35. Bernal-Merino, M.A. *Translation and Localisation in Video Games: Making Entertainment Software Global* / M.A. Bernal-Merino. New York: Routledge, 2015. 302 p.
36. Ensslin, A. Discourse of Games / A. Ensslin. *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction. Ch. Discourse of Games*. 2015. № 5. P. 406–411.
37. Frasca, G. Ludologists love stories, too: notes from a debate that never took place / G. Frasca. *Proceedings of DiGRA 2003 Conference: Level Up*. 2003. P. 92–99.
38. Frasca, G. Ludology Meets Narratology: similitudes and differences between (video)games and narrative / G. Frasca. *Parnasso*. 1999. № 3. P. 365–371.
39. Juul, J. The definitive history of games and stories, ludology and narratology. *The Ludologist*, www.jesperjuul.net/ludologist/2004/02/ (Accessed 20.02.2025).
40. Konzack, L. Computer Game Criticism: A Method for Computer Game Analysis / L. Konzack. *Proceedings of Computer Games and Digital Cultures Conference*. 2002. P. 89–100.
41. Leroy, C. *Translation in videogames: Translating Immersion A translation study of The Elder Scrolls and Outer Wilds* / C. Leroy, J. Walker. Université Lumière Lyon 2, 2023. 97 p.
42. O'Donnell, J. Too Many Cooks – Your Game Localization and Community Translation. *IGDA*. igda.org/news-archive/too-many-cooks-your-game-localization-and-community-translation/ (Accessed 26.03.2025).
43. O'Hagan, M. Video games as a new domain for translation research / M. O'Hagan. *Revista Tradumàtica – Traducció i Tecnologies de la Informació i la Comunicació Localització de videojocs*. 2007. № 5. P. 1–7.
44. Sajna, M. *Video Game Translation and Cognitive Semantics* / M. Sajna. Berlin: Peter Lang Verlag, 2016. 157 p.
45. Smith, A. *Libraries in the Twenty-First Century* / A. Smith. Chandos Publishing, 2007. 404 p.
46. Steiert, Y. The art of video game translation / Y. Steiert, A. Steiert. *MultiLingual*. 2014. P. 58–65.
47. Tariq A. The Rising Field of Video Game Translation / A. Tariq. University of Basra, 2023. 32 p.

Сведения об авторах:

Корчуганова Анастасия Александровна – аспирант кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: межкультурная коммуникация, методика обучения иностранным языкам, методика обучения переводу, локализация.

E-mail: ankor-01@mail.ru

ORCID ID: 0009-0001-3224-0995

Котеняткина Ирина Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: социолингвистика, межкультурная коммуникация, переводоведение, локализация, игровой жаргон.

E-mail: kotenyatkina_ib@pfur.ru

ORCID ID: 0000-0001-7205-7127

Researcher ID: Z-2289-2019

Scopus Author ID: 57216884657

About the authors:

Anastasiia A. Korchuganova, is PhD Student of the Department of Foreign Languages, RUDN University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: intercultural communication, methods of teaching foreign languages, methods of teaching translation, localization.

E-mail: ankor-01@mail.ru

ORCID ID: 0009-0001-3224-0995

Irina B. Koteniatkina, PhD, is Associate Professor of the Department of Foreign Languages, RUDN University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: sociolinguistics, intercultural communication, translation studies, localization, gaming slang.

E-mail: kotenyatkina_ib@pfur.ru

ORCID ID: 0000-0001-7205-7127

Researcher ID: Z-2289-2019

Scopus Author ID: 57216884657

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интереса.

No conflict of interest is declared.

* * *

Simultaneous Interpretation of Lexical Expressive Means in Modern Social and Political Discourse

Kristina V. Rakova

MGIMO UNIVERSITY

119454, 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The research explores the features of simultaneous translation of lexical means of expression in modern socio-political discourse. The relevance of the paper stems from the widespread use of linguistic means of expression in the speeches of public leaders and politicians, which poses significant difficulties for a simultaneous interpreter and increases the risks of making mistakes in simultaneous translation. The aim of the study was to examine the lexical expressive means in modern social and political discourse and the features of their simultaneous translation from English into Russian. The paper analyses cases of the use of lexical expressive means in social and political discourse based on recent speeches by political and public leaders in Russia and some Western countries. In the first part of the research, the author analyses the texts of speeches by the heads of state, government and international organizations for 2024-2025, in which such lexical linguistic means as metaphor, hyperbole, litotes, oxymoron, metonymy, personification, epithet, allusion and comparison were found. In the second part of the study, the author uses materials from the speech of the British Prime Minister K. Starmer at the general debate of the 79th session of the UN General Assembly on September 26, 2024 as secondary empirical data, and examines the lexical linguistic tools used by K. Starmer and the UN official simultaneous interpretation from English into Russian. For the analysis, the author has transcribed the audio recording with simultaneous interpretation of K. Starmer's speech and compared the translation of the UN interpreters with the original text and video recording of the speech published on the UN General Assembly official website. In total, 11 epithets, 4 phraseological units and 1 idiom were found in the text of the speech. The results of the study identified the main difficulties and errors that can arise with simultaneous translation in social and political discourse. The author comes to the conclusion that the interpretation of lexical linguistic means of expression requires from a simultaneous interpreter not only certain skills and competencies, but also eloquence, erudition and intercultural awareness.

Keywords: lexical expressive means, social and political discourse, simultaneous interpretation, competences, the speech of the British Prime Minister K. Starmer

For citation: Rakova K.V. (2025). Simultaneous Interpretation of Lexical Expressive Means in Modern Social and Political Discourse. *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(4), pp. 126–140. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-126-140>

Синхронный перевод лексических средств выразительности в современном общественно-политическом дискурсе

К.В. Ракова

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
119454, Москва, проспект Вернадского 76

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей синхронного перевода лексических средств выразительности в современном общественно-политическом дискурсе. Актуальность исследования обусловлена широким распространением языковых средств выразительности в выступлениях общественных деятелей и политиков, что способствует возникновению сложностей для переводчика-синхрониста и повышает риски допущения ошибок при синхронном переводе. Цель исследования заключалась в изучении лексических средств выразительности в современном общественно-политическом дискурсе и особенностей их синхронного перевода с английского языка на русский. В работе были проанализированы случаи использования лексических средств выразительности в общественно-политическом дискурсе на материалах недавних выступлений политических и общественных деятелей России и ряда западных стран. В первой части исследования автором проведён контент-анализ текстов выступлений глав государств, правительств и международных организаций за 2024-2025 гг., в которых были обнаружены такие лексические языковые средства, как метафора, гипербола, литота, оксюморон, метонимия, олицетворение, эпитет, аллюзия и сравнение. Во второй части исследования в качестве вторичных эмпирических данных использованы материалы выступления премьер-министра Великобритании К. Стармера на общих прениях 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 сентября 2024 года, отобраны лексические языковые средства, использованные К. Стармером, и проанализирован их официальный синхронный перевод (ООН) с английского на русский язык. Для анализа автор транскрибировал аудиозапись с устным синхронным переводом выступления премьер-министра Великобритании и сопоставил перевод синхронистов ООН с оригинальным текстом и видеозаписью выступления К. Стармера, опубликованными на официальном портале Генеральной Ассамблеи ООН. Всего в тексте речи премьер-министра Великобритании было обнаружено 11 эпитетов, 4 фразеологизма и 1 идиома. Результаты исследования позволили определить основные сложности и ошибки, которые могут возникнуть при синхронном переводе в общественно-политическом дискурсе. Автор приходит к выводу о том, что перевод лексических языковых средств выразительности требует от переводчика-синхрониста не только определённых навыков и компетенций, но и элоквентности, эрудиции и межкультурной осведомлённости.

Ключевые слова: лексические средства выразительности, общественно-политический дискурс, синхронный перевод, компетенции, речь премьер-министра Великобритании К. Стармера

Для цитирования: Ракова К.В. (2025). Синхронный перевод лексических средств выразительности в современном общественно-политическом дискурсе. *Филологические науки в МГИМО*. 11(4), С. 126–140. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-126-140>

1. Введение

В современном мире коммуникация между представителями различных культур и сообществ стала обыденным явлением благодаря технологическому прогрессу и появлению новых каналов коммуникации. Синхронный перевод является одним из наиболее сложных видов устного перевода, позволяющим обеспечить передачу информации между участниками коммуникации, носителями различных языков в режиме реального времени с минимальным временным отставанием от речи говорящего. Сложность синхронного перевода возрастает при переводе общественно-политической речи. Лидеры стран и международных организаций, общественные деятели, госслужащие и чиновники в своих выступлениях нередко делают отсылки к историческим событиям, цитируют художественную литературу, используют идиомы и выражения, свойственные их культуре, приводят примеры из далёкого прошлого или, наоборот, передают смыслы «между строк». Общественно-политический дискурс требует от переводчика не только высокого уровня профессионализма, эрудированности, внимательности к деталям, широкого кругозора, но и межкультурной чувствительности или межкультурной осведомлённости. Синхронный переводчик является посредником-проводником между двумя культурами обеих сторон – участниками процесса коммуникации. Политические и государственные деятели нередко употребляют в своих выступлениях различные языковые средства выразительности с целью оказания воздействия на свою аудиторию. Лексические языковые средства выразительности представляют определённую трудность для переводчика, который без наличия необходимых фоновых знаний может не успеть подобрать наиболее подходящий эквивалент в целевом языке с учётом культурных особенностей того или иного народа или общества. Ошибка в переводе приводит к искажению смыслов или упущению эмоционального посыла спикера. В таком случае воздействие на аудиторию может быть отличным от того, которое было задумано говорящим. Если в межличностной коммуникации переводческие ошибки, как правило, не несут существенных последствий для участников коммуникации, то на международном уровне ошибка переводчика способна привести к непредсказуемому развитию событий. Этот факт обуславливает актуальность изучения особенностей синхронного перевода лексических языковых средств выразительности в общественно-политическом дискурсе.

В русском языке выделяют лексические, синтаксические и фонетические языковые средства выразительности. К *лексическим средствам выразительности*, как правило, относят: метафору, гиперболу, литоту, оксюморон, олицетворение, метонимию, эпитет, аллюзию, сравнение и др. *Синтаксические средства выразительности* включают такие языковые приёмы, как анафора, эпифора, вопросно-ответная форма изложения, градация, синтаксический параллелизм, лексический повтор, риторический вопрос, восклицание или обращение, многосоюзие, бессоюзие, инверсия, парцелляция, анадиплосис, антитеза, апосиопеза, симплока, эллипсис, эпифора и др. К *фонетическим средствам выразительности* относятся аллитерация, рифма, звукоподражание, ассонанс и др. В работе анализируются лексические средства выразительности, наиболее распространённые в общественно-политическом дискурсе.

2. Материалы и методология

Цель нашего исследования заключается в изучении лексических средств выразительности в современном общественно-политическом дискурсе и особенностей их синхронного перевода с английского языка на русский. В теоретико-методологическую основу исследования были включены научные труды, посвящённые особенностям перевода общественно-политических текстов [4], [10], [11], [18], изучению синхронного перевода как вида устного перевода и его особенностям [1], [2], [3], [5], [6], [7], [8], [9], [13], [15], [19], а также ошибкам, возникающим при синхронном переводе [14], [20], [22].

Для достижения цели исследования нами был проведён контент-анализ текстов выступлений политиков, общественных деятелей и руководителей международных организаций за 2024-2025 гг., в которых были обнаружены такие лексические языковые средства, как метафора, гиперболы, литота, оксюморон, метонимия, олицетворение, эпитет, аллюзия и сравнение. В качестве вторичных эмпирических данных в исследовании были использованы материалы выступления премьер-министра Великобритании К. Стармера на общих прениях 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 сентября 2024 года, отобраны лексические языковые средства, использованные К. Стармером, и проанализирован их официальный синхронный перевод с английского на русский язык, осуществлённый переводчиками-синхронистами ООН.

3. Результаты

Вторичный анализ текстов выступлений общественных и политических деятелей выявил следующие лексические средства выразительности.

Метафора представляет собой оборот речи, в котором употребляются слова или словосочетания в переносном смысле на основе сравнения, аналогии или сходства с объектами, процессами или явлениями в различных сферах жизнедеятельности человека – политической, экономической, социальной и духовной. В общественно-политическом дискурсе метафоры являются инструментом формирования образного представления о происходящем в той или иной стране, в мире в целом. Абстрактные процессы и явления, происходящие в современном мире, выраженные в образных лексических формах легче воспринимаются аудиторией и надолго сохраняются в памяти. Во многом это обусловлено тем, что метафоры нередко вызывают глубокие чувства и воспоминания у слушателя. Так, португальский политический деятель, дипломат и генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш неоднократно в своих выступлениях использует метафору «ящик Пандоры» для описания постоянно меняющихся реалий современного нестабильного мира: “Our actions – or inactions – have unleashed a modern-day Pandora’s box...”, “The Pandora’s Box has also let loose the climate crisis”¹ (пер.: «Наши действия – или бездействие – открыли современный ящик Пандоры...», «Современный ящик Пандоры» также дал волю климатическому кризису...»²). Данная метафора позволяет кратко и точно описать глобальные кризисы и амбивалентные вызовы современности, с которыми сталкивается мировое сообщество в последние годы.

Гипербола – это слово или словосочетание, «закрывающее в себе преувеличение для создания художественного образа» [16, с. 130]. Политики часто используют гиперболы для усиления воздействия на аудиторию, расставления акцентов на положительном или негативном аспекте обсуждаемой темы и не только. Так, в январе 2025 года на Всемирном экономическом форуме в Давосе президент США Дональд Трамп в своём выступлении многократно использовал гиперболу, чтобы подчеркнуть свои успехи на должности президента и достижения его администрации: “than ever before” (пер.: «чем когда-либо прежде»), “...that’s the highest ever, there’s never been anything like that...” (пер.: «это самый высокий показатель в истории, никогда раньше не было ничего подобного»), “...the largest deregulation campaign in history...” (пер.: «самая масштабная дерегуляционная кампания в истории»), “...the record-setting efforts of my last term...” (пер.: «...мои рекордные достижения за предыдущий срок...»), “the largest tax cut in American history”³ (пер.: «...крупнейший законопроект о снижении налогов в истории США...») и др.

¹ Secretary-General’s address to the General Assembly on his Priorities for 2025 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2025-01-15/secretary-generals-address-the-general-assembly-his-priorities-for-2025-bilingual-delivered-scroll-down-for-all-english-and-all-french> (дата доступа: 12.05.2025).

² Генсек ООН представил приоритеты на 2025 год [Электронный ресурс] – URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/01/1460371> (дата доступа: 12.05.2025).

³ Davos 2025: Special address by Donald J. Trump, President of the United States of America [Электронный ресурс] – URL: <https://www.weforum.org/stories/2025/01/davos-2025-special-address-donald-trump-president-united-states/> (дата доступа: 13.08.2025).

Литота – это «троп, обратный гиперболе (мейозис): преуменьшение признака предмета» [12, с. 483]. В общественно-политическом дискурсе литота используется для маскировки недостатков какой-либо системы или политического деятеля, смягчения отрицательных характеристик, избегания негативной оценки ситуации. Как правило, в литотных конструкциях используется отрицательная частица “not”, антонимы или однокоренные слова с отрицательной семантикой, что позволяет получить значения, которые «стоят на стыке двух противоположных полюсов и обладают различными качественными характеристиками» [17, с. 198]. Например, в мае 2025 года государственный секретарь США Марко Антонио Рубио использовал литоту с целью избежать негативной оценки ситуации и пессимистичных прогнозов: “...I hope I’m wrong...” (пер.: «...Надеюсь, я ошибаюсь...»), “...we cannot engage in meetings that are not going to be productive...” (пер.: «...мы не можем участвовать во встречах, которые не приносят результатов...»), “...well, again, it’s not expecting...”⁴ (пер.: «...опять-таки, не то, чтобы мы ожидаем...»⁵). Ещё один пример литоты можно обнаружить в выступлениях премьер-министра Королевства Нидерланды Д. Скофа и премьер-министра Багамских островов Ф.Э. Дэвиса на 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Рассуждая о недостаточном финансировании мер по борьбе с изменением климата, премьер-министр Багамских островов использовал литоту-фразеологизм «капля в море»: “...the Fund... has secured a mere \$800 million in pledges. This is a drop in the ocean...”⁶ (пер.: «...Фонд... собрал всего лишь 800 млн. долларов. Это капля в море...»⁷). Премьер-министр Королевства Нидерланды использовал эту же литоту для описания объёмов финансовой поддержки его страны Судану, где более 30 миллионов человек нуждаются в гуманитарной помощи из-за продолжающейся гражданской войны и голода: “...the Netherlands made an extra 10 million euros available, bringing its contribution to the crisis response in Sudan”⁸ (пер.: «...Нидерланды направили 10 миллионов евро для того, чтобы внести вклад в реагирование на кризис в Судане... Но это капля в море...»⁹).

Оксюморон является «стилистической фигурой, состоящей в сочетании несочетаемого по смыслу; противоречивым единством, разновидностью парадокса» [12, с. 690]. Противоположные по смыслу слова не только привлекают внимание аудитории, создавая эффект неожиданности, но и подчёркивают амбивалентность и многогранность обсуждаемой проблемы или феномена. Использование оксюморона также позволяет добавить драматизм и экспрессию в выступление или, наоборот, снизить эмоциональную напряжённость при обсуждении серьёзных вопросов и проблем. Оксюморон встречается в общественно-политическом дискурсе не так часто, как метафоры, гиперболы и литоты, и отличается по своему значению от классического оксюморона ввиду смыслового контекста его употребления. Как правило, используется противопоставление войны и мира; низкого уровня доверия и необходимости тесного сотрудничества; борьбы за свободу и закрытость границ. В своей речи председатель Европейской комиссии Урсула Гертруда фон дер Ляйен, используя словосочетание с некоторыми элементами оксюморона, противопоставляет две цели, стоящие перед странами Европы – необходимость избежать войну

⁴ Secretary of State Marco Rubio Remarks to the Press (May 15, 2025) [Электронный ресурс] – URL: <https://www.state.gov/secretary-of-state-marco-rubio-remarks-to-the-press-4/> (дата доступа: 30.05.2025).

⁵ Выступление государственного секретаря Марко Рубио перед представителями СМИ (15 мая 2025) [Электронный ресурс] – URL: <https://www.state.gov/translations/русский/выступление-государственного-секре-7/> (дата доступа: 30.05.2025).

⁶ UN General Assembly Speech Prime Minister Philip Davis, September 27th, 2024 [Электронный ресурс] – URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/79/bs_en.pdf (дата доступа: 02.06.2025).

⁷ UN Simultaneous Interpretation from English into Russian, UN General Assembly Speech Prime Minister Philip Davis, September 27th, 2024 [Электронный ресурс] – URL: https://s3.amazonaws.com/downloads.unmultimedia.org/radio/library/ltd/mp3/ga/2024/79_BS_RU.mp3 (дата доступа: 02.06.2025).

⁸ Speech by Prime Minister Dick Schoof at the United Nations General Assembly, 26 September 2024, New York [Электронный ресурс] – URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/79/nl_en.pdf (дата доступа: 07.06.2025).

⁹ UN Simultaneous Interpretation from English into Russian, Speech by Prime Minister Dick Schoof at the United Nations General Assembly, 26 September 2024, New York [Электронный ресурс] – URL: https://s3.amazonaws.com/downloads.unmultimedia.org/radio/library/ltd/mp3/ga/2024/79_NL_RU.mp3 (дата доступа: 07.06.2025).

и одновременно повысить боеспособность стран-членов Евросоюза “...if Europe wants to avoid war, Europe must get ready for war...”¹⁰ (пер.: «...Если Европа хочет избежать войны, Европа должна подготовиться к ней...»¹¹).

Метонимия – это троп, который используется для «обозначения предмета или явления по одному из его признаков, когда прямое значение сочетается с переносным» [12, с. 536]. Одной из функций метонимии является упрощение восприятия. Общественные деятели и политики используют метонимию в своих выступлениях для того, чтобы упростить информационный «посыл», сделать его более понятным для широкого круга реципиентов. В общественно-политическом дискурсе широкое распространение получили метонимии власти. Например, под ёмким термином «Кремль» принято понимать руководство нашей страны. Простота высказывания обеспечивает выразительность речи и усиливает её воздействие на коллективное сознание аудитории. В политике метонимия также может использоваться для сокрытия какой-либо информации или подробностей с целью не указывать на прямую ответственность конкретных лиц или органов власти. Так, вместо упоминания фамилии или должности определённого человека называют орган власти или структуру, сотрудником которой он является: «*правительство* приняло меры». Также метонимия часто используется в общественно-политическом дискурсе с целью передачи информации в более ёмкой и краткой форме, что особенно важно в синхронном переводе, когда времени на раскрытие подробной информации нет. Например, на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН представители стран-членов ООН нередко упоминают большинство религиозно-политических движений, террористических и военных организаций с использованием метонимии: “...We also condemn the attack by Hamas...”¹² (пер.: «...Мы также осуждаем нападение ХАМАС...»¹³).

Олицетворение – это один из видов метафоры, «перенесение человеческих черт (шире – черт живого существа) на неодушевлённые предметы и явления» [12, с. 692]. Олицетворение является одним из наиболее сильных средств выразительности, так как позволяет оратору воздействовать на сознание слушателей, вызывая определённые эмоции у аудитории и усиливая убедительность высказывания. В общественно-политическом дискурсе олицетворение, как правило, употребляется одновременно с метонимией, когда вместо упоминания фамилии или должности определённого человека обозначается международная организация, страна, орган власти или движение. Одним из примеров комбинации «метонимия + олицетворение» является широко распространённая фраза-клише, используемая в устной речи председателями на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН: “The Assembly will hear the address by” / «А теперь Ассамблея заслушает выступление». Мы понимаем, что под метонимией «Ассамблея» здесь имеются в виду представители стран-членов ООН, которые сидят на заседании Генеральной Ассамблеи. Под олицетворением «заслушает» понимается процесс, при котором представители стран-членов ООН, присутствующие на очередной сессии ГА ООН, слушают выступления своих коллег.

Эпитет – это образное определение. К эпитетам относят: 1) «украшающий», обозначающий постоянный признак предмета; 2) подчёркивающий в определяемом понятии какой-либо один, случайный признак, важный для данного конкретного описания [12, с. 1235–1236]. Эпитеты позволяют создавать образность высказывания, придают выступлению эмоциональную окраску. Использование образных определений обеспечивает привлечение и концентрацию внимания у аудитории. С помощью эпитетов выступающий апеллирует к воображаемым образам

¹⁰ Speech by President von der Leyen on European defence at the Royal Danish Military Academy [Электронный ресурс] – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/it/speech_25_814 (дата доступа: 14.06.2025).

¹¹ Сдерживание в кратком содержании – ЕС представил концепцию перевооружения союза [Электронный ресурс] – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2025/03/20/67dad92b9a7947ce2507a86b> (дата доступа: 14.06.2025),

¹² Address by H.E. Wesley W. Simina President of the Federated States of Micronesia at the United Nations General Assembly, New York, 26 September 2024 [Электронный ресурс] – URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/79/fm_en.pdf (дата доступа: 17.06.2025).

¹³ UN Simultaneous Interpretation from English into Russian, Address by H.E. Wesley W. Simina President of the Federated States of Micronesia at the United Nations General Assembly, New York, 26 September 2024 [Электронный ресурс] – URL: https://s3.amazonaws.com/downloads.unmultimedia.org/radio/library/ltd/mp3/ga/2024/79_FM_RU.mp3 (дата доступа: 17.06.2025).

и обеспечивает наглядность сложных процессов и явлений. В общественно-политическом дискурсе есть множество примеров использования эпитетов, которые будут рассмотрены на материале выступления К. Стармера во второй части данного исследования.

Аллюзия представляет собой отсылку к известному высказыванию, факту литературной, исторической, а чаще политической жизни либо к художественному произведению [12, с. 28]. Политики, эксперты, ораторы и спикеры часто прибегают к использованию аллюзии не только для привлечения внимания аудитории, но и для демонстрации собственной эрудиции. Аллюзия также позволяет сделать акцент на определённой идее или тезисе выступления и может использоваться как лексический инструмент для усиления авторитета говорящего. С помощью отсылки к историческим фактам или культурным символам спикер может заручиться поддержкой своей аудитории, создав эмоциональный отклик и установив доверие. Так, постоянный представитель Российской Федерации при ООН и в Совете Безопасности ООН Небензя В.А. использовал литературную аллюзию для указания на самообман своих коллег в Совете Безопасности ООН относительно ситуации на Украине: «У великого русского поэта Александра Пушкина есть такие строки: «Ах, обмануть меня не трудно! Я сам обманываться рад». Это про вас, господа»¹⁴.

Сравнение – это сопоставление объектов с целью выявления их сходства или различия [12, с. 1022]. Сравнение, подобно метонимии и метафоре, позволяет упростить более сложные идеи, процессы или явления. Более того, яркие сравнительные образы позволяют вызывать определённые эмоции у слушателя, воздействовать на его сознание. Например, политический курс какой-либо страны или деятельность международных организаций нередко сопоставляют с движением поезда или корабля в ту или иную сторону, к определённой цели или «пункту назначения». Так, на 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Мальдивских островов М. Муиззу сравнил современный мир с кораблём, оказавшимся в бедственном положении в контексте вызовов и угроз, с которыми столкнулось человечество в XXI веке: “the whole ship descends deeper and deeper into uncharted waters”¹⁵ (пер.: «корабль всё глубже и глубже погружается в воду...»¹⁶). Данное сравнение вызывает смешанные чувства у аудитории: с одной стороны, подчёркивается тяжёлое бедственное положение общества, с другой – делается акцент на острой необходимости принятия срочных мер для преодоления кризиса и вызовов современности с целью сохранения мира и обеспечения безопасности будущих поколений.

Некоторые лексические языковые средства выразительности при переводе с английского языка на русский представляют «гибридную» или «переходную» категорию. В данном случае при переводе с английского языка на русский некоторые эпитеты английского языка переводятся с использованием фразеологизмов русского языка. Например, председатель Европейской комиссии Урсула Гертруда фон дер Ляйен в своих недавних выступлениях использовала метафору «стальной дикобраз» (steel porcupine) вкупе с эпитетом «indigestible»¹⁷, которая в буквальном переводе означает «неудобоваримый». Однако в общественно-политическом дискурсе данный эпитет переводится с использованием фразеологизма русского языка «быть кому-либо не по зубам»¹⁸.

Синтаксические и фонетические средства выразительности также получили широкое распространение в общественно-политическом дискурсе. Общественные и политические деятели нередко используют анафору, эпифору, инверсию, аллитерацию, ассонанс и другие средства

¹⁴ Небензя процитировал Пушкина на заседании Совбеза ООН [Электронный ресурс] – URL: <https://tass.ru/politika/5739637> (дата доступа: 18.06.2025).

¹⁵ Address by His Excellency Mohamed Muizzu, President of the Maldives Micronesia at the United Nations General Assembly, New York, 24 September 2024 [Электронный ресурс] – URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/79/mv_en.pdf (дата доступа: 19.06.2025).

¹⁶ UN Simultaneous Interpretation from English into Russian, Address by His Excellency Mohamed Muizzu, President of the Maldives Micronesia at the United Nations General Assembly, New York, 24 September 2024 [Электронный ресурс] – URL: https://s3.amazonaws.com/downloads.unmultimedia.org/radio/library/lt/lt/mp3/ga/2024/79_MV_RU.mp3 (дата доступа: 19.06.2025).

¹⁷ Speech by President von der Leyen on European defence at the Royal Danish Military Academy [Электронный ресурс] – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/it/speech_25_814 (дата доступа: 20.06.2025).

¹⁸ Перемирие без мира: зачем Макрон предложил ввести на Украине мораторий на воздушные и морские бои Academy [Электронный ресурс] – URL: <https://russian.rt.com/world/article/1442923-franciya-velikobritaniya-peremirie-ukraina> (дата доступа: 20.06.2025).

выразительности в своих выступлениях. Однако их синхронный перевод с английского языка на русский, как правило, значительно легче по сравнению с синхронным переводом *лексических* средств выразительности. Это объясняется тем, что лексические средства выразительности требуют оперативного поиска языкового эквивалента, который будет подобран с учётом социокультурных особенностей двух стран. Иными словами, необходима «замена на равноценный устойчивый аналог на языке перевода» [12, с. 34], что требует от переводчика-синхрониста релевантных знаний, всесторонней образованности и эрудиции. Специалист в области синхронного перевода должен обладать большим запасом «эквивалентных пар лексических единиц, которые связаны между собой знаковой связью, которые позволяют переводить не через анализ и синтез (то есть мышление), а через условные рефлекс, точнее на уровне «стимул-реакция» [21, с. 36]. Именно поэтому наш исследовательский фокус сосредоточен на изучении особенностей синхронного перевода лексических языковых средств выразительности в общественно-политическом дискурсе.

3.1. Лексические языковые средства выразительности в выступлении К. Стармера перед Генеральной Ассамблеей ООН и особенности их синхронного перевода

В рамках исследования предпринята попытка выявить лексические языковые средства выразительности, которые были использованы премьер-министром Великобритании К. Стармером в своём выступлении на общих прениях 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 сентября 2024 года, а также проанализировать их официальный синхронный перевод с английского языка на русский, представленный в аудио-формате на официальном портале Генеральной Ассамблеи ООН (URL: <https://gadebate.un.org>). Для этого мы транскрибировали аудиозапись с устным синхронным переводом выступления премьер-министра Великобритании¹⁹ и сопоставили перевод синхронистов ООН с оригинальным текстом и видеозаписью выступления К. Стармера, опубликованными на официальном портале Генеральной Ассамблеи ООН²⁰.

В начале своего выступления премьер-министр Великобритании использует словосочетание “someone with a deep belief”, в котором содержится эпитет «deep» (пер.: глубокий, широкий, сильный, серьёзный²¹; тёмный, насыщенный; низкий [12, с. 491]). В синхронном переводе специалист использует приём грамматической переводческой трансформации [10], а именно: заменяет часть речи исходного языка на подходящую часть речи в переводящем языке – прилагательное английского языка «deep» при переводе заменяется наречием «глубоко», а существительное «belief» – причастием «верящий», а не существительным «вера». Этот приём позволяет сформулировать фразу на переводящем языке, которая будет понятна аудитории и соответствует нормам русского языка. Таким образом из словосочетания «someone with a deep belief» на исходном языке формулируется выражение «человек, глубоко верящий» (здесь и далее *транскрибированный синхронный перевод ООН – К.В.*) на переводящем языке, вместо «калькированного» варианта перевода «человек с глубокой верой».

В следующем предложении встречается словосочетание с прилагательным-эпитетом: «a profound impact». Прилагательное «profound» может переводиться на русский язык как «глубокий, серьёзный; прочувствованный; основательный»²². Однако здесь прилагательное образное, поэтому переводчик-синхронист ООН делает выбор в пользу перевода, соответствующего данному эпитету в сочетании с существительным «impact»: «глубочайшее впечатление».

¹⁹ UN Simultaneous Interpretation from English into Russian, Speech by His Excellency Keir Starmer, Prime Minister of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland at the United Nations General Assembly, New York, 26 September 2024 [Электронный ресурс] – URL: https://s3.amazonaws.com/downloads.unmultimedia.org/radio/library/ltd/mp3/ga/2024/79_GB_RU.mp3 (дата доступа: 20.06.2025).

²⁰ Speech by His Excellency Keir Starmer, Prime Minister of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland at the United Nations General Assembly, New York, 26 September 2024 [Электронный ресурс] – URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/79/gb_en.pdf (дата доступа: 21.06.2025).

²¹ Deep, Cambridge English–Russian Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/deep> (дата доступа: 21.06.2025).

²² Profound, Cambridge English–Russian Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/profound> (дата доступа: 21.06.2025).

Далее в тексте употребляется словосочетание «a distant hope» (*Yet as we meet here today that can feel like a distant hope*). Один из вариантов перевода прилагательного «distant» на русский язык – «далёкий, дальний»²³, «сдержанный, холодный» [23, с. 501]. В соответствии с этим переводчик ООН в синхронном переводе с английского на русский даёт вариант: «далёкая надежда». Данное словосочетание было проверено в онлайн-ресурсе «Национальный корпус русского языка» (URL: <https://ruscorpora.ru>), согласно которому выражение «далёкая надежда» не является устоявшимся в русском языке и ресурс приводит один пример его употребления. Полагаем, в данном контексте более правильным переводом анализируемого эпитета с точки зрения русского языка является «призрачная надежда». В Национальном корпусе русского языка представлено 8 примеров употребления словосочетания с эпитетом «призрачный»²⁴.

Премьер-министр Великобритании также использует следующее выражение с эпитетом – «a terrible toll». Прилагательное «terrible» переводится с английского языка на русский как «ужасный, страшный»²⁵; существительное «toll» в переводе на русский язык означает: 1) пошлина, сбор; 2) количество пострадавших. Исходя из контекста высказывания – речь идёт о пострадавших в результате конфликтов в секторе Газа, Судане, Мьянме, Йемене и других странах – полагаем, что термин использован в своём втором значении. Переводчик-синхронист ООН даёт следующий перевод: «...Нанося огромный ущерб в Газе, Ливане, Судане, Мьянме, Йемене и других странах...». Возможно, речь здесь идёт не об ущербе, а о количестве пострадавших граждан на указанных территориях. Поэтому в данном случае допустимо использование экспликации (описательного перевода): «В секторе Газа, Ливане, Судане, Мьянме, Йемене и за их пределами царит ужас, там гибнут люди» или «Количество пострадавших в секторе Газа, Ливане, Судане, Мьянме, Йемене и за их пределами ужасает».

В следующем предложении использован эпитет «vast» в широко распространённом словосочетании-клише «the vast majority». В буквальном переводе прилагательное «vast» означает «огромный, обширный»²⁶, «грандиозный» [23, с. 803]. Безусловно, выражение «огромное большинство» не является устойчивым в русском языке. Поэтому устоявшимся считается перевод «подавляющее большинство», который и был использован переводчиком-синхронистом ООН.

Далее по тексту К. Стармер использует словосочетание «higher growth», в котором прилагательное стоит в простой сравнительной степени. Переводчик-синхронист использует приём грамматической переводческой трансформации, заменяя часть речи исходного языка на соответствующую ей часть речи в переводящем языке. Так, прилагательное английского языка в сравнительной степени «higher» при переводе заменяется существительным «повышение». Однако в синхронном переводе при грамматической переводческой трансформации данное существительное было использовано специалистом ООН трижды в одном предложении, из-за чего возникла тавтология: «To deliver national missions, on higher growth, safer streets, cleaner energy...» (пер.: «Для того, чтобы осуществить национальную задачу по повышению роста, повышению безопасности улиц, повышению чистоты энергетики...»). Для устранения тавтологии рекомендуется применить грамматическую переводческую трансформацию в сочетании с приёмом добавления, используя синонимы или близкие по значению существительные. Например: «Для реализации национальных задач по ускорению экономического роста, обеспечению безопасности, переходу на использование экологически более чистой энергии...». Ещё одна тавтология была обнаружена

²³ Distant, Cambridge English–Russian Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/profound> (дата доступа: 21.06.2025).

²⁴ Примеры употребления словосочетания «призрачная надежда» в русском языке [Электронный ресурс] – URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=ClYqGwoICAAQChgyIAoQBSAAQAVqBDauOTV4AKABATICCAE6AQFCMAouCiwKA3JlcRIICiPQv9GA0LjQt9GA0LDRh9C90LDRjyDQvdCw0LTQtdC20LTQsA==> (дата доступа: 21.06.2025).

²⁵ Terrible, Cambridge English–Russian Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/terrible> (дата доступа: 21.06.2025).

²⁶ Vast, Cambridge English–Russian Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/vast> (дата доступа: 21.06.2025).

в этом же транскрипте синхронного перевода выступления К. Стармера, где политик рассуждал о ситуации в секторе Газа: «...It shames us all that the suffering in Gaza continues to grow...» / «...Нам всем должно быть стыдно, что страдания в Газе продолжаются и продолжают увеличиваться...».

В анализируемом тексте выступления содержится ещё одно словосочетание с эпитетом в виде прилагательного в простой сравнительной степени – «*a wider war*». Прилагательное «wide» в переводе с английского означает «широкий; широко открытый, широко распахнутый; далёкий от чего-либо, мимо цели»²⁷. В данном контексте переводчик-синхронист использует приём экспликации (описательного перевода): «более масштабная война». Сегодня в некоторых российских СМИ можно встретить использование «калькированного» варианта перевода: «более широкая война»²⁸. Однако в Национальном корпусе русского языка словосочетание «широкая война» отсутствует, а вариант перевода «масштабная война» является устоявшимся в современном русском языке²⁹.

Далее находим словосочетание с эпитетом, который представлен отглагольным прилагательным английского языка: «*the unfettered flow of aid*». Отглагольное прилагательное «unfettered» часто используется в общественно-политическом дискурсе. В переводе на русский язык означает «неограниченный»³⁰. Премьер-министр Великобритании использует данный эпитет, говоря о гуманитарной помощи, поэтому переводчик-синхронист ООН даёт следующий вариант перевода: «беспрепятственное поступление помощи». Полагаем, что при синхронном переводе здесь необходимо добавить прилагательное «гуманитарный» для описания вида помощи, о которой идёт речь в выступлении. Примеры с данным вариантом перевода преобладают в новостных материалах российских информационных агентств («ТАСС», «Интерфакс» и др.) и общественно-политических газет («Коммерсантъ» и др.), посвящённых гуманитарному кризису в секторе Газа: «обеспечение беспрепятственного поступления гуманитарной помощи»³¹, «обеспечить беспрепятственные поставки гуманитарной помощи»³², «обеспечить беспрепятственный доступ гуманитарной помощи»³³.

Следующий эпитет был использован спикером в словосочетании «*hard truths*». Прилагательное «hard» имеет несколько вариантов перевода на русский язык в зависимости от контекста употребления: «жёсткий, твёрдый; трудный; тяжёлый, напряжённый; полный трудностей; строгий, суровый»³⁴. Однако в русском языке устоявшимися выражениями, подходящими для перевода данного словосочетания на русский язык, согласно «Национальному корпусу русского языка», являются: суровые истины, суровая правда; горькая истина, горькая правда, неприятная истина, неприятная правда. Так, переводчик-синхронист ООН использует последний вариант с эпитетом «неприятный»: «...И поэтому нам придётся признать *неприятную правду*».

Далее в тексте содержится словосочетание с образным прилагательным «*ambitious*»: «...We will meet our Net Zero target, backed up with an *ambitious* NDC at COP29...». Аббревиатура «NDS» расшифровывается как «Nationally Determined Contributions» – это определяемые на национальном уровне вклады (ОНУВ) в качестве национальных климатических планов действий по борьбе

²⁷ Wide, Cambridge English–Russian Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/wide> (дата доступа: 27.06.2025).

²⁸ Генсек ООН заявил о риске движения мира к «более масштабной войне» [Электронный ресурс] – URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/02/2023/63e133779a794764a7a471e2> (дата доступа: 27.06.2025).

²⁹ Примеры употребления словосочетания «масштабная война» в русском языке [Электронный ресурс] – URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CIqGwoICAQChgyIAoQBSAAQAVqBDAuOTV4AKABATICCAE6AQFCLAoqCigKA3JlcRlhCh/QvNCw0YHRiNGCOLDQs dC90LDRjyDQstC%2B0LnQvdCw> (дата доступа: 27.06.2025).

³⁰ Unfettered, Cambridge English–Russian Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/unfettered> (дата доступа: 27.06.2025).

³¹ Страны G7 выступили за срочные меры для выхода из гуманитарного кризиса в Газе [Электронный ресурс] – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20015987> (дата доступа: 28.06.2025).

³² В агентстве ООН призвали обеспечить беспрепятственные поставки гумпомощи в Газу [Электронный ресурс] – URL: <https://www.interfax.ru/world/927308> (дата доступа: 28.06.2025).

³³ ВОЗ приняла резолюцию о беспрепятственном доступе гуманитарной помощи в Газу [Электронный ресурс] – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6394487> (дата доступа: 28.06.2025).

³⁴ Hard, Cambridge English–Russian Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/hard> (дата доступа: 27.06.2025).

с изменением климата, разработанных каждой страной в рамках Парижского соглашения. Существительное «ambition» является одним из «ложных друзей переводчика», так как оно созвучно русскому термину «амбиция». Соответственно, прилагательное «ambitious» также относится к категории «ложных друзей переводчика» – его перевод на русский как «амбициозный» далеко не всегда является стилистически корректным в общественно-политическом дискурсе. Например, Кембриджский англо-русский словарь предлагает следующий вариант перевода прилагательного «ambitious»: «целеустремленный» (о человеке) или «грандиозный» (о проекте, плане). Переводчик ООН при синхронном переводе использовал вариант «амбициозные добровольные национальные взносы». Полагаем, в данном контексте, когда речь идёт о национальных климатических планах стран, которые должны обновляться каждые 5 лет в соответствии с задачами по ограничению повышения температуры до 1,5 °C и адаптации к климатическим изменениям, допустимо использовать приём описательного перевода: «амбициозный план по обновлению ОНУВ», «грандиозный план по обновлению ОНУВ», «амбициозная цель по обновлению ОНУВ».

В тексте выступления премьер-министра Великобритании встречается ещё один «ложный друг переводчика» – прилагательное «critical». Один из вариантов перевода созвучен русскому прилагательному: «критический» [23, с. 484]. Данный вариант перевода на русский язык имеет право на существование. Однако в общественно-политическом дискурсе важен контекст употребления прилагательного «critical». К. Стармер использует словосочетание «a critical milestone», рассуждая о наступлении момента, когда страны-члены ООН усиливают предпринимаемые меры по борьбе с нищетой. Учитывая контекст, переводчик-синхронист ООН даёт следующий вариант перевода данного словосочетания: «важнейшая веха» (а не «критическая веха»).

В выступлении премьер-министра Великобритании также было использовано несколько словосочетаний, которые были переведены на русский язык с помощью следующих фразеологизмов:

- пресекать на корню (перен. разг.: в самом начале; в зародыше): “...We must work with others to solve these problems at root, to tackle the causes...” / «...Мы должны работать вместе с другими, чтобы решать эти проблемы на корню. Устранять причины...»;
- стоять на краю пропасти / ходить по краю пропасти (фразеологизм, означающий «находиться в непосредственной близости от смертельной опасности»): “...I call on Israel and Hizballah: Stop the violence. Step back from the brink...” / «...Я призываю Израиль и «Хезболлу» прекратить насилие. Отойти от края пропасти...»;
- быть кому-то на руку (фразеологизм с лексическим значением «удобно, выгодно, в соответствии с чьими-либо интересами»): “...Because further escalation serves no one...” / «...Потому что дальнейшая эскалация никому не на руку...»;
- сойти с пути (фразеологизм, означающий «отказаться от намеченной цели, задач и т.п., изменить прежним целям»): “...Together, in all our interests, we can change direction from the dangerous, destructive path we find ourselves on...” / «...Вместе, сообщая, с учётом всех наших интересов, мы можем изменить направление и уйти с опасного, разрушительного пути, на котором мы сейчас оказались...».

К. Стармер использовал одно идиоматическое выражение, то есть устойчивое сочетание слов, значение которого не определяется буквальным смыслом составляющих его частей, а именно идиому «a paper tiger». Происхождение идиомы берёт свое начало из китайского фольклора, в котором тигр символизирует силу, власть, мощь. По одной из легенд, в далёком прошлом в Китае изготавливали тигров из бумаги для того, чтобы отпугивать злых духов и нечисть. В современном мире идиома обозначает явление, объект или лицо, производящее внешнее впечатление силы, могущества или эффективности, но в действительности не обладающее ими. Премьер-министр Великобритании в своём выступлении использовал данную идиому для создания образа, рассуждая о роли и значимости общепризнанных принципов и норм международного права: “...Because the alternative would be to confirm the worst claims about this place – that international law is merely a paper tiger and that aggressors can do what they will...” / «...Потому что альтернатива означает подтвердить худшее об этом месте – о том, что международное право – это *всего лишь бумага*, и что агрессоры могут делать всё, что заблагорассудится...».

Проведённый контент-анализ текста выступления К. Стармера и транскрипта синхронного перевода его речи с английского языка на русский позволил определить основные лексические языковые средства выразительности, которые были использованы в речи политика и изучить особенности их синхронного перевода с английского языка на русский язык, а также выявить типы ошибок, которые могут возникнуть при синхронном переводе в режиме реального времени.

4. Обсуждение. Заключение

Метафоры, эпитеты, гиперболы, литоты, фразеологизмы, идиомы – все эти средства делают выступление общественного или политического деятеля запоминающимся и эмоционально воздействует на слушателей. В ходе исследования были выявлены основные лексические языковые средства выразительности, использованные премьер-министром Великобритании К. Стармером в своём выступлении на общих прениях 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 26 сентября 2024 года, а также был проведён контент-анализ синхронного перевода данных языковых средств выразительности с английского языка на русский. Результаты анализа позволили определить основные сложности и типы ошибок, которые возникают при синхронном переводе лексических языковых средств выразительности. Наиболее сложными для синхронного перевода являются эпитеты, фразеологизмы и идиомы, не имеющие точного эквивалента на переводящем языке. Для корректного перевода лексических средств выразительности необходимо учитывать контекст их употребления, а также языковые нормы исходного и переводящего языков.

Синхронный перевод лексических языковых средств выразительности с исходного языка на переводящий требует от переводчика-синхрониста не только определённых навыков, знаний и компетенций, но и межкультурной осведомлённости. Лингвострановедческая подготовка позволяет специалисту в области синхронного перевода избежать ключевых лексических и семантических ошибок. Постоянное совершенствование переводческих навыков и накопление знаний в различных сферах жизнедеятельности общества позволяет всесторонне наращивать и совершенствовать необходимые для синхронного перевода компетенции. Эффективность синхронного перевода напрямую связана со способностью переводчика незамедлительно обрабатывать поступающую информацию и переводить её на целевой язык с подбором точного эквивалента и сохранением исходного смысла высказывания.

Среди основных типов ошибок в синхронном переводе выделяют: лексические, грамматические, семантические (смысловые), логические и фонетические ошибки. Общественно-политический дискурс насыщен аллюзиями, заимствованиями и культурно-историческими элементами, что усложняет процесс синхронного перевода. Поэтому переводчику-синхронисту необходимо владеть знаниями в различных отраслях науки – это позволит минимизировать риск возникновения ошибок, снизить уровень психологического напряжения, связанного с незнанием, и обеспечить точность и корректность передачи информации аудитории.

Основные лексические языковые средства выразительности, использованные премьер-министром Великобритании К. Стармером в своём выступлении на общих прениях 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, включают эпитеты, фразеологизмы и идиомы. Наиболее сложными для синхронного перевода являются лексические языковые средства выразительности, которые не имеют точного эквивалента на переводящем языке. Для корректного перевода лексических средств выразительности необходимо учитывать контекст их употребления, а также языковые нормы исходного и переводящего языков.

© К.В. Ракова, 2025

Список литературы

1. Балаганов Д.В. Место синхронного перевода в системе видов перевода и его особенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 5. С. 192–197.
2. Васильева В.Э. Методологические основы обучения синхронному переводу с английского языка на русский и наоборот студентов старших курсов языковых факультетов // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5 (102). С. 293–295.
3. Виссон Л. Синхронный перевод с русского на английский. 9-е изд. М.: Валент, 2017. 320 с.
4. Гайломазова Е.С. Особенности перевода общественно-политических текстов: лексический уровень / Е.С. Гайломазова, Н.И. Юстина // Гуманитарные и социальные науки. 2023. № 3. С. 46–50.
5. Дударева Н.А. О некоторых трудностях синхронного перевода // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2009. № 1. С. 68–71.
6. Евтушенко О.В. Оптимизация синхронного перевода на русский язык // Русистика и компаративистика: научные труды по филологии. Москва: Книгодел, 2018. С. 153–165.
7. Еолян В.Ю. Глоссарий как инструмент качества перевода / В.Ю. Еолян, Э.Д. Муратова // Молодой учёный. 2017. № 31 (165). С. 83–85.
8. Зигмантович Д.С. Синтаксические особенности исходных речевых произведений как дестабилизирующий фактор в устном синхронном переводе (на материале речей американских политиков) // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2022. Т. 4. № 1. С. 16–24.
9. Ибрагимова К.Г. Элиминация лакун в синхронном переводе (на материале синхронно переводимых выступлений Совета Безопасности ООН) / К.Г. Ибрагимова, П.А. Рыкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 14 (5). С. 1647–1653.
10. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Междунар. отношения, 2023. 176 с.
11. Кононова Т.Л. Лексико-грамматические особенности перевода общественно-политических текстов // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. № 2 (45). С. 17.
12. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. А.Н. Николюкин. М.: ИНИОН РАН, 2001. 1600с.
13. Минеев Т.А. Синхрон / Т. Минеев; ил. А. Костенко. М.: Международные отношения, 2025. 200 с.
14. Михайлова Е.Е. Ошибки в процессе синхронного перевода / Е.Е. Михайлова, А.Г. Фомин // СибСкрипт. 2017. № 1 (69). С. 178–183.
15. Никашина Н.В. Стратегия компрессии в синхронном переводе в экономическом дискурсе (на материале русскоязычных выступлений В.В. Путина и их переводов на английский язык) / Н.В. Никашина, Е.С. Попова // Власть истории – История власти. 2024. № 10-4 (54). С. 147–161.
16. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
17. Павленкова О.Н. Когнитивный подход к изучению семантики литотных конструкций в англоязычных блогах Интернета // СибСкрипт. 2013. №3(55). С. 195–199.
18. Постникова Е.В. Особенности передачи средств коммуникативного синтаксиса при переводе общественно-политического текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). С. 246–249.
19. Раренко М.Б. Синхронный перевод на современном этапе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание: реферативный журнал. 2021. № 1. С. 44–53.
20. Серкова С.Е. Переводческая интерференция и речевые ошибки в учебном синхронном переводе на родной язык // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2020. № 4. С. 55–62.
21. Филатова В.В. Проблема внедрения синхронного перевода в переводческую деятельность // Вестник магистратуры. 2017. № 12. С. 34–37.
22. Хорошева Н.В., Банникова А.Д. Проблема переводческой ошибки в ситуации синхронного перевода выступлений политических лидеров / Н.В. Хорошева, А.Д. Банникова // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 2. С. 61–69.
23. Compact Oxford Russian Dictionary / Ed. by D. Thompson. Oxford: Oxford University Press, 2013. 880 p.

References

1. Balaganov, D.V. Mesto sinkhronnogo perevoda v sisteme vidov perevoda i ego osobennosti [The place of simultaneous interpretation in the system of types of translation and its features]. *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*, 2019. Vol. 12(5), P. 192–197. (in Russian)
2. Vasileva, V.E. Metodologicheskie osnovy obucheniia sinkhronnomu perevodu s angliiskogo iazyka na russkii i naoborot studentov starshikh kursov iazykovykh fakul'tetov [Methodological foundations of teaching simultaneous interpretation from English to Russian and vice versa to senior students of language faculties]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 2023. 5(102). P. 293–295. (in Russian)
3. Visson, L. *Sinkhronnyi perevod s russkogo na angliiskii*, Izd. 9-e. [Simultaneous interpretation from Russian into English. 9th edition]. Moskva: Valent, 2017. 320 p. (in Russian)
4. Gailomazova, E.S., Yustina, N.I. Osobennosti perevoda obshchestvenno-politicheskikh tekstov: leksicheskii uroven' [Features of the translation of social and political texts: a lexical level]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023. 3. P. 46–50. (in Russian)
5. Dudareva, N.A. O nekotorykh trudnostiakh sinkhronnogo perevoda [About some difficulties of simultaneous interpretation]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta*, 2009. 1. P. 68–71. (in Russian)

6. Evtushenko, O.V. Optimizatsiia sinkhronnogo perevoda na russkii iazyk [Optimization of simultaneous interpretation into Russian]. *Rusistika i komparativistika: nauchnye trudy po filologii*. Moskva: Knigodel, 2018. P. 153–165. (in Russian)
7. Eolian, V.Iu., Muratova E.D. Glossarii kak instrument kachestva perevoda [Glossary as a translation quality tool]. *Molodoi uchyonyi*, 2017. 31. P. 83–85. (in Russian)
8. Zigmantovich, D.S. Sintaksicheskie osobennosti iskhodnykh rechevykh proizvedenii kak destabiliziruyushchii faktor v ustnom sinkhronnom perevode (na materiale rechei amerikanskikh politikov) [Syntactic features of original speech works as a destabilizing factor in simultaneous interpretation (on the speeches of American politicians)]. *Issledovaniia iazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie*, 2022. Vol. 4(1). P. 16–24. (in Russian)
9. Ibragimova, K.G., Rykova P.A. Eliminatsiia lakun v sinkhronnom perevode (na materiale sinkhronno perevodimykh vystuplenii Soveta Bezopasnosti OON) [Elimination of gaps in simultaneous translation (based on the material of simultaneously translated speeches of the UN Security Council)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2021. 14. P. 1647–1653. (in Russian)
10. Komissarov, V.N. *Lingvistika perevoda* [Linguistics of translation]. Moskva: Mezhdunar. otnosheniia, 2023. 176 p. (in Russian)
11. Kononova, T.L. Leksiko-grammaticheskie osobennosti perevoda obshchestvenno-politicheskikh tekstov [Lexical and grammatical features of the translation of social and political texts]. *Teoriia iazyka i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, 2022. 2. P. 17. (in Russian)
12. *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts] / Editor-in-chief A.N. Nikoliukin. Moskva: INION RAN, 2001. 1600 p. (in Russian)
13. Mineev, T.A. *Sinkhron* / T.A. Mineev; il. A. Kostenko. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2025. 200 p. (in Russian)
14. Mikhailova, E.E., Fomin, A.G. Oshibki v protsesse sinkhronnogo perevoda [Errors in the simultaneous interpretation process]. *SibSkript*, 2017. 1. P. 178–183. (in Russian)
15. Nikashina, N.V., Popova, E.S. Strategiiia kompressii v sinkhronnom perevode v ekonomicheskom diskurse (na materiale russo-koizychnykh vystuplenii V.V. Putina i ikh perevodov na angliiskii iazyk) [Compression strategy in simultaneous interpretation in economic discourse (based on the material of Russian-language speeches by V.V. Putin and their translations into English)]. *Vlast' istorii – Istoriia vlasti*, 2024. 10. P. 147–161. (in Russian)
16. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii. Izd. 4-e, dop.* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th edition]. Rossiiskaia akademiia nauk. Institut russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova. Moskva: A TEMP, 2006. 944 p. (in Russian)
17. Pavlenkova, O.N. Kognitivnyi podkhod k izucheniiu semantiki litotnykh konstruktov v angliiskoykh blogakh Interneta [A cognitive approach to the study of the semantics of lithographic constructions in English-language Internet blogs]. *SibSkript*, 2013. 3. P. 195–199. (in Russian)
18. Postnikova, E.V. Osobennosti peredachi sredstv kommunikativnogo sintaksisa pri perevode obshchestvenno-politicheskogo teksta [Features of the transfer of means of communicative syntax in the translation of socio-political text]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013. 1. P. 246–249. (in Russian)
19. Rarenko, M.B. Sinkhronnyi perevod na sovremennom etape [Simultaneous interpretation at the modern stage]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 6. Iazykoznanie: referativnyi zhurnal*, 2021. № 1. P. 44–53. (in Russian)
20. Serkova, S.E. Perevodcheskaia interferentsiia i rechevye oshibki v uchebnom sinkhronnom perevode na rodnoi iazyk [Translation interference and speech errors in educational simultaneous interpretation into the native language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriia perevoda*, 2020. 4. P. 55–62. (in Russian)
21. Filatova, V.V. Problema vnedreniia sinkhronnogo perevoda v perevodcheskuiu deiatel'nost' [The problem of introducing simultaneous interpretation into translation activities]. *Vestnik magistratury*, 2017. 12. P. 34–37. (in Russian)
22. Khorosheva, N.V., Bannikova A.D. Problema perevodcheskoi oshibki v situatsii sinkhronnogo perevoda vystuplenii politicheskikh liderov [The problem of translation error in the situation of simultaneous interpretation of speeches of the political leaders]. *Evrasiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2020. 2. P. 61–69. (in Russian)
23. *Compact Oxford Russian Dictionary* / Ed. by D. Thompson. Oxford: Oxford University Press, 2013. 880 p.

Сведения об авторе:

Ракова Кристина Викторовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России, научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН. Сфера интересов: особенности синхронного перевода, инновационные методики преподавания иностранных языков, неологизмы английского языка.

E-mail: k.rakova@inno.mgimo.ru

ORCID 0000-0002-8842-1920

Scopus ID 57722743400. WoS ID AHB-0663-2022

РИНЦ Author ID 1111854

About the Author:

Krisitna V. Rakova – PhD, is Associate Professor at Department of the English Language No3, MGIMO University, Research Fellow at the Philosophy of Culture Department of the RAS Institute of Philosophy. Spheres of interest: features of simultaneous interpretation, innovative methodologies for teaching foreign languages, neologisms in the English language.

E-mail: k.rakova@inno.mgimo.ru

ORCID 0000-0002-8842-1920

Scopus ID 57722743400

WoS ID AHB-0663-2022

* * *

Studying Russian as a Foreign Language with the Help of the Linguistic Corpus of Russian Folk Songs

Khalida N. Galimova,

Kazan Innovative University,
42 Moskovskaya str., Kazan, 420111, Russia

Mariia B. Kazachkova

MGIMO UNIVERSITY (the Odintsovo Branch),
3, Novo-Sportivnaya str., Odintsovo, 143007, Russia

Abstract. The article considers the possibility of using the text material of Russian folk songs in teaching foreigners Russian as a foreign language. The study aims to describe the material of Russian folk songs as a potential educational text. The research material includes more than 100 songs, with a total volume of 10,475 words. Within the framework of the study, a linguistic corpus of Russian folk songs was created, where the complexity of song texts was determined according to such linguistic parameters as the lexical diversity index (TTR) and the Flesch-Kincaid readability index (FRGL), also, the language level of the song material was determined according to the state system of certification levels of general proficiency in Russian as a foreign language; the number of occurrences of cultural code units was identified. The educational potential of song texts was described and tasks exercises based on them are created. The text of this song material shows a low TTR (0.5) and a fairly low FRGL (3, 36). The language level of almost all folk songs corresponds to the level of A1; the average value of occurrences of units of the cultural code is 5.6. Descriptive parameters for assessing the complexity of the lyrics were calculated using the RuLingva automatic test profiler, created by a team of Russian scientists to automate routine arithmetic and research operations with the text in Russian. The conducted analysis of the texts of Russian folk songs showed that they can be used as a valid tool in Russian language lessons, especially at the initial stage of its study. Songs provide material for expanding the vocabulary of students and allow them to master certain grammatical constructions; and being an authentic text, they provide an opportunity to get acquainted with the facts and features of Russian reality, history and culture. The prospects of the work are seen in the creation of a teaching aid containing the theoretical foundations of the integration of pedagogical technologies into the educational process using song material.

Keywords: linguistic corpus, song material, cultural code, Flesch-Kincaid readability index, Lexical Diversity Index, RuLingva linguistic analyzer

For citation: Kazachkova M.B., Galimova Kh.N. (2025). Studying Russian as a Foreign Language with the Help of the Linguistic Corpus of Russian Folk Songs. *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(4), pp. 141–160. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-141-160>

Изучение русского языка как иностранного с помощью лингвистического корпуса русских народных песен

М.Б. Казачкова

Одинцовский филиал Московского государственного института
международных отношений (университет),
143007, Россия, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3.

Х.Н. Галимова

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП),
420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, д. 42, корп. 4

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования текстового материала русских народных песен при обучении инофонов русскому языку как иностранному. Представленное исследование имеет целью описать материал русских народных песен как потенциально учебного текста. Материал исследования составили тексты более 100 песен, общим объёмом 10 517 словоформ. В рамках исследования был создан лингвистический корпус русских народных песен, определена сложность тестов песен с использованием таких лингвистических параметров, как индекс лексического разнообразия (TTR) и индекс удобочитаемости Флеша-Кинкейда (FRGL), определён уровень языка песенного материала по государственной системе сертификационных уровней общего владения русским языком как иностранным (ТРКИ), выявлено количество вхождений единиц культурного кода, а также описан обучающий потенциал песенных текстов с разработкой заданий и упражнений на их основе. Дескриптивные параметры оценки сложности текста песен рассчитывались при помощи автоматического тестового профайлера RuLingva, созданного командой российских учёных для автоматизации рутинных арифметических и исследовательских операций с текстом на русском языке. Тексты песен показывают невысокий индекс лексического разнообразия (TTR – 0,5) и достаточно низкий индекс удобочитаемости Флеша-Кинкейда (FRGL – 3,36). Уровень языка практически всех народных песен соответствует уровню ЭУ–А1. Среднее значение вхождений единиц культурного кода – 5,6. Анализ текстов русских народных песен показал, что песня – это уникальный и неоценимый учебный материал, а также незаменимый инструмент при изучении русского языка как иностранного. Песни способствуют расширению словарного запаса обучающихся, позволяют освоить определённые грамматические конструкции, а также, являясь аутентичным текстом, дают возможность ознакомиться с фактами и особенностями русской действительности, истории и культуры. Перспективы работы видятся в создании учебного пособия, содержащего теоретические основы интеграции педагогических технологий в учебный процесс с использованием песенного материала в соответствии с уровнем языковой подготовки инофонов и профессиональной направленностью образовательных программ.

Ключевые слова: лингвистический корпус, песенный материал, культурный код, индекс удобочитаемости Флеша-Кинкейда, индекс лексического разнообразия, лингвистический анализатор RuLingva

Для цитирования: Казачкова М.Б., Галимова Х.Н. (2025). Изучение русского языка как иностранного с помощью лингвистического корпуса русских народных песен. *Филологические науки в МГИМО*. 11(4), С. 131–160. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-141-160>

Введение

Учебный текст – это незаменимый инструмент в образовательном процессе. Грамотно отобранные учебные тексты не только служат основой для формирования языковых навыков, но и мотивируют учащихся, делают процесс обучения более эффективным и интересным.

При обучении русскому языку как иностранному (РКИ) учебные тексты играют особую роль, поскольку основополагающим принципом в преподавании РКИ является принцип коммуникативно-культуроведческой направленности, что предполагает «описание и изучение русского языка в неразрывной связи с соответствующей ему национальной культурой, с учётом ее глубинных, ценностных оснований, динамического характера культуры и её национальной специфики» [25, с. 57]. Следовательно, учебный тестовый материал должен содержать прежде всего культурный код [13], играющий ключевую роль в приближении обучающегося к пониманию и ощущению русского мира и дающий возможность знакомства с коммуникативными практиками и культурой изучаемого языка.

Любой код – это информативная система устойчивых, повторяющихся правил и знаков (символов) для представления информации [16], следовательно, код – это язык. «Культурный код – это информативная система знаков культуры (её символов, артефактов), или язык культуры, имеющий конкретное значение в определённом этническом контексте в своём хронотопе» [17, с. 168].

Народная песня, как ничто другое, несёт в себе «культурный код, то есть способ сохранения и трансляции культурной информации, аналог культурной памяти» [16, с. 362]. Он передаётся из поколения в поколение через язык и культурно транслируемую информацию: искусство, литературу, фольклор и т.п. [26].

Песенный материал является источником культурной информации и связан с эстетической стороной восприятия действительности [17]. Бесспорно, нельзя по-настоящему владеть иностранным языком, не владея культурным фоном изучаемого языка.

В арсенале педагогических инструментов в процессе обучения иностранному языку песня занимает особое место, выступая в роли эффективного учебного текста, «факта культуры иностранного языка, целесообразного для учебной коммуникации и имеющего знаковую функцию» [2, с. 34]. Песня, созданная носителями языка в естественных условиях общения, а не специально для учебных целей, как ничто другое, реализует принцип аутентичности. Это выражается в отборе лексического материала [8] – контента используемых неадаптированных песен, и позволяющего погрузиться в культурный контекст и особенности языка. Тем самым при использовании данного песенного материала в качестве учебного создаётся база для понимания живой разговорной речи на слух [15].

Таким образом, песенный материал является неоценимым помощником в работе преподавателя [20]: «с одной стороны, песня способствует пониманию русского образа мыслей, русского менталитета, что для иностранных обучающихся представляет чрезвычайную сложность, особенно на начальном этапе изучения русского языка, а с другой – песня служит инструментом, позволяющим погрузить обучающегося в систему интерактива с носителями русского языка в непосредственном социокультурном общении» [18, с. 19].

Е.А. Ровба в своих исследованиях определяет ряд преимуществ использования песни в изучении языка, выделяя следующие функции песенного материала: «1) обучающую (совершенствуется произношение, усваивается и активизируется лексика, расширяется активный и пассивный словарный запас обучающегося, идентифицируются и активизируются грамматические конструкции; развиваются навыки чтения и устной речи); 2) развивающую (развиваются творческие способности, музыкальный слух, формируется эстетический вкус, расширяется кругозор) [4]; 3) образовательную (обучающийся получает дополнительные знания о культуре страны, исторических событиях, традициях и обычаях изучаемого языка)» [23, с. 331].

Кроме того, песни вносят живую струю в ход занятия [7], воздействуют на человека, снимают напряжение, повышают настроение и улучшают эмоциональный фон [9], [22]. «Ритм и рифма

песни позволяют использовать поэтические тексты не только как запоминающуюся иллюстрацию языкового явления, но и эффективное упражнение, предполагающее повтор звуков, слов, частей предложений, грамматических конструкций» [17, с. 362].

Конечно, у обучающихся могут быть разные музыкальные предпочтения, однако многие проявляют живой интерес именно к русским народным песням, через которые обучающиеся могут «прикоснуться» к самой сердцевине русской культуры, приблизиться к понимаю русской души и менталитета, а также лучше понять исторический и культурный фон России [1].

Русская музыкальная культура отличается разнообразием музыкальных жанров. Наряду с эпическими песнями встречаются песни лирические, хороводные, плясовые, свадебные, трудовые, обрядовые, шуточные, игровые и др. Считается, что народная песня как фольклорное произведение является продуктом коллективного устного творчества.

В большинстве случаев у народной песни нет литературного автора, либо он просто неизвестен. Однако есть примеры, когда и у народной песни есть создатель. Например, всемирно известная русская песня «Калинка-Малинка», написанная в народном стиле, изначально была создана бывшим офицером и музыкальным критиком Иваном Ларионовым в 1860 году. Не менее популярную песню «Чёрный ворон» написал участник русско-турецкой войны, унтер-офицер Невского полка, Николай Верёвкин. Так «солдатская» песня постепенно превратилась в «народную». Песня под названием «Степь да степь кругом» о замерзающем в холодной степи ямщике считается народной, но написана она на стихи талантливого русского поэта Ивана Сурикова. Автор песни «Ой, мороз, мороз» так же известен: её автором является супруга первого исполнителя песни Александра Уварова – Мария Морозова.

Когда-то созданные отдельными творцами песни, передаваясь из уст в уста, приобретали новые варианты интерпретации текстов, обрастали новыми манерами исполнения. Всё это меняло первоначальный облик русской песни и делало её более актуальной.

Многие народные песни часто передают глубокие чувства и эмоции, затрагивают универсальные темы [14], такие как любовь, природа, социальные роли мужчин и женщин в обществе. Особенностью русских народных песен является метафоричность и параллелизм синтаксических структур, высокая частотность номинаций объектов культурного кода.

Музыкальное исполнение народных песен ярко демонстрирует орфоэпические и фонетические особенности языка, ритмику и рифму, напевность произнесения и экспрессивность способствуют запоминанию слов и словосочетаний – это и есть соприкосновение с аутентичным текстом [17].

Народные песни представляют собой богатое культурное наследие, отражающее жизнь, традиции и обычаи народа. Их разнообразие позволяет каждому найти что-то близкое и понятное, вызывает эмоциональный отклик, а также способствует сохранению исторической памяти и культурной идентичности.

Таким образом, простота, малый объём, актуальность тематики, доступность народной песни, её высокая художественность, глубина мысли, своеобразие её мелодической, ритмической и полифонической структур делают фольклор идеальным учебным средством.

Использование песенного материала стимулирует мотивацию учащихся и способствует лучшему усвоению языкового материала [12].

Представленное исследование имеет целью описать песенный материал как потенциально учебный текст.

В рамках исследования планируется: (1) создать лингвистический корпус русских народных песен; (2) определить сложность и культурный код песенного текстового материала; (3) описать обучающий потенциал песенных текстов.

Материал исследования составили тексты 107 русских народных песен, общим объёмом 10 517 словоформ.

Источники материала включают электронные ресурсы, содержащие сборник песен «Песни на уроках РКИ» под ред. Н.Г. Нестеровой издательства Томского государственного университета, альбом «Народные песни (Душевные хиты)», картотеку народных песен образовательной социальной сети, русские народные песни на сайтах Классика на Ru. Стих, Правмир.

Исследование (Material & Methodology)

Исследование осуществлялось по следующему алгоритму:

1. Сбор материала исследования. Далее осуществлена сплошная выборка русских народных песен, которые знает наизусть практически каждый русский человек «Ой, мороз-мороз...», «Ой, то не вечер», «Валенки», «Эх, яблочко» и др.

2. Определение сложности и культурного кода текстов песен.

Текст – это сложная система, состоящая из взаимосвязанных предложений, каждое из которых несёт определённую мысль.

Сложность понимания любого учебного текста – его базовая характеристика, которая зависит от структуры, языковых средств и концептуального содержания текста. Сложность характеризуется средней сложностью составляющих его предложений.

При оценке сложности учебного текста учитываются несколько параметров, охватывающие разные аспекты языка и содержания. Грамматическая сложность зависит от следующих дескриптивных количественных параметров: длины предложений (более длинные предложения, особенно с множеством придаточных частей, сложнее для восприятия), сложности синтаксической структуры (использование в тексте сложных синтаксических конструкций, таких как причастные и деепричастные обороты, сложные типы придаточных предложений и т.п. усложняют восприятие текста), средней длины слов. Абстрактность понятий, частотность и повторяемость слов определяют лексическую сложность текста [19].

Параметры оценки сложности текста песен рассчитывались при помощи автоматического анализатора текстов RuLingva (rulingva.kpfu.ru), созданного командой российских учёных НИЛ «Текстовая аналитика» для автоматизации рутинных арифметических, лингвистических и исследовательских операций с текстом [29] на русском языке. Одной из целей деятельности данной научной лаборатории – разработка автоматизированной модели для успешного чтения, предполагающей возможность выбора идеального текста для любого читателя [19].

Оценка сложности текстов включала следующие параметры: индекс удобочитаемости Флеша-Кинкейда (англ. Flesh Reading Grade Level – FRGL) [19], [29]; индекс лексического разнообразия (англ. type/token ratio – TTR) [11], [19], [27], [29]; уровень языка по государственной системе сертификационных уровней общего владения русским языком как иностранным (ТРКИ), согласно которой язык делится на следующие уровни владения: элементарный (ЭУ А1), базовый (БУ–А2), пороговый (РКИ–1 В1), промежуточный (РКИ–2 В2), продвинутый (РКИ–3 С1), сверхпродвинутый (РКИ–4 С2). Система приведена в соответствие с общеевропейской системой уровней владения языком CEFR [3].

Индекс удобочитаемости по Флешу-Кинкейду имеет две переменные и рассчитывается по следующей формуле: $FRGL = 0,36 \times \text{средняя длина предложения (в словах)} + 5,76 \times \text{среднее число слогов в слове} - 11,97$ [28], [29]. Соответственно, «меньшее количество слогов в слове, как правило, свидетельствует о его меньшей информативности. В свою очередь, меньшее количество слов в предложении реализует меньшее количество связей между словами и предложениями» [19, с. 88]. Данный параметр показывает, каким уровнем образованности должен обладать читатель исследуемого текста. Баллы можно интерпретировать так, как показано в таблице ниже (см. табл. №1).

Таблица №1. Оценка сложности чтения текста по формуле Флеша-Кинкейда

Оценка	Примечания
5.0-5.9	Очень легко читается. Легко воспринимается среднестатистическим 11-летним учеником.
6-6.9	Легко читается. Разговорный английский для бытового общения.
7-7.9	Довольно легко читается.
8-9.9	Простой язык. Легко воспринимается учащимися в возрасте от 13 до 15 лет.
10-12.9	Довольно трудно читается.
13-15.9	Трудно читается.
16-17.9	Очень трудно читается. Лучше всего понимается выпускниками университетов.
18	Чрезвычайно сложен для чтения. Лучше всего понятен выпускникам университетов.

TTR – «индекс лексического разнообразия, показатель, отражающий степень богатства лексики при построении текста заданной длины» [11, с. 386]. Контекст использования термина позволяет семантизировать его интенционал как «лексическое богатство», или авторский лексикон. Индекс лексического разнообразия (TTR) определяется отношением числа уникальных слов, то есть слов, встречающихся в тексте один раз (N_{lex}), к общему числу слов (N) в анализируемом фрагменте: $TTR = N_{lex}/N$.

Недостаток этой формулы заключается в её применимости к текстам небольшого размера, так как с увеличением объёма анализируемого текста растёт и количество различных слов, в том числе уникальных. Однако, учитывая, что народные песни обычно имеют ограниченный объём (60-70 слов), использование TTR для их анализа представляется наиболее целесообразным.

Текст с богатым лексическим составом характеризуется высоким коэффициентом TTR, то есть максимальным количеством неповторяющихся слов на единицу текста. Напротив, текст с бедным лексическим запасом склонен к повторению одних и тех же слов, что приводит к снижению его лексического разнообразия. Например, если в тексте из 50 слов имеется 25 уникальных лексических единиц, то индекс TTR будет равен 0,5 (25/50) [11]. Считается, чем выше лексическое разнообразие, тем больше когнитивных усилий необходимо приложить слушателю или читателю для восприятия и понимания текста.

Текстовый профайлер RuLingva также даёт возможность определить культурный код текстового материала, выводит количество вхождений лексических единиц культурного кода, распределяет их по следующим тематическим группам: география (Байкал, Дон), русский язык (товарищ, сударь), традиционный быт (кафтан, сарафан), история (Красная армия, Отечественная война), город (Москва), социальные слои (крестьянин, барин), художественная литература (Пушкин).

На базе платформы RuLingva стало возможным подобрать текст соответствующего уровня сложности для различной целевой аудитории [10].

3. Разработка дотекстовых, текстовых и послетекстовых упражнений на основе песенного материала.

Разрабатывая упражнения для работы с песней, необходимо, прежде всего, учесть «типичные ситуации общения и употребления языковых средств, которые отображаются в песнях. Целесообразно включать студентов в эти ситуации общения в качестве адресатов речи или свидетелей коммуникации» [6, с. 17].

Результаты исследования (Results)

Результатами проведённого исследования являются следующие продукты:

1. Корпус русских народных песен (см. таб. № 2).

Таблица №2. Объём лингвистического корпуса русских народных песен

Корпус	Корпус русских народных песен
Количество песенных текстов	107
Количество слов	10 517

Тематический состав корпуса весьма многообразен (*Приложение 1*). В Корпусе представлены: 1) песни, связанные с календарными и семейными ритуалами: «Последний нонешний денёчек», «Во кузнице», «Как родная меня мать провожала», «Блины», «Ехали казаки», «Коровушка», «Собирались красны девки» и др.; 2) произведения детского фольклора: «Два весёлых гуся», «Котя, котенька – коток», «Как на тоненький ледок» и др.; 3) плясовые/хороводные песни: «Как у наших у ворот», «Камаринская», «Вдоль по улице молодчик идёт», «Эх, яблочко», «Барыня», «Калинка-малинка и др.»; 4) лирические песни: «Раз, два, люблю тебя», «Ах ты, душечка, красна девица», «Чернобровый, черноокий», «Шёл казак на побывку домой», «Виновата ли я», «Воспой в саду, соловейка», «Вот кто-то с горочки спустился» и др.; 5) солдатские/героические песни («Любо, братцы, люблю», «Раскинулось море широко», «Солдатушки, бравы ребятушки», «Ты взойди, солнце красное» и др. [8]).

2. Определение количественных и качественных параметров песенного материала.

С помощью лингвистического анализатора RuLingva были рассчитаны индекс удобочитаемости Флеша-Кинкейда FRGL и индекс лексического разнообразия TTR, уровень языка и количество вхождений единиц культурного кода.

Для примера проанализируем несколько русских народных песен.

Песня «Любо, братцы, люблю» (изначально песня считалась казачьей), рассказывает о трагичной судьбе храброго воина и восхваляет доблестных солдат. Текст данного песенного материала показывает достаточно низкий индекс удобочитаемости Флеша-Кинкейда (3,36) и невысокий индекс лексического разнообразия (0,5) за счёт лексических анафор и эпифор (см. таб. № 3): «... А первая пуля, а первая пуля, а первая пуля в ногу ранила коня...» (слова народные).

Таблица №3. Параметры сложности текста песни «Любо, братцы, люблю»

Параметр сложности	Значение
TTR	0.5
FRGL	3, 36

Определение уровня языка данного текстового материала демонстрирует преимущественно преобладание языковых единиц элементарного уровня (см. табл. № 4).

Таблица № 4. Распределение лексики по уровням песни «Любо, братцы, люблю»

Уровень	Количество токенов	Количество лемм	Кумулятивная доля токенов	Кумулятивная доля лемм
A1	27 (32.53%)	18 (34.62%)	27 (32.53%)	18 (34.62%)
A2	7 (8.43%)	4 (7.69%)	34 (40.96%)	22 (42.31%)
B1	5 (6.02%)	4 (7.69%)	39 (46.99%)	26 (50.00%)
B2	9 (10.84%)	4 (7.69%)	48 (57.83%)	30 (57.69%)
C1	15 (18.07%)	7 (13.46%)	63 (75.90%)	37 (71.15%)
C2	0 (0.00%)	0 (0.00%)	63 (75.90%)	37 (71.15%)

Выявлено 6 объектов культурного кода: 2 объекта, относящихся к группе «Социальные слои»: казак – 2 вхождения, атаман – 3 вхождения, один объект группы «Русский язык»: товарищ – 1 вхождение (рис. 1).

Песня «Во кузнице» относится к обрядовым. В давние времена кузнец считался одним из самых почитаемых людей в деревне. Он ковал для жениха и невесты кольца и подкову на счастье. Песня была широко распространена не только в дореволюционной России [5], но и в различных регионах страны в советскую и постсоветскую эпохи. Произведение состоит из 5 куплетов по 2 строфы. Все куплеты одинакового размера, каждый состоит из 2-х повторяющихся строк: «Они, они куют, они, они куют, они куют приговаривают, молотками приколачивают» (слова народные).

Количество лемм: 37. Индексы удобочитаемости по Флешу-Кинкейду и Лексическое разнообразие указывают на простой уровень языка (9,5 и 0,24). Песня характеризуется простыми структурами, повторяющимися фразами, использованием базовых слов и выражений (см. табл. № 5, 6), которые легко запоминаются.

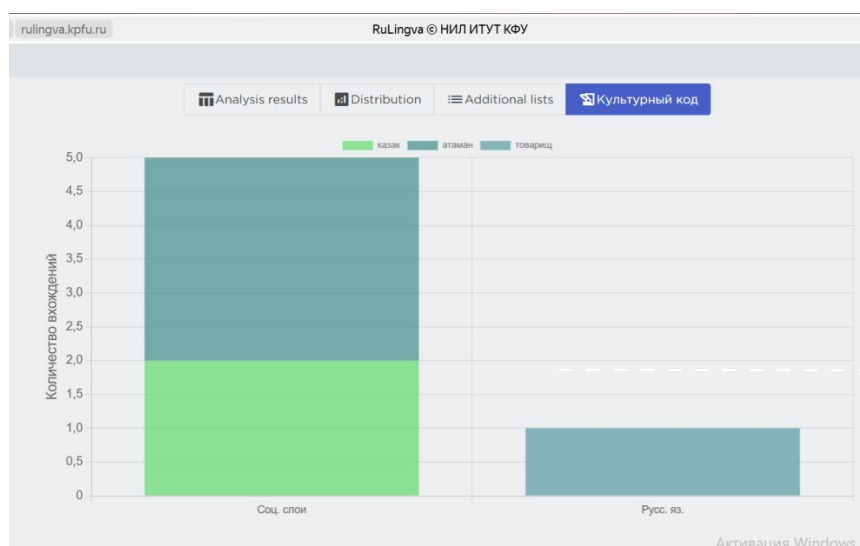

Рис 1. Культурный код песни «Любо, братцы, любо, братцы, жить»

Таблица № 5. Параметры сложности текста «Во кузнице»

Параметр сложности	Значение
TTR	0.24
FRGL	9.5

Таблица № 6. Распределение лексики по уровням песни «Во кузнице»

Уровень	Количество лемм	Классификация по уровням
A1	6 (23.08%)	во 6(18.75%) во 4(12.5%) пойдём 4(12.5%) не 4(12.5%) по 4(12.5%) они 3(9.38%) молодые 2(6.25%) они 2(6.25%) пойдём 2(6.25%) по 2(6.25%)
A2	0 (0.00%)	молоток (3.12 %)
B1	3 (11.54%)	сошьём 4(12.5%) носи 4(12.5%) надевай 4(12.5%) сошьём 2(6.25%) носи 2(6.25%)
B2	2 (7.69%)	сорвём 4(12.5%) сорвём 2(6.25%) пра 2(6.25%)
C1	3 (11.54%)	сарафан 4(12.5%) кузнец 2(6.25%)
C2	0 (0.00%)	-

Выявлен культурный код: «сарафан», относящийся к объекту традиционного быта русского народа.

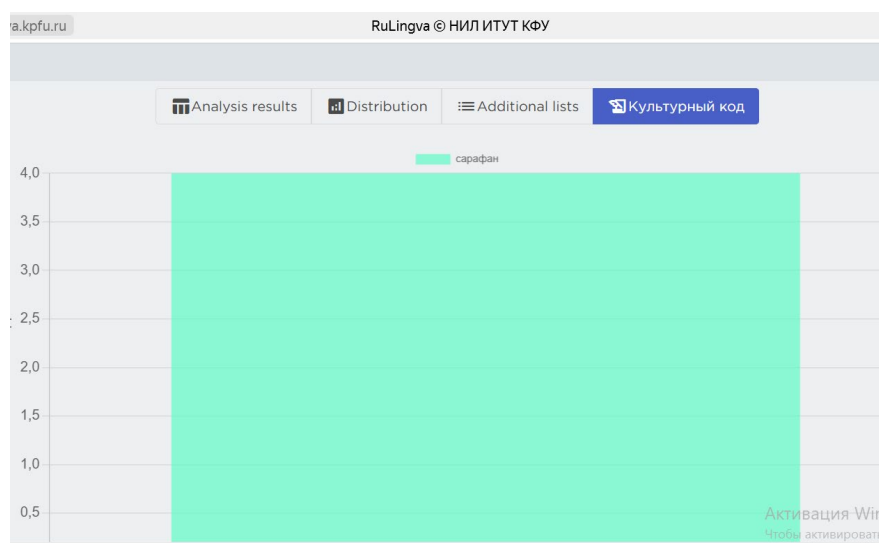

Рис 2. Культурный код песни «Во кузнице»

Русская песня «Калинка-малинка» хотя и не является народным творчеством, однако написана в народном стиле русским композитором И. П. Ларионовым. Название песни происходит от слова «калина». В русской культуре упоминание цветов калины и малины отождествляют с юной девичьей красотой, женственностью и любовью, а ягоды – с горечью неразделённого чувства и с замужеством.

Песня умело сочетает в себе праздничное и народное, чувственное и задорное, что делает её популярной у слушателей разных возрастных групп.

Невысокий индекс удобочитаемости FRGL (10,05) достигается за счёт коротких предложений. Низкое значение TTR (0,45) указывает на связность и лёгкость понимания текста (см. табл. № 7, 8).

Таблица № 7. Параметры сложности текста песни «Калинка-малинка моя»

Параметр сложности	Значение
TTR	0,45
FRGL	10, 05

Таблица №8. Распределение по уровням лирической песни «Калинка-малинка моя»

Уровень	Количество лемм	Классификация по уровням
A1	10 (38.46%)	меня 4(13.79%) ты 4(13.79%) моя 2(6.9%) спать 2(6.9%) вы 2(6.9%) не 2(6.9%) надо 2(6.9%) мной 2(6.9%) в 1(3.45%) саду 1(3.45%) зелёною 1(3.45%) зелёная 1(3.45%) под 2(6.9%)
A2	3 (11.54%)	положите 2(6.9%) полюби 2(6.9%)
B1	2 (7.69%)	шуми 2(6.9%) же 2(6.9%) сосною 1(3.45%)
B2	1 (3.85%)	ах 3(10.34%) красавица 1(3.45%)
C1	0 (0.00%)	-
C2	0 (0.00%)	-

В тексте песни «Калинка-малинка» объектов культурного кода не обнаружено. Однако выражение «Калинка-Малинка» уже закрепилось у большинства иностранцев как что-то непосредственно связанное с Россией или русскими.

Русская народная плясовая песня «Во саду ли, в огороде» относится к крестьянскому фольклору. В песне описывается жизнь крестьян, их быт, отношения между ними.

Количество лемм: 63. Индекс удобочитаемости по Флешу-Кинкейду – 7.32. Текст довольно легко читается. Индекс TTR достаточно высокий – 0.81 (см. табл. № 9), в данном тестовом материале много уникальных неповторяющихся слов. Но при этом уровень текста ЭУ – A1, что говорит об использовании в песне простых фраз и словосочетаний, обладающих повышенным коммуникативным потенциалом.

Таблица №9. Распределение по уровням обрядовой песни «Во саду ли, в огороде»

Уровень	Количество лемм	Классификация по уровням
A1	27 (42.19%)	я 3(4.35%) ней 2(2.9%) и 2(2.9%) в 2(2.9%) пойду 2(2.9%) во 1(1.45%) саду 1(1.45%) в 1(1.45%) гуляла 1(1.45%) ходит 1(1.45%) он 1(1.45%) звал 1(1.45%) сыр 1(1.45%) по 1(1.45%) с 1(1.45%) тобою 1(1.45%) милой 1(1.45%) поеду 1(1.45%) любишь 1(1.45%) так 1(1.45%) купишь 1(1.45%) твоё 1(1.45%) не 1(1.45%) стоит 1(1.45%) у 1(1.45%) моя 1(1.45%) любви 1(1.45%) нам 1(1.45%) один 1(1.45%)
A2	5 (7.81%)	за 2(2.9%) за 1(1.45%) сяду 1(1.45%) если 1(1.45%) к 1(1.45%) к 1(1.45%) сердцу 1(1.45%)
B1	5 (7.81%)	золото 2(2.9%) ли 1(1.45%) целует 1(1.45%) милая 1(1.45%) покажется 1(1.45%)
B2	3 (4.69%)	огороде 1(1.45%) бродит 1(1.45%) ножки 1(1.45%)
C1	3 (4.69%)	бор 1(1.45%) карету 1(1.45%) поживём 1(1.45%)
C2	0 (0.00%)	-

Выявлен культурный код: объект традиционного быта – «село» – древнее название места оседлой жизни.

Доступная лексика, простой синтаксис и повторяющиеся фразы народных песен позволяют использовать данный материал в группе с низким уровнем владения русским языком на начальном этапе его обучения [5].

3. На следующем этапе был разработан комплекс дотекстовых и послетекстовых заданий и упражнений на основе песенного материала.

Цель дотекстовых заданий – подготовить обучающихся к восприятию музыкального произведения как учебного текста, активизировать предшествующие знания и настроить на тему. Важный элемент этого этапа – пробуждение интереса у обучающихся к предстоящему прослушиванию.

Послетекстовые задания обычно призваны обеспечить закрепление и комплексное усвоение материала. Они, как правило, способствуют развитию языковых навыков, культурному обогащению и формированию критического мышления. На этом этапе обучающимся могут быть предложены задания более творческого характера. Безусловно, работа с песенным материалом требует использования разнообразных технических средств и тщательно подготовленных дидактических материалов.

В качестве иллюстрации авторы предлагают дотекстовые и послетекстовые упражнения на примере материала русской народной песни «Миленький ты мой». Эта одна из популярных лирических русских народных песен. Песня представляет собой диалог между мужчиной и женщиной. Героиня обращается к своему возлюбленному взять её с собой, выражая свои чувства и переживания.

Дотекстовые задания:

1. Послушайте песню (посмотрите клип);
2. Выпишите ключевые слова. Если в тексте песни есть очень сложные слова и картинками их не объяснить, то можно их перевести или дать примеры употребления. Например, 1) край (n) = area, region; 2) миленький/милая (adj) = darling you're my, my dear (Dear, lovely Guineas, my dear man. – Гиней, мой милый. Lovely to see you, my dear. – Рада тебя видеть, моя дорогая); 3) чужая (жена) (adj) = the missus (I can't imagine being anyone else's missus! Я не могу представить себя чьей-то женой); 4) взять (возьми, взял бы) (v) = take (would take) (Now don't you ask me to take him back! – Только не проси меня взять (принять) его обратно).

3. Выберите из данных ниже слов антонимы к слову «далёкий»: будущий, близкий, вчерашний, глубокий, длинный, дружный, знакомый, известный, короткий, медленный, огромный, прошлый, трудный, широкий.

4. Впишите существительные в форме именительного или творительного падежа (см. табл. № 10);

Таблица № 10. Задание на знание падежных форм

№	Именительный падеж	Творительный падеж
1	бабушка	
2		буквой
3	весна	
4		гитарой
5	девочка	
6	жена	
7		картиной
8	лампа	лампой
9	сестра	
10	чужая	

5. В тексте практически любой песни можно найти фрагмент для простого, но очень эффективного задания: послушайте песню с опорой на текст, впишите пропущенные слова.

Миленький ты мой,
 Возьми меня с _____!
 Там, в _____ далёком,
 Буду тебе _____.
 Милая моя,
 Взял бы я тебя,
 Но там, в _____ далёком,
 Есть у меня _____.
 Миленький ты мой,
 Возьми меня с собой!
 Там, _____ далёком,
 Буду тебе _____.

Послушайте песню ещё раз с опорой на текст. Проверьте себя [21].

Послетекстовые задания, как правило, направлены на закрепление и расширение лексического запаса, на развитие навыков говорения или письма. Обучающимся предлагается, например, инсценировать ситуации, описанные в песне, создавать диалоги на основе ключевых фраз из неё, или же написать эссе, содержащее размышления по теме.

Слова песни проговариваются обучающимися, а затем они исполняют её под музыкальное сопровождение. Песня «Миленький ты мой» представляет собой диалог между мужчиной и женщиной. Можно предложить обучающимся исполнить песню по ролям: девушки обращаются с просьбой, юноши отвечают.

Обсуждение результатов (Discussion)

Включение в образовательный процесс творческой составляющей, в частности, использование на занятиях РКИ песенного материала, в российской методике преподавания ведётся давно, тем не менее, именно сегодня приоритетное значение приобретает социальная интеграция и совместное погружение в культуру народа изучаемого языка.

Имеются различные методические разработки и учебные пособия для обучения РКИ на основе песен. Одним из таковых является учебное пособие Н. Лукьяновой «Русский язык через песни», в котором используются современные и народные песни для развития навыков аудирования, расширения словарного запаса и знакомства с русской культурой. Преподавателями РКИ Воронежского государственного университета инженерных технологий разработано учебное пособие для подготовки тематических уроков русского языка для инофонов «Русский язык в песнях (для студентов-иностранцев)»¹. В качестве текстового материала здесь использованы русские народные песни и романсы. Для обеспечения валидности каждая методическая разработка содержит грамматический комментарий, словарь, текст песни, а также пред-, при- и послетекстовые упражнения [22].

Русские народные песни являются незаменимым источником и инструментом при изучении РКИ, так как имеют достаточно простую лексику, в них отражены частотные ситуации общения. Уровень языка практически всех народных песен нашего корпуса соответствует уровню ЭУ – А1, что означает человек может понимать и использовать элементарные фразы и выражения, касающиеся повседневных ситуаций. Невысокие индексы лексического разнообразия (TTR– 0,41) и удобочитаемости Флеша-Кинкейда (FRG L– 5,5) отражают лёгкость чтения и говорят о доступности песенного текста для максимального количества читателей, способность последнего без

¹ Русский язык в песнях (для студентов-иностранцев): учебное пособие / Дао Тхао Фыонг, Н. В. Иванова, Мессиах Кампуш [и др.]; под редакцией Е. А. Ядрихинская. Русский язык в песнях (для студентов-иностранцев), 2025-04-01. Электрон. дан. (1 файл). Воронеж: Воронежский государственный университет инженерных технологий, 2016. 76 с.

затруднений воспринимать содержимое сказанного. Среднее значение вхождений единиц культурного кода (5,6) ещё раз подчёркивает, что песни, а именно народные песни, являясь аутентичным текстом и важной частью культуры народа, «частью культурного кода страны» [20, с. 111], дают возможность не только изучать язык, но знакомиться с фактами и особенностями русской действительности, истории и культуры, соответственно, могут быть успешно использованы в обучении русскому языку (см. табл. №11).

Таблица № 11. Анализ русских народных песен

Название песни (кол-во вхождений)	FRGL	TTR	уровень	Культурный код
Во саду ли, в огороде	8.7	0,62	A1	0
По Дону гуляет	8.33	0,26	A1	4
Во кузнице	7.85	0,24	A1	4
Славное море, священный Байкал	5, 8	0.75	A1	4
Миленький ты мой	7.9	0.17	A1	3
Валенки	7.75	0.59	A1	5
Как родная меня мать провожала	3.05	0,61	A1	5
Ехали казаки	4.36	0,34	A1	4
Коровушка	2.72	0.59	A1	5
Ах ты, душечка, красна девица	2.1	0.65	A1	6
Раз, два, люблю тебя	4.4	0.4	A1	7
Шёл казак на побывку домой	2.96	0.48	A1	8
Любо, братцы, любо	0,5	0,36	A1	5
Во кузнице	7.85	0,24	A1	1
Во поле берёзка стояла	9.61	0.44	A1	1
Калинка-малинка моя	10.05	0.45	A1	1
Барыня	6,9	0, 48	A1	2
Среднее значение	5.5	0.41	A1	5.6

Авторы статьи считают, что целесообразно начинать использовать песенный материал на занятиях РКИ на начальном этапе. При этом современный преподаватель РКИ не должен оставаться в рамках какой-либо одной методической системы. Гибкость и адаптивность в выборе методики обучения РКИ являются ключевыми факторами успеха. Преподаватель должен быть знаком с различными методиками, уметь оценивать их преимущества и недостатки, выбирать наиболее подходящие для конкретной ситуации, целей и потребностей обучающихся. Это позволит создать эффективную и мотивирующую учебную среду и добиться наилучших результатов в обучении русскому языку как иностранному.

Заключение

Проведённый анализ текстов русских народных песен показал, что они могут использоваться как эффективный дидактический инструмент на уроках РКИ.

Песня – это уникальный и ценный учебный текст, который может сделать процесс изучения русского языка более интересным, эффективным и запоминающимся [24]. Использование песен в обучении позволяет обучающимся не только улучшить свои языковые навыки, но и погрузиться в русскую культуру, понять ценности и традиции русского народа. Главное – правильно подобрать песни, руководствуясь лингвистическими, лингвострановедческими, коммуникативными, содержательными, психологическими и техническими критериями, и использовать дидактический потенциал песенного материала в сочетании с другими методами обучения.

Использование текстового профайлера Rulingva для определения качественных и количественных параметров сложности текста и выявления культурного кода песенного материала призвано связать педагогическую технологизацию образовательного процесса с теми коммуникативными

задачами, решение которых остаётся востребованным в современном языковом образовании и утверждает инновационный императив методики преподавания РКИ – повышение эффективности, продуктивности и успешности процесса обучения языку.

Результаты представленного исследования, имея высокую значимость для русистики, могут быть использованы для проведения ряда последующих научных изысканий.

Перспективы работы видятся в создании учебного пособия, содержащего теоретические основы интеграции педагогических технологий в учебный процесс с использованием материала русских народных песен в соответствии с уровнем языковой подготовки инофонов, а также согласно грамматическим правилам, примеры для которых можно найти в песнях. Пособие может быть адресовано абитуриентам и студентам иностранцам и ориентировано на развитие коммуникативных умений обучающихся по русскому языку во всех видах речевой деятельности. Особый упор будет сделан на правильное использование грамматических конструкций, оборотов, времён, глаголов, предлогов, идиом, фразеологизмов.

Предлагается приложение, в который помещён тематический состав корпуса русских народных песен, рекомендованных для использования на занятиях по РКИ (всего 107 песен с количеством словоупотреблений 10 517) со ссылкой на электронные ресурсы, на которых можно найти тексты песен.

© М.Б. Казачкова, Х.Н. Галимова, 2025

Список литературы

1. Акулова Л.В. Русская народная песня в историко-культурном контексте духовной жизни народа // Манускрипт. 2016. №2 (64). С.15–19.
2. Арутюнов А.Р. Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев / А.Р. Арутюнов. 1990. М: Рус. яз. С. 166, С. 76.
3. Белухина С.Н. Уровни владения русским языком иностранными и российскими учащимися / С.Н. Белухина // Вестник МГСУ. 2007. №2. С. 92–94.
4. Блиева Ж.М. Формирование и развитие лингвистической компетенции студентов нелингвистических специальностей через аутентичный песенный материал / Ж.М. Блиева // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 32–37.
5. Богатырёва И.В. Система и принципы организации работы с лексикой на занятиях по русскому языку как иностранному (довузовский этап обучения) / И.В. Богатырёва, Н.М. Румянцева // Полилингвистическая и транскультурная практики. 2013. №4. С. 87–93.
6. Болотова Ю.В. Методика использования песен в преподавании русского языка как иностранного (уровни А2-B1): Автореферат дис. ...канд. пед. наук: 13.00.02 / Ю.В. Болотова. Москва. 2017. 38 с.
7. Болотова Ю.В. Песня как материал для коммуникативных заданий в курсе РКИ / Ю.В. Болотова // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2017. № 1. С. 6–10.
8. Гріднева Н.А. Использование аутентичных материалов в обучении иностранному языку на уровне А1 / Н.А. Гріднева // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 210–214.
9. Дроздова И.А. Влияние музыки на эмоциональное состояние человека / И.А. Дроздова, Ю.В. Хайкина, К.М. Попова // The Newman in Foreign policy. 2022. №68 (112). С. 45–49.
10. Иванова Т.К. Объективация критериев сложности текста медиасферы на основе использования анализатора RuLingua. Медиалингвистика. Вып. 11. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VIII Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 26–29 июня 2024 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: Медиапапир, 2024. 750 с.
11. Казачкова М.Б. Лексическое разнообразие как параметр сложности текста /М.Б. Казачкова, Х.Н. Галимова // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15, № 3 (43). С. 384–390.
12. Киндря Н.А. Использование песен как лингводидактического средства на уроках русского языка / Н.А. Киндря // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2. С. 540–542.
13. Милославская С.К. Учебник русского языка как иностранного – уникальное средство формирования образа России в мире: К теоретическому обоснованию лингвопедагогической имагологии / С.К. Милославская // Вестник РУДН. Вопросы образования: языки и специальность. 2008. № 4. С. 10–15.
14. Низкодуб Ю.В. Песни в практике преподавания РКИ: метод лингвокоммуникативных доминант / Ю.В. Низкодуб // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2016. № 3. С. 26–29.
15. Никитенко З.Н. Аутентичные песни как один из элементов национально-культурного компонента содержания обучения иностранному языку на начальном этапе / З.Н. Никитенко, В.Ф. Аитова, В.М. Аитова // Иностраннный язык в школе. 1996. № 4. С. 14–20.

16. Пашкеева И.Ю. Использование песен в обучении иностранному языку / И.Ю. Пашкеева // Вестник Казанского технологического университета. 2014. №5. С. 361–365.
17. Пашкова Н.И. Культурный код – символический язык культуры / Н.И. Пашкова // Язык и культура (Новосибирск). 2012. №3. С. 167–171.
18. Рагулина Э.С. Использование песенного материала на занятиях по РКИ (из опыта работы) / Э.С. Рагулина, Н.Ю. Арзамасцева // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература № 4. 2020. С. 18–22.
19. Солнышкина М.И. Сложность текста: этапы изучения в отечественном прикладном языкознании / М.И. Солнышкина, А.С. Кисельников // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2015. №6 (38). С.86–99.
20. Стернин И.А. Русская песня и русский язык. Коммуникативное поведение. Песня как коммуникативный жанр. Издательство «Истоки», 2004. 209 с.
21. Толстова Н.Н. Использование песен на уроках РКИ. «Молодой учёный». № 17 (121). Сентябрь 2016. С. 174–178.
22. Толстова Н.Н. Методические разработки для обучения русскому языку как иностранному на основе песен / Н.Н. Толстова // Педагогика. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 1(05). С. 48–56.
23. Титова М.В. Тексты русских песен при изучении русского языка как иностранного в дистанционном формате / М.В. Титова // Современное педагогическое образование. 2022. №4. С. 331–333.
24. Хангельдиева И.Г. Эдьютейнмент как единство сознательного и бессознательного / И.Г. Хангельдиева // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 3. С. 47 – 59.
25. Ян Лю. Связь языка и культуры в обучении РКИ // Символ науки. 2018. №11, С. 55–57.
26. D'Andrade Roy G. Cultural Meaning Systems / Roy G. D'Andrade // Richard A. Shweder, Robert A. LeVine. Cultural Theory. Essays on Mind, Self and Emotion. – Cambridge; L., N.Y., New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1984. 88–115.
27. Solnyshkina M. The structure of cross-linguistic differences: meaning and context of 'readability' and its Russian equivalent 'chitabelnost' / M. Solnyshkina, E. Harkova M. Kazachkova // Journal of Language and Education. 2020. №1 (21). P. 103–119.
28. Solovyev V. Text complexity and abstractness: Tools for the Russian language / V. Solovyev, M. Solnyshkina, M. Andreeva // CEUR Workshop Proceedings. 2021. P. 75–87.
29. Solovyev V. Assessment of reading difficulty levels in Russian academic texts: Approaches and metrics / V. Solovyev, V. Ivanov, M. Solnyshkina // Journal of Intelligent & Fuzzy Systems. 2018. 5 (34). P. 3049–3058.

References

1. Akulova, L.V. Russkaia narodnaia pesnia v istoriko-kul'turnom kontekste dukhovnoy zhizni Naroda [Russian folk song in the historical and cultural context of the spiritual life of the people]. *Manuscript*. 2016. No. 2 (64). P. 15–19.
2. Arutiunov, A.R. *Teoriia i praktika sozdaniia uchebnika russkogo iazyka dlia inostrantsev* [Theory and practice of creating a Russian language textbook for foreigners]. Moscow: Rus. lang. 1990. P. 166 (P. 76). (In Russian).
3. Belukhina, S. N. Urovni vladeniia russkim iazykom inostrannymi i rossiiskimi uchashchimisia [Levels of Russian language proficiency by foreign and Russian students]. *Vestnik MGSU*. 2007. No. 2. P. 92–94. (In Russian).
4. Blieva, Zh.M. Formirovanie i razvitie lingvisticheskoi kompetentsii studentov nelingvisticheskikh spetsial'nostei cherez autentichnyi pesennyi material [Building and development of linguistic competence of non-linguistic through authentic lyrics material]. *Baltic Humanitarian Journal*. 2017. Vol. 6. No. 4 (21). P. 32–37. (In Russian).
5. Bogatyreva, I.V. Sistema i printsipy organizatsii raboty s leksikoi na zaniatiakh po russkomu iazyku kak inostrannomu (dovzovskii etap obucheniia) [The system and principles of organizing work with vocabulary in classes on Russian as a foreign language (pre-university stage of training)] / I.V. Bogatyreva, N.M. Rumiantseva, *Polylingualism and transcultural practices*. 2013. No. 4. P. 87–93. (In Russian).
6. Bolotova, I.U.V. *Metodika ispolzovaniia pesen v prepodavanii russkogo iazyka kak inostrannogo (urovni A2-V1)*: [Methodology of using songs in teaching Russian as a foreign language (levels A2-B1)] / Yu.V. Bolotova. Moscow. 2017. 38 p. (In Russian).
7. Bolotova, I.U.V. Pesnia kak material dlia kommunikativnykh zadaniy v kurse RKIA [Song as a material for communicative tasks in the course of Russian as a foreign language] / Yu. V. Bolotova, *International Post-graduate bulletin. Russian Languages abroad*. 2017. No. 1. P. 6 –10. (In Russian).
8. Gridneva, N.A. Ispolzovanie autentichnykh materialov v obuchenii inostrannomu iazyku na urovne A1 [Use of authentic materials in teaching a foreign language at level A1] / N.A. Gridneva N.A., *Samarskii nauchnyi vestnik*. 2017. Vol. 6. No. 4 (21). P. 210–214. (In Russian).
9. Drozdova, I. A. Vliianie muzyki na emotsional'noe sostoianie cheloveka [The influence of music on the emotional state of a person] / I. A. Drozdova, Yu. V. Khaikina, K. M. Popova, *The Newman in Foreign policy*. 2022. No. 68 (112). P. 45-49. (In Russian).
10. Ivanova, T.K. Obiektivatsiia kriteriev slozhnosti teksta mediasfery na osnove ispol'zovaniia analizatora RuLingua. [Objectification of text complexity criteria in the media sphere based on the use of the RuLingua analyzer]. *Medialingvistika*. Vol. 11. Language in the coordinates of mass media: materials of the VIII International. Scientific conference (St. Petersburg, June 26–29, 2024) / ed. L. R. Duskaeva, resp. ed. A. A. Malyshev. St. Petersburg: Mediapapier, 2024. 750 p.
11. Kazachkova, M.B. Leksicheskoe raznoobrazie kak parametr slozhnosti teksta [Lexical diversity as a parameter of text complexity] / M.B. Kachachkova, Kh.N. Galimova, *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. Vol 15, No. 3 (43). P. 384–390.
12. Kindria, N.A. Ispolzovanie pesen kak lingvodidakticheskogo sredstva na urokakh russkogo iazyka [Using songs as a linguo-didactic tool in Russian language lessons] / N. A. Kindrya, *Mir nauki, kultury, obrazovaniia* [World of science, culture, education]. 2018. No. 2. P. 540–542.

13. Miloslavskaya, S.K. Uchebnik russkogo iazyka kak inostrannogo – unikalnoe sredstvo formirovaniia obraza Rossii v mire: K teoreticheskomu obosnovaniuu lingvopedagogicheskoi imagologii [Textbook of Russian as a foreign language – a unique means of forming the image of Russia in the world: Towards a theoretical justification of linguopedagogical imagology] / S. K. Miloslavskaya, *Vestnik RUDN. Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsialnost*. 2008. No. 4. P. 10–15.
14. Nizkodub, I.U.V. Pesni v praktike prepodavaniia RKP: metod lingvokommunikativnykh dominant. [Songs in the teaching practice of the Russian Communist Party: the method of linguistic and communicative dominants] / Yu. C. Low cost, *Mezhdunarodnyi aspirantskii vestnik. Russkii iazyk za rubezhom*. 2016. No. 3. P. 26–29.
15. Nikitenko, Z.N. Autentichesnye pesni kak odin iz elementov natsionalnokulturnogo komponenta soderzhaniia obuchenii inostrannomu iazyku na nachalnom etape [Authentic songs as one of the elements of the national cultural component of the content of teaching a foreign language at the initial stage] / Z.N. Nikitenko, V.F. Aitova, V.M. Aitova, *Inostrannyi iazyk v shkole* [A foreign language at school]. 1996. No. 4. P. 14–20.
16. Pashkeeva, I.I.U. Ispolzovanie pesen v obuchenii inostrannomu iazyku [Using songs in teaching a foreign language] / I. Yu. Pashkeeva, *Bulletin of the Kazan Technological University*. 2014. No. 5. P. 361–365.
17. Pashkova, N.I. Kulturnyi kod – simbolicheskii iazyk kul'tury/ N.I. Pashkova [Cultural code – symbolic language of culture]/ N.I. Pashkova, *Iazyk i kultura* [Language and Culture]. Novosibirsk. 2012. No. 3. pp. 167–171.
18. Ragulina, E.S. Ispolzovanie pesennogo materiala na zaniatiakh po RKI (iz opyta raboty) [Using song material in Russian as a foreign language classes (from work experience)] / E.S. Ragulina, N.Yu. Arzamasceva, *Professorskii zhurnal. Seriya: Russkii iazyk i literature*. No. 4. 2020. P. 18–22.
19. Solnyshkina, M.I. Slozhnost' teksta: etapy izucheniia v otechestvennom prikladnom iazykoznanii [Text complexity: stages of study in domestic applied linguistics] / Solnyshkina M.I., Kiselnikov A.S. *Vestnik Tom. gos. un-ta. Filologiya*. 2015. No. 6 (38). P. 86–99.
20. Sternin, I.A. *Russkaia pesnia i russkii iazyk. Kommunikativnoe povedenie. Pesnia kak kommunikativnyi zhanr*. [Russian song and Russian language. Communicative behavior. Song as a communicative genre]. Istoki Publishing House, 2004. 209 p.
21. Tolstova, N.N. Ispol'zovanie pesen na urokah RKI. [Using songs in RFL lessons]. *Molodoj uchyonyi*. No. 17 (121). September 2016. P. 174–178.
22. Tolstova, N.N. Metodicheskie razrabotki dlia obuchenii russkomu iazyku kak inostrannomu na osnove pesen [Methodological developments for teaching Russian as a foreign language based on songs] / N.N.Tolstova, *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2017. No. 1(05). P. 48–56.
23. Titova, M.V. Teksty russkikh pesen pri izuchenii russkogo iazyka kak inostrannogo v distantsionnom formate [Texts of Russian songs in studying Russian as a foreign language in a distance learning format] / M.V. Titova, *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern pedagogical education]. 2022. No. 4. P. 331–333.
24. Khangel'dieva, I.G. Eduteinment kak edinstvo soznatel'nogo i bessoznatel'nogo [Edutainment as the unity of the conscious and the unconscious] / I.G. Khangel'dieva, *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [Scientific works of the Moscow Humanitarian University]. 2019. No. 3. P. 47 – 59.
25. Ian, Liu. Sviaz iazyka i kul'tury v obuchenii RKI [The connection between language and culture in teaching Russian as a foreign language], *Simvol nauki*. 2018. No. 11. P. 55–57.
26. D'Andrade, Roy G. Cultural Meaning Systems / Roy G. D'Andrade, Richard A. Shweder, Robert A. LeVine. *Cultural Theory. Essays on Mind, Self and Emotion*. Cambridge; L., N.Y., New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1984. P. 88–115.
27. Solnyshkina, M. The structure of cross-linguistic differences: meaning and context of 'readability' and its Russian equivalent 'chitabelnost' / M. Solnyshkina, E. Harkova, M. Kazachkova, *Journal of Language and Education*. 2020. №1 (21). P. 103–119.
28. Solovyev, V. Text complexity and abstractness: Tools for the Russian language / V. Solovyev, M. Solnyshkina, M. Andreeva, *CEUR Workshop Proceedings*. 2021. P. 75–87.
29. Solovyev, V. Assessment of reading difficulty levels in Russian academic texts: Approaches and metrics / V. Solovyev, V. Ivanov, M. Solnyshkina, *Journal of Intelligent & Fuzzy Systems*. 2018. 5 (34). 3049–3058.

Сведения об авторах:

Галимова Халида Нурисламовна – кандидат филологических наук, доцент, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), доцент кафедры иностранных языков и перевода. Сфера научных интересов: компьютерная лингвистика, функциональный синтаксис.

ORCID: 0000-0003-1817-5004

SPIN-code: 7931-3389

Казачкова Мария Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений (университет), доцент кафедры английского языка. Сфера научных интересов: корпусная лингвистика, компьютерная лингвистика.

E-mail: m.kazachkova@odin.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-0357-3010.

Scopus ID: 57216807031

Researcher ID: G-7529-2018

About the authors:

Khalida N. Galimova, PhD, is Assistant Professor of the Department of Foreign Languages and Translation, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEUP), Spheres of research and professional interests: computational linguistics, functional syntax.

Email: galina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1817-5004

PIN: 7931-3389

Mariia B. Kazachkova, PhD, is Assistant Professor of the Department of English, Odintsovo Branch of the Moscow State Institute of International Relations (University), Associate Professor of the Department of English. Spheres of research and professional interests: corpus linguistics, computational linguistics.

E-mail: m.kazachkova@odin.mgimo.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0357-3010>

Scopus Identifier: 57216807031

Researcher identifier: G-7529-2018

* * *

*Приложение 1***Тематический состав корпуса русских народных песен**

№	Песня	Ресурс	Словоупотреблений
Песни, связанные с календарными датами и семейными ритуалами			
1	Блины	https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2017/11/26/kartoteka-narodnyh-pesen	91
2	Как родная меня мать провожала	https://rustih.ru/kak-rodnaya-menya-mat-provozhal/	178
3	Коровушка	https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2017/11/26/kartoteka-narodnyh-pesen	45
4	Во кузнице	Песни на уроках РКИ : учебно-методическое пособие / Н. Г. Нестерова, Т. С. Курьянова, и др. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – 144 с.	107
5	Котя, котенька – коток	https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2017/11/26/kartoteka-narodnyh-pesen	50
6	Последний нынешний денечек	https://rustih.ru/poslednij-noneshnij-denechek/	65
7	Собирались красны девки	https://rustih.ru/sobiralis-krasny-devki/	159
8	Уж ты пташечка	https://rustih.ru/uzh-ty-ptashechka/	18
9	Щедрый вечер, добрый вечер	https://rustih.ru/shhedryj-vecher-dobryj-vecher/	75
		Итого:	788
Произведения детского фольклора			
10	Два веселых гуся	https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2017/11/26/kartoteka-narodnyh-pesen	62
11	Как на тоненький ледок	https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2017/11/26/kartoteka-narodnyh-pesen	57
12	Как у наших у ворот	https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2017/11/26/kartoteka-narodnyh-pesen	63
		Итого:	182
Плясовые/хороводные			
13	Ах вы, сени	https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2017/11/26/kartoteka-narodnyh-pesen	59
14	Ах, улица	https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2017/11/26/kartoteka-narodnyh-pesen	62
15	Барыня	https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2017/11/26/kartoteka-narodnyh-pesen	40

№	Песня	Ресурс	Словоупотреблений
16	Валенки	Песни на уроках РКИ : учебно-методическое пособие / Н. Г. Нестерова, Т. С. Курьянова, и др. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – 144 с.	63
17	Вдоль по улице молодчик идет	https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2017/11/26/kartoteka-narodnyh-pesen	92
18	Выйду на улицу	Песни на уроках РКИ : учебно-методическое пособие / Н. Г. Нестерова, Т. С. Курьянова, и др. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – 144 с.	107
19	Камаринская	https://rustih.ru/kamarinskaya/	96
20	Эх, яблочко	Песни на уроках РКИ : учебно-методическое пособие / Н. Г. Нестерова, Т. С. Курьянова, и др. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – 144 с.	88
21	Ах! Пашинька, Парасковьюшка	https://rustih.ru/ax-pashinka-paraskovyushka/	167
22	Во поле береза стояла	https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2017/11/26/kartoteka-narodnyh-pesen	55
23	Во саду ли, в огороде	Песни на уроках РКИ : учебно-методическое пособие / Н. Г. Нестерова, Т. С. Курьянова, и др. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – 144 с.	79
24	Калинка-малинка	Песни на уроках РКИ : учебно-методическое пособие / Н. Г. Нестерова, Т. С. Курьянова, и др. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – 144 с.	58
25	Матушка, во поле пыльно	https://www.pravmir.ru/russkie-narodnye-pesni/?ysclid=m75yp0c93j585486133#i-5	97
26	Метелица	https://www.pravmir.ru/russkie-narodnye-pesni/?ysclid=m75yp0c93j585486133#i-5	92
27	Ой, вставала я ранё- шенько	https://rustih.ru/oj-vstavala-ya-ranyoshenko/	182
28	Ой, полна, полна коробушка	https://rustih.ru/oj-polna-polna-korobushka/	86
29	Ой, при лужку, при лужке	https://rustih.ru/oj-pri-luzhku-pri-luzhke/	121
30	Перевоз Дуня держала	https://rustih.ru/perevoz-dunya-derzhala/	108
31	Пойду ль я, выйду ль я	https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2017/11/26/kartoteka-narodnyh-pesen	49
32	Посею лебеду на берегу	https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2017/11/26/kartoteka-narodnyh-pesen	73
33	Раз, два, люблю тебя	https://rustih.ru/raz-dva-lyublyu-tebya/	161
34	Светит месяц, светит ясный	https://rustih.ru/svetit-mesyac-svetit-yasnyj/	83
35	Топится, топится в огороде баня	https://rustih.ru/topitsya-topitsya-v-ogorode-banya/	198
36	У ворот сосна рас- качалась	https://rustih.ru/u-vorot-sosna-raskachalasya/	66
37	У меня ль во садочке	https://rustih.ru/u-menya-l-vo-sadochke/	41
38	У нас нонче субботей	https://rustih.ru/u-nas-nonche-subboteya/	124
39	Утенушка луговая	https://rustih.ru/utenushka-lugovaya/	72
40	Я на горку шла	https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2017/11/26/kartoteka-narodnyh-pesen	65
41	Я с комариком пля- сала	https://rustih.ru/ya-s-komarikom-plyasala/	89
		Итого:	2 673
Лирические песни			
42	Ах ты Волга, Волга матушка	https://rustih.ru/ax-ty-volga-volga-matushka/	65
43	Ах ты, душечка, крас- на девица	https://rustih.ru/ax-ty-dushechka-krasna-devica/	83

№	Песня	Ресурс	Словоупотреблений
44	Ах, Самара-городок	Песни на уроках РКИ : учебно-методическое пособие / Н. Г. Нестерова, Т. С. Курьянова, С. Лю, Ю. Мао, А. А. Орешкина, Д. П. Попова, Ю. Ю. Рудикова, Д. Х. Фан, Л. К. Чан, Е. А. Шлотгауэр / под ред. Н. Г. Нестеровой. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – 144 с.	84
45	Ах, ты, зимушка-зима	Песни на уроках РКИ : учебно-методическое пособие / Н. Г. Нестерова, Т. С. Курьянова, и др. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – 144 с.	76
46	Вдоль по Питерской	https://rustih.ru/vdol-po-piterskoj/	232
47	Вдоль по улице метелица метёт	Песни на уроках РКИ : учебно-методическое пособие / Н. Г. Нестерова, Т. С. Курьянова, и др. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – 144 с.	92
48	Вижу чудное приволье	https://rustih.ru/vizhu-chudnoe-privole/	39
49	Виновата ли я	https://rustih.ru/vinovata-li-ya/	87
50	Воспой в саду, соловейка	https://www.pravmir.ru/russkie-narodnye-pesni/?ysclid=m75yp0c93j585486133#i-5	136
51	Вот кто-то с горочки спустился	https://rustih.ru/vot-kto-to-s-gorochki-spustilsya/	70
52	Вот мчится тройка почтовая	https://rustih.ru/vot-mchitsya-trojka-pochtovaya/	102
53	Вставала ранешенько	https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2017/11/26/kartoteka-narodnyh-pesen	40
54	Живет моя отрада Слова Сергея Рыкина Музыка неизвестного автора	https://rustih.ru/zhivet-moya-otrada/	60
55	Златые горы	https://www.pravmir.ru/russkie-narodnye-pesni/?ysclid=m75yp0c93j585486133#i-5	147
56	Ивушка вы, ивушка	https://rustih.ru/ivushki-vy-ivushki/	45
57	Из-за острова на стрежень Слова Дмитрия Садовникова	https://rustih.ru/iz-za-ostrova-na-strezhen/	152
58	Как хотела моя мать	Песни на уроках РКИ : учебно-методическое пособие / Н. Г. Нестерова, Т. С. Курьянова, и др. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – 144 с.	162
59	Катюша (Михаил Исаковский)	https://www.pravmir.ru/russkie-narodnye-pesni/?ysclid=m75yp0c93j585486133#i-5	89
60	Когда б имел златые горы	https://rustih.ru/kogda-b-imel-zlatye-gory/	163
61	Коробейники	https://www.pravmir.ru/russkie-narodnye-pesni/?ysclid=m75yp0c93j585486133#i-5	131
62	Коровушка	https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2017/11/26/kartoteka-narodnyh-pesen	45
63	Крутится, вертится шар голубой	Песни на уроках РКИ : учебно-методическое пособие / Н. Г. Нестерова, Т. С. Курьянова, и др. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – 144 с.	56
64	Лапти	https://nsportal.ru/detskiy-sad/zdorovyy-obraz-zhizni/2017/11/26/kartoteka-narodnyh-pesen	72
65	Летят утки	https://rustih.ru/letyat-utki/	83
66	Липа вековая	https://rustih.ru/lipa-vekovaya/	68
67	Лучинушка	https://rustih.ru/luchinushka/	158
68	Миленький ты мой	Песни на уроках РКИ : учебно-методическое пособие / Н. Г. Нестерова, Т. С. Курьянова, и др. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – 144 с.	140
69	Мыла Марусенька белые ножки	https://rustih.ru/myla-marusenka-belye-nozhki/	67
70	Напилася я пьяна	https://rustih.ru/napilasya-ya-pyana/	94
71	Ой мороз, мороз	Песни на уроках РКИ : учебно-методическое пособие / Н. Г. Нестерова, Т. С. Курьянова, и др. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – 144 с.	90

№	Песня	Ресурс	Словоупотреблений
72	Ой, то не вечер	https://rustih.ru/oj-to-ne-vecher/	91
73	Помню, я еще молодушкой была	https://rustih.ru/pomnyu-ya-eshhe-molodushkoj-byla/	136
74	Окрасился месяц багрянцем композитор Яков Пригожим стихи Адельберта фон Шамиссо перевод Дмитрия Минаева	https://rustih.ru/okrasilsya-mesyac-bagryancem/	155
75	По диким степям Забайкалья	https://rustih.ru/po-dikim-stepyam-zabajkalya/	157
76	По Дону гуляет слова Д. Ознобшина	Песни на уроках РКИ : учебно-методическое пособие / Н. Г. Нестерова, Т. С. Курьянова, и др. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – 144 с.	152
77	По Муромской до- рожке	https://rustih.ru/po-muromskoj-dorozhke/	159
78	Потеряла я колечко	https://rustih.ru/poteryala-ya-kolechko/	134
79	Славное море, свя- щенный Байкал стихи сибирского поэта Дмитрия Павловича Давыдова	https://rustih.ru/slavnoe-more-svyashhennyj-bajkal/	91
80	Степь да степь кругом слова И. Сурикова	https://rustih.ru/step-da-step-krugom-2/	100
81	Степь широкая	https://www.pravmir.ru/russkie-narodnye-pesni/?ysclid=m75yp0c93j585486133#i-5	46
82	То не ветер ветку клонит музыка А. Варламова, слова С. Стромилова	https://rustih.ru/to-ne-veter-vetku-klonit/	80
83	Тонкая рябина	Песни на уроках РКИ : учебно-методическое пособие / Н. Г. Не- стерова, Т. С. Курьянова, и др. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – 144 с.	64
84	Ты воспой в саду со- ловейко	https://rustih.ru/ty-vospoj-v-sadu-solovejko/	152
85	Ты желал, чтоб я любила	https://rustih.ru/ty-zhelal-chtob-ya-lyubila/	215
86	Ты река ль, моя ре- ченька	https://rustih.ru/ty-reka-l-moya-rechenka/	68
87	Ты рябинушка, ты кудрявая	https://rustih.ru/ty-ryabinushka-ty-kudryavaya/	87
88	Ехали казаки	https://rustih.ru/exali-kazaki/	232
89	Сама садик я садила	https://rustih.ru/sama-sadik-ya-sadila/	105
90	Пошла млада за водой	https://rustih.ru/poshla-mlada-za-vodoj/	69
91	У реки сидя девка плакала	https://rustih.ru/u-reki-sidya-devka-plakala/	89
92	У церкви стояла какета	https://rustih.ru/u-cerkvi-stoyala-kareta/	81
93	Уж ты, сад	https://rustih.ru/uzh-ty-sad/	87
94	Хасбулат удалой	https://rustih.ru/xasbulat-udaloj/	221
95	Чернобровый, черно- окий	https://rustih.ru/chernobrovij-chernookij/	78
96	Чёрный ворон	https://rustih.ru/chyornyj-voron/	109
97	Что мне жить и тужить	https://rustih.ru/cto-mne-zhit-i-tuzhit/	61
98	Что ты, белая береза	https://rustih.ru/cto-ty-belaya-bereza/	75
99	Шел дорожкой лесов- вой	https://rustih.ru/shel-dorozhkoj-lesovoj/	157
100	Шел казак на побывку домой	https://rustih.ru/shel-kazak-na-pobyvku-domoj/	144

№	Песня	Ресурс	Словоупотреблений
101	Шумел камыш	Песни на уроках РКИ : учебно-методическое пособие / Н. Г. Нестерова, Т. С. Курьянова, и др. Томск : Издательство Томского	95
102	Я в садочке была	https://rustih.ru/ya-v-sadochke-byla/	104
		Итого:	6 522
Солдатские/героические			
103	Любо, братцы, любо	https://rustih.ru/lyubo-bratcy-lyubo/	83
104	Раскинулось море широко	https://rustih.ru/raskinulos-more-shiroko/	118
105	Солдатушки, бравы ребятушки	Песни на уроках РКИ : учебно-методическое пособие / Н. Г. Нестерова, Т. С. Курьянова, и др. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. – 144 с.	62
106	Ты взойди, солнце красное	https://rustih.ru/ty-vzoidi-solnce-krasnoe/	39
107	Хоть Москва в руках французов	https://rustih.ru/xot-moskva-v-rukax-francuzov/	50
		Итого:	352

National Methodological Schools of Foreign Language Instruction: The Case of Teaching Japanese as a Foreign Language

Irina A. Mazaieva, Quoc Duy Linh Vu

MGIMO UNIVERSITY
76, prospect Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia

Abstract. This paper addresses the notion of “national methodological school of foreign language instruction” as applied to the theory and practice of foreign language education within an individual country, as well as to the professional community employing specific approaches, methods, and techniques. Thus, the article aims to expand and refine the conceptual apparatus of foreign language teaching methodology in the part of determining the specifics of the concept “national methodological school of foreign language instruction”, which constitutes the relevance of the conducted research in the context of globalization of education. The concept facilitates the conceptualization of teaching practices within distinct professional communities—an area that has been underexplored by researchers to date.

The main method of research is the criterion analysis of methodological sources (textbooks, manuals, etc.). The study sets forth the basic criteria for analyzing a methodological school of foreign language instruction, including the aims and objectives of teaching, characteristics of instructional materials, the nature of teaching means, the pedagogical organization of proficiency development, the type of interaction between a teacher and a student, and other criteria for in-depth investigation. Using this framework, the paper explores national methodological schools for teaching the Japanese language in Russia, the United States, and Japan. These schools serve as ideal subjects due to the fundamental differences in the methodological principles underlying the Japanese language instruction in these countries.

The empirical part of the study analyzes the most widely used course books and instructional-methodological packages employed in teaching Japanese as a foreign language in the specified countries. The paper presents key conclusions drawn from the description and analysis of the approaches and methods reflected in these teaching materials. In essence, the results of the study showed the reliability of the concept of “national methodological school of foreign language instruction” and the methods of its core characteristics research. The study reveals clear distinctions among the methodological schools of teaching Japanese in Russia, the United States, and Japan, particularly regarding their leading teaching methods. Notably, the Russian school employs the conscious-comparative method, while the traditional American school has predominantly relied on the audio-lingual method until recently. In contrast, the Japanese school adheres to the direct method, explicitly excluding translation as a teaching tool. Furthermore, the study highlights the interpenetration of methods and the influence of globalization on foreign language education, evidenced by the adoption of European assessment standards and competence level scales. The widespread adoption of the communicative approach is identified as a key manifestation of these globalizing trends.

Keywords: methodological school of foreign language instruction, methods of foreign language teaching, Japanese language course books, analysis of Japanese language course books

For citation: Mazaieva I.A., Quoc Duy Linh Vu (2025). National Methodological Schools of Foreign Language Instruction: The Case of Teaching Japanese as a Foreign Language, *Linguistics & Polyglot Studies*, 11(4), pp. 161–175. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-161-175>

Исследовательская статья

Национальные методические школы обучения иностранным языкам (на примере обучения японскому языку как иностранному)

И.А. Мазаева, Ву Куок Зуи Линь

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье рассматривается понятие «национальная методическая школа обучения иностранным языкам», которое применимо к теории и практике иноязычного образования, распространённой в отдельной стране, а также к самому профессиональному сообществу, являющемуся носителем этих подходов, методов и технологий. Таким образом, статья направлена на расширение и уточнение понятийного аппарата методики обучения иностранным языкам, определение специфики национальных методических школ преподавания иностранных языков, что составляет актуальность проведённого исследования в контексте глобализации образования. Данное понятие позволяет концептуализировать педагогические практики отдельных профессиональных сообществ, что до настоящего времени не получило достаточного внимания исследователей. Основным методом исследования является критериальный анализ методических источников (учебников, пособий и др.). В статье предложены основные критерии анализа методической школы обучения иностранному языку, которые включают в себя такие элементы, как цели и задачи обучения, характеристики учебных материалов, характер способов обучения и организации процесса освоения, вид взаимодействия между преподавателем и студентом, а также другие критерии для более детального анализа. Объектом исследования с предлагаемых позиций выступили национальные школы обучения японскому языку России, США и Японии как представляющие особый исследовательский интерес в силу различия базовых методических оснований обучения японскому языку как иностранному. В качестве эмпирического материала исследования были использованы наиболее распространённые учебники и учебно-методические комплексы по японскому языку как иностранному из названных стран. В статье содержатся основные положения из описания подходов и методов, представленных в учебных материалах, а также результаты их анализа. В целом, результаты исследования показали состоятельность понятия «национальная методическая школа» и методики исследования её содержательных характеристик. Так, проведённый анализ выявил самостоятельность традиционных методических школ обучения японскому языку в России, США и Японии в отношении ведущего метода преподавания. Российская школа характеризуется сознательно-сопоставительным методом, ведущий метод американской традиционной школы до недавнего времени – аудиолингвальный, в то время как японская методическая школа придерживается беспереводного прямого метода. Одновременно с этим исследование выявило

факты взаимопроникновения методов, а также влияния процессов глобализации в области иноязычного образования в результате распространения европейских стандартов оценивания и шкалирования уровней владения иностранным языком, а также коммуникативного подхода.

Ключевые слова: методическая школа обучения иностранному языку, методы обучения иностранному языку, учебники по японскому языку, анализ учебников по иностранным языкам

Для цитирования: Мазаева И.А., Ву Куок Зуи Линь (2025). Национальные методические школы обучения иностранным языкам (на примере обучения японскому языку как иностранному). *Филологические науки в МГИМО*. 11(4), С. 161–175. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-4-45-161-175>

1. Введение

Основной мировой тенденцией развития современной методики обучения иностранным языкам является распространение подходов к описанию целевой и результативной основы образовательного процесса в сфере изучения иностранных языков, предлагаемых документом Совета Европы Common European Framework of Reference (Общеввропейские компетенции владения иностранным языком (CEFR)) [19], [20]. Однако при том, что в документе содержится ряд методических положений в отношении современного понимания процессов коммуникации и речи при обучении иностранному языку, авторы документа не предлагают единого метода обучения и изучения иностранного языка и не демонстрируют приверженности ни одной из методических школ. В документе отмечается, что он не поддерживает ни одну из сторон в современных теоретических спорах о природе овладения иностранным языком и связанных с этим теорий обучения и изучения иностранного языка и признаёт наличие определённых «традиций преподавания» [19, с. 17–18]. Также документ указывает на то, что на практике большинство преподавателей прибегают к сочетанию различных подходов при обучении иностранному языку [там же, с. 137].

Приверженность определённым подходам, традициям и практикам в преподавании иностранных языков в отдельных педагогических сообществах позволило поставить вопрос об изучении такого явления в области обучения иностранным языкам, как «методическая школа» и «национальная методическая школа». Такая постановка проблемы исследования обуславливает его актуальность, так как, во-первых, позволяет расширить и уточнить понятийный ряд методики обучения иностранным языкам как области научного знания, а во-вторых, даёт возможность определить специфику национального опыта обучения иностранным языкам в контексте глобализации иноязычного образования. Таким образом, данное исследование направлено на определение как самого понятия «национальная методическая школа обучения иностранному языку», так и на выявление содержательных компонентов такой школы, составляющих её отличительные характеристики.

Отметим, что данное понятие лишь частично пересекается с понятиями «научно-методическая школа обучения иностранным языкам» или «научная школа методики обучения иностранным языкам», используемыми вузами при описании разрабатываемых ими вопросов теории и методики обучения иностранным языкам. Эти понятия, как показывает анализ литературы [2], [8], [16], прежде всего, распространяются на описание достижений научной школы вузов в областях знания, сопряжённых с теорией обучения иностранным языкам и формулированием самих положений теории лингводидактики и методики обучения иностранным языкам. Однако описание профессиональной педагогической практики обучения иностранным языкам как способа профессиональной деятельности отдельных профессиональных сообществ с точки зрения используемых подходов, методов, технологий и приёмов в настоящий момент ещё не получило должного внимания. Одним из возможных методов исследований в этой области, используемым в данной

работе, и подробнее о котором пойдёт речь ниже, является метод критериального анализа методических источников, позволяющий проводить описание и выделять основные характеристики методической школы обучения иностранным языкам на уровне учебных материалов.

2. Исследование

Понятие «национальной методической школы обучения иностранному языку» трактуется нами как принятые педагогическим сообществом страны практические способы обучения иностранным языкам, широко используемые и имеющие в своём основании достижения учёных – исследователей в научных областях, сопряжённых с теорией методики обучения иностранному языку. В целом в данном исследовании под «национальной методической школой обучения иностранному языку» понимается как национальное профессиональное сообщество, объединённое общей системой отношений и взглядов на процессы обучения иностранному языку, так и сама система этих взглядов и педагогических практик. В основе системы отношений и взглядов лежит понимание процесса научения иностранному языку, процессов его присвоения и изучения, места и роли процесса обучения в нём. С ними связаны принятые подходы к обучению иностранному языку, которые лежат в основе используемых методов и технологий обучения. Все они опираются на теоретические положения языкознания, лингвистики, психолингвистики, психологии, педагогики, лингвострановедения и других наук и реализуются в практической профессиональной деятельности педагогического сообщества в той или иной стране. Значимо то, что все выше названные компоненты транслируются, а также являются предметом развития и трансформации при смене поколений преподавателей.

При этом для нашего понимания понятия «национальная методическая школа» является значимым, что научные достижения вузов становятся важной частью подготовки преподавателей иностранного языка, формируют их понимание процессов изучения иностранных языков и процесса обучения, также и то, что в некоторых случаях теоретические положения, разработанные вузами, ложатся в основу учебно-методических комплексов по иностранным языкам, транслируя таким образом основные принципы обучения на практическом уровне их реализации. В качестве отдельных примеров создания методологических основ, педагогических подходов, методов и технологий научно-методическими школами вузов можно привести следующие: теорию коммуникативно-направленного обучения (Московский государственный лингвистический университет [8]), сознательно-практический метод (Воронежская научно-методическая школа [16]); методики и технологии обучения, используемые при подготовке студентов в рамках дидактики многоязычия (Пятигорская научная школа [2]). Представляется важным отдельно упомянуть методическую школу Е.И. Пассова [15] (Липецкая научно-методическая школа). Работа Е.И. Пассова «Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению» [13] положила начало важным изменениям в методике преподавания иностранных языков в российских школах. Важно, что на основе теории Е.И. Пассова было создано более 100 учебно-методических комплексов по английскому, немецкому, французскому и русскому как иностранному языкам.

Особо значимо для нашего исследования то, что методические школы как система взглядов и практик, опираясь на теоретические положения, воплощаются в учебных материалах в форме учебников, учебных пособий, учебно-методических комплексов, которые, с одной стороны, реализуют теоретические положения, методы и практики, функционирующие в пределах одной школы, с другой, обуславливают и формируют профессиональную деятельность преподавателей. В этом состоит инструментальная сторона понятия «методическая школа», которая позволяет рассмотреть с практической стороны сложившуюся практику, традицию преподавания иностранного языка в отдельных странах, принятую отдельными педагогическими сообществами, а также представить возможные варианты её описания, в частности, подходы и методы, доминирующие в преподавании иностранного языка в том или ином сообществе преподавателей.

Таким образом, национальная методическая школа обучения иностранному языку характеризуется совокупностью преобладающих подходов и методов обучения, которые реализуются

в содержании обучения. Последнее находит своё отражение в учебных материалах, использующихся при преподавании иностранного языка, и которые в свою очередь также во многом определяют практическую деятельность преподавателей, использующих эти средства обучения. Исходя из выше сказанного, анализ практических учебных материалов как методических источников может быть использован для описания методических школ как с точки зрения сложившейся традиции обучения, так и с точки зрения тех подходов, ценностей и методов, которые определяют профессиональную деятельность национального сообщества преподавателей.

Содержательно такое исследование представляет собой критериальный анализ и включает в себя следующие критерии оценки педагогической практики в рамках методической школы, соотносимые с элементами педагогической системы:

- цели и задачи учебных материалов (учебников, пособий);
- характеристики учебного материала;
- характер способов обучения и организации освоения языковых средств и видов речевой деятельности;
- вид взаимодействия между преподавателем и студентом, а также между студентами.

Более детальный анализ предполагает рассмотрение следующих критериев: лингвистических компетенций (грамматических, лексических и др.), превалирующих в содержании обучения; наиболее важных для подхода и метода формируемых видов речевой деятельности и соответствующих умений; используемых видов упражнений; объектов контроля и способов его организации.

В исследовании в качестве основного эмпирического материала анализа были использованы учебники японского языка, являющиеся продуктом методических школ Японии, США и России. Таким образом, методическое описание национальных школ обучения японскому языку, проведённое нами, включало анализ практических учебных пособий по японскому языку, созданных в Японии, России и США, которые в настоящий момент широко используются в педагогической практике. Ниже приведены основные результаты анализа учебников и учебно-методических комплексов по японскому языку как иностранному.

• **Российская методическая школа обучения японскому языку**

Традиционно в России обучение японскому языку было сосредоточено вокруг регионоведческой подготовки специалистов-востоковедов, что подразумевало изучение японского языка в неразрывном единстве с изучением региона специализации, что связано, в том числе, и с исторически сложившимся в России подходом к изучению японского языка [1, с. 9]. К основным характеристикам сложившейся практики обучения японскому языку в России относятся: опора на письменные тексты и рецептивные виды речевой деятельности (чтение и письмо) как ведущие; преобладание обучения умениям перевода с японского языка на русский и с русского на японский. О.О. Гармаева к отличительным характеристикам такого подхода относит следующие: анализ произведений литературы; знания истории языка и его развития; умение связывать изучаемый язык с различными аспектами изучаемой страны – культурой, историей, экономикой; умения последовательного и синхронного перевода [5, с. 98]. При этом автор указывает на то, что данный список может быть дополнен.

Традиции обучения японскому языку стали складываться в России в начале XX века. Первые российские учебники японского языка начали издаваться в 1930-х годах. К ним относятся, например, учебники П.А. Горбштейна и Г.П. Гуцко (1934-1937 гг.)¹, Е.М. Колпакчи и Н.А. Невского (1934 г.)². Первой научной работой в области методики обучения японскому языку в России стала диссертация Н.Г. Паюсова [14], которая появилась в 1950-х годах и предметом которой была методика обучения иероглифике. В 1958 году был опубликован «Учебник японского языка» под редакцией А.А. Пашковского, созданный коллективом авторов (И.В. Головинным, Н.И. Карповичем,

¹ Горбштейн П.А. Учебник японского языка / П.А. Горбштейн, Г.П. Гуцко. М.: Издательство иностранных рабочих в СССР, 1934. 126 с.

² Колпакчи Е.М. Японский язык: Начальный курс / Е.М. Колпакчи и Н.А. Невский; ЦИК СССР. Ленинградский восточный институт имени А.С. Енукидзе. Ленинград: Издание Ленинградского восточного института имени А.С. Енукидзе, 1934. 232 с.

А.Н. Соколовым, П.И. Шеманаевым)³. Организационную структуру его отдельных уроков преимущественно составили письменные тексты (монологического и диалогического характера), лексико-грамматические комментарии к текстам, лексико-грамматические упражнения. Данная организационная структура также используется в современных российских учебниках по японскому языку, например, Л.Т. Нечаевой, а также Е.В. Струговой, Н.С. Шефтелевич.

В настоящее время наиболее широко используемыми российскими преподавателями в вузах учебниками по японскому языку являются учебники Л.Т. Нечаевой «Японский язык для начинающих»⁴ и Е.В. Струговой, Н.С. Шефтелевич «Читаем, пишем, говорим по-японски»⁵ [7, с. 97–98], [10, с. 194], [11, с. 46]. Таким образом, можно рассматривать данные учебники как реализующие российскую методическую школу обучения японскому языку.

Учебник Л.Т. Нечаевой «Японский язык для начинающих»⁶ в двух частях издаётся с 2001 года. В части освоения лексико-грамматического материала учебник следует отнести к переводному методу, так как в учебнике в качестве основного средства организации освоения языковых средств используется перевод с русского языка на японский и с японского на русский. Так, как показал наш анализ, около 30–50 % упражнений учебника включают в себя перевод, направленный на приобретение опыта использования лексических и грамматических средств. Задания и комментарии представлены в учебнике на русском языке. Помимо перевода в учебнике содержатся и другие лексико-грамматические упражнения, как на заполнение пропусков и дополнение предложений, так и предполагающие замену и трансформацию, а также составление собственных предложений на основе заданных лексических единиц. Каждый раздел также содержит блок упражнений, направленных на освоение иероглифов. При том что в учебнике основным средством формирования речевых действий является перевод, тем не менее, учебник также содержит и упражнения коммуникативного характера, которые предполагают порождение студентами монологического и диалогического высказывания – составление рассказов на заданные темы, диалогов на основе визуальных опор и др. В учебнике также уделяется внимание развитию умений чтения и понимания текста, тексты сопровождаются списком вопросов на понимание. Обучение умениям письма состоит в создании студентами собственных текстов по изучаемой теме с использованием актуализируемых языковых средств. Необходимо отметить, что к учебнику прилагается аудио диск, на котором записаны тексты к урокам, однако упражнения на развитие умений аудирования как понимания речи со слуха в учебнике не содержатся. При этом в учебнике Л.Т. Нечаевой уделяется особое внимание формированию социолингвистической компетенции, что позволяет студентам осваивать первичные знания и умения, обеспечивающие эффективное использование языка в различных социальных контекстах.

Другим учебником, широко используемым в практике обучения японскому языку, является учебник Е.В. Стругова и Н.С. Шефтелевич «Читаем, пишем, говорим по-японски», который в настоящее время представляет собой учебно-методический комплекс, состоящий из двух томов, отдельной книги для отработки написания иероглифов и компакт-диска⁷. Этот учебник на настоящий момент выдержал восемь изданий.

Характерным для этого учебника является организация освоения лексико-грамматического материала вокруг грамматических тем. Среди способов организации освоения лексических и грамматических единиц: списки лексических единиц; диалоги-модели, иллюстрирующие

³ Головин, И. В. Учебник японского языка: в 2 т. / И. В. Головин, Н. И. Карпович, А. Н. Соколов, П. И. Шеманаев; под ред. проф. А. А. Пашковского. [Москва] : [б. и.], 1959. 460 с., 365 с.

⁴ Нечаева Л.Т. Японский язык для начинающих: в 2 ч. / Л.Т. Нечаева. М.: Московский лицей, 2017. 344 с., 416 с.

⁵ Стругова Е.В., Шефтелевич Н.С. Читаем, пишем, говорим по-японски: в 2 ч. (+прописи) / Е.В. Стругова, Н.С. Шефтелевич. Москва : «Восточная книга», 2020. 288 с., 336 с.

⁶ Научные и методические основы учебника были рассмотрены автором в тексте докторской диссертации под названием «Научно-методические основы структуры и содержания учебников японского языка для русскоговорящих», защищённой в 2000 году [9].

⁷ Первое издание вышло в 2001 году и изначально предназначалось для учащихся школы, однако со временем этот учебник начал использоваться и в условиях высшего образования. В ряде вузов учебник является основным для начального этапа изучения японского языка как иностранного.

применение грамматических и лексических единиц; диалогические тексты; упражнения на объединение предложений или их частей; лексические и грамматические замены и трансформации; заполнение пропусков; составление диалогов по заданному образцу и др. В учебнике также представлены тексты для перевода с японского на русский и с русского на японский язык, используемые для активизации изученных лексических и грамматических средств. Анализ также показал, что формирование умений говорения, чтения и письма не находится в фокусе внимания авторов учебника. Письменные упражнения в основном представлены письменными переводами с японского на русский язык и с русского на японский язык. Исходя из вышесказанного, учебник следует характеризовать как представляющий грамматико-ориентированный переводной [12], [23], сознательно-сопоставительный метод [12] с характерными для него целями и задачами, ролями преподавателей и студентов.

- **Американская методическая школа обучения японскому языку**

Анализ американской методической школы преподавания японского языка проводился на материале двух учебных комплексов: Элеанор Харц Йорден и Мария Нода (Eleanor Harz Jorden, Maria Noda) *Japanese: Spoken Language* («Японский язык. Устная речь»)⁸ и дополнения к нему тех же авторов *Japanese: Written Language* («Японский язык. Письменная речь»)⁹; а также Эри Банно, Ютака Ооно, Йоко Саканэ, Тикако Синагава (Banno E., Ohno Y., Sakane Y., Shinagawa C.) *Genki I: An Integrated Course in Elementary Japanese* («Гэнки 1: Комплексный курс начального японского языка»)¹⁰.

Учебный комплекс Элеанор Харц Йорден и Мария Нода *Japanese: Spoken Language* в трёх книгах издавался с 1987 по 1990 год Йельским университетом (Yale Language Press), также существует дополнение к нему, *Japanese: Written Language*. Методический анализ этого учебника в соответствии с выделенными критериями и его приложения по письменной речи выявил их следующие характеристики. Часть «Японский язык. Устная речь» ставит своей целью сформировать у студентов ряд коммуникативных умений в соответствии с использованием языковых единиц в функционально-ориентированных контекстах (диалогах), которые являются источником лексических и грамматических единиц, подлежащих освоению. Основная дидактическая единица обучения в этом методическом подходе – диалог. Таким образом, эта часть учебного комплекса формирует умения говорения в функционально-ориентированных ситуациях путём автоматизации отдельных речевых действий, характерных для данных ситуаций общения. Превалирующими видами речевой деятельности являются говорение и аудирование в ограниченных ситуативном контекстом ситуациях. Наиболее частотные задания – заполнение пропусков; имитационные, подстановочные и трансформационные упражнения; запоминание и воспроизведение диалогов; многократное повторение для освоения речевых действий; работа с двуязычными глоссариями; создание текстов по образцу на основе учебного текста и др. Упражнения учебника преимущественно предполагают организацию учебного взаимодействия по линии «преподаватель – студент», при этом учебник содержит и ряд упражнений, ориентированных на взаимодействие «студент – студент» при освоении языкового материала диалогов и выполнении некоторых упражнений.

Все выше указанные характеристики свидетельствуют о том, что учебник *Japanese: The Spoken Language* преимущественно использует аудиолингвальный метод обучения иностранным языкам [12], [23], [25]. Здесь необходимо отметить, что Элеанора Харц Йорден (Jorden E.) также является автором более раннего учебника по японскому языку *Beginning Japanese*¹¹, который был создан при содействии Хамако Ито Чаплин (Hamako Ito Chaplin) и вышел в 1962 году – во время активного продвижения аудиолингвального метода в США.

⁸ Jorden, E., Noda M. *Japanese: The Spoken Language* (3 parts) / E. Jorden, M. Noda. Connecticut: Yale University press, 1987–1990. 355 p., 392 p., 416 p.

⁹ Jorden, E., Noda, M. *Japanese: The Written Language* (Part 1, Vol. 1&2) / E. Jorden, M. Noda. Connecticut: Yale University press, 1987–1990. 160 p., 280 p.

¹⁰ Banno, E., Ohno Y., Sakane Y., Shinagawa C. *Genki I: An Integrated Course in Elementary Japanese* / Eri Banno, Yutaka Ohno, Yoko Sakane, Chikako Shinagawa – Houston: Japan Times, Tsay Fong Books, 2011. 380 p.

¹¹ Jorden, E. *Beginning Japanese Part 1* / E. Jorden // Yale Language Series. By Eleanor Harz Jorden with the assistance of Hamako Ito Chaplin. Yale University Press, 1962. 819p.

Учебник *Japanese: The Written Language*, хотя и является дополнительным по отношению к *Japanese: The Spoken Language*, однако представляет собой важную часть учебного комплекса в силу того, что он направлен на формирование умений чтения и письма на японском языке. В методическом плане эта часть учебного комплекса представляет интерес, так как преобладающим методом обучения в нём является грамматико-ориентированный переводной метод, что следует из следующих характеристик учебного материала: уже на начальном уровне обучения в учебный материал включены упражнения, направленные на перевод текстов и предложений с одного языка на другой, а также значения лексических единиц в изучаемом языке представлены с помощью их эквивалентов на родном (английском) языке. Таким образом, при том, что авторы учебника опираются на беспереводный (аудиолингвальный) метод при формировании умений устной коммуникации, в отношении умения понимания и порождения письменных текстов они используют грамматико-переводной метод, что представляет собой довольно необычное сочетание методов в рамках одной методической школы. Такое сочетание методов свидетельствует о том, что авторы не придерживаются единого понимания природы овладения иностранным языком и связанной с этим теории обучения и изучения иностранного языка.

Авторами учебника (Эри Банно, Ютака Ооно, Йоко Саканэ, Тикако Синагава) *Genki I: An Integrated Course in Elementary Japanese* (2011 год издания) является коллектив преподавателей-японцев, которые занимаются преподавательской деятельностью в различных университетах США, а также в Японии. Учебник был создан при поддержке газеты *Japan Times* – одного из старейших англоязычных изданий в Японии. Проведённый анализ учебника выявил то, что в нём использован иной по сравнению с учебниками выше подход к преподаванию японского языка – коммуникативный [17], [23], [25]. Цель учебника – обучение коммуникации на изучаемом иностранном языке. В основе обучающей модели лежит функциональный подход, в котором освоение всех речевых действий сопряжено с коммуникативным намерением участника общения. В фокусе обучения находятся все четыре вида речевой деятельности, при этом все упражнения обладают коммуникативной направленностью и представлены в контексте взаимодействия. Основная дидактическая единица обучения в этом подходе – текст, при этом тексты созданы носителями языка и приближены к аутентичным, несмотря на начальный уровень обучения. Помимо прочих упражнений пособие включает описание визуальных образов, языковые игры, ролевые игры и др. Важной характеристикой данного подхода является способ организации взаимодействия «преподаватель – студент» и «студент – студент»: пособие предполагает большой объём коммуникации студентов между собой в диадах, триадах, небольших группах или группы обучающихся в целом.

Тем не менее, учебник является двуязычным и ориентирован на использование в англоязычной аудитории: в нём лексико-грамматические и другие комментарии, включая информацию социокультурного характера, представлены на английском языке, так же на английский язык переведены инструкции и задания, написанные на японском. Помимо этого, ряд элементов в учебнике относится к грамматико-ориентированному переводному, сознательно-сопоставительному методу (списки лексических единиц с англоязычными эквивалентами, развёрнутые грамматические объяснения, упражнения на перевод в рабочей тетради).

Таким образом, для американской методической школы обучения японскому языку характерна приверженность сразу трём методам – аудиолингвальному, который является ведущим, коммуникативному и в некоторых случаях грамматико-ориентированному переводному, который используется в сочетании с ведущими беспереводными методами. Здесь следует сделать отсылку к американскому сборнику трудов по методике обучения иностранным языкам «*Language Education in the U.S.: Past, Present and Future*» («Языковое образование в США: прошлое, настоящее и будущее») [21]. Он был подготовлен и издан Американской ассоциацией преподавателей японского языка (American Association of Teachers of Japanese) к 50-летию организации и содержит позицию ассоциации по поводу методики, подходов и методов обучения иностранным языкам, которые опираются на достижения англоязычных лингвистов, методистов и психологов. В сборнике отмечаются методы, основанные на бихевиоризме (в особенности аудиолингвальный), идеи Стивена Крашена (Steven Krashen) и его гипотезы, связанные с усвоением неродного языка, ставшие

основой «естественного метода» (Natural Approach) [22] обучения иностранным языкам, а также компетентностный подход. Такое методическое многообразие является вполне естественным для США, так как многие подходы и методы обучения иностранным языкам были разработаны в этой стране, включая коммуникативный подход, основы которого на американском континенте были заложены С. Савиньон (S.J. Savignon) [26].

• **Японская методическая школа обучения японскому языку как иностранному**

Суть японской методической школы наиболее ярко была выявлена в исследовании, проведённом О. Лученко и К. Ковинко (Olha Luchenko, Karina Kovinko) [24]. В нём приняли участие 256 преподавателей японского языка, являющихся носителями языка, из 39 неанглоязычных стран. Целью исследования являлось определение ведущего метода, используемого при обучении японскому языку, а также влиянию убеждений преподавателей на их педагогическую практику. Сбор данных осуществлялся в течение шести месяцев, с сентября 2023 года по март 2024 года.

Результаты исследования показали, что преподаватели японского языка, являющиеся его носителями, преимущественно используют прямой метод обучения иностранному языку [12],[18],[23],[25]. При этом авторы исследования описывают прямой метод как фокусирующий-ся на аудировании и говорении без перевода на родной язык обучающегося. Этот метод соответствует естественному процессу усвоения языка, обеспечивает непосредственное взаимодействие учащихся с иностранным языком, способствует их активному участию в коммуникации. Отмечается, что преподаватели в рамках этого метода используют различные способы наглядности – иллюстративные примеры, действия и визуальные опоры, избегая прямого объяснения грамматических правил.

Также респонденты, принявшие участие в исследовании, выделили целый ряд преимуществ прямого метода. Наиболее часто называемыми были «более широкая открытость японскому языку», возможность «преподавать японский язык как обычный язык», «принятие учащимися естественного японского языка». Также в качестве главного преимущества преподаватели отмечали, что метод позволяет осуществлять более глубокое погружение в изучаемый язык, создавая иммерсивную учебную среду; он развивает способность «думать по-японски», преодолевая ограничения, связанные с использованием перевода лексики; способствует организации спонтанного общения, что положительно сказывается на развитии речи, её беглости, коммуникативных умений, увеличивая вовлечение обучающихся в процесс обучения. Результаты также показывают, что подавляющее большинство респондентов считают, что использование японского языка как языка обучения укрепляет уверенность учащихся при овладении им, снижая зависимость от родного языка. Метод также способствует лучшему запоминанию и естественному, спонтанному его усвоению, что делает его, как отмечается, высокоэффективным, способствующим переходу учащихся с начального уровня владения языком на средний.

В целом, на основании материалов исследования, проведённого О. Лученко и К. Ковинко, трудно утверждать, что преподаватели японского языка, являющиеся его носителями, преподают японский язык как иностранный, используя исключительно прямой метод, так как основной акцент в исследовании был сделан на том, что метод не опирается на перевод на родной язык. Наш анализ учебников по японскому языку как иностранному позволил предположить, что используемый метод задействует элементы и других беспереводных методов.

Таким образом, наше описание японской методической школы включало в себя анализ двух современных учебных комплексов: Хироми Кидзима, Томоё Сибахара и Наоми Хатта *Хатта Маругото A1 Katsudou*¹², *Marugoto A1 Rikai*¹³ (*Маругото A1 «Практика», Маругото A1 «Понимание», 2013*), а также Кадзуко Симада, Йоко Ока, Тихару Отиаи, Юкари Симура *Dekiru Nihongo Shokyuu*¹⁴ (Дэкиру Нихонго: Начальный уровень, 2011).

¹² Kijima, T., Shibahara T. and Hatta N. *Marugoto A1 Katsudou* / T. Kijima, T. Shibahara and N. Hatta – Japan Foundation, 2014. 148 pp.

¹³ Kijima T., Shibahara T. and Hatta N. *Marugoto A1 Rikai* / H. Kijima, T. Shibahara and N. Hatta – Japan Foundation, 2014. 199 pp.

¹⁴ 島田和子、澤田直美、その他 できる日本語 初級 本冊 (Shimada K., Sawada N. and others, *Dekiru Nihongo Shokyuu Textbook*)– 2019, 358 c.

Учебники *Dekiru Nihongo* были впервые выпущены японским издательством ALC в 2011 году и продолжают издаваться до сих пор. Авторами этой линейки учебников являются преподаватели японских языковых школ для студентов-иностранцев. Существенно, что они были созданы на основе официальной системы стандартов тестирования умений говорения (Oral Proficiency Interview), разработанной Американским советом иностранных языков (American Council on the Teaching of Foreign Languages), что предполагает влияние американской методической школы на используемый в учебниках метод. В учебниках этой серии уделяется особое внимание не только систематическому приобретению языковых и речевых навыков и умений, но и подготовке к экзамену Нихонго Нореку Сикэн (日本語能力試験). Серия состоит из двух учебников начального уровня и рабочих тетрадей к ним (лексика и грамматика), учебника среднего уровня и рабочей тетради, книги с дополнительными материалами для чтения, двух учебников японских иероглифов и руководства для преподавателя.

Анализ текстов *Dekiru Nihongo* показал, что учебник ставит своей основной целью обучение общению на изучаемом иностранном языке. Характеристики этой линейки учебников в соответствии с выделенными критериями анализа следующие:

- использование аутентичных текстовых материалов;
- проведение семантизации с помощью иллюстраций;
- изучение грамматических правил индуктивно;
- в фокусе внимания находится формирование всех четырёх видов речевой деятельности;
- использование принципа устного опережения – письменные тексты опираются на уже услышанное;
- динамика формирования видов речевой деятельности следующая: аудирование, говорение, чтение, письмо;
- взаимодействие организуется как по линии преподаватель-студент, так и по линии студент – студент.

Таким образом, с одной стороны, все приведённые характеристики позволяют отнести *Dekiru Nihongo* к прямому (беспереводному) методу обучения иностранным языкам, с другой, в учебнике также наблюдается структурирование части содержания обучения в соответствии с аудиолингвальным методом, то есть учебник предполагает формирование коммуникативных умений студентов в соответствии с использованием языковых единиц в функционально-ориентированных контекстах (диалогах), которые являются источником изучаемых языковых средств, что структурирует содержание вокруг диалога как основной дидактической единицы обучения. Здесь ещё раз отметим влияние Американского совета иностранных языков как представителя одной из американских методических школ на принятые в учебнике методические решения.

Учебники Хироми Кидзима, Томоё Сихахара и Наоми Хатта *Marugoto A1 Katsudou*, *Marugoto A1 Rikai* (*Маругото А1 «Практика»*, *Маругото А1 «Понимание»*, 2013) были созданы при участии Японского фонда (Japan Foundation). Они написаны на основе Стандарта языкового образования для японского языка (JF Standard for Japanese-Language Education¹⁵), в основу которого положены основные принципы европейского документа «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком (CEFR)» [19], [20]. Данный учебно-методический комплекс состоит из двух учебных пособий: *Marugoto A1 Katsudou*, который направлен на развитие коммуникативных умений студентов в различных ситуациях общения на основе Стандарта языкового образования для японского языка, и *Marugoto A1 Rikai*, сфокусированного на обучении языковым средствам – грамматическим, лексическим, иероглифиче.

¹⁵ Стандарт языкового образования для японского языка (JF Standard for Japanese-Language Education) был создан на основе Европейского документа ОКВИЯ (CEFR). В настоящее время Японским фондом были изданы учебники для начальных и среднего уровней. Данный стандарт, в частности, позволяет учащемуся определить свой уровень владения японским языком. В качестве оценочных шкал используются таблицы «Can-do» (Я умею).

Методический анализ этого учебного комплекса показал, что он в значительной мере ориентирован на коммуникативное обучение японскому языку с такими присущими ему характеристиками, как ориентация на обучение общению средствами иностранного языка; организация изучаемого материала в соответствии с принципам функционального подхода к организации содержания языковых единиц [17], [23], [25], что предполагает знание коммуникативных функций, для осуществления которых используются языковые средства. В фокусе обучения находятся коммуникативные умения, способность использовать язык в конкретных ситуациях. В учебниках есть небольшое количество лексических и грамматических комментариев на английском языке, но в целом используется беспереводный метод. Равное внимание уделяется формированию всех четырёх видов речевой деятельности в контексте взаимодействия между говорящим и слушающим или между пишущим и читающим, устное общение организуется в различных формах парной и групповой работы. Однако при этом следует отметить, что в учебниках присутствуют и элементы, характерные как для прямого, так и для аудиolingвального метода обучения.

3. Результаты исследования

В заключение ещё раз отметим, что понятие «национальная методическая школа», использованное нами для анализа и описания педагогической практики обучения японскому языку на примерах трёх стран (Россия, США и Япония), позволяет определять и фиксировать характерные особенности сложившейся национальной традиции преподавания иностранного языка. Национальная методическая школа как проявление преобладающих подходов отдельного педагогического сообщества, как правило, основывается на научных достижениях исследователей, оказавших наиболее серьёзное влияние на формирование используемых методов языкового образования, а также на складывающейся в стране педагогической практике обучения иностранному языку. Изучение российской, американской и японской методических школ обучения японскому языку позволило сделать вывод, что они различаются по целому ряду применяемых ими ведущих методов обучения, при этом испытывают на себе влияние и других национальных методических школ.

Так, исследование показало, что в российской методической школе при обучении японскому языку как иностранному большое внимание уделяется именно лингвистической составляющей коммуникативной компетентности, что находит своё яркое выражение в конструктивных и содержательных особенностях учебников по японскому языку как иностранному. Исходя из приведённого анализа, можно утверждать, что в отношении организации освоения языковых средств российская методическая школа тяготеет к грамматико-ориентированному переводному, сознательно-сопоставительному методу, для которого характерны опора на перевод при формировании языковых умений, изучение грамматики дедуктивным путём, парадигмальное освоение грамматических средств и семантизация иностранной лексики через её русскоязычные эквиваленты, приоритет письменной речи над устной и умений перевода над другими видами речевой деятельности. При этом отметим, что также характерными для российской школы являются культуро-ориентированные подходы к обучению японскому языку, а также лингвострановедческий подход, которые в соответствии со сложившейся традицией рассматривают обучение иностранному языку в контексте изучаемой культуры страны, ее географии, экономики и др. [3], [6], [10], [11].

Исследование учебно-методических комплексов по японскому языку, используемых в США, показало, что американскую методическую школу обучения японскому языку можно охарактеризовать как не имеющую единого подхода и использующую сразу несколько методов – аудиolingвальный (ведущий) и коммуникативный, а также частично грамматико-ориентированный переводной. Возможно, в случае с США следует говорить не об одной методической школе, а о нескольких, существующих в пределах одной страны. Разнообразие используемых методов во многом объясняется тем, что эта страна явилась «родиной» многих подходов и разнообразных методов обучения иностранным языкам, опирающихся на достижения англоязычных лингвистов, методистов и психологов.

В основе же японской методической школы обучения иностранному языку лежит прямой метод, который распространён среди большинства преподавателей японского языка как иностранного, как показали опросы, проведённые исследователями. Эти выводы подтверждаются и при анализе учебной литературы по обучению японскому как иностранному, подготовленной японскими авторами. При том что прямой метод (беспереводной) является ведущим, японская методическая школа испытывает влияние со стороны методической школы США в части интеграции аудиолингвального метода. В целом, основываясь на теоретических положениях и практиках прямого метода, японская методическая школа легко интегрирует отдельные практики других беспереводных методов, а коммуникативный подход, который получает всё большее развитие [4], имеет много пересечений с прямым методом, что позволит ему быстро быть воспринятым японским педагогическим сообществом.

4. Выводы

Таким образом, проведённое нами исследование подтвердило валидность понятия «национальная методическая школа», а также методики критериального анализа, позволяющего выявить содержательные характеристики такой школы. Также проведённый нами анализ учебных материалов по японскому языку как иностранному показал, что достаточно показательной характеристикой национальной методической школы обучения иностранному языку является то, что основные методические принципы и подходы, которыми руководствуется школа, реализуются в учебниках и учебных пособиях по иностранному языку (японскому), преимущественно используемых педагогическим сообществом. Также с практической стороны, возможно анализировать особенности методической школы путём прямого изучения профессиональной деятельности преподавателей иностранного языка как носителей определённой методической традиции. Одновременно с этим необходимо отметить, что все национальные методические школы японского языка в большей или меньшей степени подвержены процессам глобализации, а именно влиянию со стороны ведущих европейских подходов к оценке результатов обучения, а также методов обучения иностранным языкам.

5. Обсуждение результатов

Использованная нами методика исследования характеристик национальных методических школ обучению иностранному языку может быть использована довольно широко для исследования подобных школ в других странах. Однако безусловно интересным и заслуживающим внимания исследователей является вопрос изучения внутринациональных методических школ, то есть педагогической практики профессиональных сообществ преподавателей внутри одной страны. Предположительно, во многих случаях различия в этих школах будут менее выражены, чем на межнациональном уровне, и потребуют более детализированного инструментария оценки. Особый интерес в этом отношении представляют российские методические школы обучения иностранным языкам в связи с тем многообразием научно-методических школ в России, которые были упомянуты выше.

© И.А. Мазаева, Ву Куок Зуи Линь, 2025

Список литературы

1. Алпатов В.М. Актуальные вопросы изучения японского языка в настоящее время / В.М. Алпатов // Японский язык в вузе: современные проблемы преподавания. Вып. 19. 2019. С. 4–17.
2. Барышников Н.В. Пятигорская научная школа методики обучения иностранным языкам / Н.В. Барышников, О.Е. Иванова // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. Вып.2 (851). 2024. С. 9–14.
3. Борисова А.С. Культурологический аспект преподавания японского языка в рамках комплекса страноведческих дисциплин / А.С. Борисова // Японский язык в вузе: современные проблемы преподавания. Вып. 7. 2012. С. 28–42.

4. Брюхова Е.Г. Новое в методике преподавания японского языка как иностранного (по материалам стажировки в международном центре японского языка, г. Сайтама) / Е.Г. Брюхова // Японский язык в вузе: современные проблемы преподавания. Вып. 14. 2016. С. 23–37.
5. Гармаева О.О. Преподавание восточных языков сегодня: коммуникативная направленность обучения / О.О. Гармаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2014. № 4 С. 98–103.
6. Гуревич Т.М. Концепции обучения и учебные материалы по японскому языку/ Т.М. Гуревич // Японский язык в вузе: современные проблемы преподавания. Вып. 7. 2011. С. 28–42.
7. Корчагина Т.И. Обучение японскому языку на неязыковых факультетах МГУ // Японский язык в вузе: современные проблемы преподавания. Вып. 19. 2019. С. 95–102.
8. Коряковцева Н.Ф. Научно-методическая школа Московского государственного лингвистического университета / Н.Ф. Коряковцева // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. Вып.1 (838). 2021. С. 11–17.
9. Нечаева Л.Т. Научно-методические основы структуры и содержания учебников японского языка для русскоговорящих: автореферат дис. ... доктора педагогических наук: 13.00.02 / Л.Т. Нечаева / Ин-т общ. сред. образования Рос. акад. образования. Москва, 2000. 80 с.
10. Нечаева Л.Т. Преподавание японского языка в современной России / Л.Т. Нечаева, Т.М. Гуревич // Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века. М.: АИРО-XXI Москва, 2015. С. 188–198.
11. Нечаева Л.Т. Японский язык в вузах России / Л.Т. Нечаева // Преподаватель XXI век. 2015. №3. С.43–49.
12. Основные направления в методике преподавания иностранных языков в XIX–XX вв. / под ред. И.В. Рахманова. М.: Педагогика, 1972. 317 с.
13. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е.И. Пассов. М.: Просвещение, 1991. 223 с.
14. Паюсов Н.Г. Методика объяснения закрепления иероглифов на начальном этапе обучения японскому языку: Автореферат дис. на соискание учен. степ. канд. пед. наук / Н.Г. Паюсов / Воен. ин-т иностр. языков. М.: [б. и.], 1954. 20 с.
15. Семенюченко Н.В. Методическая школа Е.И. Пассова как феномен российского иноязычного образования / Н.В. Семенюченко, В.П. Кузовлев // Иностранные языки в школе. 2025. № 03. С. 22–34.
16. Фененко Н.А. «Воронежская методическая школа»: новый этап развития вузовского языкового образования / Н.А. Фененко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2012. № 02. С. 44–45.
17. Шукин А.Н. Методы и технологии обучения иностранным языкам: учеб. пособие для преподавателей и студентов языковых вузов / А.Н. Шукин, Москва: ИКАР, 2014. 239 с.
18. Шукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: учеб. пособие для преподавателей и студентов. – 2-е изд., испр. и доп. / А.Н. Шукин. М.: Филоматис, 2006. 480 с.
19. Common European Framework of Reference for Languages: learning, teaching, assessment. Strasbourg: Council of Europe, Cambridge University Press, 2001. 264 p.
20. Common European Framework of Reference for Languages: learning, teaching, assessment: Companion volume – Strasbourg: Council of Europe, 2020. 278 p.
21. De Costa, P.I., Qin, K. English language education in the United States: Past, present and future issues. / P.I. De Costa, K. Qin // L.T. Wong, & A. Dubey-Jhaveri (Eds.), English language education in a global world: Practices, issues and challenges. Nova Science Publishers, Inc., 2016. P. 229–238.
22. Krashen S.D. Natural Approach: Language Acquisition in the Classroom / Stephen D. Krashen, Tracy D. Terrell. Phoenix: Prentice Hall Europe, 1988. 191 p.
23. Larsen-Freeman D. Techniques and principles in language teaching / D. Larsen- Freeman. Oxford University Press, 2000. 208 p.
24. Luchenko, O., Kovinko K. The direct method and multilingual turn in teaching Japanese as a foreign language / O. Luchenko, K. Kovinko // Educational Challenges. April, 2025. Vol. 30, Issue 1. P.191–205.
25. Richards, J.C., Rodgers, T. S. Approaches and Methods in Language Teaching /Jack C. Richards, Theodore S. Rodgers. Cambridge University Press, 2014. 410 p.
26. Savignon Sandra J. Communicative Language Teaching, Theory into Practice / Sandra J. Savignon // Teaching Foreign Languages. Autumn, 1987. Vol. 26, No. 4. P. 235–242.

References

1. Alpatov, V.M. Aktual'nye voprosy izucheniia iaponskogo iazyka v nastoiashchee vremia [Current Issues in Teaching Japanese], *Iaponskii iazyk v vuze: sovremennye problemy prepodavaniia*. 2019. No. 19. P. 4–17.
2. Baryshnikov, N.V., Ivanova O.E. Piatigorskaiia nauchnaia shkola metodiki obucheniia inostrannym iazykam [Pyatigorsk scientific school of foreign language teaching methods], *Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. 2024. No.2 (851). P. 9–14.
3. Borisova A.S. Kul'turologicheskii aspekt prepodavaniia iaponskogo iazyka v ramkakh kompleksa stranovedcheskikh distsiplin [Cultural Aspect of Teaching Japanese as Part of Regional Studies Disciplines]. *Iaponskii iazyk v vuze: sovremennye problemy prepodavaniia*. 2012. No. 7. P. 28–42.
4. Briukhova, E.G. Novoe v metodike prepodavaniia iaponskogo iazyka kak inostrannogo (po materialam stazhirovki v mezh-dunarodnom tsentre iaponskogo iazyka, g. Saytama) [New Developments in Methodology of Teaching Japanese as a Foreign Language (Based on Internship Materials at the International Japanese Language Center, Saitama)], *Iaponskii iazyk v vuze: sovremennye problemy prepodavaniia*. 2016. No. 14. P. 23–37.

5. Garmaeva, O.O. Prepodavanie vostochnykh iazykov segodnia: kommunikativnaia napravlenost' obucheniia [Teaching Oriental Languages Today: Communicative Focus of Learning], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia*. 2014. № 4. P. 98–103.
6. Gurevich, T.M. Kontseptsii obucheniia i uchebnye materialy po iaponskomu iazyku [Concepts of teaching and teaching materials in Japanese], *Iaponskii iazyk v vuze: sovremennye problemy prepodavaniia*. 2011. No. 7. P. 28–42.
7. Korchagina, T.I. Obuchenie iaponskomu iazyku na neiazykovykh fakul'tetakh MGU [Teaching Japanese at Non-Linguistic Faculties of Moscow State University], *Iaponskii iazyk v vuze: sovremennye problemy prepodavaniia*. 2019. № 19. P. 95–102.
8. Koriakovtseva, N.F. Nauchno-metodicheskaya shkola Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Scientific and Methodological School of Moscow State Linguistic University], *Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. 2021. № 1 (838). P. 11–17.
9. Nechaeva, L.T. Nauchno-metodicheskie osnovy struktury i sodержaniia uchebnikov iaponskogo iazyka dlia russkogovoriashchikh [Scientific and Methodological Foundations of the Structure and Content of Japanese Language Textbooks for Russian Speakers]: avtoreferat dis. ... doktora pedagogicheskikh nauk: 13.00.02. In-t obshch. sred. obrazovaniia Ros. akad. obrazovaniia. Moskva, 2000. 80 p.
10. Nechaeva, L.T., Gurevich, T.M. Prepodavanie iaponskogo iazyka v sovremennoi Rossii [Teaching Japanese in Modern Russia], *Sovremennoe rossiyskoe iaponovedenie: oglyadyvayas' na put' dlinoiu v chetvert' veka* – M. AIRO-XXI Moskva, 2015. P. 188–198.
11. Nechaeva, L.T. Iaponskii iazyk v vuzakh Rossii [Japanese Language in Russian Universities], *Prepodavatel' XXI vek*. 2015. №3. P. 43–49.
12. Osnovnye napravleniia v metodike prepodavaniia inostrannykh iazykov v XIX–XX vv. [The Main Directions in the Methodology of Teaching Foreign Languages in the 19th–20th Centuries]. pod red. I.V. Rakhmanova. M.: Pedagogika, 1972. 317 p.
13. Passov, E.I. Kommunikativnyi metod obucheniia inoiazychnomu govoreniu [Communicative Method of Teaching Foreign Language Speaking]. M. Prosveshchenie, 1991. 223 p.
14. Paiusov, N.G. Metodika obucheniia zakrepleniia ieroglifov na nachal'nom etape obucheniia iaponskomu iazyku [Methodology of explaining the consolidation of hieroglyphs at the initial stage of teaching the Japanese language]. Avtoreferat dis. na soiskanie uchen. step. kand. ped. nauk. Voen. in-t inostr. iazykov. M. [b. i.], 1954. 20 p.
15. Semeniuchenko, N.V. Metodicheskaya shkola E.I. Passova kak fenomen rossiyskogo inoiazychnogo obrazovaniia [Methodological school of E.I. Passov as a phenomenon of Russian foreign language education], *Inostrannye iazyki v shkole*. 2025. № 03. P. 22–34.
16. Fenenko, N.A. «Voronezhskaya metodicheskaya shkola»: novyi etap razvitiia vuzovskogo iazykovogo obrazovaniia [“Voronezh Methodological School”: a new stage in the development of university language education], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniia*. 2012. № 02. P. 44–45.
17. Shchukin, A.N. *Metody i tekhnologii obucheniia inostrannym iazykam: ucheb. posobie dlia prepodavatelei i studentov iazykovykh vuzov* [Methods and technologies of teaching foreign languages: a textbook for teachers and students of language universities]. Moskva: IKAR, 2014. 239 p.
18. Shchukin, A.N. *Obuchenie inostrannym iazykam: Teoriia i praktika: ucheb. posobie dlia prepodavatelei i studentov* [Teaching Foreign Languages: Theory and Practice: a manual for teachers and students]. 2-ye izd., ispr. M. Filomatis, 2006. 480 p.
19. Common European Framework of Reference for Languages: learning, teaching, assessment. Strasbourg: Council of Europe, Cambridge University Press, 2001. 264 p.
20. Common European Framework of Reference for Languages: learning, teaching, assessment: Companion volume – Strasbourg: Council of Europe, 2020. 278 p.
21. De Costa, P.I., Qin, K. English language education in the United States: Past, present and future issues. / P.I. De Costa, K. Qin, L.T. Wong, & A. Dubey-Jhaveri (Eds.), *English language education in a global world: Practices, issues and challenges*. Nova Science Publishers, Inc., 2016. P. 229–238.
22. Krashen, S.D. *Natural Approach: Language Acquisition in the Classroom* / Stephen D. Krashen, Tracy D. Terrell. Phoenix: Prentice Hall Europe, 1988. 191 p.
23. Larsen-Freeman D. *Techniques and principles in language teaching* / D. Larsen- Freeman. Oxford University Press, 2000. 208 p.
24. Luchenko, O., Kovinko K. The direct method and multilingual turn in teaching Japanese as a foreign language / O. Luchenko, K. Kovinko, *Educational Challenges*. April, 2025. Vol. 30, Issue 1. P.19–205.
25. Richards, Jack C. Rodgers, Theodore S. *Approaches and Methods in Language Teaching* / Jack C. Richards, Theodore S. Rodgers. Cambridge University Press, 2014. 410 p.
26. Savignon, Sandra J. *Communicative Language Teaching, Theory into Practice* / Sandra J. Savignon, *Teaching Foreign Languages*. Autumn, 1987. Vol. 26, No. 4. P. 235–242.

Сведения об авторах:

Мазеева Ирина Александровна, доцент, кандидат педагогических наук, доцент Управления магистерской подготовки МГИМО МИД России, научный руководитель магистерской программы «Методика подготовки переводчиков для международных организаций» МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: педагогика высшей школы, языковое образование, методика обучения иностранным языкам, психология речевой деятельности.

ORCID 0009-0002-9177-1240

SPIN 6441-1627

ResearcherID ODN-0500-2025

Email: mazaieva@yandex.ru

Ву Куок Зуи Линь, магистр педагогического образования, преподаватель японского языка, независимый исследователь. Сфера научных интересов: японский язык, преподавание японского языка, коммуникативная метод обучения японскому языку.

ORCID ID: 0009-0002-9906-2705

Email: vu.k.z@mymgimo.ru

About the authors:

Irina A. Mazaieva, PhD in Education, is Associate Professor with MGIMO Department of Master's Programmes, Academic Director of the Master's Programme «Methodology of Training Translators and Interpreters for International Organizations». Research interests: higher education pedagogies, language education, methods of teaching foreign languages, psychology of speech.

ORCID 0009-0002-9177-1240

SPIN 6441-1627

ResearcherID ODN-0500-2025

Email: mazaieva@yandex.ru

Quoc Duy Linh Vu, Master of Education, is Japanese language teacher, independent researcher. Research interests: Japanese language, Japanese language teaching, communicative method of teaching Japanese.

ORCID 0009-0002-9906-2705

Email: vu.k.z@mymgimo.ru

* * *

Happy Milestone Birthday to Prof. Hikaru Kitabayashi

The journal *Linguistics & Polyglot Studies* wishes a Happy Milestone Birthday to Dr Hikaru Kitabayashi, professor emeritus of Daito Bunka University in Tokyo, Japan, and co-president of the American Society of Geolinguistics.

He is a recognized expert in geolinguistics, linguistic ethnography, medieval history and genealogy. Thanks to his work and support, research on geolinguistics (geopolitics of language) spread from the USA to Japan and later to Nepal, creating an international network of scholars and language activists.

Among others, he edited the volumes *Multilingual Perspectives in Geolinguistics* (2015), *Geolinguistic Studies in Language Contact, Conflict and Development* (2017–2018), and *Recent Research in Geolinguistic Ethnography* (2018–2019). Now, he supervises the journals *Geolinguistic Studies: Language Contact, Conflict, Development and Education* in Japan and the *Journal of Himalayan Geolinguistics* in Nepal.

We are proud that Prof. Kitabayashi is a member of the Editorial Board, an author and a reviewer of *Linguistics & Polyglot Studies*. His publications in our journal include “Learning Japanese: observations from a lifelong experience” (vol. 7, no. 4), “Geolinguistics and polyglot studies at the service of peace” (vol. 8, no. 2), “The geolinguistics of state foreign language education policy regarding rarely taught languages of the Global South” (vol. 10, no. 3) and “11th century genealogical and onomastic connections between Old Rus and the British Isles” (vol. 11, no. 3).

Many happy returns and many fruitful projects ahead!

ЖУРНАЛ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО» ЗА 2025 ГОД

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Азади Р., Валипур А.

Сопоставительное исследование супraseгментных единиц русского и персидского языков в речи иранских студентов при освоении интонационной конструкции. Том 11, №1

Воронова А.Г., Бобринская И.Д., Семенов П.А.

Проминальные, номинальные и вербальные формы коммуникативной адресации в португальском языке (в сравнении с английским и русским). Том 11, №2

Годяева Ю.И.

Имя «Анналена Бербок» в немецком политическом дискурсе: корпусный анализ прецедентного имени. Том 11, №2

Гуров А.Н.

Модальность испанского глагола сквозь призму академической традиции: трансформация концепций в грамматиках Королевской академии испанского языка. Том 11, №2

Дикарева К.А.

Языковые средства выражения автостереотипов о Франции и французах (на материале сборника Пьера Даниноса «Le Jacassin»). Том 11, №4

Иванов Н.В.

Модальные категории португальской грамматики в зеркале логического анализа-II. Том 11, №1

Карповская Н.В., Давтянц И.И.

Индекс конфликтности медиадискурса в контексте национального коммуникативного стиля (на материале мексиканских и американских СМИ). Том 11, №4

Комарова Е.В.

Особенности дискурса корпоративной социальной ответственности: лингвистический анализ англоязычных текстовых данных. Том 11, №4

Костанян З.В.

Место независимых инфинитивных конструкций в системе английских предложений. Том 11, №1

Макаров Н.С.

Контекстуально обусловленная церковная лексика как часть лексической категории «церковная лексика». Том 11, №1

Мурашова Л.П.

Гендерные термины номинации женщин: семантика, асимметрия и социокультурное отражение в английском языке. Том 11, №2

Оболенская Ю.Л., Баканова А.В.

Испанская фольклорная традиция как отражение национальной поликультурной идентичности. Том 11, №4

Степанюк Ю.В.

Функционально-смысловая гибридность текстов на французском языке. Том 11, №1

Табакова В.С.

Полидискурсивное речевое поведение спортсменов (на материале немецкого спортивного дискурса единоборств). Том 11, №1

Терещук А.А.

Дискурсивный портрет президента Аргентины Хавьера Милея. Том 11, №4

Титова Т.Р.

Некоторые колебания языковой нормы в современном итальянском языке. Том 11, №4

Уразаев М.Д.

Образ винтика: предварительный анализ метафоры механизма через призму теории концептуальной интеграции. Том 11, №4

Фомина Т.А., Алиева Т.В., Корницкая А.Б.

Номинативное варьирование узуальных дисфемизмов на оси «СВОЙ – ЧУЖОЙ». Том 11, №2

Чжу Шэнминь

Семантизация лексики китайского происхождения в русскоязычных текстах белорусских СМИ. Том 11, №1

Чуева С.Ю.

Образование феминитивов с суффиксом –оу в новогреческом языке. Том 11, №2

Шелехова Р.С.

Эвфемистическая номинация инвалидности в немецких газетных текстах. Том 11, №1

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Корчуганова А.А., Котеняткина И.Б.

Стратегии обучения локализации видеоигр при подготовке переводчиков. Том 11, №4

Ракова К.В.

Синхронный перевод лексических средств выразительности в современном общественно-политическом дискурсе. Том 11, №4

Филясова Ю.А.

Стилистическая демаркированность при машинном переводе информационных пресс-релизов. Том 11, №1

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Абиева Н.Р.

Эффективность цифровых и традиционных ресурсов при изучении английского языка: сравнительный анализ. Том 11, №2

Бовшик А.С.

В диалоге с Фрейре: обучение творческому письму на иностранном языке. Том 11, №2

Боярко С.А., Бударина А.О.

Педагогические условия формирования качеств вторичной языковой личности студентов экономических направлений подготовки. Том 11, №2

Гончарова Н.А.

Отношение студентов и преподавателей МГИМО к применению машинного перевода в переводческой деятельности и образовательном процессе. Том 11, №2

Казачкова М.Б., Галимова Х.Н.

Изучение русского языка как иностранного с помощью лингвистического корпуса русских народных песен. Том 11, №4

Мазаева И.А., Ву Куок Зуи Линь

Национальные методические школы обучения иностранным языкам (на примере обучения японскому языку как иностранному). Том 11, №4

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Аленькина Т.Б.

Драматургия научного открытия и жанр научной пьесы в контексте популяризации науки (на примере пьес К. Джерасси и Р. Хоффмана «Кислород» и К. Джерасси «Математический анализ»). Том 11, №1

Гренадерова О.Л.

Семантические и лингвокультурологические особенности футбольной лексики в русском и португальском языках. Том 11, №1

Строганова Н.А.

Шицзин как колыбель жанра и индивидуально-авторского творчества в классической китайской поэзии: «Ода Шэньскому князю». Том 11, №2

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИГЛОТИИ

Казаков Г.А.

Измеряемые аспекты овладения языком. Том 11, №3

Бигулов А.К.

Экспериментальное применение методики гиперинтенсива для вхождения в разговорную практику немецкого языка только во взаимодействии с ИИ-тьюторами. Том 11, №3

ИЗУЧЕНИЕ РЕДКИХ ЯЗЫКОВ И ПИСЬМЕННОСТЕЙ

Бишовкарма А., Бишвокарма Б.Р.

Практики и идеологии многоязычного образования на основе родного языка: пример тибетского языка в Непале. Том 11, №3

Суньига Элисальде О.А.

Использование языка науатль в академическом письме. Том 11, №3

ЯЗЫКИ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Китабаяси Х.

Генеалогические и ономастические связи между Древней Русью и Британскими островами в XI веке. Том 11, №3

Мухин С.В., Ефремова Д.А.

Генитив в ранней антропной и соматической фразеологии английского языка. Том 11, №3

СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ГЕОЛИНГВИСТИКА

Ивушкина Т.А.

Пересечение языка и класса в литературе. Том 11, №3

Лингвистические новости в мире 2025 г. Том 11, №3